

Я – ТИМУР ВЛАСТИТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

Жизнь и деятельность Тимурленга, описанные им самим.

СОСТАВИТЕЛЬ:

Марсель Брион (Франция)

ЗАИМСТВОВАНО:

Забиуллахом Мансури

Все права на печатание книги приобретены и защищены библиотекой Мастоуфи.

Тегеран - Проспект Джумхури-йе Эслами

Надпись под иллюстрацией:

Плененный Баязид в цепях стоит перед Тимурленгом.

Хочу привести слова Его превосходительства, Президента Республики Узбекистан господина Каримова Ислама Абдуганиевича:

«Если кто-либо желает понять узбеков, ощутить силу, могущество, справедливость и неограниченные способности узбекского народа, его вклад в мировое развитие, его веру в будущее — пусть обратится к образу Амира Тимура».

Эти слова высечены в музее Амира Тимура, созданном в городе Ташкенте.

Считаю высокой честью для себя содействие переводу на русский язык этой исторической книги, описывающей боевые подвиги и великие деяния этого всемирно известного доблестного воина и правителя и испытываю чувство глубокой радости от того, что её прочитают будущие поколения Узбекистана.

Следует напомнить о том, что это ценное произведение было впервые составлено и издано на французском языке Марселем Брионом, считавшимся одним из выдающихся знатоков исторической науки. С глубоким почтением,
Абд-уль-Джалил Абд-ур-Рашид.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди звёзд, сияющих на бескрайних небесах истории, встречаются особенно яркие, свет которых находит своё отражение в виде золотых строк, содержащихся в отдельных особо ценных произведениях, созданных выдающимися историками. Между тем суд времени, дав должную оценку и определив истинность каждой из тех строк, передаёт их нам, путникам этого бесконечно шествующего каравана жизни.

Одним из наиболее ярких впечатляющих исторических деятелей по праву следует считать Его Величество Амира Тимура Гурагана.

Слово «Тимур» в словаре означает «железо» – и как можно убедиться, многие великие полководцы, прославившиеся своими неповторимыми победами и оставившие о себе неизгладимую память на страницах истории, носили имена, означавшие по смыслу «железо» или «сталь».

Тимур, сын Тарагая, был сыном одного из небогатых землевладельцев города Кеш, расположенного к юго-востоку от Самарканда и его с детства одолевали жажда к овладению духовными и светскими науками, не в меньшей степени его влекло к себе и поле битвы.

С непоколебимым мужеством и стойкостью Тимур вступал в свои многочисленные сражения, с беззаветной верой в Великого Творца и глубоким уважением к Знанию, он вел беседы и диспуты с учёными, богословами, литераторами и другими деятелями науки и искусства.

Доблестный воин, обладавший выдающимися качествами, как солдата так и командующего, он бился в сражениях до последнего, так и не позволив ни одному из своих врагов одержать над собой победу.

Тем не менее, в разгаре самых яростных сражений он всегда стремился к тому, чтобы дым, скорбь и беды, порождаемые войнами, обходили стороной учёных, мудрецов, литераторов и поэтов, искусных мастеров, которым он всегда и не колеблясь, был готов оказывать любую поддержку и помощь.

Всемогущий Господь наделил его множеством различных талантов, в числе которых были также и умение свободно фехтовать и писать обеими руками и способность в течение короткого времени

освоить и запомнить наизусть полное содержание Великой Священной Книги - Коран. Он хорошо знал и разбирался в тонкостях, содержащихся во многих богословских науках.

Примером его необычайных способностей может также служить его умение мгновенно запоминать и по памяти точно воспроизводить любое из впервые услышанных им произведений арабских и иранских поэтов, для чего ему достаточно было лишь один раз прослушать их содержание.

Его Величество Амир Тимур был убежден: для людей ученых опирающихся на науку, высшей ценностью является человеческая личность, тогда как для невежд самым главным богатством являются материальные блага. По этой причине, с юных лет он задумывался о том, как приумножить свои знания и состояние и потому большую часть своего досуга посвящал беседам и дискуссиям с учеными, знатоками шариата и деятелями духовенства.

Истории о битвах и сражениях, которые вел сей доблестный муж, переведены и описаны на многих языках, однако до сей поры никто не удостоился перевести настоящее произведение, обладающее ценной исторической значимостью, на имеющий широкое распространение русский язык, которым свободно владеют свыше шестисот миллионов человек.

Следующие обстоятельства побудили меня организовать перевод на русский язык исторической книги Его Величества Амира Тимура известной под названием «Я – Тимур, завоеватель Вселенной», написанной им собственноручно.

Моё имя – Абд-уль-Джалил, имя отца Абд-ур-Рашид, был он выходцем из Самарканда, где в своё время и родился в квартале Регистан. Мать моя – уроженка священного города Бухара.

Отец мой, ещё в юношеские годы был вынужден после большевистской революции покинуть край, где родился, ибо там он считался принадлежащим к сословию богатых людей. Общеизвестно, что людям состоятельным не было места в обществе, где правили коммунисты.

Мой отец часто говорил моей матери о том, что семь поколений его рода восходят к семейству самого Амира Тимура, в силу чего все его представители считали себя потомками Тимуридов.

Прочитав впервые книгу «Я - Тимур, завоеватель Вселенной», написанную собственной рукой этого великого человека, я пришёл в неопишное волнение, испытал великую радость от того, что в историческом прошлом моей Родины - Узбекистан, были такие выдающиеся личности, которым нет и не будет равных во всей мировой истории.

Поэтому я решил организовать перевод этой книги на русский язык, чтобы жители нашей Родины, грядущие поколения нашего любимого края ещё больше узнали о великом прошлом своих достославных предков и испытывали чувство гордости за них. Знали и гордились тем, какими они были, усваивали уроки свободолюбия, ощущали чувство неразрывного единства со своим народом.

Хочу привести слова Его Превосходительства, Президента Республики Узбекистан господина Каримова Ислама Абдуганиевича: *«Если кто-либо желает понять узбеков, ощутить силу, могущество, справедливость и неограниченные способности узбекского народа, его вклад в мировое развитие, его веру в будущее – пусть обратится к образу Амира Тимура»*. Эти слова высечены в музее Амира Тимура созданном в городе Ташкенте.

Считаю высокой честью для себя содействие переводу на русский язык этой исторической книги, описывающей боевые подвиги и великие деяния этого всемирно известного доблестного воина и правителя, и испытываю чувство глубокой радости от того, что её прочитают будущие поколения Узбекистана.

Следует напомнить и о том, что это ценное произведение было впервые составлено и издано на французском языке Марселем Брионом, считавшимся одним из выдающихся знатоков исторической науки.

С глубоким почтением,

Абд-уль-Джалил Абд-ур-Рашид

СОДЕРЖАНИЕ

№ Главы	Название главы	Стр.
	Предисловие переводчика	vii
1	Годы детства и обучение у шейха Шамсуддина	1
2	Начало юности и освоение воинских навыков	8
3	На службе у эмира Яхмака	16
4	Смерть эмира Яхмака и ссора с Арсланом	24
5	Как я взял город Бухару	32
6	Битва за Ташкент	48
7	Поход на родину Фирдоуси и битва за Нишапур	58
8	Мой второй поход на Хорасан и битва за Сабзевар	77
9	Поход на южный Хорасан	98
10	Забулистан	106
11	Битва за Исфаган	114
12	Война с монгольским правителем	132
13 и 14	Битва в стране кипчаков	163
15	Возвращение в Мавераннахр и нашествие саранчи	182
16	На берегах Абескунского моря	189
17	Как я взял Багдад	200
18	Переход через перевал Патак и вступление в Фарс	215
19	После падения Ширази	244
20	Поход на землю Лурестан	254
21	О том, кем был Эбдал Гульзайи и где он правил	274
22	Убийство Шейха Умара в Фарсе	301
23	Чума	331
24	Страна чудес или Хиндустан	339
25	Война в стране Шам и завоевание ее городов	409
26	Поход на Рум и война с Йилдиримом Баязидом	449
27	Что я свершил и что видел в Азербайджане	482
	Воспоминания епископа Султани о Тимурленге	499

Перевод книги посвящаю светлой памяти моего, умершего молодым, брата Хакима Эллахи Мансури, покинувшего этот мир в возрасте 21 года. Да помилует его Господь !

Забиулла Мансури

Седьмое издание

Предисловие переводчика

Марсель Брион, французский составитель этой книги не столь уже известен в Иране, и я двенадцать лет назад впервые перевел исторический очерк этого автора под названием «Салахиддин и Арнауд», перевод которого был опубликован в одной из ежедневно выходящих газет Тегерана и подобно множеству аналогичных переводов, он так и не вышел отдельной книгой.

Книга, предлагаемая под названием «Я - Тимур, Властитель Вселенной», была недавно составлена и написана Марселем Брионом и по праву считается одной из лучших книг, вышедших в Западной Европе за последнее время. Марсель Брион, до написания этой книги, изучил историческую литературу старых времен о Тимурленге, читал в оригинале все вышедшие на арабском языке источники, литературу же изданную на фарси,- изучал в виде переводов на английском, французском и немецком языках, после чего приступил к составлению и написанию этой книги.

Книга «Я, Тимур – Властитель Вселенной», написанная Марселем Брионом и переведенная мною, содержит перечень всех книг о Тимурленге, встреченных Марселем Брионом в библиотеках Европы и Америки, при этом, французский писатель указал в том перечне краткие биографические данные каждого из авторов этих книг и я до сегодняшнего дня не видел, чтобы какой-либо другой автор был так точен в своих ссылках на своих оппонентов (т.е. на тех, чьи утверждения противоречат его мнению).

Например одна из книг, которыми пользовался Марсель Брион – это «Зафар – наме», написанная Шарафуддином Али Йезди, и я могу сказать, что помимо профессоров истории, чья профессия обязывает их изучать историческую литературу, ни один из наших читателей не знает о том, в какую эпоху жил Шарафуддин Али Йезди и каким образом он написал книгу «Зафар-намэ». Тем временем, Марсель Брион доводит до сведения, что Шарафуддин Али Йезди был секретарем (писцом-мунши) Мирзы Ибрагима Султана, второго сына Шахруха и написал свою книгу в 1424-1425 от Рождества Христова и умер в Йезде, а книга «Зафар-намэ» была в 1653 году переведена на французский язык. Переводчиком этой книги был Пэти Лакруа, а в 1723 году книга «Зафар-намэ» вышла на английском языке в переводе г-на Дербая.

Авторы каждой из книг, использованных Марселем Брионом, написанных, как на фарси, арабском, турецком, так и ряде европейских языков, в той же мере кратко и познавательно, были представлены им читателю.

Однако книга, настоящим предлагаемая вниманию читателей, составителем которой является Марсель Брион, является собственно мемуарами Тимурленга, написанными его рукой. Единственный экземпляр этой книги на языке фарси находился в распоряжении Джафара-паши, правителя Йемена

(разумеется это было во времена, когда Йемен входил в состав Османской империи). После его смерти, упомянутый экземпляр оставался у его наследников до того времени, когда некий писец сделал с нее копию и увез ее в Индию.

Известно, что поскольку в старину книги писались от руки, вследствие чего они высоко ценились, люди хранили их как сокровища, и книги не были доступны каждому.

Книга о деяниях Тимурленга (на языке фарси) после того, как попала в Индию, через некоторое время, попав в руки одного из британских офицеров, оказалась в Англии, и мы не знаем, был ли это подлинный экземпляр или переписанная копия.

Во всяком случае, упомянутый офицер увез книгу в Англию, где она попала в руки некоего г-на Дэйви, который с помощью профессора Оксфордского университета Уайта, перевел ее на английский язык и текст того перевода был опубликован в 1783 году от Рождества Христова.

Автор настоящего перевода, не являясь историком, затрудняется сказать является ли единственным тот экземпляр книги на фарси, что принадлежал когда-то Джафару-паше, правителю Йемена, умершему в 1610 году. Если тот самый единственный экземпляр и существует, значит его до сих пор не печатали и не издавали, и теперь благодаря трудам Марселя Бриона эту книгу увидели наконец широкие массы читателей.

Марсель Брион владеет арабским языком, но не знает фарси, и потому знаком с персидскими источниками в их переводах на английский, французский и немецкий языки. И поскольку автор перевода владеет фарси, для того чтобы сделать эту книгу еще более полезной, мы добавили часть исторического материала, полученного из различных источников, составленных на языке фарси. Нашей целью было сделать книгу еще более интересной, в ней содержатся факты, взятые из источников на языке фарси, - факты, отсутствующие во французском тексте. Таким образом, данная книга помимо собственноручно написанного жизнеописания Тимурленга и исторических событий той эпохи, в изложении Марселя Бриона, содержит так же материалы, добавленные настоящим автором перевода, с целью сделать ее сюжет еще более ярким и интересным.

В ходе чтения этой книги, читателю трудно будет составить свое однозначное мнение о Тимурленге и сказать, каким он был, разве что признать, что тот обладал сильной волей и настойчивостью, поскольку именно эти две черты в большей степени чем все остальные выступают на первый план.

Даже если после прочтения этого жизнеописания мы не сумеем создать для себя четко однозначный образ Тимурленга, тем не менее, оно поможет нам

узнать вещи, обогащающие наш запас знаний. Даже для преподавателей и профессиональных историков эта книга будет небесполезной, всякому и в любом возрасте удастся извлечь пользу для себя, прочитав данную книгу.

К данной книге приложено также и жизнеописание Тимурленга, созданное епископом города Султания, и я хотел бы напомнить еще о следующем - эта книга первая, выпускаемая издательством Мастоуфи, находящемся на улице Шахабад города Тегерана, и я надеюсь что этому издательству и впредь будет удаваться выпуск других новых и таких же интересных сборников.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Годы детства и обучение у шейха Шамс-уд-дина

Отца моего звали Тарагай хотя и считался он одним из средних землевладельцев города Кеш, тем не менее среди его жителей он пользовался большим уважением.

До моего рождения отцу приснилось будто предстал пред ним некий мужчина, приятной внешности и подобный ангелу, и вручил он саблю отцу моему.

Отец мой, приняв клинок от того мужчины, помахал им вокруг и проснулся. В полдень следующего дня отец пошел в мечеть, чтобы совершить намаз, и как во все другие дни, оказав почтение шейху Зейд-уд-дину, являющемуся муллой нашей квартальной мечети, он приступил к намазу. По окончании намаза он приблизился к шейху Зейд-уд-дину и рассказал об увиденном им в прошлую ночь сне. Шейх спросил отца в какой части ночи приснился ему этот сон. Отец ответил, что ближе к утру. Шейх Зейд-уд-дин молвил: «Сон твой означает, что Бог дарует тебе сына, который мечом завоюет мир и распространит религию ислам на весь мир. А потому, не пренебрегай должным воспитанием такого сына, и, как он родится, заставляй его учиться читать и писать, обучи его Корану». На следующий год родился я, отец по тому случаю отправился к имаму мечети посоветоваться насчет того, каким именем назвать меня. Имам сказал, назови сына Тимуром, что означает «железо».

(Пояснение: Удивительно, что многие из завоевателей мира носят имена, означающие металлы. Так Аттила (корень «Атзель») тоже означает железо. Александр по изначальному корню своему означает «бронза». Так и Тимур, означающий «железо». Примером в нашем времени является имя «Сталин», одного из бывших советских руководителей. – Переводчик)

Отец говорил, что в тот день, когда он отправился к имаму советоваться о том, какое имя выбрать для меня, он застал его за чтением Корана, суры 67-й, когда тот как раз дошел до следующего аята: «Ужель ты не боишься, что Бог небес разверзнет землю под ногами твоими и содрогнется она?». Слово «содрогнется» по-арабски звучит как «тамру» и слово это близко по звучанию слову Тимур, и по этой причине шейх Зейд-уд-дин выбрал для меня это имя «Тимур». Первое, что запомнилось из поры детства: это слова матери говорившей отцу: «Этот ребенок левша, он все делает левой рукой». Однако, со временем выяснилось, что я не левша и не правша, а просто хорошо владею обеими руками. И когда пришла пора учиться, посещая своих учителей, я писал свободно обеими руками, а когда вырос так же мог свободно фехтовать

и стрелять обеими руками. И сегодня, когда мне уже за семьдесят, нет для меня разницы между моей правой и левой рукой. Когда меня отправили к учителю осваивать грамоту, я был еще настолько мал, что не мог растирать воск на специальной дощечке. В нашем городе как и в других городах Мавераннахра принято было давать учащемуся кусок воска и дощечку и учить его тому, как его растапливать и наносить тонким слоем на дощечку, чтобы затем каламом наносить письма. Польза от этого была в том, что экономилась бумага, а учащийся мог после выполнения упражнений по письму, соскрести воск с дощечки, расплавить его и вновь нанести на дощечку, чтобы снова писать. Этого-то я еще не мог делать, и мать моя подготавливала мою табличку для упражнений по письму. Первый мой учитель носил имя мулла Али-бек, его мактаб располагался в самой мечети нашего квартала. Занятия в мактабе обычно завершались к обеду, поскольку к тому времени правоверные собирались в мечети, чтобы сообща помолиться, а мы – дети, не умеющие вести себя тихо, мешали бы правоверным сосредоточиться и не отвлекаться. Как самый маленький, я не мог сам добираться домой после уроков, и не всегда за мной приходил кто-либо из нашего дома, в этих случаях одному из учеников постарше, живущих в одном со мной направлении, поручалось отвести меня домой. Он брал меня за руку, вёл по улицам, базару всегда полному в то время дня ослов, лошадей и верблюдов и доводил до дома. И сегодня, достигнув величия и став повелителем, я пожаловал титул своему бывшему соученику, который и до сих пор жив.

Мулла Али-бек, мой учитель, был стар и не имел зубов, и по этой причине не мог правильно произносить буквы алфавита и слова. И потому, я и другие учащиеся, обучаемые в этом мактабе неправильно усвоили некоторые буквы и слова.

Мулла Али-бек считал, что наилучшим средством обучения является палка, с помощью которой он и вдавливал буквы и слова в сознание учащихся, и в годы, когда я посещал этот мактаб, я был единственным учащимся не удостоившимся палочных ударов, ибо легко усваивал все звуки, что он для нас произносил и без затруднений выписывал буквы и затем слова, удивляясь отчего это другие учащиеся не усваивают буквы и слова с той же легкостью, что и я.

Однажды мулла Алибек сказал моему отцу: «Цени своего сына, поскольку помимо разума и хорошей памяти, он обладает способностью писать одинаково свободно обеими руками, а тот, кто обладает этими качествами будет править и Востоком и Западом, всем миром».

Остальные ученики мактаба воспринимали упражнения по письму как тягостную задачу и не стремились писать, пока их не заставляли. Мне это доставляло удовольствие, даже по окончании занятий, будучи уже дома, я продолжал делать упражнения по письму. В семилетнем возрасте я расстался

с мактабом муллы Али-бека и перешел в другой, где учителем был человек по имени шейх Шамсуддин, обучавший детей Корану, который давал детям учить наизусть некоторые из его стихов.

Обыкновенно занятия начинались с девяносто первой суры «Шамс» (Солнце), поскольку наименование этой суры было созвучно его собственному имени. Сура «Шамс» состоит из пятнадцати аятов, и я выучил их на первом же уроке шейха Шамсуддина.

Шейх, пригласив моего отца, сказал ему: «За всю свою жизнь я не встречал более способного учащегося, чем твой сын, ибо сегодня он поразил меня, вмиг усвоив суру «Шамс». Затем он предложил, чтобы я прочитал ту суру отцу, и я прочитал ее. Отец воздел обе руки к небу и сказал: «О Аллах, обереги моего сына от болезней детства, подобных чуме и кори, сохрани его живым». Затем вынул из кармана маленькую монетку, вложил ее в ладонь шейху Шамсуддину и сказал: «Это тебе подарок за то, что ты обучил моего сына первой суре Корана». Спустя неделю после того, как я начал посещать школу шейха Шамсуддина, он задал детям вопрос: «Как (т. е. в какой позе) лучше сидеть?» Каждый из ребят дал ответ по-своему, я же ответил, что лучше всего сидеть опустившись на колени. Шейх Шамсуддин спросил, почему я так считаю? Я ответил, что предаваясь намазу (молитве), поклоняясь Аллаху, люди делают это опустившись на колени, поэтому сидеть опустившись на колени лучше всех других способов сидения. Шейх Шамсуддин трижды громко изрек: «Прекрасно... Прекрасно... Прекрасно...».

Рекомендовав мне заучить наизусть суру «Шамс» из Корана, обратив внимание на то, с какой легкостью я справился с тем заданием, шейх Шамсуддин стал давать мне другие суры. Чтобы я не утомлялся, он обучал меня коротким сурам, ниспосланным пророку Мухаммеду еще в Мекке до его исхода в Медину. Всякий раз, как шейх Шамсуддин зачитывал новую суру, я мгновенно запоминал и усваивал ее да ещё и так, что ему уже не приходилось зачитывать ее для меня во второй раз.

Моя приверженность к занятиям настолько радовала учителя, что однажды он решил обучить меня двадцать шестой суре Корана «Йа-Син», ниспосланной пророку в Мекке и состоящей из восьмидесяти трех аятов. Разъяснив мне все это он сказал: «Тимур, я выразительно и чётко прочитал эту суру с той целью, чтобы ты ее получше запомнил, после этого, ты постарайся как можно точнее воспроизвести прочитанное мною, в случае если возникнут затруднения, я помогу». Затем он начал зачитывать суру. Произнеся первую строку: «Йа-Син ва аль-Коран аль-Хакими», он спросил, знаю ли я, что означает слово «Йа-Син». Я ответил, знаю, что на арабском «Йа» означает один из звуков, используемых при обращении к кому-либо, и когда хотят позвать кого-либо, говорят «Йа-Зейд», однако я не знаю, что в данном случае должно означать «Син». Шейх Шамсуддин сказал, что «Син» означает «человек», но не всякий, а особый. Я сказал, что до того дня не слышал, чтобы «Син», как одна из букв

арабского алфавита, носила еще и смысловое значение «человек». Учитель сказал: «Теоретически ты прав и буква «Син» не носит смыслового значения «человек», однако является первой буквой слова «Сирра», что на арабском означает «Мята» (цветок «Рейхан»), и Аллах настолько любил пророка Мухаммеда, что в этой суре он, обращаясь к нему, называет его цветком «Рейхан». К тому времени я еще не настолько был силен в арабском языке, чтобы учитель мог подробно толковать для меня тонкости каждого слова суры «Йа-Син», однако он доводил до меня смысл и содержание аятов.

После того, как шейх Шамсуддин один раз прочитал для меня суру «Йа-Син», я взял свой экземпляр Корана и начал медленно читать эту суру, прочитал несколько раз и запомнил её наизусть.

В тот период моей жизни день мой складывался следующим образом: утром после завтрака я отправлялся в школу и находился там до обеда. В полдень шейх Шамсуддин становился в полуденный намаз и мы, как учащиеся медресе становились позади него, совершив полуденный намаз, мы не оставались в медресе, а отправлялись в степь.

Отец мой, Тарагай говорил, что поскольку мы происходим из рода, представители которого славились своей воинской доблестью и свершениями, потому мне следует с детства овладевать навыками воинского искусства. В окрестностях Кеша располагались обширные пастбища на которых паслись табуны лошадей и мулов. Среди них пасся и наш, небольшой по размеру табун.

Итак, после занятий я отправлялся на эти пастбища, чтобы освоить искусство верховой езды. Вначале, когда я был еще ребенком, при мне всегда находился один из взрослых, обучавший меня азам верховой езды на этих полудиких необъезженных лошадях. Он предостерегал меня от того, чтобы я никогда не приближался к лошади сзади, чтобы меня не лягнули, а так же и спереди, чтобы не оказаться укушенным. Вместо этого, следует приближаться к необъезженной лошади справа или слева и ухватиться соответственно правой или левой рукой за ее холку. Лошадь, почувствовав что ее ухватили, начнет брыкаться, стремясь тут же понестись вскачь, постарается сбросить седока наземь, затем, убедившись в бесплодности своих попыток – покорится, признает себя укрощенной и успокоится.

Всякий раз, желая поездить на такой полудикой табунной лошади, я сталкивался с упорным сопротивлением животного, преодолев которое я вскакивал на него, после чего животное резво пускалось вскачь, через какое-то расстояние оно останавливалось, начинало брыкаться, подниматься на дыбы пытаясь сбросить меня наземь. В конце концов я преодолевал упрямство животного и оно умиралось.

На пастбище я занимался не только верховой ездой, но и учился стрелять из лука. Вначале меня обучали стрелять по неподвижной мишени, затем овладев

с помощью наставника определенными навыками, я садился на лошадь, чтобы тренироваться в стрельбе из лука на полном скаку. Я уже надеялся поражать на полном скаку любую цель, независимо от ее расположения, находящуюся как спереди, так и сзади, как справа, так и слева. Однако, я был еще очень юн, мышцы мои еще не окрепли, поэтому стрелы не обладали достаточной скоростью и дальностью полета. По этому поводу мой наставник говаривал: «Ты еще ребенок, подрастешь – наберешься сил, будешь обладать достаточной мощностью и твои мышцы станут крепкими, вот тогда и сможешь посылать свои стрелы с достаточной силой и далеко».

В тот день, как обычно, после полудня я отправился на пастбище и до заката упражнялся в верховой езде, стрельбе из лука, метании копья. На закате вернулся домой и после вечернего намаза и ужина, лег спать.

На следующее утро, в медресе учитель спросил, смогу ли я процитировать суру «Йа-Син». Суру я помнил и в тот же момент изложил ее от начала и до конца для шейха Шамсуддина, и опять он громко трижды изрек: «Прекрасно! Прекрасно! Прекрасно!»

Мои успехи в учебе были таковы, что через три года обучения у шейха Шамсуддина я знал весь Коран наизусть. Однажды учитель устроил торжественный прием в медресе с приглашением ученых мужей города, также пригласил он и моего отца. Когда все собрались, он попросил присутствующих проверить действительно ли я знаю весь Коран наизусть. Трое из присутствующих ученых мужей назвали различные суры Корана и велели мне процитировать их, и я громким голосом прочитал эти аяты, все притихли в восхищении и стали хвалить меня за мои способности. На этом же собрании мне дали звание хафиза (чтеца, читающего Коран наизусть). По окончании приема, когда гости разошлись, шейх Шамсуддин сказал моему отцу: «Я обучил твоего сына всему, что знал сам, больше мне нечего передать ему. Тебе необходимо выбрать своему сыну другого учителя, который обучил бы его человеческому и божьему знанию и помог ему познать все таинства мира».

Отец, в честь окончания мною медресе шейха Шамсуддина, подарил ему одного коня и мула, и через несколько дней я был переведен в медресе Абдуллы Кутба. Абдулла Кутб был человеком чрезвычайно просвещенным и весьма воздержанным, у него обучались дети городской знати. Должен также сказать, что к тому времени я быстро рос, становясь внешне всё более пригожим и в четырнадцатилетнем возрасте меня считали одним из самых красивых юношей Мавераннахра.

Среди учащихся медресе Абдуллы Кутба был некий юноша по имени «Йулаш», считался он выходцем из восточных тюрков Мавераннахра. Тюрки, проживавшие в восточных районах Мавераннахра, часть которых поселились и в нашем городе, считались не совсем такими, как другие обычные люди, и

после того, как Йулаш поступил в наше медресе, это впечатление у меня усилилось. Всякий раз по окончании занятий, при выходе из медресе этот юноша приближался ко мне и говорил вещи, которые я стыжусь приводить здесь.

Я знал, что согласно Яссе, своду священных законоположений, установленных моим славным предком Чингиз-ханом, наказанием тому, кто прибегнет к деянию, о котором говорил Йулаш, является смертная казнь через отсечение головы.

(Пояснение: Тимурленг не был по своему происхождению из рода Чингиз-хана и представляет себя выходцем из этого рода для вящей славы. Яссы являются законоположениями, установленными Чингиз-ханом и составляющие законодательную основу в государствах, где правили потомки его династии. Переводчик)

Я несколько раз говорил Йулашу, чтобы он перестал говорить мне о таких вещах и напоминал, что за них полагается смерть. Однако, Йулаш вёл себя настолько дерзко, что некоторые из учащихся нашего медресе прознали о его домогательствах и при встречах бросали на меня взгляды, полные оскорбительного для меня смысла. Однажды после занятий Йулаш отделился от других и вновь приблизился ко мне. Он знал, что я собираюсь отправиться в степь чтобы упражняться в верховой езде, стрельбе из лука и метании копья, а поскольку я уже к тому времени подросток, начал осваивать ещё и фехтование. На краю пастбища, где паслось наше стадо, находился сарай, где я держал свои принадлежности. Зайдя туда я взял лук, пристегнул к поясу колчан и намерен был идти в сторону пастбища, чтобы оседлав одну из лошадей поупражняться в стрельбе на скаку, включая так же и освоение приёма, известного под названием «кейкач» («кейкач» – означает стрельбу на полном скаку с поворотом корпуса назад и посылкой стрел в том же направлении . Переводчик).

Йулаш подошел ко мне и спросил: «Тимур, почему ты не обращаешь на меня никакого внимания, разве не видишь, какой интерес я проявляю к тебе, которого я выбрал среди всех учащихся медресе, и ты должен радоваться тому, ибо я ханский сын...» Я не дал ему закончить, вытащив стрелу из колчана и натянув лук, я спустил тетиву и стрела вошла ему в грудь. Он опрокинулся и через несколько секунд был мертв. Йулаш был первый, кого я убил своей рукой. Некоторое время я простоял возле бездыханного трупа того юноши, разглядывая его и не испытывая при этом ни ужаса, ни сожаления. Я считал, что я был вправе убить этого юношу и ему не следовало говорить мне такие вещи, дабы не быть убитым.

Просидев несколько мгновений над трупом Йулаша, я подумал, что надо бы поставить в известность о происшедшем отца. Я сказал ему об этом и его это сильно встревожило, он сказал, что это плохо, так как отец Йулаша потребует

крови в отместку за смерть сына. Я сказал : «Разве ты бы смирился, чтобы юноша из восточных тюрок говорил такие вещи твоему сыну, а твой сын стерпел их?».

Отец ответил: «Конечно нет, но если бы ты ранее поставил меня об этом в известность, я бы известил его отца и попросил бы его наказать своего сына, а сейчас нет другого выхода, как быть готовым к мести со стороны отца Йулаша».

Я сказал: «Отец, другие учащиеся медресе знают, что у Йулаша были дикие замашки, по этой причине они не раз и в оскорбительной для меня форме давали понять мне, мол почему я не накажу должным образом того неотесанного юношу».

Отец сказал: « Что же, в таком случае, если они засвидетельствуют то, что Йулаш действительно был виновной стороной, отец его не будет вправе мстить нам».

Наш наставник Абдулла Кутб был первым, кто начал разбираться в причинах смерти Йулаша. Он пригласил меня в уединенное помещение и начал расспрашивать о подробностях происшедшего. Я изложил ему всё как и было на самом деле, и сказал, что тот тюркский юноша питал гнусные намерения в отношении меня, высказывал пожелания, в ответ на которые его убил бы любой другой , оказавшийся на моем месте.

Наставник спросил: «Знал ли кто-либо еще о грязных намерениях Йулаша?» Я назвал нескольких учащихся, которые могли подтвердить то, что Йулаш на самом деле питал в отношении меня гнусные намерения. Наш наставник дал свою фетву (решение) о том, что в деле убийства Йулаша моей вины нет и этот юноша в соответствии с Яссами Чингиз-хана подлежал наказанию в виде смертной казни. После нашего наставника этим делом занимался городской судья, который опросив свидетелей пришел к точно такому же решению, признав Йулаша достойным того же наказания (т. е. смерти), и сказал отцу Йулаша, что вследствие таких причин тот не вправе требовать мести за смерть своего сына. Отец Йулаша был вынужден отказаться от намерения мстить, однако, все то время пока был жив, глядел на меня с нескрываемой враждебностью и я знал, что он постоянно выжидает в надежде, что подвернётся возможность убить меня. Однако, такая возможность ему так и не представилась, с каждым днем я становился всё сильнее и прекраснее и ощущал, что есть во мне свойства, которыми не обладают другие.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Начало юности и освоение воинских навыков

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, никто из моих сверстников не мог одолеть меня в состязаниях по борьбе и стрельбе из лука. Бывало выпускал я стрелу прямо вверх, да так, что исчезала она из виду и лишь спустя очень долгое время возвращалась назад. В отличие от многих борцов, тяжеловесных по своему сложению, я был очень проворным и одним из моих развлечений было - поставив трех лошадей в ряд, пустить их вскачь и на полном скаку пересаживаться с одной лошади на другую, в конце оказываться на первоначальной. Лошади наши, пока находились в табунах, не нуждались в том, чтобы их подковывали, и только тогда, когда их перемещали в город чтобы использовать для верховой езды или перевозки грузов, их необходимо было подковывать. Я же при этом подковывал лошадей без посторонней помощи, то есть одной рукой удерживал лошадь за копыто, а другой прикладывал подкову к копыту и вколачивал гвоздь. И если вы спросите у опытных наездников, они объяснят вам, что дело это трудное и не всякий сумеет с ним справиться.

Еще одним развлечением было соскакивать с седла на полном скаку и оказываться то справа, то слева от животного, позже этот навык помог мне спастись от вражеских стрел, зачастую лошади мои при этом гибли, я же оставался цел и невредим. Я не только овладел мастерством верховой езды, но и научился мастерски плавать. Река Джейхун (Аму Дарья) протекает по Мавераннахру и направляется на север, весной она вздувается, бурлит, приходит в волнение, переплывать ее становится трудно и опасно. Однако я переплывал ее и в такие периоды, достигая противоположенного берега, это удавалось мне благодаря главным образом тому, что войдя в воду, я поддавался бурлящему потоку, позволяя ему уносить меня вниз по течению, сам же тем временем старался всё больше и больше приблизиться к противоположному берегу, и так до тех пор, пока не достигал суши.

Если бы я захотел пересечь реку по прямой, обязательно утонул бы, но поскольку плыл я умело и с умом, то достигал берега без какой-либо опасности для себя.

Еще одним моим умением было бросать аркан, и я таким образом мог отлавливать полудиких лошадей на выгоне. Когда на выгоне хотят поймать полудикую лошадь, то весь табун приходит в движение и обращается в бегство, и становится трудно преследовать именно ту лошадь, которую ты наметил заарканить. Иногда на то, чтобы заарканить нужную лошадь, у многих уходил весь день. Мне же удавалось сделать это за считанные минуты. Действовал я следующим образом: я никогда не устремлялся прямо к той лошади, которую желал поймать, чтобы она не разгадала моих намерений.

Напротив, я делал вид, что меня интересует некая другая лошадь, затем быстро набрасывал аркан именно на ту, которую изначально желал поймать, крепко зажимал ее шею, надевал узду и вел в город.

К полным шестнадцати годам я уже занимался освоением всех наук, кроме астрономии и медицины, не знаю по какой причине, я с детства испытывал равнодушие к этим двум наукам и сегодня, когда мне уже за семьдесят, я так и не приступал к их изучению.

Когда мне исполнилось полных шестнадцать лет, отец повел меня на могилу моих предков и показал мечеть построенную им рядом с кладбищем и сказал: «Эй Тимур, мы происходим из рода Джагатаев и восходит этот род к самому Иафету, одному из сыновей пророка Ноя. Первого из наших предков, ставшего мусульманином, звали Караш-нойон, и был он зятем Джагатай-хана потом называли его «Гураган» – то есть «зять». Это имя так и осталось за нашим родом, меня прозывают Гураганом и тебя будут называть так же. Все наши предки, что покоятся здесь были приверженцами ислама, подобно им, ты тоже должен быть правоверным мусульманином и, знай, что нет в мире религии лучшей, чем ислам пророка Мухамеда (да благословит его Аллах!).

В некоторых религиях много места отведено мирским вопросам и недостаточно – делам загробного мира. В других же наоборот, - чрезмерное внимание уделено загробной жизни в ущерб земной. Однако, в исламе пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах!) внимание в равной мере отводится как земным делам, так и вопросам потустороннего мира. Я желаю, чтобы ты никогда не отходил от веры пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах!), постоянно почитал исламских улемов (т.е. учёных-богословов). Не забывай чаще общаться с учеными беседовать с ними о религии и, если тебе удастся, строй мечети и медресе, передавай в их распоряжение часть своего имущества на богоугодные дела.

Мир, что ты лицезреешь,- это золотая чаша, которая полна змей и скорпионов. Из этой чаши нечего ожидать что-либо кроме ядовитых укусов змей и жала скорпионов, и хвала тем, кто умирая знает, что он оставляет после себя добродетельные и праведные дела!». В тот день я твёрдо обещал отцу никогда не отходить от веры пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах!), и постоянно чтить улемов и богословов, по возможности строить мечети и медресе, передавать им на богоугодные дела часть своего состояния.

Затем отец сказал: «Эй Тимур, хотя тебе сегодня не более 16 лет, тем не менее ты выглядишь двадцатилетним мужчиной, ты так вырос, что уже на целую голову выше меня и грудь у тебя широкая и мышцы могучие. Поэтому настало время женить тебя, чтобы ты стал продолжателем нашего рода.» Я ответил: «Отец, я не хочу жениться.»

Отец сказал: «Как может быть такое, чтобы здоровый и крепкий юноша вроде тебя не хотел жениться?» Я ответил: « Я настолько жажду овладеть науками,

искусством верховой езды, сабельной рубки, метания копья, стрельбы из лука, что ни на что другое, включая женитьбу, у меня не остаётся желания.»

Отец ответил: «Освоение наук, искусства верховой езды, сабельной рубки, метания копья, стрельбы из лука – необходимо, так же, как необходима и женитьба, и оба этих дела не противоречат друг другу. Мужчина должен жениться молодым, чтобы потомство рождалось от молодого и крепкого родителя.»

Я попросил отца подождать с моей женитьбой год или два, с тем чтобы я мог набраться достаточно опыта в интересующих меня науках, особенно умении фехтовать и метать копье, так как считал, что после женитьбы мужчина физически слабеет. Однако позже в ходе моих бесед с христианским епископом Султании я понял, что ошибался, что женитьба не уменьшает физическую мощь мужчины.

Пояснение: Христианский епископ Султании, который тесно общался с Тимурленгом, оставил после себя интересные мемуары о Тимурленге, которые будут предложены вниманию читателя в рамках этой же книги, по прочтении им настоящих воспоминаний. Эти мемуары были обнаружены Марселем Брином в Национальной библиотеке Франции и опубликованы в рамках настоящего сборника. Отметим так же и тот факт, что мемуары христианского епископа Султании, как и мемуары самого Тимурленга публикуются на языке фарси впервые – Переводчик)

Одним из значимых событий моей жизни по достижении шестнадцатилетнего возраста, была поездка в Самарканд и встреча с Амиром Куллалом. Вопреки звучанию своего имени, Амир Куллал не был правителем-эмиром, а был просветителем и мудрецом, его считали пиром, (духовным главой) и его постоянно окружала группа из мюридов (т.е. последователей).

Перед моей поездкой в Самарканд, Абдулла Кутб написал и вручил мне письмо и сказал, чтобы будучи в Самарканде, я обязательно показал это письмо Амиру Куллалу и что тот меня обязательно хорошо примет. Приехав в Самарканд, вначале я посетил баню, чтобы смыть с тела дорожную пыль, затем отправился к Амиру Куллалу и передал ему письмо от Абдуллы Кутба. В тот день, когда я впервые увидел Амира Куллала, он выглядел стариком примерно восьмидесяти лет, с большой белой бородой, и с неожиданно сияющими и добрыми глазами. Прочитав письмо, он внимательно стал разглядывать меня, скромно занявшего место среди гостей расположившихся у самого порога комнаты, затем сказал: «О юноша, встань и сядь рядом, дабы я мог лучше рассмотреть тебя.»

Я поднялся и сел рядом с пиром, и Амир Куллал сказал: «Эй Тимур. Я слышал о твоём отце, однако не встречал его, и Абдулла Кутб пишет, что ты

знаешь Коран наизусть, так же хорошо, как и стихи большинства арабских и персидских поэтов.»

Я ответил: «Да достопочтимый пир. Следование пути истинной веры и Аллах великий и всемогущий наделили меня сильной памятью, и мне достаточно лишь раз прочитать тот или иной стих, чтобы запомнить его наизусть.»

Тогда Амир Куллал спросил меня: «Знаешь ли ты какой-либо из стихов поэта Аъши?»

(Пояснение: Аъши – один из выдающихся арабских поэтов, получивший известность особенно благодаря Манучехру, поэту, писавшему на персидском языке, который переложил часть произведений Аъши в стихотворной форме на язык фарси, построчно передающий смысл текста на арабском – Переводчик.)

Я ответил, что не знаю какого-либо из стихов Аъши, так как не читал их. Пир спросил, почему я их не читал. Я ответил: «Поэзия Аъши – это газели и «ташбиб», т.е. лирические стихи о красоте и молодости, а я испытываю отвращение к газелям и лирике (любовной поэзии)».

(Пояснение: Слово «ташбиб» имеет в арабском языке корень «шабб», означающий «молодость», с помощью этого слова поэты, как правило, передают такие понятия, как «юность» и «красота» – Переводчик.)

Амир Куллал сказал: «Ты же достаточно учёный юноша и поэтому не должен испытывать отвращение к газелям и ташбибу, поскольку, газели и ташбиб – это всего лишь средство, и поэты применяют его стремясь передать, описать смысл мистических знаний и тайн. При этом такие слова, как глаза, брови, родинка, вино и так далее - на деле выполняют роль терминов, передающих тайные знания мистиков-арефов, с тем, чтобы их понимали лишь посвященные, в то время как для непосвящённых их смысл должен остаться непостижимым.»

Затем Амир Куллал прочитал один из стихов Аъши, закончив он сказал: «Ты, запоминающий наизусть любой стих на фарси и арабском, повтори-ка эту, только что прочитанную мною газель.»

То, что прочитал Амир Куллал состояло из десяти бейтов стихов Аъши, которые я тут же в точности повторил. Один из присутствующих сказал: «Представляется мне, что этот юноша мог ранее слышать данное стихотворение, поскольку поэзия Аъши достаточно популярна и все, кто знает арабский язык, так или иначе слышали его. Однако, есть у меня стихотворение на арабском языке, которое я еще никому не читал, и никто не знает, что эти стихи сложены мною и, если этот юноша сумеет воспроизвести

наизусть эти стихи после их одноразового звучания, тогда я действительно поверю, что он обладает исключительной памятью.»

Затем мужчина стал читать свои стихи, состоявшие из семи бейтов и завершив, сказал: «О юноша, теперь ты прочитай их.»

Я начал читать его стихи и в точности воспроизвёл те семь стихотворных бейтов, завершив декламацию седьмого бейта, я увидел, что в помещении воцарилась тишина. Амир Куллал возложив свою руку на мою голову, вглядываясь в мое лицо, сказал: «Вижу, чело этого юноши излучает огромное сияние, и он достигнет высот, прежде недоступных ни одному из смертных, к тому времени меня не будет среди живых, чтобы видеть величие этого юноши, однако вы, присутствующие здесь, будучи среди живых, увидите и услышите как имя Тимур, имя этого юноши, обретет мировую славу.»

После этих слов Амир Куллал позвал своего слугу и велел ему принести сладких пряников, называемых «кулюче». Слуга вернулся с полным подносом сладких пряников-кулюче. Амир Куллал взял семь пряников-кулюче и подал их мне со словами: «Как только возвратишься в Кеш, отъешь по кусочку от каждого из этих семи пряников-кулюче, остальное сохрани, и я настоящим предсказываю, что все семь краёв Вселенной станут покорно исполнять твои повеления.»

Было это в 752 году от хиджры пророка, когда Амир Куллал изрек своё предсказание, и тогда я не думал, что его предсказание может сбыться. Тем не менее, возвратившись в Кеш, я услышал от отца, что Амир Куллал – это выдающийся человек, обладающий величием, и потому, сказал мне отец: «Исполни в точности все, что он повелел, откуси от каждого из тех семи кулюче по кусочку, а остальное сохрани.»

Я поступил, как было велено, откусил от каждого из пряников и сохранил их оставшиеся части, и сегодня я понимаю, что этот престарелый мудрец-мистик, понимал и предвидел вещи, которые я в то время не мог постичь и все, что предсказал Амир Куллал сбылось и семь краёв Вселенной действительно стали покорными мне.

Отец пригласил мастера фехтования по имени Самар Тархан с тем, чтобы тот обучил меня высшему мастерству владения клинком. Я к тому времени владел саблей, но не в той степени, в какой следовало бы. В первый же день занятий Самар Тархан принес с собой длинный кусок веревки, привязав ею мою правую руку к моему туловищу, он сказал: «Тимур, итак, ты человек, у которого всего одна рука, да и та лишь левая.» Далее он пояснил, что на поле сражения или во время поединка один на один, противник, как правило, стремится вывести из строя именно правую руку противника, удерживающую оружие. Достаточно попадания стрелы или удара копьем, чтобы вывести из строя правую руку, и человек, привыкший рубиться только с помощью правой

руки, в случае ее ранения мало чем отличается от мертвеца. Но тот, кто умеет рубиться, пуская в ход так же и левую руку, стоит двух рубак. Надо сказать, что и до этого я писал, стрелял из лука и фехтовал, пользуясь так же и левой рукой, однако Самар Тархан усовершенствовал этот навык во мне и довел его до такой высокой степени, что мастерское владение левой рукой в дальнейшем не раз спасало меня от верной гибели на поле битвы.

К тому времени, когда я стал правителем, Самар Тархан был уже совсем стар, зубы его выпали и он не мог есть мясо, хлеб, огурцы, жевать зерна граната, но я не забыл его прошлых заслуг, установил ему достаточное содержание с тем, чтобы он мог до конца жить безбедно. Кроме того, придя к власти, я не позабыл никого из своих прежних учителей и друзей, всех их я наделил должностями или назначил содержание, и вопреки написанному в Коране «Око за око, зуб за зуб», - я не мстил никому из моих недругов периода моей юности, поскольку, став повелителем, царствуя как на Востоке, так и на Западе, недруги моей юной поры, казавшиеся тогда значительными лицами, стали выглядеть настолько мелкими, что было бы недостойно подвергнуть своему гневу те ничтожные и мелкие существа. Человек, пока он мал и бессилен, видит своих врагов могущественными, но как только он сам становится великим и могущественным, старые недруги видятся ему настолько мелкими и ничтожными, что ему становится просто стыдно мстить им.

В течение года, во время ежедневных упражнений по фехтованию Самар Тархан всё так же связывал мою правую руку, таким образом я научился фехтовать левой рукой настолько легко и свободно, что работа правой рукой стала неумелой и неловкой. Однако такое имело место недолго, и вскоре я одинаково свободно фехтовал обоими руками. Когда впоследствии я пошел с войной на Баязида Йилдирима, османского властителя, мне уже было шестьдесят лет. Тогда наши с ним войска сошлись в битве под Ангорой (ныне Анкара – столица Турции), я отправил послание Баязиду Йилдириму с предложением сразиться один на один, войско павшего в том поединке будет считаться побежденным. В тот момент я был уверен, что сумею убить Баязида Йилдирима, так как он мог фехтовать только правой рукой, тогда как я мог делать это обеими, я взял бы в каждую руку по сабле, отвлекая одной из них его единственный клинок, так как второго клинка у него не будет, я бы поразил его другой саблей. Однако он так и не осмелился принять мой вызов.

Хоть и был я молод и, следуя порыву молодости, много времени отдавал скачкам, метанию копья, фехтованию и борьбе, тем не менее не пренебрегал я и изучением наук. К тому времени прочитал две книги, обе написанные на языке фарси, одна из них, «Маснави», написанная Джалалиддином Руми, вторая же называлась «Цветник тайн», написанная шейхом Махмудом Шабестари. Обе книги написаны в стихотворной форме и я испытал отвращение, прочитав «Маснави», тогда как книга «Цветник тайн» вызвала у меня приятные ощущения. Причиной моего отвращения к «Маснави» было то,

что ее автор, Джалалиддин Руми, проповедывал свободу вероисповедания и говорил, что никакая религия не имеет преимущества перед другими, тогда, как я считал и считаю, что ислам превосходит все остальные религии и это мое убеждение не является фанатическим, а основано на вполне определенных доводах. Мои доводы заключаются в самой исламской религии, ибо если сравнить их с заповедями религий Моисея и Иисуса, станет ясно, что ислам превосходит другие религии. В религии Моисея говорится только о бренном мире, о потустороннем же – ни слова, можно подумать, что жизни после смерти вообще нет. В христианских же заповедях говорится лишь о загробном мире, все учение Иисуса посвящено ему, мирским делам не уделено и малейшего внимания, так как если бы этот бренный мир вообще не существовал для Иисуса. Тогда, как в заповедях и учении пророка ислама пристальное внимание отведено как бренному, так и потустороннему миру и мусульманам рекомендуется думать как об этом, так и о том мире. Мне приятно было прочитать книгу шейха Махмуда Шабестари «Цветник тайн», хотя автор и был шиитом – последователем семи имамов, его стихи о Боге, земной и загробной жизни произвели на меня сильное впечатление.

(Пояснение: под названием шиитов – последователей семи имамов здесь имеются ввиду исмаилиты, которые считают, что после имама Джа'фара Садека, мир Аллаха ему, должен был стать имамом его сын, Исмаил, и не признают в качестве такового Муса Казема, мир Аллаха ему, который для нас, приверженцев двенадцати имамов, является седьмым из них.

Однако вызывает сомнение, чтобы шейх Махмуд Шабестари, автор «Цветника тайн», был исмаилитом, так как, насколько мне известно, исмаилиты причисляли к своим всякого, кто придерживался мистических или суфийских воззрений. В связи с чем они утверждают, что Санаи, Шейх Аттар, Шаме Тебризи, Джалалиддин Руми, Азиз Насафи - знаменитые мистики, включая так же и самого шейха Махмуда Шабестари, автора «Цветника тайн» – все они, якобы, были исмаилитами, тогда как мы знаем, что это не так и Тимурленг, который также считал шейха Махмуда Шабестари исмаилитом, волей-неволей оказался под воздействием исмаилитских домыслов. Конечно, переводчик не имеет целью доказывать – плохой или хорошей является религия исмаилитов, ибо я - не судья, а всего лишь переводчик, просто считаю нужным подчеркнуть некоторые детали во избежание искажения, неясности и двусмысленности при переводе. – Переводчик.)

Я был настолько тронут содержанием «Цветника тайн», что позже, когда мне довелось залить кровью и огнем Азербайджан, я воздержался от массовой казни жителей Шабестара, так как автор «Цветника тайн» был уроженцем этого города. В день, когда я достиг Шабестара и услышав о том, что его жители разбежались в страхе за свою жизнь, я направил во все стороны глашатаев-джарчи, возвестивших, чтобы жители Шабестара спокойно

возвращались в родные места, и, что я обещаю – их жизнь, имущество и честь будут в безопасности.

Люди ведь знали, что правитель восточных и западных пределов Вселенной не будет давать ложных обещаний, и поэтому спокойно вернулись в свои дома. Я приказал пересчитать жителей Шабестара и определить, сколько среди них мужчин и женщин возрастом старше 15 лет. После подсчета выяснилось, что в Шабестаре проживает 3891 мужчин и женщин, возрастом выше 15 лет и я дал указание вручить каждому и каждой из них по пять мискалей золота и таким образом, им было роздано восемнадцать тысяч пятьсот пять мискалей золота.

Мои приближенные не знали, почему я раздал золото жителям Шабестара и я не раскрыл перед ними причины, побудившей меня к тому, поскольку простые люди не в состоянии понять желаний и поступков людей сведущих.

Сами жители Шабестара так же не поняли, ради чего это они удостоились такого милосердия с моей стороны, и я тоже лишь здесь, впервые раскрываю причины проявленного мною милосердия – чтение «Цветника тайн» сильно озарило мой разум, разрешило для меня многие запутанные вопросы мудрости.

Когда мне исполнилось восемнадцать, отец возложил на меня все свои дела, избрав уединение и покой, чтобы провести оставшиеся дни своей жизни в молитвах и богослужении.

Как я уже упоминал, отец был из мелких помещиков города Кеш и мы не были столь уж богаты, поэтому я решил увеличить состояние отца, поскольку усвоил наставление мудрого Саади, персидского поэта, гласившее о том, что человек, пока жив, должен стремиться к приумножению своего имущества и знаний, для того, чтобы невежи высказывали почёт и уважение человеку за его богатства, а обладающие знанием – за его ум и умение.

Однако для увеличения отцовского состояния мне надо было найти себе какое-нибудь занятие, поэтому я решил поступить на службу к одному из правителей Мавераннахра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На Службе у эмира Яхмака

В те времена Самаркандом правил эмир по имени Яхмак, к тому времени ему исполнилось уже семьдесят лет, оба его юных сына были убиты и не было у него других наследников, кроме единственного сына его брата и он боялся быть убитым от руки этого своего племянника.

Эмир Яхмак знал моего отца, поэтому я отправил ему письмо, в котором говорилось, что если он пожелает, я готов служить ему. Эмир Яхмак согласился принять меня, увидев меня он поразился, сказав, что не знал, что у Тарагая есть такой статный и могучий сын. Затем он спросил меня: «Тимур, а что ты умеешь делать?»

Я ответил: «Я одинаково свободно владею как пером, так и клинком, и поэтому могу вести как твой диван (совет), так и твое войско.» Некоторое время он разглядывал меня и затем сказал: «Ты еще молод, чтобы вести диван, но я могу поручить тебе управлять моим войском.» Так я начал работу в Самарканде, возглавив войско эмира Яхмака и было мне тогда всего девятнадцать лет. Командующим воинов эмира Яхмака был Кулар Камал, был он очень толст, на мой взгляд, ему было около пятидесяти лет. Услышав, что эмир Яхмак назначил меня управлять войском, он оглядел меня и затем, засмеявшись, обратился к своим солдатам со словами: «Эмир Яхмак прислал нам кудрявого мальчика, чтобы мы потешились с ним.»

Я обнажил саблю и громко крикнул: «Сейчас я докажу тебе, что я не кудрявый мальчик, и могу поставить на место любого оскорбившего меня.» С этими словами я накинулся на Кулар Камала, он же поняв, что его жизнь в опасности, вытащил свою саблю из ножен. Движения его были настолько неуклюжи, что я поняв, что он для меня будет лёгкой добычей, рубанул его по шее наотмашь слева. Мой клинок перерезал его глотку, артерии и остановился лишь упершись в кость шейного позвонка. Кулар Камал повалился наземь, кровь рекой хлынула из его горла, через несколько мгновений он был мертв.

Я вытер свой окровавленный клинок об одежду убитого, вложил его в ножны и обратился к воинам: «Я – Тимур, сын Тарагая, житель города Кеш, с сегодняшнего дня – ваш военачальник, поэтому отныне вы будете послушны мне и всякий, кто не подчинится, падет от моей сабли.» Воины, переглядываясь друг с другом, молчали, и я понял, что мое главенство над ними принято.

Возможно после меня найдутся такие, что будут попрекать меня тем, что я бывал излишне суров в стремлении всегда защитить честь и достоинство молодых юношей и жестоко казнил всякого, кто оскорблял их. Такая

суровость была следствием того, что в юности я испытал, что красота, этот божий дар, из-за похотливых наклонностей некоторых людей, может стать несчастьем для иного юноши и поэтому я впоследствии издал указ казнить всякого, кто вздумает обращаться с юношей вопреки его благочестию. Вследствии такой суровости, юноши обрели безопасность и по этой причине, в моем царстве красота больше не является злосчастьем для юноши.

В тот же день, когда я убил Кулар Камала, эмир Яхмак вызвал меня, поздравил, сказав, что я избавил его от наглого, недостойного и мешающего ему человека.

Я сказал ему: «О, эмир, нет порядка в устройстве твоего войска. Разреши же мне организовать его по-новому.». Эмир Яхмак сказал: «Делай, как знаешь.» Я создал отделения, состоящие из десяти воинов каждое, назначив во главе унбаши (десятника). Каждые десять отрядов, что составляли сотню, вручал под начало юзбаши (сотника) и во главе каждой тысячи назначил мингбаши (тысячника).

До меня в войсках эмира Яхмака боевой подготовке не придавали первостепенной важности и воины, которые считались всадниками, кроме как есть и спать – ничем другим не занимались. Я установил так, чтобы воины каждодневно отправлялись в степь и занимались отработкой воинских упражнений, вместе с тем я следил за тем, чтобы они не переставали своевременно совершать намаз.

Я знал, что эти перемены казались неприятными для солдат, но был уверен, что через пару недель все станет для них привычным, и воины эмира Яхмака, начиная с того дня, ежедневно упражнялись в боевой подготовке и своевременно совершали намаз.

Через месяц после начала моей службы у эмира Яхмака, несколько из его поданных, живущих в степи пришли в Самарканд с жалобой на то, что одно из племен кара-китаев, проживавших к северу от Самарканда, напали на их скот, угнали шесть тысяч овец и убили при этом трех пастухов.

Я добровольно высказал готовность отправиться на место, чтобы примерно наказать виновных, отобрать у них овец и вернуть законным владельцам. Эмир Яхмак сказал: «О, Тимур, люди племени кара-китаев опасны, число их мужчин превышает двадцать тысяч.». Я сказал: «Я отберу у них овец и приведу их при условии, что ты согласишься на то, чтобы я взял с собой двести твоих воинов.». Эмир спросил: «С двумястами воинов ты намерен выступить против двадцати тысяч?» Я сказал: «Для того, чтобы наказать воров и возратить овец их законным владельцам мне достаточно и двухсот воинов.» В тот же день во главе двухсот воинов я вышел из Самарканда и направился на север.

Племя кара-китаев располагалось в 20 фарсангах к северу от Самарканда и вступив на их землю, я пригласил на встречу нескольких из наиболее уважаемых лиц того племени. Я сказал им: «Я стою во главе войска эмира Яхмака, люди из вашего племени увели шесть тысяч овец эмира, убили трех его пастухов поэтому, я требую вернуть похищенных овец и выдать убийц.» Представители племени заявили в ответ, что в племени кара-китаев насчитывается одиннадцать различных родов и они не знают, люди какого из тех родов могли увести наших овец.

Я ответил: «В каждом племени могут быть воры, но люди того племени хорошо знают их и вы должны мне их выдать и тогда мне не будет дела до вас.» Они ответили, что не знают кто эти похитители.

Поняв, что по-хорошему я не добьюсь от этих представителей племени кара-китаев ни имени похитителей, ни сведений об их местонахождении, я предупредил их, что даю им время, достаточное для прочтения суры аль-Хамд, для того, чтобы назвали имена похитителей, в противном случае, я сказал, что начну по одному отрубать их головы.

Они, услышав такие слова, рассмеялись, и один из них, полный и краснолицый мужчина, с густыми и очень длинными усами, сказал: «Мальчик, ты слишком юн, чтобы бросаться такими словами, подожди пока вырастут у тебя усы, такие же длинные, как и у меня, потом уже произноси такие слова.» Пока он произносил эти слова, мы все находились внутри юрты, услышав те слова, я велел своим людям взять этого человека и вывести его наружу.

Его вывели наружу. Я приказал посадить его на землю и всем отойти. Мои люди так и поступили – посадили этого человека на землю и отошли назад. Остальные представители кара-китаев все еще не поняли, что же это такое я задумал. А я молниеносно выхватил из ножен клинок и не дав никому опомниться, прежде, чем тот человек сумел бы подняться на ноги, с силой рубанул его клинком по шее, в полном соответствии с правилами искусства, привитого мне моим учителем Самаром Тарханом.

Я обладал достаточно сильной рукой и кистью, однако Самар Тархан говорил, что в удар клинком надо вкладывать силу всего тела (т.е. наносить удар всем телом, а не рукой) для того, чтобы суметь перерубить так же и костную ткань. И я в тот момент нанес именно такой удар – всем телом, мой клинок легко прошел сквозь ткани и шейные позвонки того человека и его голова скатилась наземь. Кровь из перерезанных крупных артерий забила как фонтан. Зрелище тугого фонтана крови, рвущегося ввысь из перерубленных артерий, брызжущего с такой же силой, что и фонтан большого хауза во дворце эмира Яхмака, доставило мне странное наслаждение.

До того дня я не видел, чтобы кровь человеческая с такой силой была ввысь, подобно фонтану, подобное зрелище оказалось новым для меня.

Я настолько был поглощен этим зрелищем, что не заметил как остальные четверо кара-китаев кинулись в мою сторону с явно враждебными намерениями. В последний миг я заметил это и крикнул одному из своих воинов, чтобы он подбросил мне свою саблю. Несмотря на то, что нападавших было четверо, я не стал звать на помощь своих солдат, крикнув им, чтобы они оставались на месте и не вмешивались, и что я сам один сумею себя защитить. Когда я напал на этих четверых, вращая двумя клинками в обеих руках, я ощущал свое могущество.

Не было разницы в степени мастерства между моей правой и левой руками, и с такой уверенностью я управлялся с оружием, с какой и портной не мог бы управиться со своей иглой. Два моих клинка не были просто лишь двумя неодушевленными предметами, они были продолжением моих рук и я вращал ими как мне хотелось. Прошло не более минуты с начала схватки с теми четырьмя, как я ранил в правую руку одного из них, и он выронил своё оружие, а сам бессильно опустился и сел на землю. В глазах оставшихся трех читался явный ужас, я почувствовал их сильный страх предо мною и уверенность в том, что я их непременно либо убью, либо пораню. Один из них по-тюркски взмолился о пощаде, и я крикнул ему, чтобы он бросил оружие наземь и отошел в сторону, что он поспешно исполнил.

Через мгновение двое остальных так же последовали его примеру и по-тюркски запросив пощады, сложили оружие. Я сказал своим воинам, чтобы они собрали оружие, так же велел тем троим, среди которых находился мужчина с раненой правой рукой, снова войти внутрь юрты.

Я позволил им перевязать раненного, после чего сказал им: «Итак, вы узнали каков я, и если не назовете к какому из родов племени принадлежат похитители овец эмира Яхмака, я непременно убью вас.». Они сказали, что не знаем имен самих похитителей, однако знают, что они из ветви Ак-Марбудж (*что по-тюркски означает «белая труба», этимология этого слова, якобы, связана с дымовой трубой, устанавливаемой в юртах. – Переводчик*).

Я спросил, как зовут главу рода Ак-Марбудж, они ответили, что зовут его Джавдат Голто. Я сказал, что забираю их четверых своими заложниками, чтобы быть уверенным, что они не солгали мне и обещал отпустить как только доберусь до людей рода Ак-Марбудж. Я велел своим воинам посадить их на крупы своих лошадей и как только мы двинулись в путь, понял насколько я вырос в глазах своих солдат, которые поняли, что их командир хоть и молод, однако не трус и не бесталанный.

К вечеру мы добрались до места, являющегося стоянкой племени Ак-Марбудж. Я спросил у первого попавшегося мне навстречу человека, где

находится Джавдат Голто? Человек указал пальцем на белое пятно вдали сказал: «Видишь купол? Это купол Джавдата Голто.» И я, с целью захватить врасплох главу рода, сказал своим всадникам, чтобы прибавили ходу и мы стремительно ворвались в лагерь.

Подъехав к юрте, я спрыгнул с коня и в сопровождении одного из четырех заложников, знающих Джавдата Голто в лицо, вошел его юрту. Войдя я увидел мужчину примерно шестидесяти лет с волосами с проседью, сидящего с женой и двумя сыновьями, я понял, что это и есть Джавдат Голто. Я велел своим воинам задержать мужчину и его сыновей, и прежде, чем соплеменники в лагере опомнились и что-либо поняли, я со своими солдатами, прихватив с собой Джавдата Голто и его сыновей, быстро покинул стойбище.

Лагерь занимал обширную территорию, и я знал, что стоит мне замешкаться, между нами и обитателями юрт завяжется схватка, в которой погибнут все мои воины, да и я заодно с ними.

Я предполагал, что в том лагере должно насчитываться до трёх тысяч мужчин, и хотя был уверен в своем бесстрашии, не совсем уверен был я в своих солдатах. Итак, вывез я вождя племени вместе с его сыновьями за пределы его лагеря и, отъехав от него на приличное расстояние, велел остановиться, я представился Джавдату Голто. Он же спросил: «Чего же ты от меня хочешь?». Я ответил: «Люди твоего рода угнали шесть тысяч овец эмира Яхмака и убили трех пастухов, и мне нужно, чтобы вы вернули овец и требую выкупа за кровь убитых.» Джавдат Голто хотел было изобразить полное неведение, однако я сказал: «Ты глава племени Ак-Марбудж, и сомнительно, что люди твоего племени без твоего ведома или дозволения могли самовольно пуститься в путь, доехать до Самарканда, угнать шесть тысяч овец эмира Яхмака и убить трех его пастухов. Если вернешь овец и оплатишь цену крови убитых, я не стану проливать твою кровь и кровь твоих сыновей. Если же не согласишься, то для начала, у тебя на глазах я убью твоих сыновей, затем отделю твою голову от тела.»

Джавдат Голто молчал. Я сказал: «Знаешь ли ты, почему я буду убивать твоих сыновей у тебя на глазах? Потому, что я догадываюсь, что они с твоего ведома и согласия возглавили группу ваших людей, отправившихся похищать овец и, если ты мусульманин и считаешь Коран, то должен знать, что Божье повеление в данном случае гласит о том, что наказанием твоим сыновьям должна быть их казнь.» Голто сказал: «Знаешь ли ты, сколько мужчин насчитывается в моем племени?». Я сказал, что не знаю. Он сказал: «В моём племени насчитывается пять тысяч мужчин и если ты убьешь меня и моих сыновей, все они поднимутся, чтобы отомстить тебе, и убьют и тебя и эмира Яхмака.»

Я ответил: «Даже если в твоём племени насчитывается сто тысяч мужчин, все равно я убью тебя и твоих детей, если не вернешь похищенных овец и не

уплатишь цену крови за убитых пастухов.». И, видя, что этот человек вообразил, что я угрожаю впустую, дал я указание своим воинам, чтобы схватили одного из юных сыновей Джавдата Голто, оказавшегося старшим, перетянули веревкой его горло и начали стягивать, подвергая его медленному удушению.

Воины начали исполнять мое указание, растягивая оба конца веревки в две противоположные стороны, в то время как этот юноша заедргал руками и ногами. В это время Джавдат Голто заорал: «Отдам, ... отдам...». Я сказал, чтобы шею юноши освободили от веревки. Однако, как только веревку ослабили, выяснилось, что тот юноша уже умер, будучи удушенным стянувшей его горло веревкой.

Джавдат Голто при виде бездыханного тела своего сына стал рыдать, а я стукнув его по спине ножами своего клинка, сказал: «Эй, женоподобный мужчина, ты, который настолько слаб, что плачешь при виде смерти своего сына, зачем смеешь заниматься разбоем? Если хочешь, чтобы остался живым второй твой сын и чтобы жил ты сам, верни овец эмира Яхмака и уплати цену крови трех его пастухов.»

Джавдат Голто спросил: «Какова цена крови тех пастухов?» Я сказал: «Священный Коран гласит, если человека убьют непредумышленно, убийца должен отдать сто верблюдов, ты же убил пастухов не нечаянно, а предумышленно, поэтому цена крови каждого из них – триста верблюдов.». Голто ответил: «Я не могу дать девятьсот верблюдов в качестве цены за кровь трех пастухов, поскольку нет у меня такого количества верблюдов.». Я сказал: «Дай девятьсот лошадей, я знаю, их у тебя много.» Голто ответил: «Лошади принадлежат не мне, а моему племени.». Я сказал: «Тогда отдашь лошадей, принадлежащих твоему племени.»

Голто был вынужден подчиниться обстоятельствам, и поскольку я не отпускал ни его самого, ни его сына на свободу, он послал одного из представителей племени Ак-Марбудж, проезжавшего по степи, к старейшинам племени с указанием возвратить всех похищенных овец, а так же привести с собою девятьсот лошадей в качестве цены за кровь пастухов, добавив, что в противном случае, он и его сын будут убиты.

Привели овец и лошадей, тем не менее я не спешил отпускать Голто и его сына, так как отпусти его я слишком рано, он успел бы собрать мужчин племени и пуститься за нами в погоню. Я выделил сотню из своих воинов чтобы отогнали овец и лошадей в Самарканд, с остальной же сотней я остался там, держа при себе Голто и его сына до тех пор пока из Самарканда не пришла весть о том, что овцы и лошади доставлены благополучно, после чего я освободил тех двоих и вместе с оставшейся сотней воинов поскакал в Самарканд.

До того, как я вышел за пределы земель кара-китаев, когда я ехал мимо одной из юрт, взгляд мой упал на молоденькую девушку, вышедшую посмотреть на нас, проезжавших мимо. Как только я ее увидел, что-то со мной произошло внутри, сердце мое, никогда не трепетавшее от страха, громко застучало и невольно вспомнил я стихи Шамсиддина Мухаммада Ширази: «Любовь моя к этим черным глазам никогда не уйдет из сердца – То веление неба и не быть ничему иному.».

(Пояснение: Тимурленг в своих воспоминаниях Хафиза, знаменитого ширазского поэта, чаще называет «Шамсиддин Мухаммад Ширази», а не Хафизом, так как сам Тимурленг являлся Хафизом (так называют того, кто знает Коран наизусть), поэтому не хотел приравнивать себе ширазского поэта. – Переводчик)

Я проехал мимо юрты, обернулся и увидел, что девушка продолжает смотреть мне вслед. До тех пор, пока она не скрылась из виду, я оборачивался и видел, что она продолжает смотреть мне вслед. Когда же скрылась она из виду, я обратил внимание на то, что не могу отдалить от себя мысли о ней, и тем был сильно смущен, потому что считал себя слишком отважным и сильным, чтобы меня могла взволновать встреча с какой-то молодой девой. Настолько стыдно было мне перед самим собой за свою страсть, что порой хотелось вытащить из ножен саблю и собственноручно вонзить ее себе в живот, лишь бы не ощущать себя столь униженным подобной страстью.

Возвратившись в Самарканд, я доложил о результатах своей поездки эмиру Яхмаку и передал ему лошадей и овец. Эмир Яхмак сильно удивился моим деяниям и сказал: «Эй, Тимур, то, что ты сделал не каждому из зрелых мужей по плечу.». И подарил мне сотню лошадей.

Хотя эмир Яхмак был и доволен моей службой, я не чувствовал удовлетворенности, так как не мог изгнать из сердца думы и тоску по той девушке (я и имени то ее не знал), до тех пор пока не надумал под предлогом посещения родных попросить отпуск у эмира Яхмака и поехать в родной город Кеш, где прежде всего я хотел посетить своего учителя и ученого мужа Абдуллу Кутба, рассказать ему о своем состоянии и спросить, не заслуживаю ли я порицания за это? Эмир Яхмак с радостью предоставил мне отпуск и я поспешил в Кеш к Абдулле Кутбу.

Абдулла Кутб обрадовался увидев меня и сказал: «Вижу, что стал ты выдающимся мужем.» Я ответил: «О величайший учитель, этот выдающийся муж не более, чем слабое дитя, и пришел я к тебе сказать, что стыжусь охватившей меня страсти и чрезвычайно сожалею об этом, порой думаю, чем испытывать подобную слабость, может лучше оборвать свою жизнь?»

Абдулла Кутб спросил: «Почему ты хочешь покончить с собой?». Я рассказал ему о том, что произошло в моей жизни недавно и Абдулла Кутб изрек: «Сын

мой, волнение, охватившее тебя, является тем, что Господь вкладывает в существо каждого юноши и каждой девушки с тем, чтобы вступали они в браки между собою и таким образом прибавлялось число рабов божьих. Если это волнение, что возникло тебя ныне, не будет возникать в юношах и девушках, мужчины не будут жениться, а девушки выходить замуж, поэтому ты не должен впадать в смущение, как мужчины, так и женщины в пору юности подвержены такому волнению и твое возбуждение говорит о том, что пришла пора тебе жениться, поэтому скажи своему отцу, чтобы просватал он ту девушку за тебя.». Я сказал: «Я не могу рассказать отцу об этом.»

Абдулла Кутб ответил: «Действительно. Я сам сегодня же схожу к твоему отцу и скажу ему, чтобы просватал ту девушку за тебя.». Таким вот образом девушка, ставшая впоследствии матерью Джахангира, Шейха Умара, Миран-шаха, была просватана за меня и вошла в мой дом.

(Пояснение: Целомудрие и природная скромность Тимурленга не позволили ему более подробно рассказать об обстоятельствах его женитьбы. Тимурленг впоследствии брал и других жён, но первой, т.е. старшей среди его жен всегда оставалась та самая девушка из племени кара-китаев, родившая ему трех сыновей – Джахангира, Шейха Умара Миран-шаха. Еще несколько сыновей у Тимурленга родилось так же и от других жен – Переводчик.)

После женитьбы я заметил, что значительно успокоился, больше не испытываю волнений и могу без какого-либо смятения или смущения продолжать и дальше командовать войском эмира Яхмака.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Смерть эмира Яхмака и ссора с Арсланом.

В 706 году хиджры (соответствует 1355 году от рождества Христова) мне исполнилось 20 лет и чувствовал я себя настолько сильным, что мог состязаться в борьбе с тридцатью- сорока- летними мужчинами и повергать их наземь. Пятерня моя была настолько сильной, что никто не мог охватить ее своей и все вельможи и воины эмира Яхмака боялись меня и повиновались мне в большей степени, чем самому эмиру. В течение всей недели я заставлял солдат заниматься военными упражнениями, в пятницу предоставлял им отдых с тем, чтобы они могли посещать мечеть и участвовать во всеобщем молении.

Как я уже говорил, был у эмира Яхмака племянник, которого он боялся и опасался быть убитым вследствие козней с его стороны.

В начале своей службы у эмира Яхмака, я не мог понять причину его страха, пока не узнал, что после смерти своего брата, эмир Яхмек присвоил себе его имущество, ничего не оставив своему племяннику, который по этой причине затаил в сердце своем злобу и ненависть в отношении своего дяди. После того, как я обрел влияние при дворе эмира Яхмака, привел в порядок его войско, при этом показав себя достаточно способным человеком, Арслан начал питать ко мне зависть и до меня доходило, что он говаривал своему дяде, чтобы он удалил меня от себя, так как если я и дальше буду набирать силу и влияние, то сумею полностью захватить его войско исключительно для достижения своих целей.

Эмир Яхмек, страдавший «эстескаъ» (*сегодня ту болезнь называют сахарной или диабетом – Переводчик*), умер в месяце рабби-уль-авваль 706 года хиджры, и не успели еще предать земле его останки, как Арслан, считавшийся наследником эмира Яхмака. в присутствии вельмож и воинов высокомерно заявил мне: «Эй Тимур Тарагай, начиная с сегодняшнего дня я отстраняю тебя от службы и тебе отныне нет места в моем войске.»

Если бы Арслан пригласил меня отдельно и спокойно объяснил, что отстраняет меня от командования войском, я бы не высказывал возражений, и не принял бы это так близко к сердцу, ибо он вступил во власть после смерти своего дяди и согласно законов наследования, указанных в Коране, был вправе прибрать к рукам так же и его войско, назначив командующим любого, кого пожелает. Но, поскольку он в присутствии вельмож, в оскорбительной для меня манере отстранил от должности, я не мог этого вынести и крикнул ему: «Арслан, тебе ведомы законы величия, и ты должен знать, что никогда не следует отстранять от должности лицо, старшее по званию в присутствии

других, находящихся ниже него по служебной лестнице и, что нельзя наказывать виновного в присутствии тех, кто младше его по званию!».

Арслан, обращаясь к присутствующим при этом вельможам, сказал: «Уберите отсюда этого нахального и дерзкого мальчишку.» Я к тому времени будучи уже двадцатилетним мужчиной, так вышел из себя от подобного оскорбления, что вырвав саблю из ножен, бросился в сторону Арслана. Его приближенные, стремясь защитить своего господина, обнажили клинки и стали передо мной, пытаясь помешать мне.

Они не знали насколько я силен, насколько мастерски владею клинком. Если бы они знали об этом, то не посмели бы встать на моем пути, и не погибли бы зря. Первый взмах моего клинка отсек руку одному из приближенных, которая повисла на оставшейся нерассеченной коже, клинок выпал из его руки. Не упуская врагов из вида, я, наклонившись, левой рукой подобрал его упавшую саблю, после чего продолжил схватку, пустив в ход уже оба клинка. Обращаясь к Арслану, я крикнул: «Если ты действительно эмир Арслан, то не убегай, имей мужество и дай мне подойти к тебе ближе.»

И хотя между нами стояли машущие саблями его приближенные, я заметил, как внезапно побледнело его лицо.

Вельможи, стоявшие между мною и Арсланом, повалились наземь и я, орудуя обоими клинками, пробил себе дорогу до тех пор пока не оказался вблизи его. Увидев перед собой два моих окровавленных клинка и меня самого, с ног до головы забрызганного кровью его приближенных, он не выдержал и сбежал.

Не став его преследовать и вместо этого, обратившись у группе воинов и их начальников, которые до того момента не посмели вмешаться в происходящую схватку, я спросил: «Кто из нас двоих эмир – я или тот, что только что сбежал отсюда, как мышь от кота?». Затем я добавил: «Если вы мужчины и считаете себя достойными этого звания, вы не должны сносить командования над собой этого трусливого молодого человека, а позволить мне как и прежде быть вашим военачальником, а я буду платить вам как положено.»

Одиннадцать старших воинов были сражены мною в происшедшей схватке, четверо из них отдали Богу душу, оставшиеся семеро были ранены, один из них лишился своей правой руки. Раненные сказали, что готовы принять мое главенство и признавать меня своим военачальником при условии, что я буду оплачивать их содержание как положено.

Я сказал: «Ваше содержание будет таким, каким оно должно быть и я не допущу, чтобы кто-то страдал из-за невыплаченного вовремя денежного вознаграждения.» Начиная с того дня, я не только остался на посту

командующего войском покойного эмира Яхмака, но и взял на себя управление всем оставшимся после него имуществом.

Арслан от страха и стыда не посмел противиться мне, а я, чтобы доказать, что больше него разумею в том, что такое подлинное величие, выделил причитающуюся ему долю – то есть, половину имущества, оставшегося после смерти его дяди, однако оставшуюся половину я оставил себе с тем, чтобы обеспечить казну в связи с оплатой содержания войска. Я так же, в соответствии с законами шариата, конфисковал половину доли, причитавшейся Арслану, как единственному наследнику эмира Яхмака. Ибо Арслан не был мусульманином и затеял ссору со мною, мусульманином и вынудил меня к вооруженной схватке, он считался воинствующим кафиром (т.е. неверным), против которого следует вести священную войну, между тем, согласно повелений Корана присвоение имущества кяфира дозволена мусульманам.

Тем не менее я, из уважения к его дяде, передал эмиру Арслану половину имущества эмира Яхмака, чтобы ему было на что прожить. И опять же, желая преподать эмиру Арслану урок подлинного величия и благородства, достигнув вершин власти и величия, я не стал претендовать на имущество и жизнь этого человека. Позже, он прислал мне своё послание, в котором говорил: «Аллах принимает покаяние грешных рабов своих, и ты, олицетворяющий мощь Аллаха на земле, прими же мое раскаяние!»

Я ответил, что принимаю его раскаяние, добавив, что даже если бы он и не покался, я бы не стал его преследовать, и что, тем не менее не могу забыть его оскорбительные выражения, когда он в присутствии воинов и их старших обозвал меня дерзким и нахальным мальчишкой, так как рана, нанесенная саблём заживет, а ту, что нанесли злым словом – никогда не исцелить.

Эй тот, кто впоследствии будет читать эти строки, знай, что с ранней молодости меня интересовала религия и я никогда не пропускал времени намаза, такое могло случиться разве что лишь тогда, когда я находился на поле битвы.

Никогда не осквернял я уста свои вином, не играл в азартные игры, и в течение всей жизни питал глубокое уважение к представителям духовенства, вследствие этого меня всегда сопровождала группа из духовных лиц и я всегда советовался с ними в вопросах религии, как если бы я сам был духовным лицом, обладающим правом на издание фетвы и обеспечивающим должное исполнение шариатских законов. На советах, с участием улемов (богословов), всякий раз когда делались ссылки на те или иные аяты Корана, я тут же наизусть цитировал их. Мое знание Корана наизусть превосходило знание некоторых улемов, знал я его наизусть, так же, как и обстоятельства ниспослания (шаън-е нузул) каждого из аятов.

Когда я достиг Хиндустана, некий индийский брахман, то есть из тамошних священнослужителей, спросил меня: «Если ты мусульманин, зачем же ты истреблял иранцев в таком огромном количестве, ведь они также являются мусульманами?». Я ответил: «Аллах сказал в Коране, что всякий, кто примет веру ислама, но потом станет еретиком, поступает хуже язычника, и его необходимо уничтожить, потому я и поступаю так согласно веления Аллаха.»

(Пояснение: Конечно же уважаемые читатели понимают, что хочет сказать этим Тимурленг – он считал иранцев, являющихся последователями ишизма, еретиками. Конечно же, подобная точка зрения является заблуждением. – Переводчик.)

Придя к власти, я повелел, чтобы из деревянных частей изготовили для меня мечеть, которую можно было бы собирать и разбирать. Группа искусных плотников и столяров изготовила эту мечеть и я повелел окрасить ее в два цвета – красный и голубой, поскольку голубой цвет символизирует могущество Бога во Вселенной, а красный – могущество человека на земле. У моей мечети было так же и два минарета. Один был голубого цвета, а другой – красного, и двадцать арб перевозили многочисленные части моей походной мечети, а там где не могла пройти арба, многочисленные части моей мечети погружались на четыреста лошадей или мулов. Дойдя до очередной стоянки, я повелевал собрать ту мечеть, муззизн взбирался на минарет и пел азан и я совершал намаз в своей мечети. Сегодня, когда я пишу о событиях моей жизни, я намерен выступить походом на Китай; покорить его и преобразовать языческие храмы Китая в мечети. Сейчас я убежден, что люди, воевавшие под моим началом и павшие в битвах, удостоены звания мучеников, павших за истинную веру, равно как и те из соратников нашего пророка, что гибли в свое время, находясь рядом с ним и отстаивая идеи ислама, потому что я боролся за расширение сфер влияния этой религии и мои павшие соратники по праву считаются мужами, отдавшими свои жизни за это правое дело.

***

Поводом для дальнейшего расширения моей власти и приобретения могущества правителя всех земель Мавераннахра явилась всего лишь охотничья забава.

Осенью 757 года хиджры я, которому исполнился всего лишь 21 год, отправил небольшой отряд своих воинов, чтобы они, устроив облаву, гнали диких степных животных мне навстречу. Сам же я с группой из военачальников отправился в местность к северо-западу от Самарканда, так как знал, что дичь, спасающаяся бегством от загонщиков, проскачет именно по этой местности.

Я не знал, что место это населено людьми племени «курултай». Когда мы достигли той местности и приступили к охоте, вдруг появились представители этого племени и стали препятствовать нам в охоте, говоря, что мы не имеем права охотиться в тех местах. На мой вопрос, почему это мы не вправе там

охотиться, представители племени ответили – потому что эти земли принадлежат им. Я огляделся вокруг в надежде увидеть какие-либо знаки, свидетельствующие о принадлежности им этой земли, однако ничего подобного не увидел – ни населения, ни дерева.

Я сказал им : «Если эта земля ваша, укажите на признаки, свидетельствующие об этом. Если бы вы здесь занимались земледелием, сажали деревья, либо построили дома, я бы принял и согласился бы с тем, что это ваша земля, однако здесь я не вижу ничего, что можно было бы счесть доказательством вашего права на владение ею. А потому, - это степь, у нее нет хозяина, а всякая степь, что не имеет хозяина – принадлежит всем.». Я так же добавил: «Здесь не видать даже какого-либо вашего шатра, чтобы можно было утверждать о том, что вы здесь живете, что здесь находится ваше поселение, поэтому не может быть и речи о ваших претензиях на владение этой землей.». Они не приняли моих возражений и продолжали утверждать, что мол это их земля и никто посторонний не имеет права на ней охотиться и всякий, кто это сделает, будет убит, а если хочет жить – пусть платит возмещение за подобное нарушение их прав. Нас на той охоте было семеро, а их – более пятидесяти. Вдалеке виднелись наши загонщики, но в тот момент они не успели бы достаточно быстро присоединиться к нам.

Шесть военачальников, что были со мной, в значительной мере полагались на меня, знали, что я бесстрашен и в нужный момент атакую эту толпу. Но я не хотел, чтобы наш спор перерос в схватку и думал: а что если они правы; и хотя не видел малейших признаков их права на владение, говорил себе: «А что, если их предки владели этой территорией?» И я сказал: «Всю дичь, что мы добыли, оставим вам, сами же уйдем, таким образом вы окажетесь удовлетворены.». Они сказали: «Нам не нужна ваша дичь, вы должны уплатить возмещение в размере тысячи золотых за недозволенную охоту на этой местности.» Я сказал, что мы пришли поохотиться, а не участвовать в разбирательстве и поэтому нам и не приходило в голову захватить с собой тысячу золотых. Они же сказали, что в таком случае они свяжут нас по рукам и ногам и доставят в месторасположение своего племени, и мы будем находиться там пока не возвратятся посланные за нашим выкупом в размере одной тысячи золотых, и что в противном случае мы будем убиты. Услышав такое, я сказал своим спутникам, чтобы готовились к схватке. Мы к тому моменту, думая об охоте, были спешившимися и при нас было, как боевое оружие в виде сабель, луков и стрел, так и охотничье снаряжение.

Сказав спутникам, чтобы они готовились к стычке, я, зажав в зубах несколько стрел, вскочил на лошадь и высвободил лук из застёжки. Мои спутники не были столь же ловкими, что и я, поэтому не смогли достаточно быстро вскочить на своих лошадей. Люди племени «курултай» бросились, чтобы помешать моим спутникам вскочить на своих коней, однако первая же стрела, выпущенная мною из лука, вонзилась в спину одного из них.

Пораженный стрелой со стоном повалился на землю, в то же мгновение вторая моя стрела, просвистев в воздухе, вонзилась в горло еще одного из людей племени «курултай», который так же повалился наземь. Их соплеменники, увидев, что в одно мгновение они потеряли сразу двоих, вместо того, чтобы продолжать свои попытки воспрепятствовать моим спутникам, бросились в мою сторону.

Я, как уже говорил, обладаю большим мастерством в стрельбе из лука и умею выхватить и пустить стрелу в цель в течении мгновения, необходимого для пары взмахов ресниц. Иными словами, между моим первым и вторым выстрелами пройдет мгновение не дольше, чем пара взмахов ресницами, при условии, что я держу стрелы зажатými в зубах, и в те времена юности я был достаточно силен, чтобы в то короткое мгновение суметь натянуть тетиву до предела.

Прежде чем всадники курултайцев сумели бы достать меня, я поразил своими стрелами еще четверых, трое из них слетели с седел на землю, а четвертый завалился на спину своей лошади, пронесшейся мимо меня. Поняв, что у меня не остается времени на дальнейшую стрельбу из лука, я повесил его за спину и вытянул саблю из ножен, висевших на поясе одного из убитых. И с того мига, захватив в зубы уздечку своей лошади, я ринулся в бой, нанося удары обоими клинками – своим и взятым у мёртвого врага. Всадники-курултайцы не применяли луков и стрел, пользуясь лишь саблями.

Атаковав меня, тем самым они дали возможность моим спутникам вскочить на своих лошадей, и начиная с того момента, начать осыпать стрелами всадников-курултайцев. Я постоянно менял место, дергая уздечку, зажатую в зубах, бросаясь то вправо, то влево. Лошадь моя была хорезмской породы и знатоки утверждают, что особи этой породы самые высокие и самые продолговатые в мире. Один шаг моей лошади во время скачки был равен двум шагам курултайских лошадей, а поскольку моя лошадь намного превосходила их по росту, я во время сабельной рубки возвышался над противником.

Как я рассказывал, до того дня уже было несколько случаев, когда мое фехтовальное мастерство подвергалось испытанию, и я знал, что я отважен. Но именно в тот день я проникся убеждением, что по сравнению с другими, я обладаю выдающимся превосходством. Когда я сравнивал свое «двурукое» фехтование с их действиями, это выглядело подобно схвате зрелого и опытного мужа с несколькими малолетними детьми. Они не владели ни силой, ни техникой и не знали как следует обращаться с саблей. Обе моих руки беспрерывно двигались и наносили удары, и каждый из этих ударов, если не приходился на лезвие клинка противника, то поражал очередного курултайца и валил его с лошади наземь или наносил рану, не позволяющую продолжать участвовать в схватке.

В разгаре схватки удар моего клинка отсек голову одного из моих противников, от этого, как водится, кровь из рассеченных артерий забила фонтаном и я, несмотря на занятость ходом схватки, невольно устремил свое внимание на это зрелище.

О, читающий эти строки, знай же, что любая способность, талант – это дар Божий, однако этот дар следует постоянно развивать и усиливать.

Бог наделил меня навыком свободно фехтовать обеими руками и метко стрелять из лука, однако если бы я не развивал эти навыки, я бы уподобился любому заурядному человеку.

Несмотря на то, что врагов было пятьдесят, а нас всего семь, точнее, в начале, когда они напали на меня, их было пятьдесят, а я был один, я ощутил полное отсутствие страха в себе и в этом ощущении я обретал силу, позволяющую бесстрашно глядеть в глаза смерти. В тот день я понял, что отвага – это когда человек, зная, что может погибнуть, тем не менее без страха шагает навстречу смерти и, что если он делает это со страхом, то его нельзя назвать отважным. В то время как я рубил курултайцев саблём, мои спутники осыпали их стрелами, я понял, что они не очень то стремятся к сближению с противником, как бы боялись оказаться вынужденными вытащить свои клинки из ножен и ввязаться в ближний бой.

Тем не менее, их стрелы были мне на руку, так как благодаря им уменьшалось число вражеских всадников. Неожиданно курултайцев охватил ужас, они дрогнули и побежали. Мы не стали их преследовать, поскольку знали, что, преследуя их, мы рискуем оказаться лицом к лицу со всеми воинами того племени. Двадцать два из их воинов остались лежать ранеными и убитыми на поле боя, а мы, захватив их оружием в качестве военной добычи, удалились.

До того дня я считал себя сильным и искусным, однако именно в тот день я ощутил, что всемогущий Господь создал меня для того, чтобы я правил, и что если я не воспользуюсь столь щедрым даром со стороны Господа, то проявлю свою черную неблагодарность. И я сказал себе: «Тимур, обладая такой силой и отвагой, ты не должен довольствоваться лишь ролью командующего столь немногочисленного войска, как войско, оставшееся после эмира Яхмака. Если в этой бременной жизни ограничишься лишь этим достижением, оно будет означать, что ты не уделил должного внимания дару и таланту, ниспосланному тебе Аллахом, и уподобишься человеку, о котором говорил в одной из своих притч Саади Ширази – «обладая несметным состоянием, тем не менее влачил он голодное существование». Твой предок Чингиз-хан не обладая и половиной твоих достоинств, тем не менее достиг вершин власти, ты же должен достичь таких высот, которые намного превосходили бы достижения Чингиз-хана. Ты со своей нынешней силой и отвагой можешь

стать правителем Мавераннахра, а затем расширить свою власть, охватив ею восточные и западные пределы Вселенной».

С этой охоты я вернулся совсем другим человеком. До того дня я полагал, что я достиг того, чего мне подобало достичь и народ Самарканда с почтением смотрел на меня, однако в тот день на меня снизошло, что Аллах создал меня для высочайшего повеления и я должен, следуя такому его предначертанию, стараться достичь еще больших высот. Возвратившись с охоты, узнал я, что жена родила мне сына и я воспринял это событие, происшедшее после удачной охоты как доброе предзнаменование. И я сказал себе, что Всемогущий шлет мне знамение, давая понять, что я достигну желаемого, и потому я назвал сына Джахангиром (что означает Завоеватель Вселенной), с целью, чтобы это совпало с моим внутренним устремлением. При этом я понимал, что для того, чтобы стать властителем, мне нужно могучее войско, и что мое двухтысячное войско в Самарканде, несмотря на его незаурядность, не соответствовало требованиям ведения войн с владыками соседних государств.

Я знал, что войско следует создавать с помощью денег и тот, кто не владеет золотом и серебром не может иметь могучего войска. Поэтому решил я продать имущество дабы приобрести наличные деньги употребить их на создание могучего войска. Другой на моем месте, имея в своем распоряжении двухтысячное войско, возможно, прибегнул бы к грабежу, или же обложил бы непомерными податями самих жителей Самарканда. Но я, будучи мусульманином, не мог прибегнуть к грабежам, и обрести богатство, грабя путников в степи или обирая своих подданных. Поэтому решил я постараться продать свое имущество. Говоря «свое имущество» я имею ввиду собственность покойного эмира Яхмака, причитавшуюся его племяннику эмиру Арслану, половина которой перешла ко мне. Собственность эта была доброкачественной, считалась хорошим товаром и по этой причине люди, прознав о моем намерении продать ее, сочли меня невеждой, полагая, что раз я добыл эту собственность без какого либо труда, то и не ценю ее в достаточной мере. Несмотря на то, что указанная собственность была продана по низкой цене, я выручил за ее продажу сорок тысяч золотых монет и сразу же приступил к набору нового войска из числа молодых мужчин, возрастом не старше двадцати, максимум двадцати пяти лет, поскольку опыт моей службы в войсках эмира Яхмака подсказывал мне – лучшим возрастом для обучения воина боевому искусству является промежуток между двадцатью и двадцатью пятью годами, у людей старше этого возраста понижается способность к успешному освоению воинских навыков.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как я взял город Бухару

Для обучения нанятой мною молодежи, я применил тот же метод, по которому когда-то был обучен сам. Я знал, что Господь наделил каждого целым рядом способностей, в том числе такими как – способности к овладению знаниями, обретению силы, навыками применения боевого оружия. Любой мужчина не обладающий знаниями и силой, способен стать знающим и сильным и только лень может не позволить стать ему таковым или же не попался ему такой учитель и наставник, что заставил бы его расти и развиваться. Чтобы стать знающим, следует учиться, а чтобы стать сильным, необходимо постоянно упражнять тело, чтобы оно наливалось силой. Нанимая молодежь в свое войско, я с первого же дня строго следил за тем, чтобы юноши неуклонно соблюдали как законы шариата, то есть законы религии, так и законы урфа, т.е. гражданские (светские) законы.

Следование законам шариата и урфа, на мой взгляд, представлялось очень важным, и сегодня, когда я стою на пороге своего семидесятилетия, продолжаю считать это важным. Я понимал, что человек, почти всю жизнь проводящий верхом, в вечном движении, перемещающийся из одного края своего царства в другой, не может остановиться, так как ему необходимо постоянно убеждаться в том, что все разнообразные части его владений продолжают оставаться покорными его власти. А такое недостижимо, если повсеместно не обеспечить неуклонное исполнение законов шариата и урфа. Я знал, что когда законность и порядок установлены даже в отдаленнейших уголках моего государства, это равносильно тому, как если бы я сам постоянно присутствовал в тех местах. С того дня как я обрел власть и по нынешний, когда я пишу эти строки, все, что я делал, основывалось на законе. Мой предок Чигиз-хан в своих делах опирался лишь на силу и жестокость. Я же во всех своих деяниях учитывал законы шариата и урфа с тем, чтобы народ знал, что принимаемые мною решения необходимы с точки зрения требований как религии, так и так и мирской жизни, и поэтому он должен принимать эти решения как душой, так и сердцем.

И воинов своих я воспитывал таким образом, чтобы покорны были закону и знали, что будут сурово наказаны в случае его нарушения.

Я дважды в день выдавал им питание, один раз в полдень, а второй раз – вечером, к наступлению ночи. Ежедневно, после утреннего намаза я обязывал их отрабатывать навыки воинского искусства. Я знал, что мое присутствие в степи во время занятий по боевой подготовке и отработке упражнений оказывает огромное положительное влияние на воинов, ибо упражняясь на моих глазах, они больше старались освоить эти навыки.

Это обучение и упражнения длились треть дня, затем я предоставлял воинам время на отдых и обед. После этого, до полуденного намаза воины могли заниматься своими личными делами. После полуденного намаза, боевое обучение и упражнения возобновлялись и продолжались до заката. В жаркие летние периоды боевая подготовка и упражнения переносились на вечернее время с тем, чтобы жара не мешала успешному их проведению.

Так я поступал всю свою жизнь и сегодня, где бы не находилось мое войско, оно неизменно следует этому, раз и навсегда установленному распорядку боевой учебы и тренировки. Я знал, что самый верный путь завоевать уважение в сердцах воинов – это когда военачальник выглядит в их глазах сильным, отважным и искусным. Я знал, подобно тому, как я в свое время ни во что не ставил бессильного и неумелого начальника, мои солдаты будут чувствовать то же самое в отношении меня, если я не буду проявлять постоянно вышеуказанные качества. Поэтому время от времени на глазах войска, во время занятий по боевой подготовке, я сам стрелял из лука, метал копье, фехтовал с тем, чтобы видели и знали, что их командующий не слабак и не новичок в ратном деле.

В 758 году хиджры, когда мне было двадцать два года, группа воинов эмира Бухары убила шестерых из моих воинов, возвращавшихся из степи. Согласно законов шариата, цена крови за неумышленное убийство равна ста вреблюдам, тогда как право устанавливать цену за преднамеренное убийство представлено хозяину пролитой крови. Я написал послание эмиру Бухары, где говорилось, что убиты мои воины, возвращавшиеся из степи и что в их убийстве, по свидетельству тех, кто видел это, участвовали пятьдесят его воинов, и поэтому эмир Бухары должен уплатить за каждого моего убитого воина по три тысячи мискалей золота в качестве платы за их кровь, или же передать в мое распоряжение убийц, количество которых пятьдесят человек с тем, чтобы согласно законов шариата, я сам их обезглавил. Эмир Бухары прислал ответ, в котором говорилось: «Если бы твои воины не затеяли ссору, они не были бы убиты, поэтому в том, что случилось, виноваты они сами, как затеявшие ссору первыми.» Я знал, что либо эмир Бухары лжет либо его воины солгали ему. До того, как написать и отправить послание эмиру Бухары, я разобрался в обстоятельствах, чтобы не возводить необоснованных обвинений в адрес его воинов.

Я знал, что несправедливая клевета – это один из тягчайших грехов, и допропорядочному мусульманину, каковым я являлся, не пристало прибегать к ней. У меня не было сомнений, что виноваты были воины эмира бухарского, поэтому я написал и отправил ему еще одно послание, в котором говорил: «Твои воины солгали и ввели тебя в заблуждение, преподнося случившееся в искаженном виде. Или же, лжешь ты сам, заведомо зная, что виноваты твои воины, в этом случае тебя самого следует считать врагом Аллаха. В пречистых законах шариата убийцы или воры не названы врагами Аллаха,

однако таковыми названы лжецы, тем самым и подчеркивается, что не существует более тяжкого греха, чем ложь.»

Эмир Бухары оставил мое второе письмо без ответа и я решил выступить походом на Бухару. По истечении месяца поста (рамазан) на третий день месяца шавваль 758 года хиджры я двинулся со своим войском из Самарканда в сторону Бухары. Войско мое состояло исключительно из верховых воинов и каждый из них вел с собой запасного коня с тем, чтобы иметь возможность сменить уставшее под ним животное и пересесть на свежую лошадь.

Я на собственном опыте знал, что, имея возможность менять коня в походе, всадник способен таким образом покрывать значительные расстояния, не доводя животных до истощения.

Я старался достичь Бухары как можно быстрее с тем, чтобы весть о моем приближении не опередила меня.

Я знал, что Бухара окружена стеной и, если бухарский эмир узнает о моем приближении, он успеет закрыть городские ворота, перейдет на осадное положение, что создаст ненужные трудности для меня. Я знал, что моё войско не должно подойти к Бухаре в дневное время, так как дозорные, расставленные на городских стенах заметят мои войска издали и известят эмира Бухары о моем приближении. Поэтому я организовал дело таким образом, чтобы войско мое подошло к Бухаре в ночное время, чтобы совершить внезапную ночную атаку. Перед тем как выступить из Самарканда, я приказал раздать воинам понемногу травы и сумбул аль-тайиб для того, чтобы при приближении к Бухаре ими натёрли ноздри лошадей, с тем, чтобы они не ржали, приближаясь к городу. Хотя лошади редко ржут по ночам, тем не менее они привыкли делать это после длительного перехода, приближаясь к месту назначения, чуя близкую стоянку, а это привлекло бы внимание дозорных, расставленных на стенах Бухары, которые поняли бы, что какой то отряд чужих всадников приблизился к городу. Я знал, что ворота Бухары запираются на ночь, однако разломать те ворота не составило бы для нас особого труда, так как с помощью «каллэ-куч» (тарана) мы могли бы за несколько минут сокрушить их и ворваться в город.

(Пояснение: «каллэ-куч» состоит из длинных тяжелых балок из стволов тебризского дерева: сорок-пятьдесят воинов, подняв их и отойдя на некоторое расстояние, наносили удары с размаха со всей силой, в результате, после двух-трех таких ударов ворота не выдерживали и рушились. – Переводчик.)

Когда мы подошли к Бухаре, никто в том городе не ведал о нашем приближении, ни одна лошадь не заржала, но так как ворота были закрыты, я велел крушить их с помощью «каллэ-куч» (таранов) и пока одни мои воины ломали городские ворота, другие с помощью лестниц взобрались на городские

стены и ворвались в город. Настолько внезапным был наш натиск, что никто не успел оказать даже малейшего сопротивления. Однако поднялся шум, который привлек внимание эмира Бухары, пребывавшего в Арке (цитадели, городской крепости), и он приказал запереть его ворота. Как только я понял, что придется осаждать Арк, я приказал воинам взять в кольцо как цитадель, так и весь город. Зная военную науку, я ведал, что из крепостей владык обычно проложены подземные ходы, ведущие за город, чтобы в нужный момент осажденные в той цитадели могли бежать через них и тем самым обрести спасение. Если такая цитадель не имела бы подземного хода, ведущего за город, ее создатель заслуживал бы звание земледельца, а не воина, и ему следовало бы орудовать лопатой, а не клинком.

В то время, как мои люди окружали город Бухару и Арк, я поручил им искать выход из подземелья, на окраинах города, найдя его, следить и ждать появления людей и стрелять, если они попытаются бежать. Я чувствовал, что эмир Бухары не станет в ту же ночь бежать через подземелье, прежде он захочет уточнить как велико мое войско и с этой целью будет ждать рассвета. А утром, убедившись, что не сможет выстоять против меня, обязательно попытается воспользоваться подземным ходом для бегства. Когда наступил день, эмир Бухары появился на одной из башен Арка и обратился ко мне.

(Пояснение: слово «Арк» происходит из языка фарси (вернее «пехлеви» – древнего языка Ирана времен династии Ахеменидов), это слово попало в Европу, сначала использовалось в Риме, затем во времена правления в Иране династии Ашканидов, в периоды римских нашествий на Иран, оно снова попало в Иран и до сих пор используется в том же самом первоначальном смысле. – Переводчик.)

Он спросил меня: «С какой целью ты явился и чего тебе надо?». Я ответил: «Я писал тебе и требовал уплатить цену крови моих воинов. Но ты не захотел платить и вынудил меня собрать войско, и теперь, если хочешь, чтобы я оставил твой город и вернулся к себе, ты должен дать мне пятьсот тысяч мискалей золота, а если нет у тебя золота, дай мне имущества и ценностей на эту сумму.» Эмир Бухары сказал: «Что будет, если я не дам тебе пятьсот тысяч мискалей золота?» Я ответил: «Тогда я казню тебя по обвинению в убийстве моих воинов.» Он сказал: «Я не убивал твоих воинов.» Я ответил: «Убийцы - твои воины, ты же покрывал их, а потому ты - соучастник в том убийстве и должен быть казнен. Казнив тебя, я заберу все твое имущество и стану править Бухарой.»

Эмир Бухары ответил: «Если сможешь убить меня, можешь присвоить себе мое имущество.»

После этого он скрылся из виду, то есть сошел с башни. Через два часа послышался шум и отряд моих воинов, оставленных за чертой города, доставил ко мне несколько захваченных ими людей, и я узнал среди них

эмира Бухары, который не ведая о том, что мы догадывались о существовании подземного хода, хотел бежать через него со своими приближенными и вместо этого попал в руки моих воинов. Эмир Бухары сказал: «Я готов дать тебе имущества и ценностей на сумму пятьсот тысяч мискалей золота, а ты взамен, освободи меня и покинь Бухару.» Я сказал: «Сегодня утром, когда я требовал у тебя пятьсот тысяч мискалей золота за кровь моих убитых воинов и за мои расходы по сбору войска, в обмен на то, чтобы я ушел, ты еще не был моим пленником, и твоя жизнь и имущество не находились в моем распоряжении. А сейчас и жизнь твоя как и твоё и имущество – в моих руках, и все, чем ты распоряжался – отныне так и так в моем распоряжении.»

Затем велел, посадить на землю вокруг эмира его приближенных, сам я обнажил саблю и одним махом снес голову их недавнего повелителя, скатившуюся к его ногам. Я хотел дать понять населению Бухары, что впредь они должны будут безусловно повиноваться мне, а так же я желал увидеть как кровь эмира забьет фонтаном из рассеченных артерий, и когда она взмыла вверх тугой струей высотой в целый зарь, я рассмеялся от испытываемого в тот момент удовольствия.

Казнив эмира Бухары, я забрал себе все его имущество и все, что можно было унести, перевез в Самарканд. Я повелел так же, чтобы заложниками была взята часть воинов эмира и жителей Бухары, чтобы городские стены были снесены для того, чтобы впредь никто в том городе не сумел занять осадное положение, защищать его от меня и тем самым создавать для меня новые хлопоты.

Править Бухарой я поручил одному из своих приближенных, наказав, чтобы правил этим городом в соответствии с законами ислама, и что если он столкнется с трудностями и не будет знать, как поступить, пусть запрашивает моих указаний.

Через некоторое время, после возвращения из Бухары, увидел я удивительный сон. В каком-то призрачном состоянии видел я перед собой некую лестницу, обе ножки которой опирались на землю, в то время как верхние их концы ни на что не опирались. Меня взволновал вид этой лестницы, я удивился, как это эта лестница может стоять ни на что не опираясь и не падать?

Раздался голос, повелевавший: «Тимур, взбирайся наверх по этой лестнице.» Я ответил: «Эта лестница ни на что не опирается, по ней невозможно взбираться наверх, она опрокинется.» Тот же голос сказал: «Разве не видишь, что лестница не падает.» Однако я колебался, стоит ли мне взбираться на эту лестницу или нет. Тот же голос спросил: «Тимур, ты боишься?» Я ответил: «Кто следует велению ума, не трус, и несмотря на то, что я обладаю отвагой, не стану кидаться в середину горящего костра, ибо точно ведаю, что сгорю.» Обладатель голоса сказал: «Я говорю тебе, что лестница не опрокинется, взбирайся же на нее!» Я поставил ногу на первую ступень лестницы, проверил ее устойчивость и убедился, что она стоит крепко и не собирается

опрокидываться. Убедившись в этом, я без страха стал взбираться по этой лестнице.

Поднявшись на некоторую высоту, обратил я внимание на то, что левая нога перестала повиноваться мне. Я не чувствовал какой-либо боли в своей левой ноге, вместе с тем не мог двигать ею. Обладатель голоса спросил: «Почему ты остановился и не взбираешься дальше наверх?»

Я ответил: «Не могу дальше взбираться ибо левая нога не слушается.» Голос сказал: «Продолжай взбираться дальше наверх. Вышедшая из строя левая нога не будет мешать твоему дальнейшему продвижению.» Я последовал велению этого голоса и увидел, что несмотря на то, что левая нога не повинуется, мне удастся волочить ее. Взобравшись еще немного наверх, я вдруг обнаружил, что моя правая рука перестала мне подчиняться. Однако она не вышла из подчинения полностью и мне удавалось цепляться за перекладину, тем не менее, пальцы не вполне меня слушались.

В конце-концов достиг я места, где уже не оставалось никаких ступеней, и обладатель голоса вновь спросил меня: «Ведомо ли тебе, сколько ступеней ты уже прошел?»

Я сказал: «Нет.» Он сказал: «Лучше тебе не знать, сколько ступеней ты преодолел, так как лестница – это годы твоей жизни и ты будешь взбираться вверх пока жив и никогда опустишься вниз. Всегда оберегай людей науки, искусства и поэзии, даже если они настроены против тебя, не обижай их, даже если не воспримут они твоей религии.» После этого наставления, я проснулся.

Сегодня проходит сорок восьмой год со того дня как привиделся мне тот сон и я могу назвать его вещим. Все эти сорок восемь лет я постоянно рос и развивался, мое богатство и могущество ширились и все строптивцы либо покорно склонили свои головы предо мною, либо лишались их. За эти сорок восемь лет не было и мгновения, когда бы я отступил назад или чтобы мое богатство и могущество уменьшились, а сегодня я намерен идти походом на сам Китай и покорить эту страну.

То, что во сне вышла из строя моя левая нога, означало, что впоследствии в одной из битв она будет сильно ранена, с тех пор и поныне я хромаю на неё. А то, что в том сне перестал я владеть правой рукой означало, что впоследствии в войне с Тохтамышем моя правая рука будет сильно ранена, с того дня и поныне мне не удастся сгибать и разгибать ее пальцы так, как мне бы хотелось, и пишу эти строки о событиях своей жизни, пользуясь левой рукой.

(Пояснение: сам Тимурленг на последующих страницах расскажет о событиях, связанных с войной против Тохтамыша, поэтому нет необходимости в том, чтобы мы давали какие-либо подробные пояснения по

данному вопросу, вкратце лишь сообщим, что это был один из крупных повелителей южной части России. – Переводчик.)

Я не могу удержать калам в правой руке, но могу удерживать ею рукоятку сабли и рубиться, так как плечо, предплечье и кисть не повреждены. За сорок восемь лет, прошедших с даты того сна, я получил в битвах сто семьдесят две раны, но никогда из моих уст не вырывалось и стоны, и всякий раз как мне наносилась рана я лишь стискивал крепче зубы, чтобы не застонать невольно. Следуя велениям того сна, я помнил и проявлял заботу о людях науки, искусства и поэзии, даже если некоторые из них и не были мусульманами, вопреки тому, что считались еретиками подобно Шамсуддину Мухаммаду Ширази (имеется в виду Хафиз Ширази).

Когда я вступил в Шираз, до того как собрать тамошних ученых мужей, повелел я доставить ко мне Шамсуддина Мухаммада. Через час доставили ко мне старика, чуть согбенного, заметил я, что один глаз у него слезится, я спросил его: «Ты и есть тот самый Шамсуддин Мухаммад Ширази?»

Старец ответил: «Да, о повелитель Вселенной.»

Я сказал: «Это ты писал в одной из своих газелей слова, смысл которых сводился к следующему: «Боже, надели нашего мухтасиба (т.е. чиновника, надзирающего за соблюдением нравственных устоев), мелодичностью бубна и свирели, а саз (вид музыкального инструмента) шариата от этого не лишится своего законного характера.»

Ширазский поэт сказал: «Да, повелитель Вселенной, я сложил эти стихи.» Я сказал: «Ты что, не знал, что эти стихи – прямое оскорбление религии?» Поэт сказал: «Я не намеревался оскорблять религию и хотел лишь сказать, что звучания бубна и свирели настолько незначительны, что не могут поколебать устоев религии.»

Я сказал: «Это не так, и в этом стихе явно проглядывается намерение оскорбить.» Потом я спросил: «Хочешь увидеть Самарканд и Бухару, города, которые ты поминаешь в своих стихах?» Он ответил: «О повелитель, будь я молод я бы еще, может, стремился увидеть Самарканд и Бухару, но поскольку я стар, то знаю, что пустившись в путь могу не достичь цели, умереть в пути, не вернуться в Шираз.» Я сказал: «Эй, Шамсуддин Мухаммад, кроме Шираз видел ли ты другие края? (Тимурленг произносил и писал Си-раз вместо Шираз – Марсель Брион). Ты воображаешь, что красивее Шираз нет других мест? Тогда как твой Шираз перед моим Самаркандом выглядит как маленький и ничтожный городишко.»

«Еще до того как я достиг власти, Самарканд был одним из красивейших городов мира и сделал я его самым красивым и благоустроенным городом Вселенной. В твоём Ширазе есть не более семи мечетей, среди которых лишь

одна – большая, а в моем Самарканде насчитывается двести больших мечетей, в каждой из них по две, три, а то и четыре «гульдаста» (минарета), а на куполах каждой мечети установлены золотые полумесяцы, и когда с вершины холма на окраине ты посмотришь на Самарканд, утопающий в зелени садов, можно подумать, что зришь рай земной.»

Однако, Шамсуддин Мухаммад не захотел покинуть Шираз, съездить в Самарканд и прожить там остаток своей жизни. И несмотря на то, что он являлся, на мой взгляд еретиком, я повелел дать ему тысячу золотых динаров, чтобы он мог в достатке прожить свои оставшиеся дни и с того дня как я видел тот сон, ни один ученый, ни один деятель искусства, ни один поэт не был обижен мною.

Бывало, когда мне приходилось силой брать защищавшийся город, сломив его сопротивление и затем, подвергая казни его жителей за то, что не сдались по доброму, даже в этих случаях, я всегда велел отделять от них ученых, людей искусства и поэзии, чтобы их не убивали как остальных. Разрушив такой город, я разрешал ученым и поэтам селиться где им угодно, а искусных ремесленников переселял в один из своих городов, обеспечивая их всем необходимым для проживания и говорил им, чтобы продолжали заниматься своим делом в том городе и жили со всеми удобствами. Ученые, поэты и искусные мастера при мне пользовались настолько большим почетом, что даже когда христианский епископ города Султания надерзил мне, я воздержался от того, чтобы наказать его, более того, предложил ему ехать в Самарканд и прожить там остаток своей жизни.

Христианский епископ Султании жил вначале в Нахичевани и был там духовным главой армян-христиан, затем он был переведен в Султанию и там ему довелось встретить меня. Я любезно принял его, усадил рядом с собою и, зная о трудностях с продовольствием вследствие военных действий в Султании, повелел, чтобы принесли ему поесть. И этот христианин, поев и насытившись, вместо того, чтобы выразить хозяину свою благодарность, повел недостойные речи, сказав: «Эй, Амир Тимур, ты, который утверждаешь, что ты мусульманин и веришь в Бога, отчего же ты проливаешь так много крови и убиваешь рабов Божьих.» Я ответил: «Я убивал и буду убивать тех, кто, став мусульманами, затем изменили исламской вере, а мусульманин, изменивший нашей вере есть еретик и подлежит убиению.» Епископ сказал: «Однако ты в Армении убил множество христиан, разве они были раньше мусульманами, затем изменившими исламу?» Я ответил: «Они не были мусульманами, однако были они воинствующими кафирами (неверными), против которых следует вести священную войну, ведь воинствующий кафир – это неверный, немусульманин, ищущий повода для войны с мусульманами, начавший такую войну подлежит убиению. Ты же, о христианин, радуйся, что относишься к сословию ученых и считаешься одним из ученых-христиан. Не будь ты ученым, я бы повелел чтобы на моих глазах с тебя живого содрали кожу, чтобы знал, как наказывают за оскорбление повелителя подобного мне.

Поскольку ты ученый, не стану я проливать твою кровь.» Епископ Султанин попросил, чтобы я простил его и я согласился, чтобы его отправили в Самарканд и он увидел мою столицу, и после его недолгого пребывания там, я наделил его миссией своего посла и он повез от меня послание на Запад королю ференгов.

После возвращения из похода на Бухару и того вещего сна, до меня дошло, что пятеро из тогдашних правителей Мавераннахра, бывших друзей эмира Бухары, решили объединиться против меня и с этой целью собираются снарядить и направить в Самарканд стотысячное войско чтобы избавиться от меня. До того сна, я и без того был сильным и отважным, а увидев тот сон, я понял, что сам Аллах решил оказать мне поддержку и будет помогать мне в моих войнах. Однако я не утратил осмотрительности и осторожности и знал, что Бог помогает тому, кто умен и осмотрителен, и, что легкомысленный и недалекий не обладает качествами, делающими его достойным помощи со стороны Аллаха.

Ум подсказывал мне, что ещё до того, как эти пятеро успеют собрать стотысячное войско против меня, и выступить на Самарканд, мне следует сразиться с каждым из них по отдельности и расправиться с каждым поодиночке. Поэтому, вручив правление Самаркандом одному из своих приближенных по имени Шир-Бахадур, выступил во главе своего войска и достиг берега реки Джейхун. Я вышел к Джейхуну в местности, называемой Термез и, захотев переправиться через реку, заметил, что нет там ни единого плота или лодки, чтобы погрузить на них людей и лошадей. Если бы река не была столь бурной, я бы велел своим всадникам броситься в воду и переправиться вплавь, однако когда река приходит в такое волнение, не то, что лошади, слону не удастся переправиться вплавь через нее.

В тот момент я впервые понял, что большое войско передвигающееся в краю, подобном Мавераннахру, где много широких рек, должно иметь при себе множество «зоурагов» (это слово означает - небольшое судно, баркас), эти «зоураги» должны находиться при войске, сопровождать его, чтобы, дойдя до реки, без задержки переправиться через неё. Я оттуда же написал послание Шир-Бахадуру наказав, чтобы он приступил к изготовлению «зоурагов», причём таких, чтобы были пригодны для перевозки лошадей, вместе с тем, они должны были быть достаточно лёгкими для перевозки с места на место по суше. Я знал, что изготовление «зоурагов» займёт немало времени. Поэтому я разослал своих воинов в северные и южные районы с задачей отыскивать имеющиеся у населения речные суда, забирать их и отправлять в Термез.

(Пояснение: Термез, упоминаемый здесь, место знаменитое, и ряд ученых и поэтов носят имя Термези. – Переводчик.)

Вскоре в Термез было стянуто некоторое количество речных судов и я переправил свое войско через реку Джейхун. Переправа конного войска с

одного берега на другой заняла всего один день, после чего я двинулся на земли, находившиеся под властью эмира Газанфара. Эмир Газанфар был одним из пяти эмиров, объединившихся против меня. Прежде, чем, я достиг его владений, эмир Газанфар бежал, и я захватил всех его лошадей, овец, его шатры, однако я не стал проливать крови его родных, так как они не оказывали мне сопротивления. Пройдя через владения эмира Газанфара, я достиг земель, где правил Амирлик Тутун. Это был один из тех пяти эмиров, он не считался добропорядочным мусульманином.

У Амирлика Тутуна было четыре тысячи всадников, и у меня было столько же, но каждый из моих имел запасную лошадь, чтобы в походе менять ее, давая отдохнуть уставшей, получавшей возможность некоторое время передвигаться без всадника. Я усвоил этот новый способ передвижения из опыта своего великого предка Чингиз-хана, этот прием не раз приносил мне успех в войнах, которые я вел впоследствии. Как правило, при этом я заставлял противника врасплох, по расчётам которого я всё еще находился достаточно далеко от него, а я тем временем внезапно возникал перед ним, стремительно нападал и уничтожал его. В качестве примера можно привести взятие мною Сабзевара, оплота земли Хорасан, - мое войско дошло до него всего за двадцать дней, со дня, после того, как выступило из Бухары. В течение тех двадцати суток я и мои воины двигались без остановки. Настолько неожиданно мы появились перед Сабзеваром, что жители его окраин, дома которых были расположены вне городских стен, не смогли добежать до города и предупредить его жителей о надвигавшейся на них опасности.

Жители Сабзевара поголовно были еретиками (*разумеется, это является всего лишь личным мнением Тимура в отношении шиитов, и оно несомненно является безосновательным – Переводчик*), и я после взятия города велел передать войску, что выплачу по одному динару за каждые десять отсеченных голов, так как я, мусульманин и воин Аллаха, твердо верю в то, что согласно священных законов исламского шариата, всякий еретик подлежит преданию смерти. В ответ, воины представили сто пятьдесят тысяч отсеченных голов, получив за это пятнадцать тысяч динаров. Я повелел соорудить башню из тех ста пятидесяти тысяч голов, обратив их в сторону Киблы, чтобы Аллах в Каабе знал, что ему в угоду я истребил этих еретиков. После того, как эта башня стала высотой в тридцать зарьов, я велел разрушить городскую стену, затем велел войску двигаться дальше, однако через день я внезапно вернулся в этот город. Я знал, что оставшаяся в живых часть его жителей, попрятавшихся по закоулкам, увидев, что войска мои ушли, непременно выйдут наружу. Мое предвидение оказалось верным, вернувшись внезапно, я застал их врасплох и перебил оставшихся.

На двадцать второй день месяца зихадже 759 года хиджры, началась битва между конными войсками, моим и Амирлик Тутуна. До начала битвы я велел, чтобы двести воинов оставили присматривать за запасными лошадьми,

расположенными в тылу наших войск, сам же я с остальными тремя тысячами восьмьюстами воинами напал на войско Амирлик Тутуна. Мы сошлись на широкой долине, плоской, без каких-либо выступов и впадин, и я, имел возможность перемещать своих конников как мне хотелось. Я велел чтобы мой шурин (т.е. муж сестры) Хусейн во главе своих пятиста всадников притворно обратился в бегство и тем самым увлек за собою всадников Амирлик Тутуна. Затем, убедившись в том, что воины противника последовали за ним, он должен был внезапно развернуться, осыпая их на полном скаку стрелами, уничтожая их, достигь моих позиций и ударить с тыла по остальной части войска Амирлик Тутуна. Я так же сказал, чтобы старались применяя копья постарались вывести из строя как можно больше лошадей противника, чтобы побольше всадников Амирлик Тутуна оказались в положении пешех.

Я знал, что труднее одержать победу над всадником, чем над пешим, что легче будет атаковать спешенных воинов Амирлика Тутуна. Ущерб от такой тактики для нас заключался в том, что победив мы лишались возможности получить добычу в виде лошадей врага. Однако в войне следует вначале победить, и уже после того, думать о захвате имущества противника. Тем временем, мои воины двинулись с копьями наперевес и начали поражать ими коней под всадниками Амирлик Тутуна, а мой зять Хусейн со своими всадниками сделали вид, что дрогнули и начали отступать. Я полагал, что в случае мнимого отступления Хусейна, за ним кинется не более двухсот-трехсот всадников противника, однако с ужасом увидел, что Хусейна преследует не менее тысячи всадников Амирлик Тутуна. Мы со всей решимостью и яростью бросились на всадников Амирлик Тутуна.

Если ты воин, то должен понимать, что на поле битвы стремление поразить лошадь противника и вывести ее из строя, - не является нечестным приёмом или проявлением низости. Задачи боя требуют нанесения урона врагу и выведения врага из строя с помощью любых доступных средств, а между тем, пешего врага сразить легче, чем конного, у него меньше возможностей ускользнуть.

В результате нашей яростной и продолжительной атаки, значительная часть воинов противника оказалась спешенной. Я дал указание одному из своих военачальников, по имени Нусратли, взять пятьсот всадников и напасть на теперь уже пешех воинов противника, рубить и колоть копьями. Я сказал ему: «Они – неверные, однако даже если бы и были мусульманами, их следовало бы убить за то, что воюют против меня, поэтому, иди и перебей всех их.»

По истечении получаса я увидел, что Нусратли и его конники с такой легкостью поражают спешенных всадников Амирлик Тутуна, как если бы те были кучкой жалких муравьёв. Оказавшиеся пешими воины противник а не зная, как им защититься от натиска верховых, попросту разбегались издавая

вопли ужаса. Однако мои воины легко догнав, уничтожали их ударом клинка, или копья.

События того дня еще раз вселили в меня уверенность в том, что мне всё же присущи необычайные способности и что всем остальным далеко до меня в этом отношении. Я понял, что жизненный успех человека зависит не только от наличия у него определенных способностей, в не меньшей степени, необходимо, чтобы таких же способностей не было у всех остальных – эти два обстоятельства взаимообусловлены. Так же понял я в тот день, что никогда не следует поддаваться обманчивому влиянию славы и известности других, позволять их великим именам смущать или пугать тебя. Амирлик Тутун был одним из великих имен Мавераннахра и всякий раз, когда он садился на коня, впереди него несли знамя, украшенное девятью коровьими хвостами.

Амирлик Тутун причислял себя к истинным потомкам тюркских властителей, и тем самым он никого ни во что не ставил перед величием и происхождением династии, к которой принадлежал. Тем не менее, сей муж со всеми его притязаниями на величие, не оказался способным обучить свое войско искусству ведения боевых действий в достаточной мере, чтобы его воины умели защищаться пешими от натиска вражеских всадников. В этот день, когда мои конники истребляли воинов Амирлик Тутуна как каких то жалких муравьев, им было бы достаточно выстроиться в ряд и выставить вперед свои копья, чтобы не дать пройти моим всадникам. Однако, вместо того, чтобы выстроиться, оцетиниться копьями и поставить заслон перед моими конниками, они, как зайцы, преследуемые охотником, стали разбегаться в кто куда.

Увидев, обратившихся в бегство воинов Амирлик Тутуна, я ощутил уверенность в своей победе в этой битве, поскольку выступивших против меня нельзя было считать бойцами, их следовало уподобить слабым женщинам. О, читающий это описание моих жизненных деяний, знай же эту простую истину – всякий раз когда видишь, что воины противника проявляют бессилие и трусость, это означает, что их предводитель трус и недостойная личность, так как воин - это лицо своего полководца, в котром как в зеркале видна суть его начальника. Сомнительно, чтобы у способного и отважного полководца были трусливые и недостойные воины. Зрелище битвы в тот день стало для меня поучительным уроком, я понял, что никогда не допущу, чтобы мои воины в час испытаний вдруг проявили трусость и неумение подобно воинам Амирлик Тутуна. Я понял, что слабость войска Амирлик Тутуна вытекает из лениности их полководца.

Если бы Амирлик Тутун не тратил свое время на то, чтобы есть и спать, а вместо этого занимался делами своего войска, его воины не оказались бы такими жалкими в бою. После той битвы я поручил Нусратли, чтобы он ежедневно, после моего утреннего намаза громко декламировал для меня следующие стихи:

Ничего другого, кроме пыли битвы пусть не видят мои глаза,
Оскверняет душу винная чарка праздных утех.

Мой шурин Хусейн, которому было поручено увлечь за собой и уничтожить воинов противника, успешно справился с задачей и благополучно возвратился на место.

Если бы я знал, что воины Амирлик Тутуна окажутся настолько слабыми, не стал бы давать такого задания шурина и отдалять его от себя. С возвращением Хусейна, положение воинов Амирлик Тутуна еще более осложнилось, так как на этот раз *их теснили еще и с тыла*, однако Хусейн в той битве погиб, и я велел вынести его тело с поля битвы, обернуть в войлок, чтобы можно было отвезти в Самарканд и похоронить там. Прежде чем погибнуть, Хусейн сумел перекрыть путь отступления для Амирлик Тутуна. Я уверен, что если бы мой шурин не отрезал этому человеку путь отхода, Амирлик Тутун сумел бы бежать бросив свое войско на произвол судьбы, лишь бы спасти свою жизнь. Амирлик Тутун был мужчиной примерно сорока лет, очень смуглый, в тот день на голове его был шлем, а на теле – панцирь. На мне так же был шлем, но не было панциря, я предпочитаю носить вместо него кольчугу, так как сам много раз пробивал панцири других ударами сабли, в то время, как такого с кольчугой не случалось, поэтому я был убежден, что кольчуга лучше, чем панцирь защищает тело от клинка, копья и стрел.

В сопровождении своих приближенных и небольшого отряда воинов я подъехал к Амирли Тутуну, и этот человек прокричал по-тюркски: «Эй, юноша, кто ты?» Я ответил на фарси: «Моя кормилица назвала меня твоей смертью.» Амирлик Тутун ответил на тюркском: «Не понимаю о чем ты говоришь.» Я разъяснил ему на тюркском то, что я уже говорил на фарси. Затем, зажав в зубах уздечку, я налетел на него, орудуя клинками в обеих руках. Сразив несколько всадников вокруг Амирлик Тутуна, я приблизился к нему. В меня несколько раз стреляли из луков, однако я успевал отражать их стрелы ударами клинков. Амирлик Тутун, как и все его воины, умел фехтовать лишь одной рукой.

Я знал, что мне легко будет убить этого мужчину, так как, остановив его удар клинком, находящимся в моей левой руке, я мог одновременно поразить его клинком, который я держал правой. Только лишь шлем и панцирь на нем мешали убить его быстро. Орудуя клинком, зажатым в левой руке, я сделал сильный выпад правой в его сторону и ранил его в ногу, и темнолицый мужчина согнулся от боли, всё ещё удерживаясь в седле. Второй удар моего клинка пришелся на его левую руку и отсек ее. Амирлик Тутун не смог удержаться на лошади и свалился наземь. Я приказал трем своим всадникам отсечь ему голову, насадить на пику и показать ее его войску, чтобы битва завершилась как можно скорее. Как только голова Амирлик Тутуна была насажена на пику, и его воины увидели, что их командующий убит, они в ужасе стали разбегаться и еще до полуденного намаза битва завершилась. Я

повелел части моих воинов заняться преследованием остатков вражеского войска и сбором захваченного имущества. Я приказал брать и сносить в одно место всё движимое имущество. Велел я пленить так же всех молодых женщин с тем, чтобы затем распределить их между своими военачальниками и воинами, ибо шариатом разрешено брать в наложницы женщин кафи́ров. Закончив дела, связанные с битвой, я снял шлем, кольчугу и сапоги, велел принести воды для омовения, я приступил к молитве.

В то время у меня еще не было походной мечети, чтобы я мог совершать намаз в собственном храме. Совершив омовение, я приступил к молитве и прежде всего возблагодарил Аллаха за то, что он даровал мне возможность с такой легкостью одержать победу. Через два дня вернулись конники, отправленные мною за имуществом поверженного врага, кроме имущества они пригнали пять тысяч сто молодых женщин, и я распределил их между своими военачальниками и рядовыми воинами, каждому из них досталось по одной наложнице, остальных женщин я отправил для продажи на невольничьих рынках Мавераннахра.

В этой битве погибло пятьсот двадцать пять моих военачальников и воинов, в их числе мой шу́рин Хусейн, однако убив Амирлик Тутуна, я тем самым сорвал направленный против меня заговор пяти эмиров Мавераннахра, после этого они уже не смели объединиться с целью уничтожить меня.

Когда я вернулся в Самарканд после битвы с Амирлик Тутуном, мне донесли, что туда прибыли два известных путешественника, оба они были учеными. Я спросил, откуда откуда они. Мне ответили, что они из «Левосторонней страны».

(Пояснение: «Левосторонняя страна» являлось образным названием страны Шам, которая сегодня называется Сирией. «Шам» – переводится как «Страна, находящаяся слева», а Йемен – «Страна, находящаяся справа». – Переводчик.)

Стало известно, что один из этих путешественников – житель Халеба, а другой – Дамаска. Удивительным образом складываются судьбы человеческие, в тот день, когда путешественники въехали в Самарканд, я и не предполагал, что придет время, когда из рода тех двух путешественников выйдут двое потомков, которые напишут обо мне книгу.

Сегодня, когда мой возраст приблизился к семидесяти годам и я одним взглядом могу окинуть все события прошлого, могу сказать, что у одного из путешественников, которого звали Камалиддин, впоследствии родился сын, названный Низамуддином Шами, - он написал книгу обо мне под названием «Зафар-наме» (Книга побед). Другой путешественник, по имени Арабшах, впоследствии имел сына, названного Ибн Арабшах, впоследствии начавшего писать книгу обо мне, которую все еще не закончил. Я еще не видел этой

книги, однако он сказал, что назовет книгу «Аджайеб аль-макдур фи-навайебе Тимур» – «Удивительные деяния Тимура-властителя».

Оба ученых путешественника приехали в Самарканд в месяце Джамади-уль-авваль 765 года хиджры, в то время еще не родились ни Низамуддин Шами, автор «Зафар-наме», ни Ибн Арабшах. Оба путешественника были выдающимися учеными «Левосторонней страны» и я послал каждому из них приглашение встретиться со мной по-отдельности и отвежать здешних явств. Вначале я пригласил Камалиддина, уроженца Халеба, когда он вошел, я встал в знак уважения к нему и усадил его на самое почетное место. После того, как блюда были отведаны, начал я с ним беседу, и чтобы определить насколько основательны его знания, спросил когда началась и когда стихла буря во время плаванья Ноя на ковчеге. Он ответил, что неизвестно когда началась и когда закончилась та буря, однако известно, что она продолжалась десять куруров (один корур равен пятистам тысяч), иными словами - пять миллионов лет. Я спросил: «В течение всего того времени, Ной и его твари продолжали находиться в ковчеге и не покидали его?» Камалиддин ответил: «Вопрос пребывания Ноя и его тварей в ковчеге – это вопрос мистический, потому что Ной не мог оставаться живым десять коруров лет, в течение которых непрерывно лил дождь. Смысл сказания о Ное и тварях, которые были с ним и весь период бури провели на воде в том, что Бог сотворил людей и живых тварей из воды и земли, находящейся в воде». Я воскликнул «Офарин» (Хвала тебе!) Камалиддину, так как сказанное им было истиной, а эту истину я знал от своего учителя Абдуллы Кутба. Он говорил мне, что буря и потоп, в которую попал Ной, не возникала, в том виде, каком их описали, однако смысл и понятие этой бури подразумевает некий очень длительный период, в течение которого лил дождь и заполнял водой моря, являвшиеся до того глубокими впадинами.

Через несколько дней после приема Камалиддина, я пригласил на ужин Арабшаха, уроженца Дамаска. После трапезы, я спросил его, кем являются «Невидимые деятели» (Раджол-уль-Гайб), где они пребывают и правда ли то, что их насчитывается 353, что это количество не уменьшается и не увеличивается, и правда ли, что благодаря их существованию, Вселенная сохраняет свою прочность и устойчивость, и что если они будут уничтожены, то и мир погибнет.

Арабшах ответил: «Эй, эмир Самарканда и Бухары, термин «Невидимые деятели» для того введен, чтобы простые люди понимали и представляли, будто за неким занавесом находятся люди, которые управляют миром. «Невидимые деятели» – это выражение, характеризующее силы, которые управляют этим миром, и не будь тех сил, этот мир не мог бы существовать. Эти силы не убывают и не прибавляются, поскольку вне Вселенной нет места куда бы складывались излишки образовавшиеся от этого мира, так же как и нет вне Вселенной места, откуда бы брались и приносились в этот мир какие-либо новые вещи, чтобы компенсировать недостачу. Потому что все вокруг,

всюду и везде – это Вселенная, поэтому «Невидимые деятели», то есть силы, которые управляют ею не убывают и не прибавляются.» Я молвил: «Хвала тебе!..., прекрасно..., стало ясным, что ученые мужи Левосторонней земли не уступают ученым Мавераннахра и обладают такими же обширными знаниями».

Пока Камалиддин и Арабшах находились в Самарканде, я оказывал им свое гостеприимство, а когда они пожелали вернуться на свою родину, я подарил каждому из них по мулу и пятьсот золотых динаров.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Битва за Ташкент

Если бы я захотел описывать свою жизнь день за днем, это заняло бы слишком много времени и возможно моя жизнь окончилась бы прежде, чем я успею закончить настоящее повествование. Поэтому я кратко описываю часть событий своей жизни, чтобы быстрее приступить к описанию тех больших и важных свершений, которые более достойны упоминания. Начиная с 760 года хиджры (*то есть с 1369г. от Рождества Христова – Марсель Брион*) мне пришлось вести множество различных войн.

В течение тех одиннадцати лет я сумел завоевать весь Хорезм и Мавераннахр, подвластные мне земли теперь простирались на восток до диких морозных степей (*т.е. Сибири – Переводчик*), а в противоположном направлении – до Абескунского (*Каспийского – Переводчик*) моря.

Крупнейшим сражением того времени стала битва за Ташкент, в которой я был ранен в левую ногу, с тех пор и доныне я хромаю на неё. Ещё до того Ташкент был в числе моих владений, своим наместником там я назначил Эльджа Тиу Мухаммад Кулука, при этом я не мог предположить, что спустя два года мне придется вторично завоевывать этот город. Однако Эльджа Тиу Мухаммад Кулук за время своего наместничества, сколотив изрядное состояние, собрал большое войско и поднял мятеж, и потому пришлось мне снаряжать собственное войско для похода на Ташкент.

В месяце Шавваль года 768 хиджры во главе семидесяти тысяч конников я окружил Ташкент, обнесенный городской стеной и призвал его жителей, чтобы они восстали против Эльджи Тиу Мухаммад Кулука и убили его. Однако с их стороны не последовало каких-либо действий, направленных против тогдашнего правителя Ташкента. Убедившись в отсутствии подземных ходов, ведущих за город изнутри Ташкента, я приказал чтобы быстро устроили два подкопа, один в северной, другой в южной части, ведущие к подножию городской стены. Я знал, что при устройстве тех подкопов, особенно в ночное время, люди Эльджи Тиу Мухаммад Кулука наверняка услышат звуки от ударов кирки и лопаты, возникающие в ходе подземных работ и поймут, что мы заняты устройством подкопов. Любой, приложивший ночью ухо к земле, сумел бы услышать от лопаты и кирки в руках землекопов. Эльджа Тиу Мухаммад Кулук велел своим людям выжидать чтобы уничтожить наших землекопов, как только те высунутся в черте города, затем завалить устроенные нами подземные ходы.

На восемнадцатый день месяца Шавваль, две линии подземных ходов были открыты и подведены к городской стене на севере и юге Ташкента. Я велел своим военачальникам передать войску быть готовым назавтра идти на

приступ города. На рассвете девятнадцатого Шавваля 768 хиджры года, как только рассеялся ночной мрак, и небо слегка посветлело, я велел отнести и заложить четыре мешка с порохом под городские стены – две в южной части и две – в северной. От каждого из мешков следовало протянуть фитили до самого входа в подземелье. Это указание было в точности исполнено и ко входу каждого из подземелий от мешков было протянуто по два фитиля.

Я сам поджег фитили у северного подземелья, у южного же поджег Шер Бахадур, и два пролёта ташкентской городской стены, на севере и юге, обрушились с ужасающим грохотом, подобным грохоту столпотворения. Конники не могли верхом проникнуть через образовавшиеся бреши в городской стене, поэтому они спешили, и я велел им прорваться в город, и открыть ворота, чтобы конное войско могло попасть внутрь город. Мое указание было выполнено и воины, проникнув в город широко распахнули его ворота.

Я так же велел оставить отряд воинов в кольце вокруг Ташкента с тем, чтобы Эльджа Тиу Мухаммад Кулук и его приближенные, если вздумают, не могли спастись бегством, а сам тем временем вступил в город во главе своих конников. Правитель Ташкента знал, что попади он в мои руки, я непременно поступлю с ним, как с предателем. Моим правилом с юной поры и до сих пор было - если кто-либо из лиц, облеченных моим доверием, но совершивший предательство, поднявший мятеж, или перешедший на сторону врага, попадал в мои руки, я повелевал сдирать с него живого кожу, и если после этого предатель оставался живым, его бросали в котел, наполненный кипящим маслом. Эльджа Тиу Мухаммад Кулук, хорошо знавший меня и понимавший, что попади он в плен, его ожидала бы именно такая участь, защищал город Ташкент с остервенением обреченного.

Я, как обычно, рубился, сжав клинки в обеих руках, и поскольку на мне были шлем и латы, так называемые «Чакор Ойна», мое тело было надёжно защищено и удары врагов не наносили мне особого вреда.

(Пояснение: «Чакор Ойна» - состояла из железной куртки, спереди которой располагались одна над другой две плоские металлические пластины, и позади, в спинной части, можно было видеть две такие же пластины, расположенные в том же порядке. И, так, как указанные пластины полировались и сияли на солнце подобно зеркалам, потому тот вид боевой одежды называли «Чакор Ойна» – «Четыре зеркала». – Переводчик.)

Я смотрел, обращая внимание лишь на то, что находилось впереди и был спокоен относительно происходящего за моей спиной, ибо был уверен, что в тылу у меня нет врага. По обе стороны сражались мои воины, однако один из них, сражавшийся слева от меня, был убит, и прежде, чем другой успел заступить на его место, на мою левую ногу обрушилась вражеская секира. Удар был очень сильным, мне даже показалось, что левая нога целиком

отсечена от тела, в этот момент один из наших воинов встал на опустевшее место слева от меня, и прикрыл меня с той стороны. Когда лезвие секиры, в результате мощного удара, вонзилось в мою левую ногу, я не закричал и не застонал и потому, никто у моих воинов в тот момент не понял, что я ранен.

Я знал, что доблесть воителя заключается не только в том, чтобы без страха перед смертью сойтись с вражескими рядами и убивать вражеских воинов, а еще и в том, чтобы, получив удар не закричать и не застонать от боли.

Старуха, убивая кого-то, может гордиться собой и казаться себе могучей, однако могучий и отважный муж лишь тот, кто способен стойко снести удар, нанесенный ему саблей, секирой или копьем. И мои солдаты не ведали того, что я ранен, пока один из них не обратил внимание на струящуюся кровь и не сказал: «О, эмир, ты ранен в левую ногу!»

Тем не менее я не стал обращать внимания на полученную рану, ибо не хотел снизить нарастающую мощь нашего наступления, наоборот, я желал, чтобы мои воины видели меня рядом с собою, и чтобы от этого их отвага и напор возрастали еще больше. Хоть я и велел захватить Эльджа Тиу Мухаммад Кулука живым, но поскольку тот защищаясь оказал упорное сопротивление, захватить его живым не удалось, он был убит, однако трое из его приближенных, которые до того также были облечены моим доверием и совершили предательство по отношению ко мне, были схвачены, и я повелел содрать с них живых кожу, и все трое умерли, пока палачи острыми ножами трудились над ними.

Взяв Ташкент, население которого не последовало моему призыву и не восстало против своего правителя, я повелел подвергнуть казни всех его жителей, а их имущество забрать в качестве военной добычи. Я повелел вырезать всех взрослых мужчин города, пленить юношей, девушек и молодых женщин, чтобы позже, согласно законам войны, распределить их между военачальниками и солдатами, в качестве слуг или наложниц, их хозяева были вправе убить их или продать на невольничьем рынке. Битва за Ташкент завершилась к вечеру девятнадцатого Шавваля, после чего в городе начались массовая резня и разграбление, и только в тот момент я решил разобраться со своей раной на левой ноге. Но я не смог сам спешиться и мои воины уже за городом сняли с меня шлем и доспехи. Пришел лекарь, осмотрев рану он сказал, что сильно поражена кость в коленной части, добавив, что мне не следует ходить, необходимо долго лежать, пока не излечится коленная кость. Я сказал: «А если не буду лежать и буду ходить, что тогда будет?» Лекарь ответил: «В этом случае, дело кончится гангреной, омертвением ткани и смертью. Или же всю оставшуюся жизнь ты будешь хромать на ту ногу.» Тот день и ту ночь я провел в шатре, однако утром я велел уложить меня на носилки и нести в город, чтобы самому убедиться, как исполняется мое повеление о казни мужской части населения Ташкента. Когда я вступил в город, мои воины все еще были заняты его разграблением, однако резня

завершилась и на улицах валялись трупы. Среди них попадались также и трупы женщин, и видно было, что убиты были они потому, что оказывали сопротивление не желая становиться пленницами наших воинов.

О, читающий мое жизнеописание, не вопрошай, отчего такой знаток шариаата, каковым я являюсь, мог велеть поголовно истребить жителей Ташкента. Власть имеет свои законы, существующие с начала существования этого мира, и эти законы будут действовать до его конца и ничто не в силах их изменить. Одним из таких непреложных законов является страх, который народ непременно должен испытывать перед своим правителем, ибо пока поданные не страшатся своего повелителя, они не станут исполнять его повелений, злодеи и разбойники будут верховодить жителями, безнаказанно посягая на их жизнь, имущество и честь. Я потому велел устроить массовую казнь жителей Ташкента, чтобы для жителей других городов это стало уроком, и чтобы они знали, что всякого, кто мне противится, ждёт участь Ташкента и его жителей. Вместе с тем не могу не упомянуть и о том, что мне доставляет удовольствие видеть, как льется кровь моих врагов. Видя, как льется кровь моих врагов, я испытывал удовольствие, ощущаемое теми, кто пьёт вино, я чувствовал необыкновенное опьянение и возбуждение.

Воистину, убивая врага собственноручно, я испытывал наслаждение видя его льющуюся кровь. Мне было приятно проливать кровь своих врагов, этим же способом я управлял страной, и при этом я всем давал понять, что тот, кто выступит против меня, будет предан в руки палача и за проявленную строптивость будет воздано по заслугам. И сегодня в обширных просторах моей страны имеется три тысячи палачей, имена и другие сведения о которых занесены в официальные свитки. Получая от меня денежное содержание, они в любую минуту готовы по моему указанию или по указанию лиц, уполномоченных мною для управления государственными делами, повергнуть виновных пыткам или казни. И ты можешь сегодня убедиться в несомненной пользе, достигнутой от устраиваемого мною кровопролития: сегодня, при моём правлении, любой караван с товаром может выступить из Ангории (Анкары) и без единого охранника, безбоязненно дойдёт до самого Самарканда, и никто на том пути не осмелится посягнуть на перевозимый товар.

(Пояснение: Ангория, которую некоторые историки называют Анкорани – город впоследствии названный Анкарой и являющийся сегодня столицей Турции. Тимурленг в своем повествовании часто упоминает город Ангорию в связи с тем, что именно там он одержал победу и пленил Йылдырима Баязида, османского правителя, о чём будет поведано далее. – Переводчик.)

Возложи поднос, полный золотых монет на голову несовершеннолетнего дитя и вели ему обойти пешком всю мою страну, с востока на запад, с севера на юг, за все прошедшие годы, пока это дитя достигнет совершеннолетия, ни на одну единицу не уменьшится число золотых монет на том подносе, ибо в

государстве, которым я правлю никто не осмелится посягнуть на имущество и жизнь даже ребенка. Слышал ли ты о том, чтобы когда либо в каком либо из городов моей обширной державы случалась кража, чтобы вор ночью влез в чей-то дом, в чью-то лавку? Я уверен, что ты никогда не слыхал о таком, разве что о случаях, относящихся к временам, которые предшествовали моему вступлению на престол правителя Востока и Запада. Для предотвращения воровства я ввел обычай, долженствующий быть образцом для подражания всем будущим правителям, а именно – когда случается кража я повелеваю отсечь руку квартального надзирателя.

Ибо я знаю, что, до тех пор, пока квартальный надзиратель не стал сообщником вора или нерадивым в своей работе, кражи в городе не будут иметь места. В своих обширных владениях я искоренил разбой на больших дорогах, кражи в городах, попрошайничество, и ты сегодня нигде не увидишь ни одного нищего. Я искоренил попрошайничество следующим образом – установил право каждого из нищих на получение материального содержания, его удостоились лишь те из них, кто был нетрудоспособным из-за увечья или слепоты. Я знал, что привыкшему получать свой доход в виде подаяния, трудно будет довольствоваться лишь материальным содержанием от государства и отказаться от занятий попрошайничеством. Попрошаек, получавших и получающих денежное содержание, я строго предупредил, что если их застанут за старым занятием – их казнят. Именно так и пришлось поступать с некоторыми из них, не прекратившими попрошайничать даже после назначения им материального содержания. Нищих же, не удостоившихся права на материальное содержание, я заставил работать и казнил всякого, кто уклонялся от этого.

Сегодня во всех моих владениях ты не найдешь ни одного из потомков пророка ислама, который бы находился в стесненном положении с точки зрения получаемого им материального содержания. До меня в мусульманских городах проживало около десяти тысяч потомков пророка (т.е. сеидов). Чтобы добыть себе хлеб насущный, они нищенствовали, просили подаяние, и я, питающий глубокое уважение к пророку и его потомкам, в счет «хомса» (т.е. пятой части любой военной добычи, идущей на содержание потомков и родичей пророка, вдов, сирот и нищих), существовавшего для потомков и родичей Мухаммада, специально для всех них я установил материальное содержание.

Ты не видел страны более благополучной, чем моя, и ни в одном крае, ни в какие времена подданные не жили в таком благополучии, как при моем правлении, ибо их никто не угнетает. Если воин или стражник, надзирающий за общественным порядком войдет в дом кого-либо из подданных и, как бывало раньше, потребует накормить его даром или захочет остаться в том доме против воли хозяев, быть ему за это обезглавленным.

Если солдат или страж, надзирающий за порядком купит что-либо у подданного и не уплатит за это общепринятую цену, как положено, быть ему за это обезглавленным. О, дети мои, вот вам мой совет, когда, после меня вы будете править страной, не проявляйте жалости ни к грабителям, ни к стражам порядка, ставшим сообщниками воров, ни к нищим, не наделенным на то правом. Уничтожайте их, и если не станете поступать именно таким образом, то лишитесь своих богатств. Вместо этого, почитайте потомков пророка и оказывайте покровительство ученым, поэтам, искусным мастерам. И берегитесь, воздерживайтесь от употребления вина, это серьезнейший порок, и если вы привержены этой пагубной привычке, вы неизбежно утратите власть над своей державой.

Итак, в городе Ташкенте не осталось в живых ни одного молодого мужчины, все они были убиты, были также убиты те из женщин, что противились, остались в живых лишь престарелые да дети, молодых женщин распределили между моими воинами.

Когда в городе больше не осталось добра, которое можно было бы унести, и все имущество убитого правителя Ташкента Эльджа Тиу Мухаммад Кулука было перевезено в Самарканд, я повелел снести городские стены, чтобы впредь никто не мог укрывшись за стенами Ташкента бунтовать и подниматься на борьбу против меня. После взятия Ташкента в Мавераннахре не осталось мест, не перешедших под моё владычество. После этого, в течение целых семи лет я целиком посвятил все свое время благоустройству Мавераннахра.

Я воздвиг в Самарканде великолепные мечети и сделал всевозможно красивыми города Самарканд, Бухару и даже Ташкент, прорыл многочисленные широкие каналы, отводящие воду из больших рек, Джейхуна и Сейхуна, чтобы жители, крестьяне Мавераннахра имели достаточно много воды для орошения своих полей.

Целинные земли, тысячелетиями нетронутые, были вспаханы мною под поля и каждое засеянное зерно на тех полях давало от двухсот до четырехсот зерен урожая. Все подданные, крестьяне Мавераннахра разбогатели от таких обильных урожаев, и в 775 году хиджры в Мавераннахре пшеницы было столь много, что крестьяне заполняли ею все свои закрома и помещения своих домов, и, несмотря на все это, значительное его количество осталось неубранным на полях и сгнило под дождем и снегом, ибо у крестьян уже не оставалось мест, где можно было бы хранить ту оставшуюся часть урожая. В течение тех семи лет, продлившихся от 770 до 777 года хиджры всеобщее благополучие, достаток и зажиточность моих подданных, наложили свой отпечаток так же и на меня, - у меня возникло большое стремление к женщинам. До того у меня было всего лишь две жены, и в течение тех семи лет я, взяв еще двух жен, понял, однако, что мне хочется еще больше женщин. Я, как мусульманин не вправе иметь более четырех жен, тем не менее, шариат

дозволяет мужчине помимо четырех законных жен брать неограниченное число наложниц, и у меня их было бесчисленное множество.

Поскольку я крепкий мужчина, скажу правду и признаюсь, что за те семь лет спокойной жизни, наполненной наслаждениями от близости с красивыми женщинами, и потребления изысканных яств, я изрядно обленился. Не хочу сказать, что за те семь лет лени мною ничего не было сделано, хотя я и не ходил походом в края, где растут густые леса (имеются в виду просторы России, Сибири), тем не менее, я сделал многое для благоустройства Мавераннахра и Хорезма, и так благоустроил просторы между Абескунским (Каспийским) морем и дикими морозными степями (*т. е. Сибирью – Переводчик*), что всюду возникли поля и сады. Тем не менее, сегодня, на пороге своего семидесятилетия, я испытываю жгучий стыд за те семь лет, проведенных в лени, тем более, что это семилетие пришлось на период между тридцатью четырьмя и сорока одним годами моего возраста, период наивысшего расцвета моей физической и духовной мощи.

О, читающий мое жизнеописание, знай же, что в течение тех семи лет я настолько обленился из-за общения с красивыми женщинами и употребления изысканной пищи, что больше не упражнялся в фехтовании, стрельбе из лука и метании копья. Я благодарю Аллаха за то, что в течение тех семи лет, посвященных плотским утехам, он не позволил мне забыть о необходимости строгого следования религиозным предписаниям и потому, я всегда своевременно совершал намаз, а во время месяца поста воздерживался от пищи, и никогда не случалось такого, чтобы солнце взошло и застало меня нечистым (т.е. неумытым, спящим). И тем не менее, вспоминая о тех семи годах, я испытываю чувство неопишуемого стыда и раскаяния за свои вожделения, ибо я зря растратил целых семь лет лучшей поры своей жизни, принеся драгоценное время в жертву плотским утехам.

Если бы в ту пору, когда меня одолела лень, на Мавераннахр напал достаточно сильный враг, ему возможно удалось бы захватить мой престол, и умертвить меня самого. Я, будучи еще и учёным мужем, прочитавшим множество книг, знаю, что во всем мире, все цари и правители, нашедшие свою смерть от рук своих врагов, еще до своей гибели становились жертвами сладострастия, неги и лени. Тогда как правитель, не позволивший лени одолеть его, изнуряющий свое тело упорным трудом, проводящий всё свое время верхом на скакуне, целыми днями упражняющийся в сабельной рубке, стрельбе из лука и метании копья, постоянно заботящийся о состоянии своего войска, никогда не будет побежден врагом.

Дети и внуки мои, будьте бдительны, ибо бедой для правителей оборачиваются сладострастие и красивые женщины, никогда не поддавайте под их власть, для мужчины достаточно побыть с женщиной один лишь раз в неделю, преступать тот предел означает приверженность к сладострастию и неумение беречь отпущенные тебе жизненные силы. Спустя семь лет

праздного времяпровождения, как-то я взял и вынул из ножен свою боевую саблю, которая будучи без ножен весила 1200 мискалей.

Помахав ею, я почувствовал, что моей руке тяжело, переместив клинок в левую руку, я почувствовал еще большую тяжесть.

А ведь семь лет назад эта сабля ощущалась в руке как легковесная деревянная палочка, и я с утра до вечера на поле битвы неустанно махал той тяжелой саблей, беря ее в каждую из обеих рук, не чувствуя никакой усталости. Тяжкий вздох вырвался из глубин моей души, и я понял, что именно развлечения истощали мои силы, и что истинным бедствием для мужчины является времяпровождение с красивыми, душистыми и нежными женщинами.

Надо сказать, что помимо развлечений и удовлетворения страсти с женщинами, развитию лени способствовало и то, что моя левая нога была покалечена.

Как я уже упоминал, после Ташкентской битвы я был ранен в колено, однако меня не взяла гангрена, и нога не почернела, но после выздоровления я стал хромать на левую ногу. И поскольку я уже не мог, как прежде прыгать и скакать, я утратил ловкость, и во мне возникла склонность к лени.

В тот день, когда я почувствовал, что сабля в моей руке кажется необычайно тяжелой, я сурово осудив себя, сказал: «О приверженец телесных радостей, даже охромев на одну ногу и не будучи в состоянии бегать и прыгать с прежней ловкостью, ты имеешь безупречные руки и плечи! Так почему же ты прекратил заниматься фехтованием, стрельбой из лука, остальными воинскими упражнениями. О, забывчивый, разве ты не помнишь, что те, кого ты погубил, прибирая к рукам их царства и владения, были к тому времени людьми уже утратившими своё мастерство сабельного боя и меткой стрельбы из лука, они отстранились от управления своим войском, держали его в бездеятельности, в результате чего и стала возможной твоя победа над ними. Неужели все твои старания в жизни сводятся лишь к тому, чтобы подобно животному быть озабоченным лишь тем, чтобы поесть и поспать, не стараясь завоевать хотя бы десятую часть пространств, завоеванных твоим славным предком Чингиз-ханом. Куда подевались устремления поры твоей юности?... Куда подевались те обязательства, что накладывал ты на себя, говоря, что завоеешь весь мир и, что по всему миру распространишь единую монету (т. е. денежную единицу), и что это будет твоя монета, и что весь мир будет управляться, будучи подвластным лишь одной Яссе (то есть закону) и это будет твоя Ясса.»

Настолько были те угрызения, что тотчас же я решил покончить со спокойной жизнью и первым условием для себя я поставил – выехать из Самарканда, подальше от всех своих красивых женщин, жить за городом, в степи. Я велел

я привести моего коня и сказал, чтобы разбили лагерь в местности, расположенной в шести фарсангах от Самарканда.

Когда доехал я до того места, лагерь еще не был разбит, и я, воздев руки к небу, сказал: «Аллах всемогущий, будь же свидетелем, я обязуюсь с нынешнего дня не общаться более с женщиной, разве, что воротясь с поля битвы и, то, один лишь раз в неделю. Так же обязуюсь с сегодняшнего дня, пока живу в этом мире – воздерживаться от лени и не пропускать ни одного дня без того, чтобы не заниматься упражнениями по воинскому искусству и не предаваться отдыху, разве что, в перерывах между двумя очередными битвами, да и то в течение короткого промежутка времени. Так же обязуюсь, что постоянным местом моего проживания будет военный лагерь, и я не буду вступать в пределы города, разве что, в случае настоятельной на то необходимости.»

С того дня по нынешний минуло тридцать лет, и я все это время провел в степи и не вступал в городские пределы без крайней на то необходимости. На протяжении этих тридцати лет, насколько возможно, я избегал общения с молодыми женщинами. В иные годы, даже зимнее время я проводил в степи, и сколько раз случалось, что, встав рано на рассвете, чтобы совершить предутреннюю молитву, я видел, что вся степь вокруг белым-бела от выпавшего снега. Помню, как однажды утром, по окончании намаза, когда рассвело и в моей юрте начали собираться мои приближенные, я вытащил из своего кармана полную пригоршню золотых монет и сказал им, что эти монеты достанутся тому, кто назовет аят из Корана, в котором имеется упоминание о белом снеге. Поскольку в тот день вся степь была покрыта белым снегом, все наши разговоры неизбежно сводились к именно той теме. Мои приближенные разошлись по своим юртам и все, кто имел с собою Коран, положив его перед собой начали усиленно искать аят, в котором имелось бы упоминание о снеге. Я же, помнивший весь Коран наизусть, знал, что в Божественной книге не упоминалось ни слова о снеге, так как в Аравии не выпадает снега. Однако желал я знать, насколько сведущи мои приближенные в содержании Божественной Книги.

После полудня собрал я их и сказал: «Если бы вы читали Коран, то знали бы, что в нем нет упоминания о снеге.» В ответ на то мой старший сын молвил: «О, повелитель, тогда почему же Аллах изрек в Коране: «Нет ничего мокрого или сухого, о котором не упоминалось бы в истинно Священной Книге.»

Я ответил: «Дитя мое, науку Корана следует постичь с тем, чтобы суметь познать смысл аятов Корана. Аяты Корана – это слова Божьи. Господь сам говорит в Коране, что понимание смысла некоторых из его изречений доступно не каждому, разве что тем людям, которые учились и намеренно готовили себя к пониманию смысла слова Божьего. И истинно Священная Книга состоит из совокупности содержаний аятов Корана, смысл одних из которых ясен, а смысл других – нет. И силой науки следует стараться

постигнуть их, и если человек читает Коран таким образом, что ему удастся понимание скрытого смысла его аятов, он поймет, что нет на свете такой вещи, предмета или явления, о котором не упоминалось бы в Коране.»

Всемогущий Господь говорит: «Нет ничего мокрого или сухого, о котором не упоминалось бы в истинно Священной Книге», но не говорит: «в Коране..», то есть не употребляет других эпитетов (Священной Книги). Аллах потому употребил слова «истинно Священная Книга», чтобы дать нам понять, что он имеет в виду тайный смысл содержания аятов Корана, для постижения которых следует проникать, внедряться в саму их суть, чтобы для нас стал ясен их внутренний смысл.»

Когда в Дамаске ко мне пришел ибн Халдун, я повторил ему эти же слова. Он так обрадовался и настолько остался доволен, что поцеловав мою руку, сказал: «О, Повелитель, до нынешнего дня не встречал я человека, который сумел бы настолько совершенно истолковать содержание данного аята Божественной книги.»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Поход на родину Фирдоуси и битва за Нишапур.

И молвил он: «О доблестный ратник!
Довольно отдыхать тебе от битв,
Встретить твердо нынешний момент и,
Во всяком деле упорно стремись к удаче.»

Стихи Фирдоуси звучали мелодией в моих ушах и я не мог успокоиться. Семь лет я лишь ел и спал, отложив в сторону саблю и доспехи, однако теперь настала пора, надев кольчугу и шлем, выступить в направлении земель, где за триста пятьдесят лет до меня Фирдоуси сложил эти строки. Пришла пора предпринять действенные шаги для осуществления своих желаний и начать завоевывать Вселенную, и завоевания эти следовало начинать с Хорасана.

Я слышал, что земля Хорасана благоухает ароматом, а каждый хорасанец – либо великий поэт, либо знаменитый ученый. Я полагал, подобно тому, как земля Самарканда знаменита самыми лучшими и самыми сладкими дынями по всему свету, и сомнительно, чтобы где-то еще могли выращиваться дыни лучше, чем самаркандские, так и хорасанская земля славится своей развитой наукой и литературой. Знаменитые поэты и ученые Хорасана входят в число наиболее выдающихся в мире. Я горел нетерпением скорее отправиться в путь, чтобы сойтись с хорасанскими мужами в схватке и узнать, чье искусство сабельного боя превосходнее – мое или их? Я превратил свой лагерь в поле битвы и ежедневно, с раннего утра до позднего вечера я, мои приближенные и воины неустанно упражнялись в искусстве ведения боя для того, чтобы удалить немощь подальше от наших тел и быть готовыми к будущим схваткам. И пока с утра до вечера я рубился саблей, скакал на лошади, махал палицей, стрелял из лука, метал копьё и боролся, я вдруг заметил, что проходит уже сороковой год моей жизни. А ведь сорок лет – это пик физического и умственного расцвета мужчины, ведь именно в сорокалетнем возрасте Муса (т.е. Моисей) на горе Тур (т.е. Синай) был облечен миссией пророка и именно в сорокалетнем возрасте наш пророк Мухаммад (Да благословит Аллах его и род его!) в пещере Хоро у Мекки был наделён полномочиями посланника Божьего.

Не в том ли причина, что достигнув именно того возраста, я достаточно созрел для того, чтобы осудить в себе лень и слабость и обязаться держаться подальше от вина и плотских утех? Не достигни я сорокалетнего возраста, сумел бы ли я достаточно созреть, чтобы усвоить тот урок? Именно достигнутый мною сорокалетний возраст заставил меня придти к раскаянию. Во всяком случае в 777 году хиджры моим основным времяпровождением были воинские упражнения, каждый день я сходил в борцовских схватках с сильнейшими мужами своего войска, ибо в битве случается и такое, когда сражающимся приходится действовать голыми руками, хватая друг друга за

ворот, и в такие моменты победа достаётся тому, кто обладает большей физической мощью, более ловок в применении борцовских приёмов, именно такой из двух сражающихся и сумеет повергнуть наземь противника и уничтожить его.

Я видел, что мои соратники-военачальники и простые воины, как и я сам, стали сильнее физически, им была неведома слабость, и что они готовы к войне. Весной 778 года хиджры, в пору когда у кобылиц разбухало и наливалось молоком вымя, и жители Самарканда ежедневно выбирались за город и отправлялись в степь, чтобы посидеть и отдохнуть на зеленых лужайках вокруг города, и пить кумыс, я повелел поднять войско в поход.

(Пояснение: Кумыс – это перебродившее молоко кобылицы, который много пили в Мавераннахре, особенно весной, и сегодня так же городские жители того края, следуя традиции, пьют кумыс весной. – Переводчик.)

Еще до того, как я повелел выступать в поход, послал я вперед два больших табуна лошадей, сказав, чтобы они остановились и ждали основное войско у границ Хорасана. *(Табун – это стадо лошадей, пребывающих большей частью в степи и ожидающих момента, когда их начнут объезжать. – Переводчик.)*

Я был намерен совершить переход до границ Хорасана в обычном темпе, и уже оттуда следовать далее в режиме боевого похода, и по этой причине моим всадникам требовались запасные лошади, чтобы обеспечить непрерывное следование в течении дня и ночи.

Отправляя вперед табуны, я велел кормить лошадей одним лишь сухим кормом, давая им только сено и люцерну, так как лошадь, пасущаяся на выгоне и поедаящая свежую траву, не будет в состоянии длительно и безостановочно передвигаться, она быстро выдохнется. Моей первой целью в Хорасане был Нишапур, так как я слышал, что этот город является оплотом Хорасана, и что он богатейший из всех городов того края, и что ежедневно в среднем около двухсот караванов следуют из Нишапура, на восток – в сторону Китая и на запад – в сторону Рума. *(Необходимо обратить внимание читателя на то, что Тимурленг под Румом имеет ввиду страну османов, которая сегодня называется Турцией, в те же времена ту землю называли Румом. – Марсель Брион.)*

Я знал, что в Нишапуре купцы во время взаиморасчетов при купле и продаже считают лишь золотые монеты, серебряным монетам же не вели счета, их просто вываливали на весы и взвешивали, так как сделки были настолько крупными, а денег было настолько много, что торговцам было некогда и не хватало терпения подсчитывать количество серебряных монет. Мне говорили, что в торговых складах Нишапура имеется столько шелковых тканей, что ими можно выстлать весь путь от Нишапура до Самарканда, ибо Нишапур является одним из крупнейших мировых центров торговли шелком.

Кроме Нишапура, в Хорасане имелись и другие крупные города, к примеру Сабзевар и Башаруйе, первый располагался на севере Хорасана, а второй – на юге. Мне говорили, что в Сабзеваре в ковроткацких мастерских трудятся триста тысяч работников-ткачей, и что именно там находится крупнейший мировой центр ковроткачества. Я не мог поверить тому, что в Сабзеваре имеется триста тысяч ковроткачей, но знал, что нет в мире такого места, где ткали бы столько много ковров как в Сабзеваре. Башаруйе особо не привлек моего внимания, разве что рассказами о том, что все население этого города, расположенного на юге Хорасана, сплошь состоит из ученых, что в том городе нет человека, не знающего наук, и несмотря на то, что все жители состоят из ученых, тем не менее все они трудятся, чтобы обеспечить себе пропитание.

Слышал я, что собиратели хвороста – жители Башаруйе, те, которые собирают его в степи и приносят в город, чтобы продать, так же сведущи в общераспространенных науках, как и сам муфтий города, а погонщики ослов являются учеными, умеющими читать и толковать книги на арабском языке. И потому, я желал увидеть этот удивительный народ и убедиться, правда ли все то, что говорят о нём, действительно ли такое могло быть на самом деле, или все это преувеличение, гипербола.

Но для того, чтобы стремительно завоевать Хорасан, мне необходимо было заставить врасплох его население, которое не должно было догадаться о моих замыслах по завоеванию Хорасана. Поэтому я не стал ни с кем делиться о том, с какой целью я собираю и снаряжаю войско, ограничившись разъяснением о том, что я имею целью только лишь взять город Аршак-абад. В результате, все мои приближенные полагали, что именно так и обстоит дело – мое намерение заключается лишь в захвате Аршак Абада. *(Аршак-абад – город, который сегодня называется Ашхабадом, который расположен вблизи границы с Ираном. – Переводчик.)*

Однако я не стал вступать в Аршак-абад, так как я знал, что если войду в него, то дальше – на Нишапур мне придется идти по пути, пролегающему в горах. А я хотел достичь Нишапура по дороге, ведущей через равнинную местность с тем, чтобы мои всадники могли стремительно покрыть разделяющее до него расстояние. Достигнув Мерва, я нанял в качестве проводников четверых наиболее сведущих погонщиков вьючных животных, которые должны были довести нас до Нишапура по равнинным дорогам. Ибо никто не ведал о степных и равнинных дорогах так хорошо, как погонщики вьючных животных, которые все свою жизнь проводят в передвижениях из города в город, а погонщики, которых я нанял, были людьми, постоянно ездившими из Аршак-абада в Нишапур и обратно. Они согласились провести меня к Нишапуру по равнинной дороге, но сказали, что вблизи от Нишапура мы достигнем горы, для преодоления которой надо будет пройти через перевал. Я расспросил погонщиков о подробностях, касавшихся того перевала, и они пояснили, что перевал тот представляет собой узкую дорогу, вдоль одной

стороны которой висится сплошная отвесная скала, а вдоль другой расположена лощина, и перевал тот извилист на всем своем протяжении вдоль этой лощины. Я спросил, имеются какие-либо поселения в районе того перевала? Проводники ответили, что да, в том ущелье имеется несколько поселений. Я спросил, каково расположение этих поселений. Они не поняли почему я задал тот вопрос. Я же хотел знать, расположены ли поселения, возникающие напротив нас во время нашего движения по ущелью, выше или ниже относительно других таких же поселений.

Поскольку, если ближние поселения окажутся расположены ниже последующих, когда мои войска войдут в них, они будут замечены жителями тех поселений, что расположены выше. Они догадаются о грядущей им опасности и быстро пошлют соответствующую весть в Нишапур и столица Хорасана успеет подготовиться к обороне. Между тем, я хотел достичь Нишапура достаточно стремительно, чтобы ни тамошний правитель, ни жители не успели подготовиться к защите. Поэтому, нельзя было допустить, чтобы жители поселений, расположенных в горах заметили мое идущее войско.

Протяженность того перевала была таковой, что я не мог провести там свое войско в течение одной ночи. Не говоря о том, что переход конного войска через горный перевал в ночное время чреват серьезной опасностью, всадники могут потерять дорогу и сорваться в пропасть.

После изучения и обсуждения обстановки с проводниками, я решил обогнуть ту гору. Из табунов, до того высланных вперед, я выделил по одной запасной лошади для каждого воина, чтобы имелась возможность менять коня не останавливаясь. С того часа, как я выделил каждому по запасной лошади, воины поняли, что отдыхать им не придется, что они будут день и ночь в движении пока не достигнут цели. Я не давал им времени даже для того, чтобы поесть, им пришлось делать это на ходу, не слезая с коней. Каждый военачальник был обязан через какое-то расстояние давать распоряжение о кратковременной остановке, чтобы воины могли пересест с уже уставшей на свежую лошадь с тем, чтобы первая могла передохнуть, прежде чем на нее снова пересядут. В те мгновения пока всадники отдыхали, лошадям давали кусок крупяного теста и воды, ибо кормом для лошадей в боевом походе являются именно такие кусочки теста, так как нет времени кормить их сеном, клевером или зерном.

Я полагал, что весна в Мавераннахре - самая красивая во всем мире, но в тот год, увидав какова весна в Хорасане, я понял, что есть весны прекраснее, чем в Мавераннахре. Все склоны гор были покрыты густозеленой травой и алыми маками, а в ущельях бежали стремительные потоки прозрачных рек и речушек. Наслаждаясь зрелищем весенних цветов и зелени, тем не менее, я не позволял себе никаких остановок, разве что для совершения намаза. И хотя я знал, что никто не мог в те дни продвигаться в сторону Нишапура быстрее

нас, тем не менее повелел не позволять кому бы то ни было обгонять нас, даже если это окажется гонец, - убивать, но не допускать, чтобы кто-то обогнал и оказался впереди нас. Потому, что во время военного похода гибель одного или нескольких человек, допущенная ради безопасности войска, не имеет большого значения. В пятницу достигли мы селения, под названием Дех-э Бала. В нем имелась мечеть, и я с ужасом обнаружил, что она пуста и я спросил имеется ли здесь какой-либо священнослужитель. Привели ко мне седобородого мужчину с чалмой на голове, и я спросил его, какую религию проповедуют жители этой деревни? Пожилой мужчина ответил, что все они – мусульмане. Тогда я спросил: «Если так, то почему в этой мечети царит затишье именно в такой день, как пятница?» Священнослужитель ответил: «Потому что люди отправляют намаз каждый у себя дома и не ходят в мечеть.» Я спросил: «Даже в пятницу они молятся дома?» Священнослужитель ответил: «Да». Я сказал: «В этом случае, и ты и все жители этой деревни – кафиры (т.е. неверные).». Тот мужчина с удивлением спросил: «Почему это?» Я ответил: «Потому что, согласно религии ислам, пятничная молитва должна в обязательном порядке совершаться сообща всеми жителями.» Тот мужчина пришел в смятение от моих слов. Я спросил его: «Ты читаешь Коран?» Он ответил: «Да». Я сказал: «Ты лжешь! Ты не читаешь Корана, а если и читаешь, то не обращаешь внимания на его смысл и содержание. Если бы ты уделял им внимание, тогда понимал бы, что единственный намаз, обязательность которого Господь подчеркивал превыше обязательности всех других молитв – это пятничный намаз. Господь в суре «Джумъа» в трех аятах подчеркнул обязательный характер пятничного намаза», и тогда я прочитал эти три аята, являвшихся последними в той суре, и спросил я его: «Ты знаешь смысл этих трех аятов?». Он ответил: «Нет.»

И тогда я пришёл в неопишное изумление от такого ответа, ибо до того я не видел какого либо священнослужителя, который не понимал бы, хотя бы поверхностно, смысла аятов Корана. Я спросил его: «Разве ты не знаешь арабского языка?» Он ответил: «Нет». Я спросил: «В таком случае, чем ты занимаешься и каким образом добываешь свое пропитание?»

Он ответил: «Мой отец, который раньше был пиш-намазом (т.е. лицом, предстоящим во время совершения молитвы) этой деревни, также не знал арабского языка.». Я сказал: «О, невежа, Господь в последних аятах суры «Джумъа» (пятница) говорит «О мусульмане, услышав азан, призывающий вас к пятничной молитве, оставьте все свои дела и отправляйтесь совершать намаз. Коран особо подчеркивает такую обязательность для пятничной молитвы, что не предусмотрено в отношении других молитв.» Затем я сказал муэzzину, чтобы пропел азан для того, чтобы мои воины собрались на молитву, а сам я занялся омовением, а тому пожилому мужчине я сказал: «Поскольку ты искренне признался в своем невежестве, я воздержусь от того, чтобы казнить тебя, и потому, веди молитву для меня и читай намаз.»

Я воздержался от убийства того человека, поскольку увидел, что он настолько простодушен и невежественен, что мало чем отличается от сумасшедшего, и поэтому, с точки зрения шариата, не может нести за то ответственности, и если бы не такие обстоятельства, я бы повелел казнить его за то, что он намеренно обманывал, выдавая себя за ученого человека. После совершения пятничного намаза, состоявшего из двух ракъатов, я отправился в путь.

Поскольку я был вынужден огигать гору, расположенную вблизи Нишапура, то путь мой стал длиннее, и поэтому, лишь к полудню я вступил в долину, к востоку от которой был расположен Нишапур. На этой местности я уже не мог передвигать свое войско скрытно, поскольку по всей долине были расположены селения и поля, двигались караваны. Некоторые люди, следовавшие с этими караванами верхом на лошадях, увидев моё войско, устремились в сторону Нишапура с явной целью предупредить его жителей о надвигавшейся опасности. Мои воины устремившись в погоню за ними, осыпали их стрелами, им удалось убить нескольких, однако остальные сумели добраться до города.

Несмотря на всю спешку, с которой я стремился добраться до Нишапура, и не допустить закрытия его городских ворот, из-за движения караванов и сельских жителей, дороги настолько были забиты, что моим всадникам не удалось передвигаться достаточно быстро, а двигаться вне дороги мы не могли, ибо по обе её стороны, насколько мог охватить взор, располагались поля, сады и поселения, и не было видать ни одного зарёя нераспаханной земли.

Для освоения степных земель Мавераннахра, особенно в Самарканде и Бухаре, я прилагал много стараний, однако, вступив в степи под Нишапуром, я заметил, что они освоены значительно лучше степей в Мавераннахре, при всем при этом изумляло то, что в Нишапуре не виднелось каких было рек.

Самарканд и Бухара, оба расположены рядом с рекой Джейхун и мы берем из той реки столько воды, сколько нам захочется и с помощью больших и малых отводящих каналов доводим воду до отдаленных мест. До того дня я установил сотни дулабов (водоподъемных колес, оснащенных черпаками), которые переливали ее в отводящие каналы. Однако в долине Нишапура, как я ни оглядывался, так и не заметил какой-либо реки и лишь окружив город, понял, что водоснабжение долины Нишапура осуществляется с помощью так называемых «канатов» (т. е., подземных оросительных каналов). В долине Нишапура было четыре тысячи двести поселений, каждое из которых имело собственный «канат» и таким образом по всей той обширной долине было протянуто четыре тысячи двести «канатов» *(написанное Тимурленгом выглядит преувеличением, однако авторы антологий об Иране в своих трудах упоминают о наличии двенадцати тысяч «канатов» – Марсель Брион).*

Такие «канаты» невозможно протянуть в Самарканде, Бухаре, других городах Мавераннахра, так как наличие гор делает необходимым их устройство, подземный канал как правило начинают рыть со склона горы, тогда как у нас по соседству с городами Мавераннахра гор почти нет.

К заходу солнца я достиг Нишапура и увидел, что ворота города заперты. Я приказал части своих солдат попробовать насколько легко можно было разбить те ворота. Выяснилось, что за ними устроены каменные насыпи и потому их невозможно сломать. И хотя ворота оказались запертыми, я знал, что всё же застал город врасплох, что в нем недостаточно продовольствия, и население города вскоре свалится от голода. Поскольку в долине Нишапура находилось четыре тысячи двести сел и была вероятность, что их население может прийти на помощь осажденным, я дал указание занять в течение ночи часть сел, расположенных рядом с Нишапуром для того, чтобы все дороги, по которым в Нишапур могла поступать помощь, оказались перерезанными.

Осада города не является приятным занятием для войска, осадившего его, так как вынужденное безделье делает воинов ленивыми и постепенно ослабляет их боевой дух. Поэтому, после двухдневного отдыха, предоставленного воинам для восстановления сил после стремительного похода, я повелел ежедневно заниматься отработкой приёмов ведения боя, чтобы люди не заболели от безделья, не снизились их боевые качества, и я так же самолично участвовал в отработке всех этих упражнений и на занятиях.

Городские стены Нишапура подвергались разрушению еще при моем предке - Чингиз-хане, сам же Чингиз-хан не вступал в Нишапур, однако послал туда одного из своих сыновей с двумя полководцами, которые после победы, одержанной над городом, разрушили его крепостные стены. Во времена Чингиз-хана стены Нишапура были глинобитными, однако после тех событий жители извлекли необходимый урок из происшедшего и построили новую городскую стену, на этот раз из камня. Я расспросил тамошних сельских жителей о фундаменте, на котором была возведена городская стена, и они пояснили, что тот фундамент каменный и имеет глубину в десять зарьов, однако я не счёл подобные утверждения правдоподобными, ибо было бы тяжело копать основание стены на такую глубину.

Вокруг города имелись холмы, которые явно образовались от того, что когда-то здесь рыли углубления для устройства основания стены и откопанный грунт сбрасывания в определенных местах. В результате, вокруг города образовались высокие холмы, которые были настолько высоки и обширны, что можно было допустить всё же, что под основание для городской стены было отрыто не менее 10 зарьов и что оно, это основание, сложено из камня.

Нишапур не имел оборонительного рва и это обстоятельство облегчало задачу по штурму стен города.

В первый же день, окружив город, я понял, что его городские стены не разрушить с помощью обычных средств. Если утверждения жителей окраин о глубине основания городской стены соответствовало истине, то разрушить ее я не смог бы даже с помощью пороха. Так как на глубине 10-12 метров порох не сможет разрушить стену, основание которой на десять зарьов сложено из камня. Город можно было одолеть двумя путями. Один – перелезть через стены и напасть на защитников, второй – взять измором жителей города, чтобы они сдались, не выдержав голода.

Поскольку я знал, что у некоторых крепостей имеются подземные ходы и коридоры, ведущие за город, я изучил окрестности, чтобы предупредить возможность использования осажденными подземных коридоров для связи с внешним миром. На второй и третий дни осады я разрушил все канаты, подходящие к городу, чтобы заставить горожан страдать от нехватки воды. На четвертый день я снарядил большую группу жителей окрестностей и повелел рубить все чинары и тополя вокруг, чтобы их хватило на изготовление передвижных башен. И пока они валили деревья, я повелел собрать всех плотников, каких можно было отыскать в окрестных селах и поселениях, и даже в самом Тусе, чтобы они занялись изготовлением башен. Крестьяне, которых я снарядил и плотники, которых я собрал, быстро поняли с кем они имеют дело, уразумели, что будут казнены, если будут работать спустя рукава. Пропитание для войска и животных, плотников и других привлеченных людей добывалось путем грабежей, и мои летучие отряды по заготовке продовольствия и корма нападали на амбары с запасами пшеницы и стада овец в окрестных деревнях и поселениях, добывая большое количество продовольствия, при этом они убивали всякого, кто оказывал им хоть малейшее сопротивление.

Спустя неделю после того, как начали рубить деревья, было изготовлено несколько башен для атак на стены города, после чего ускоренно стали изготавливать другие такие же башни.

Среди моих воинов были уроженцы края, называвшегося Четин, расположенного в Восточных Холодных степях (т. е. в Сибири). Подобно тому, как мы в Мавераннахре выращиваем овец и кобылиц и питаемся их мясом, так жители земли Четин выращивают собак и питаются их мясом, кроме того они постоянно употребляют в пищу сырое мясо. Я отучил своих воинов - жителей Четина от привычки есть собачатину, однако мне не удалось отучить их от употребления обычного мяса в сыром виде.

Они не могли есть баранину и баранье сало вызывало у них сильную тошноту, однако сырую конину они ели с удовольствием, и все лошади в моем войске, которым случалось пасть, передавались им, чтобы они могли насытиться, и в походе они клали кусочек сырой конины под попону, чтобы не испортилась, они утверждали, что телесное тепло, исходящее от лошади, предотвращает порчу сырой конины, хранящейся под попоной. Я сделал их мусульманами,

однако не смог заставить их читать намаз на арабском языке, так как их язык не в состоянии был произносить арабские слова. Поэтому, являясь муфтием, я издал фетву, разрешающую им читать намаз на родном языке, так как в тех случаях, когда явно видно, что мусульманин не в состоянии собственноручно произносить арабские слова, ему разрешено читать намаз на родном языке.

(Пояснение: То, что мы здесь читаем о дозволенности читать намаз на местном языке, является лишь личным убеждением Тимурленга, и переводчик, в силу возложенной на него обязанности, повествует о существовании такой точки зрения, сам же он не будучи компетентным в вопросах шариата, полагает, что только уважаемые улемы исламской религии могут высказываться по данной тематике. – Переводчик)

Воины-четины не боялись ничего, кроме голода, однако я не позволял им оставаться голодными. Их отвага и смелость были равны моей, однако сознание их было неразвитым, они были простодушны, как дети, и пока не получали четких указаний, не были в состоянии довести до конца то или иное дело. Я отправил вышеупомянутых воинов на передвижные башни повелев им стараться перебираться с них на городские стены чтобы поражая защитников, спуститься вниз и открыть ворота для нас. В то время как воины-четины должны были атаковать городскую стену с помощью передвижных башен, я повелел остальным отрядам обрушать на головы осажденных потоки стрел и особенно камней (из пращи). Известно, что камень, пущенный достаточно мощной рукой из пращи более эффективно воздействует нежели стрела из лука, надежно выводя из строя самого крепкого мужа. Сам же я верхом объезжал город вокруг, влазил в передвижные башни, и именно в той битве мне впервые пришлось в голову использовать пороховой заряд в качестве средства поражения защитников хорошо укрепленной крепости. Затея заключалась в том, чтобы наполнять кувшины порохом, воткнув в них фитили, зажигать их и бросать их в сторону защитников, для того чтобы они разрывались в их толпе. В ходе битвы за Нишапур я не сумел осуществить эту мысль, после нее же я позабыл на некоторое время об идее применения кувшинов, набитых порохом и воспользовался ею лишь впоследствии – в ходе битвы за Ангору (т. е. Анкару, являющуюся сегодня столицей Турции) против войск османского правителя Йилдирима (т.е. Молниеносного) Баязида, и его воины были неопределимо уstraшены разрывающимися среди них сосудами с порохом, многие из них были таким образом убиты и ранены.

(Пояснение: Получается, что порох для метания мин и снарядов был впервые применен в Ангорской битве и было это изобретением со стороны Тимурленга. Как он утверждает, его воины метали кувшины, начиненные порохом и снабженные фитилями в ряды противника, и эти их кувшины явились предшественниками современных гранат и мин, и если до Тимурленга кто и пользовался порохом для метания снарядов, то об этом переводчику ничего не известно. Тем не менее мне известно, что до Тимурленга, потомки

Чингиз-хана, вступившие на престол после его смерти, применяли порох для разрушения стен осаждаемых или крепостей. – Переводчик.).

Жители таких городов, как Тус, Сабзевар, Эсфарэйн невзирая на то, что Нишапур был окружен и находился в осаде, не предприняли и одного шага, чтобы помочь осажденным. Между тем, если бы они снарядили крепкое войско и двинулись в направлении Нишапура, им конечно не удалось бы разбить меня, однако они вынудили бы меня прекратить его осаду и обойти его стороной. Тем не менее, они не поспешили помочь Нишапуру, не проявили готовности отказаться от спокойной жизни ради помощи жителям Нишапура.

С началом битвы за Нишапур, я обратил внимание на то, что правитель этого города – слишком тупой и бездарный человек, чтобы быть умелым командующим осажденной крепости. Этот неспособный муж не изготовил хотя бы одной катапульты (т.е. машины для метания камней), чтобы атаковать моих воинов. Если бы он изготовил катапульту и начал метать камни на моих воинов, то только одним этим он сумел бы доставить нам значительные хлопоты. В осажденной крепости одним из оборонительных средств является горизонтально установленное тяжелое бревно с длинными ручками посередине, приводимое в движение несколькими крепкими мужчинами. В тот момент, когда вражеский воин делает шаг из движущейся башни на осаждаемую стену, если двинуть то бревно ему навстречу, то таким образом нападающий воин сбрасывается вниз и погибает.

Однако в Нишапуре мы не имели дела с подобными бревнами и осажденные лишь с помощью сабель и копий пытались преградить путь моим воинам, рвущимся на стены. Если бы в Нишапуре было достаточное количество катапульт и метались бы большие глыбы в сторону наших передвижных башен, и тем самым выводили их из строя, нам не удалось бы влезть на стены города. Еще одним средством для защитников города было бы набрать побольше различного тряпья, смоченного в масле, зажигая его, забрасывать им наши деревянные передвижные башни. Когда таких тряпок много и их бросают непрерывно, те, кто сидят внутри башни не могут заняться тушением огня, занимающегося снаружи, и башня вскоре охватывается пламенем и воинам не остается ничего другого, как покинуть её или же сгореть в ней. Однако правитель Нишапура, пребывая в растерянности, и не задумывался о том, чтобы попытаться поджечь деревянные передвижные башни.

Я предвидел, что воины-четины, ступив на городскую стену и спускаясь с нее, встретят ожесточенное сопротивление защитников и потому велел всем надеть кольчуги и шлемы и защитить ноги поножами. Я разъяснил им, что их задача заключается в том, чтобы, войдя в город, сразу же достичь его ворот и распахнуть их для нас. Поскольку я подозревал, что за воротами города для их укрепления могут быть возведены строительные сооружения, то снабдил

воинов-четинов кирками, чтобы рушили они все, что там могло быть построено позади ворот и раскрыть их. Так же сказал я им, что пока часть из них будет занята разрушением таких сооружений, возведенных с целью укрепления ворот, другие должны сражаться с жителями города и не допускать, чтобы создавались какие-либо помехи для их товарищей, орунующих кирками.

О, читающий мое жизнеописание, если ты военачальник или собираешься в один прекрасный день стать таковым, знай же, когда посылаешь своих воинов на овладение стенами хорошо укрепленного осажденного города, или же на захват подземного хода в тех же условиях, то необходимо выбрать среди них наиболее бесстрашных, поскольку вторжение в осажденную крепость – дело тяжелое и опасное, ибо воины твои ступают ногою в места, в которых до того они не были и о которых не располагают достаточными сведениями. Воин вступает в пределы, полные врагов, и сотни тысяч из них с копьями, саблями, луками и стрелами, встают перед ним не только с целью убить его, но, возможно, и то, что другая их часть, включая даже женщин, расположившихся на крышах, станут обрушать тяжелые камни на его голову, чтобы опять же убить его. О, читающий эти строки, как бы ни был ты отважен, никогда не вступай на стены или в подземный ход осажденного города в составе передового отряда воинов, так как легко можешь погибнуть, а твоё войско, оставшись без командующего не сумеет захватить крепость. Следует так же учитывать и то, что чем отважнее и выдающийся командующий, тем в большей степени его гибель обескуражит его воинов.

По этой причине, поставив перед воинами-четинами задачу – взять приступом городские стены, проникнуть в город и распахнуть городские ворота, сам я не стал идти туда вместе с ними, однако отправил с ними своего юного сына Джахангира брать приступом стену. Делая так, я преследовал две цели – чтобы Джахангир вступил в город вместе с воинами-четинами и ощутил, что такое вероятность смерти и преодолел страх перед опасностями, подстерегающими воина, идущего на приступ осажденной крепости. Джахангир до того дня не участвовал во взятии крепости и не знал, что ощущает и переживает в душе воин, вторгающийся в чужую крепость, полную врагов. Вторая моя цель заключалась в том, чтобы все мои приближенные, военачальники и воины, видели, что в битве я готов пожертвовать даже собственным сыном. Джахангир к тому моменту, как и все остальные воины-четины, облачился в доспехи, и я сказал ему: «Вступив на вражескую стену, ни на кого, кроме как на себя не надейся, и среди моря ненависти себя защищать ты должен один, но тебя и других я не оставляю одних и непрерывно буду отправлять вам помощь. Ибо, если военачальник посылает своих воинов брать крепость и не шлет им подмогу, это равносильно тому, как если бы он вручил их ангелу смерти Азраилу, так как защитники крепости могут быстро перебить тех воинов и не позволить им овладеть воротами города.»

После полуденного намаза начался наш мощный натиск с целью проникнуть внутрь крепости. С вершин передвижных башен мои воины осыпали защитников градом стрел и камней из пращ, чтобы парализовать их способность к обороне.

В это время воины-четины вместе с моим сыном Джахангиром ступили на городскую стену. Наверху этой стены завязалась яростная схватка между моими воинами и защитниками города, однако мои люди стали теснить защитников, вынуждая их отступить, и были готовы к спуску со стены внутрь города. В то время как они пытались спуститься вниз, обороняющиеся старались их сбить со стен, несколько воинов-четинов сорвались со стены и погибли, но остальным всё же удалось благополучно спуститься вниз. Я отправил им на помощь еще один отряд воинов, а затем еще и третий. Мои воины, с помощью двадцати передвижных башен, ступили на стены по обе стороны от восточных ворот Нишапура и хлынули вниз внутрь города. Тем временем на всей протяженности стены, опоясывающий город, мои воины шли на приступ и создали обстановку, при которой было ясно, что в любой момент они могут оказаться на городской стене.

Я вел боевые действия по всей протяженности городской стены с той целью, чтобы не допустить сосредоточения сил осажденных в районе восточных ворот, которые тем самым могли воспрепятствовать тому, чтобы эти ворота были открыты. Жители города, особенно женщины, вопили так громко, что можно было подумать, что наступил конец света, день, когда каждый должен отчитываться и держать ответ за совершенные им деяния. Однако истинный воин не страшится всяких там криков и воплей, зная, что от них нет никакого толку. К вечеру я вступил на стену, чтобы увидеть какова обстановка в городе и обратил внимание на то, что немалое число моих воинов убито. Их трупы валялись повсюду, а воины-четины, вооружившись кирками, стремительно рушили строения, возведенные для укрепления ворот. Другая часть воинов вела бой с жителями города, тесня их назад с тем, чтобы их товарищи могли распахнуть ворота. Убедившись, что мои воины оказались позади городских ворот, я отдал приказ крушить ворота снаружи с тем, чтобы скорее был открыт путь для вступления в город.

Через какой-то час восточные ворота Нишапура были распахнуты, мои войска двинулись и вступили внутрь города. Я повелел им: «Пока жители города не попросят пощады, убивайте всех, кого увидите, так как жители Нишапура, оказав мне сопротивление, тем самым заслуживают смерти». Части моих воинов было поручено, быстро двигаясь в западном направлении, достичь западных ворот города и распахнуть их. Когда в городе, подобном Нишапуру, вскрываются лишь только одни ворота, сокращается возможность сопротивления, однако если захвачены и открыты все ворота города, то уже никакое сопротивление не в состоянии остановить осаждающих. Предвидя, что на пути к западным воротам отряд моих воинов столкнется с

ожесточенным сопротивлением, я через западную часть городской стены отправил им подмогу.

Пока не были захвачены и распахнуты восточные ворота, население Нишапура продолжало отважно сражаться. Но после того, как ворота удалось открыть и мое войско двинулось вглубь города, защитников охватили страх и отчаяние, часть из них решила бежать через восточные ворота, однако они были убиты, другая часть либо погибла внутри города, либо запросила пощады. Прежде чем наступила темнота, были захвачены и распахнуты так же и западные ворота. После этого я приказал зажечь факелы и продолжать бой до тех пор, пока той же ночью исход битвы не будет окончательно предрешен с тем, чтобы не дать осажденным возможности до утра вновь собраться с силами и продолжать сопротивление.

Битва за Нишапур длилась до утра, а ночью я узнал, что сын мой Джахангир жив, но ранен, и поскольку его рана не была столь уж серьезной, чтобы препятствовать дальнейшему участию в бою, я сказал, чтобы он продолжал оставаться в строю, ибо только закалившись в жестоком сражении можно обрести качества доблестного мужчины.

Я считаю самым выдающимся качеством мужа – его способность драться, вести бой, и хотя я питаю должное уважение к науке, ремеслам и литературе, однако убежден, что Господь создал мужчину для битвы и мужчина, который не умеет биться и страшится смерти, не является угодным Богу рабом, так как он пренебрег пожалованным ему даром Божьим и не укрепил заложенные в нем, как и в каждом мужчине, природные качества. По этой причине, сыновей я своих растил подобными мне самому, и как только их руки были в состоянии удерживать эфес клинка, я их отдавал наставникам, которые обучали их искусству ведения боя.

Когда забрел рассвет, закончилась битва за Нишапур. К тому времени ко мне привели плененного и связанного правителя Нишапура по имени Амир Хусейн, который сказал: «О, эмир Тимур, ты победил и теперь Нишапур – твой, однако пожалей рабов Божьих и откажись от намерения истребить их.» Я ответил: «Рабы Божьи, допустившие совершения проступка, подлежат наказанию, а вина жителей этого города заключается в том, что когда я пришел сюда, они закрыли передо мной ворота и вынудили меня осадить его. Чтобы взять город, мне пришлось понастроить множество передвижных башен, жители Нишапура вынудили меня лезть через стены, чтобы попасть в город.» Правитель Нишапура сказал: «О, эмир, о завоеватель Вселенной, население этого города не виновато, если бы я не велел закрыть ворота, они не оказали бы тебе сопротивления, и ты мог бы без отлагательств и хлопот попасть в Нишапур. Поэтому, виноват я один, казни меня, но прости жителей и не уводи в плен их женщин и детей.» Я спросил его, сколько ему лет. Он ответил, что ему исполнилось шестьдесят лет. Я спросил его, есть ли у него

сын. Он ответил: «У меня было двое сыновей, одного звали Шир-Бахрам, другого – Ширзод, оба они были убиты твоими воинами.»

Я сказал: «На твоём месте я бы не давал имени Шир* Бахрам, так как Бахрам** - не лев, и никто не уподоблял Бахрама льву, ты мог бы назвать своего сына Сурх*** Бахрамом, так как Бахрам** - красного цвета. *(Бахрам – то есть планета Марс, которую арийцы считали символом войны, а европейцы, в подражание арийцам, считали его Богом войны. – Переводчик.)*

Эмир Хусейн ответил: «Звали ли бы моего сына Шир-Бахрамом или Сурх-Бахрамом, теперь это не имеет значения, он умер.» Я сказал: «Амир Хусейн, не воображай, что упоминанием о смерти двух своих сыновей, ты можешь смягчить мое сердце и возбудить во мне жалость и сострадание.»

Эмир Хусейн ответил: «О, завоеватель Вселенной, я не прошу жалости и снисхождения к себе лично, прошу лишь простить души жителей этого города, достаточно того количества из них, что были убиты, пусть же остальные останутся в живых.» Я сказал: «Эмир Хусейн, если бы ты был победителем, а не я, проявил бы ты снисхождение и великодушие к моим воинам, невзирая на все, что они здесь совершили?»

Эмир Хусейн сказал: «Наши отцы говорили, что на войне следует проявлять ненависть и беспощадность, а после победы – быть великодушным и благородным, а поскольку ты оказался победителем, то прояви же великодушие!»

Я ответил: «Я не могу отходить от принципов войны, а согласно тех принципов, население города, оказавшее сопротивление должно подвергнуться массовой казни. Если я изменю этому правилу, больше не смогу воевать. Люди мира должны знать – всякий, кто противится мне, будет непременно убит, и после массовой казни жителей Нишапура остальные города Хорасана будут знать как им лучше поступить, и не станут закрывать своих ворот, когда мои войска подойдут к их стенам.» После этого я вызвал палача, велел ему отрубить голову Эмира Хусейна, и правитель Нишапура был убит. Массовая казнь жителей Нишапура длилась до полудня, и после этого воины, на основании мною данного им позволения, подвергли город грабежу.

В торговых складах Нишапура было так много товаров, что, для отправки их в Мавераннахр мы были вынуждены привлечь всех вьючных животных из окрестных сел. Как обычно, и в случае с Нишапуrom, я воздержался от того,

---

* Шир (перс.) – лев

** Бахрам (перс.) – наряду с именем одного из легендарных царей, так же название планеты Марс

*** Сурх (перс.) – красный, алый

чтобы казнить ученых, поэтов, искусных ремесленников и мастеровых, однако я поделил молодых женщин между своими воинами, ибо Аллах сказал, что женщины из побежденных городов (после битвы) являются дозволенной, законной добычей воина.

(Пояснение: Как, должно быть, почувствовал читатель, Амир Тимур толкует веление ислама по своему усмотрению. Между тем Коран гласит, что во время священной войны, которая ведётся против воинствующих кафиров, мусульмане могут брать женщин кафиров в качестве невольниц, наложниц. При этом, следует заметить, что Аллах имеет ввиду язычников, а не последователей единобожия, подобных иудеям и христианам, и в Коране ничего кроме этого не говорится, тогда как Тимурленг при всей своей учености и осведомленности, причисляет жителей Нишапура, которые были мусульманами, верящими в единого Бога, к числу язычников, воинствующих кафиров. – Переводчик.)

Отправка захваченных товаров из Нишапура в Мавераннахр и другие дела, относящиеся к Нишапуру, в том числе необходимость развалить и срыть его городскую стену, вынудили меня задержаться, и я еще целый месяц провел в Нишапуре, после чего возложив на своего сына Джахангира задачу продолжить и завершить срытие стен Нишапура, я отправился в Тус. В Тусе никто не оказал мне никакого сопротивления, и я вступил в город, и никто не был обижен мною. Жители Туса, как и жители Нишапура носили чалму, не пользуясь никаким другим видом головного убора, и я слышал, что чалма распространилась среди других мусульманских стран, включая Мавераннахр, именно из Хорасана, а жители Хорасана, в свою очередь, переняли чалму, как головной убор от жителей древней Армении. Мой сын, Шейх Умар, прибывший в Тус вместе со мной, по вступлении в город, обратив внимание на то, что жители говорят на арабском языке и все носят чалмы, сказал: «Разве мы находимся в Хиджазе (т.е. Аравии), ибо все здесь ходят в чалмах и говорят по-арабски?»

Я сказал ему: «Знай же, что в Хиджазе не носят чалм, а если кто и носит чалм, значит подражает хорасанцам, потому что чалма – это головной убор жителей Хорасана. Что же касается арабского языка, который ты слышишь на улицах этого города – это наследие прошлого, когда арабы владели Хорасаном. В Тусе простой народ (аввам-ан-нас) говорит на арабском языке, а что касается знати и ученых – эти говорят на персидском языке.» Часть ученых и знати города Туса пришли ко мне и были изумлены, увидев, что я говорю свободно как по-арабски, так и на персидском языке.

Среди посетивших меня представителей знати был человек, имеющий звание Имам-и Аъзам (т.е. великий имам) и я, затеяв с ним дискуссию и спросил, что наверняка он регулярно совершает намаз. Он ответил утвердительно. Тогда я сказал: «Наверное ты знаешь, что во время намаза следует читать суру Аль-Хамд.» Он ответил, что это само собой разумеется. Я сказал далее: «В суру

Аль-Хамд в качестве одного из эпитетов Господа упоминается «Малек-и явм-и ад-дини.» Знаешь ли ты, что означают эти слова?»

Он ответил: «Они означают – «Властитель дня веры.». Я сказал: «А теперь вообрази, что я – простолудин и растолкуй мне, что значит «Властитель дня веры?»»

Имам-и Аъзам ответил: «Смысл этого аята ясен из содержания самой суры Аль-Хамд и поэтому не нуждается в разъяснении и толковании.» Я ответил: «А вот я не понимаю его смысла, и потому разъясни мне, пожалуйста, в чем заключается смысл этих слов.» Имам-и Аъзам замолк. В тот момент я сказал ему, что в этом аяте слово «вера» употреблено в смысле «воздаяние, суд», то есть Господь является властителем Судного Дня, то есть Дня, когда каждому будут возданы награда или наказание в соответствии с совершенными им деяниями. И тот день, день воздаяния (т.е. Страшного Суда) бесконечен по своей протяжённости, возможно он никогда не окончится, и так как в этом аяте слово «явм» (т.е. день) по смыслу своему означает «время», а не один лишь день от восхода солнца и до его заката, и поскольку Судный День – есть неограниченное время, то по этой причине в течение всего того времени солнце не восходит и не заходит, а может солнца и вовсе не будет, и никто не может предвидеть когда наступит «День веры» или «День Страшного Суда», и потому, все что утверждают по этому поводу, помимо того, что изложено в самом Коране, является выдумкой.

Имам-и Аъзам с изумлением внимал моим словам, затем он спросил: «О, Амир Тимур, откуда же ты обрел все эти знания, и кто были твои учителя, что наполнили твой разум столь обширными знаниями?» Я ответил, что у меня было несколько наставников в Мавераннахре, однако самым великим из моих наставников является Коран. Я читал и запоминал наизусть содержание Корана, однако делал это не так, как читают и запоминают другие. Во время чтения и усвоения содержания Корана я старался не оставлять ни один аят непонятым, тем самым стремился постичь подлинную суть и смысл каждого из всех аятов Священной Книги.

Имам-и Аъзам сказал: «О, великий эмир, возможно ли, чтобы ты принял меня в свои ученики и обучил меня?» Я ответил: «У меня нет времени для обучения, и жизнь моя вплоть до ее завершения – это жизнь воина и все мое время пройдет в битвах.» Имам-и Аъзам сказал: «Очень жаль, что ты не имеешь времени, чтобы обучать меня, и если бы не то обстоятельство, я бы с великой радостью принял звание твоего ученика.»

Вступая в Хорасан, я преследовал три цели: первое – это взятие Нишапура, затем – взятие Сабзевара, третье – увидеть город Башаруйе, о жителях которого я много слышал. О них рассказывали, что хотя все они являются учеными, тем не менее все они трудятся как простые люди, пахут землю, выращивают скот, шьют обувь из шкур животных, отправляются в степь

чтобы собирать там хворост и вязанками тащат его в город, чтобы использовать для выпечки хлеба и приготовления горячей пищи.

После двух недель пребывания в Тусе, хотел было я покинуть его, чтобы заняться взятием Сабзевара, как вдруг вспомнил, что именно в Тусе похоронен Фирдоуси, стихами которого я зачитывался еще в юные годы, и потому захотелось мне посетить могилу того поэта. Я слышал, что могила Фирдоуси не находится на мусульманском кладбище, так как он был широко известен как еретик, поэтому люди не позволили хоронить его на мусульманском кладбище. *(Еретик – здесь означает шиит, однако по некоторым преданиям, Фирдоуси обвиняли в безбожии, однако следует указать на то, что утверждения о причинах непогребения Фирдоуси на общем мусульманском кладбище основаны на преданиях и, возможно, ни одно из них не является достоверным, и, что вероятно, сам Фирдоуси мог завещать, чтобы его похоронили в собственном саду или доме, так как в старину некоторые предпочитали, чтобы после смерти их хоронили именно таким образом. – Переводчик.)*

Как я слышал, поскольку люди не были согласны, чтобы Фирдоуси был погребен на мусульманском кладбище, то его похоронили в его же собственном саду. Прежде чем отправиться в Сабзевар, я решил посетить сад Фирдоуси, однако не увидел там ничего, что напоминало бы сад, увидел я лишь развалины, поросшие травой, среди тех развалин виднелся небольшой холмик, и мне сказали, что это – могила Фирдоуси. Я стоял у могилы этого человека, погруженный в океан размышлений и удивился, как же так получилось, что такой великий поэт, как Фирдоуси (вопреки тому, что он был еретиком), до такой степени был предан забвению и неизвестности, что жители Туса даже надгробного камня не установили на его могилу, чтобы не затерялась она, не стерлась с лица земли. Прежде чем удалиться от могилы поэта, я распорядился, чтобы в тот же день установили надгробный камень на его могилу, чтоб не затерялась она. Не успел я удалиться от тех развалин, как подскакал запыленный гонец, спешил, достал из-за воротника послание и приблизился ко мне.

Я лично знал этого гонца, знал его как надежного и неутомимого курьера, доставлявшего сообщения, обладавшие государственной важностью. Я спросил его, откуда он следует? Он ответил, что из Самарканда. Я спросил, был ли он непрерывно в пути? Гонец ответил, что с того дня, как он выехал из Самарканда и по сей миг он постоянно был в движении и не слезал с лошади. Я спросил, от кого он привез послание. Он сказал, что от Шир Бахадура. Шир Бахадур был назначен мною править Мавераннахром в моё отсутствие, и ставка его находилась в Самарканде. Я вскрыл послание, он писал мне о следующем: «От Шир Бахадура Великому Амиру Тимуру. – Тохтамыш, правитель земель по ту сторону Абескунского (т. е. Каспийского) моря, выступил с большим войском и намерен завоевать Мавераннахр, и хотя я готовлюсь оказать ему здесь сопротивление, тем не менее твое присутствие

окажет ещё большее воздействие. Выступи же немедленно в путь и достигни Мавераннахра как можно скорее.»

Я до того времени не слышал имени Тохтамыша и не знал, кто он и где находится его страна. Между тем, по ту сторону Абескунского (т.е. Каспийского) моря располагалось такое множество различных стран, что трудно было представить где и какая из них расположена, разве что самому следовало пройти туда чтобы разобраться в том. Я спросил у гонца, кто такой Тохтамыш, он ответил, что не знает кто он такой, однако знает, что Тохтамыш выступил с войском, чтобы завоевать мою державу. Я спросил, видел ли он войско Тохтамыша, и как выглядят его воины. Гонец ответил: «Нет, когда я выезжал из Самарканда, воины Тохтамыша еще не дошли до тех мест.»

Из-за послания, полученного от Шир Бахадура, я отказался от намерения отправиться в Башаруйе и решил в тот же день возвращаться в Мавераннахр. Я не мог достаточно быстро перебросить всех своих воинов из Хорасана в Мавераннахр, поэтому отобрал три тысячи наиболее закаленных в боях воинов, дал каждому из них по запасной лошади и мы отправились в путь, решив, что оставшаяся часть войска выступит вслед за нами. Я знал, что достигнув Мавераннахра, я смогу из числа воинов, находящихся в своих домах, сформировать армию, чтобы вести боевые действия до тех пор, пока ко мне не присоединятся войска, находящиеся в Хорасане.

Мы двигались днем и ночью. Каждый раз, чувствуя, что лошади устали, я повелевал останавливаться, чтобы воины могли сменить лошадь, пересест с усталой лошади на свежую чтобы затем продолжить путь. Во время длительных переходов очень важное значение имеет то, как кормить и поить лошадей, и я вместе со своими военачальниками были сведущи в таких вопросах и знали, что никогда не следует давать лошадям столько воды, чтобы они досыта напивались, поскольку после такого у них начнутся боли в сердце и они быстро выйдут из строя. Мы знали, что ежедневно достаточно давать каждой лошади два раза по небольшой порции корма, чтобы животное не обессилело, а так же, что во время длительных походов следует раз в два или три дня, отпускать на волю лошадь, для того, чтобы она могла покататься по земле или траве на ближайшем пастбище, так как такое катание снимает усталость у лошади. Через неделю после того как я выступил из Туса, достиг я Мерва и там я услышал, что Тохтамыш повернул назад.

Там же я узнал, что Тохтамыш был правителем народа, проживавшего в Крыму, что на юге России, и что с ограниченным количеством своих всадников пришел он для набега в Мавераннахр. Однако увидев, что Шир-Бахадур собирает войско для того, чтобы отразить тот набег, он испугался и повернул назад. Я хотел последовать за ним и, преследуя вступить в его страну, чтобы увидеть что это за человек, осмелившийся напасть на мою державу, однако время года не благоприятствовало походу на Крым, и поскольку я знал, что Россия – страна резких холодов, и что зима наступит прежде, чем я достигну Крыма и начну войну, это обстоятельство помешало

бы мне быстро возвратиться назад. По этой причине я отложил наказание Тохтамыша на более поздний срок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мой второй поход на Хорасан и битва за Сабзевар.

Мои войска, находившиеся в Хорасане, вскоре прибыли вслед за мною в Мавераннахр, и тот год я целиком посвятил благоустройству страны и приведению войска в порядок, часть своего времени я посвятил дискуссиям с шиитскими улемами. Мой сын Джахангир, приведший в Мавераннахр оставшуюся часть войска, привез также четырех улемов из числа шиитов. Эти шиитские улемы стали моими гостями в Самарканде, и я дал указание, чтобы с ними обращались с подобающим почтением. Ибо в моих правилах было всегда почитать ученых, поэтов, искусных ремесленников. Днем я приглашал тех шиитских улемов к себе во дворец, до и после трапезы я пускался в оживленные дискуссии с ними.

С самого начала тех дискуссий я заметил, что доводы тех шиитских улемов основываются на том, что содержится в преданиях, а не на рациональном мышлении.

(Пояснение: Уважаемые читатели должны учитывать то, что здесь рассказ ведется от имени Тимурленга, и понятно, что человек, подобный ему, не мог благосклонно относиться к шиизму, и потому подобная точка зрения не разделяется мною – Переводчик).

Когда я спрашивал их, на чем основываются их логические доводы, доказывающие превосходство шиитского учения, они выдвигали в качестве таковых предания. Через два месяца я наделил каждого из тех улемов-шиитов определенной суммой денег и лошадью с тем, чтобы они могли вернуться к себе на родину. Следует отметить, что центрами исповедания шиитского учения являются, в основном, Хорасан, Рей и районы на берегах Абескунского (Каспийского) моря, в других местах шиизма нет, там его можно встретить, разве что, в виде исключения. *(Тимурленг ошибался, - в большинстве областей Ирана были последователи шиитского учения, в тех же областях проживали также и последователи суннитского учения, и, следует упомянуть, что в Иране никогда между шиитами и суннитами не возникало конфликтов, и они жили бок о бок подобно братьям. – Переводчик).*

Весной следующего года дошло до меня, что эмир Сабзевара собирает войско, чтобы напасть на Мавераннахр. В ту пору я думал выступить походом в сторону России и сразиться с Тохтамышем, однако весть о том, что эмир Хорасана собирает войско послужило причиной, чтобы я принял решение вторично двинуться на Хорасан. За год до этого, когда я выступил на Хорасан, никто не узнал о начале моего похода, и я застал хорасанцев врасплох, однако годом позже мне уже не удалось повторить подобное. Год назад в Хорасане не

было войска, об особенностях которого я бы не располагал сведениями, однако знал, что не следует считать врага незначительным и слабым, и того, кто недооценивает врага, неизбежно ждёт поражение. Поэтому, прежде чем отправиться в Хорасан, я сформировал большое войско, состоящее из ста двадцати тысяч воинов и разделил то войско на три части, взяв на себя командование сорока тысячью из них, сорок тысяч я передал под командование моему сыну Джахангиру, командование оставшимися сорока тысячью я возложил на второго сына Шейх Умара, который был моложе Джахангира.

Сыновьям своим я сказал, чтобы перед принятием любого решения они советовались со старыми и опытными военачальниками, служившими в войске каждого из них и не кичиться своей молодостью. Я сказал им, что мы вступаем в страну, полную врагов и на каждом шагу нас ждет в засаде хорасанец, вооруженный саблей или копьем, чтобы убить нас, и что если распылить войско во вражеской стране, оно легко может быть уничтожено, и поэтому следует передвигаться и воевать сплоченными отрядами, сосредоточенными в виде единой силы. Я знал, что на севере Хорасана живет несколько племен, отличающихся воинственностью. Некоторые из них проживали в районе Кучана, некоторые в Туркменской степи. Я не сомневался, что эмир Сабзевара воспользуется помощью упомянутых племен, поэтому я так спланировал свое вторжение в Хорасан, чтобы двигаться через Кучан в сторону Туса, затем повернуть на Сабзевар, а сын мой Джахангир двигался на Сабзевар через Эсфарин и Джавин, другой же сын, Шейх Умар, шел на Сабзевар через Туркменскую степь и Мазинан. Таким образом мы могли держать под контролем все племена на севере Хорасана, чтобы при малейшем проявлении враждебности с их стороны, незамедлительно уничтожить их. Несмотря на то, что была весенняя пора и было много травы, особенно на склонах гор, холмах и пастбищах, мы вынуждены были кормить лошадей сеном (сухим кормом), так как лошадь, которая пасется весной среди зеленых трав, не в состоянии совершать длительных переходов. По этой причине заготовка провианта для ста двадцати тысячного войска,двигающегося тремя сорокатысячными частями, имела исключительную важность. И для заготовки провианта и фуража следовало снаряжать не менее тысячи всадников, так как во враждебной стране, солдаты таких отрядов по заготовке провианта и фуража, если они слабы и малочисленны, непременно гибнут.

Мы были вынуждены грузить и везти с собой часть провианта и фуража как для лошадей, так и для себя, а остальное добывать по дороге, поскольку жители деревень и сел на нашем пути не проявляли готовности добровольно представлять нам фураж и продовольствие, приходилось с боем вступать в селения, захватывая силой амбары с пшеницей, сеном и просом и убивать всякого, кто при этом оказывал сопротивление.

Дойдя до Кучана, я встретил там мужчин, высоких ростом и мощных телом, которые все еще ходили в войлочной одежде, так как весной в Кучане было довольно прохладно, в руке каждого из них можно было видеть длинную, здоровенную дубину, которую они носили, положив на плечо. Они не пытались напасть на мое войско, однако из взглядов, которые они бросали в нашу сторону было видно, что они не боятся нас. Некоторые из них были светлоглазыми и светловолосыми и говорили на языке, не походившем ни на фарси, ни на арабский, выяснилось, что это курды, и что они когда то переселились из Курдистана и осели в Кучане.

Так как мужчины-курды отличались физической силой, я пригласил нескольких из них и с помощью переводчика побеседовал с ними, спросив не желают ли они вступить в мое войско. Они спросили, кто я такой. Я ответил им, что я – Тимур, правитель Мавераннахра, и что вскоре стану так же и правителем Хорасана. Курды сказали, что они не хотят оставлять своих жен и детей и не видят необходимости в том, чтобы становиться воинами. Кроме того они объяснили, что у не могут бросить своих овец, выращивая их они обеспечивали свое пропитание. Хотя курды Кучана и были могучими, они выглядели безвредными, и я перестав опасаться их, отправился дальше, в сторону Туса. В Тусе я вновь посетил могилу Фирдоуси, посмотреть установили ли на ней надгробный камень и увидел, что имя и сведения о великом поэте высечены на том камне на арабском языке, хотя он в свое время писал свои стихи на персидском. Я велел поменять надгробный камень, чтобы надписи на нем были высечены на двух языках – арабском и персидском.

Затем я двинулся на запад, и, достигнув Нишапурской степи, увидел, что сам Нишапур разрушен, однако поселения и деревни вокруг него обжиты и благоустроены. Миновав Нишапур, я велел войску передвигаться в полной боевой готовности и построении, так как в любой момент мы могли столкнуться с войском эмира Сабзевара. Я выслал вперед дозоры, чтобы они своевременно обнаружили войско противника и дали о нём знать, в случае если, бы оно возникло на нашем пути.

Начиная с того дня как я вступил в Хорасан, я не слышал ничего о своих сыновьях, и не знал, где находятся Джахангир и Шейх Умар. Они не могли дать мне знать о своем положении, а я не мог послать им весть о себе, так как во вражеской стране нет возможности посылать гонцов из одного конца в другой. Поскольку близился день битвы, я передвигался без спешки, моей целью было не позволить устать лошадям и воинам, чтобы они оставались свежими к моменту их приближения к полю боя. Я знал наверняка, что эмир Сабзевара осведомлен о моем вступлении в Хорасан и был почти уверен, что он спешит ко мне навстречу со своим войском.

Я не думал, что численность войск эмира Сабзевара может превышать пятьдесят-шестьдесят тысяч человек и думал, что его воины, все или в

большинстве своем, – пешие, потому что хорасанцы не придавали важного значения участию конницы в сражениях и не знали, что конное войско значительно лучше пешего, особенно в такой местности, как долины Хорасана, и если бы эмир Сабзевара не вышел навстречу мне со своим войском, его можно было бы назвать глупцом, ибо тот, кто имеет войско, не должен отсиживаться за стенами крепости и позволить противнику взять его в осаду.

На рассвете следующего дня, когда мое войско собиралось двигаться дальше, дозор сообщил, что вдали виднеется некое войско, и я понял, что это эмир Сабзевара выступил мне навстречу, и чтобы узнать как велико и оснащено то войско, я поскакал вперед. Взобравшись на вершину холма, с первого взгляда я понял, что войско эмира Сабзевара – пешее, второе, что бросалось в глаза – выстроившись в полный боевой порядок, вражеское войско двигалось по широкой долине с севера на юг в нашем направлении, между его левым флангом, центром и правым флангом не наблюдалось промежутков, и потому воины эмира Сабзевара шли нам навстречу словно сплошная живая стена, не имеющая ни единой расщелины.

Мне понравился боевой порядок войска эмира Сабзевара, говоривший о том, что эмир Сабзевара является доблестным воином, умеющим управлять обстановкой на поле боя.

Я насчитал приблизительно семьдесят тысяч его воинов, в то время как у меня было всего сорок тысяч, однако мои воины были верхом, а воины эмира Сабзевара пешими.

Как я уже говорил, предвидя возможность столкновения с противником, мои войска двигались в полной готовности к бою.

Правым (северным) флангом моего войска командовал военачальник по имени Кувнарбек, небольшого роста, происходил он из монголов и был отважным командующим. Командующего левым (южным) флангом моего войска звали Ургун Четин, происходил он из четинов, о которых я уже рассказывал, что питались они мясом собак, а я изжил в их среде подобную привычку. Как и его соплеменники, Ургун Четин не ведал, что такое страх, был он таким же обжорой, как и все они. Командование центром я взял на себя.

Осмотрев войско противника, решил я начать атаку силами своих конников и пробить брешь в той живой стене. Оба моих командующих флангами знали, что им следует делать, а именно – каждый из них на своем участке должен был пробивать брешь в сплошном строю пеших воинов эмира Сабзевара, после чего брать их в окружение и уничтожать, в случае если те не станут сдаваться.

Расстояние между двумя войсками было еще достаточно велико, и я не мог командовать коннице начать атаку, так как учитывал, что в этом случае, пока кони преодолеют расстояние и доскачут до боевых порядков эмира Сабзевара, они, наверняка, выдохнутся. Когда промежуток между двумя войсками стал достаточно коротким, я заметил, что воины эмира Сабзевара вооружены также и копьями, а копья представляют серьезную опасность для конницы. Ибо пешие воины с помощью копий, поражая коней, превращают всадников в пеших воинов, что резко понижает их боевую ценность. Я вызвал Кувнарбека и Ургун Четина на совет в центр войска, и они согласились со мной относительно опасности, которую представляли копья противника для наших лошадей. Я тянул время и не давал команды к атаке, выжидая момента, когда войско эмира Сабзевара первым перейдет в наступление против нас, я не стыдился, проявляя подобную сдержанность и осторожность, так как способный военный руководитель не тот, кто обладает только лишь бесстрашием перед лицом смерти, а тот кто способен советоваться со своим войском и принимать его мнение.

Когда войско эмира Сабзевара подошло ближе, я дал команду, чтобы лучники приготовились к началу стрельбы, и я сам наложил стрелу. Согласно моего указания, лучники должны были применять стрелы с закаленными наконечниками. Наши стрелы с закаленным острием способны пронзить броню, а на близком расстоянии пробивают даже мелкую кольчугу. У нас в Мавреннахре наконечники стрел закаляют следующим образом – растворяют сто манов соли в ста манах воды (*один мавераннахрский ман равен двум с половиной тебризских манов, который приблизительно равен 3 кг – Переводчик*), в результате получается густой, вязкий соляной раствор. Наконечники доводятся на огне до белого каления, после чего их погружают в соляной раствор. Это действие повторяется три раза, и на третий раз, когда наконечник вынут из соляного раствора, его оттачивают с помощью напильника. Такой наконечник называют закаленным, и он способен пробивать даже броню. Клинок и наконечник копья также можно закалить таким же образом, но мы пользуемся им большей частью для закалки стрел.

Эмира Сабзевара звали Али Сайфиддином, он был моим ровесником, мне говорили, что это отважный и сведущий в науках муж, и исповедует он шиитскую веру. Я искал его среди войска, но не находил, а если бы нашел, послал бы в него стрелу с закаленным острием, чтобы узнал он силу и стрелковое мастерство эмира Мавераннахра.

Наши стрелы, выпускаемые с близкого расстояния, наносили значительный урон воинам Али Сайфиддина, и каждая стрела, посылаемая мною, валила очередного врага, я понимал, что воины эмира Сабзевара полагаются на свои длинные копья, чтобы поражать моих всадников, таким образом, если с помощью стрел мы выведем из строя как можно большее число копьеносцев противника, победа будет за нами. Убедившись, что ряды воинов эмира Сабзевара расстроены и потеряли свой боевой порядок, мы подготовились к

атаке. Основным оружием моих воинов в Сабзеварской битве были лук и стрелы, сабля и секира. Из опыта я знал, что в конной атаке моих воинов сабля не столь уж полезна, вместо нее намного полезнее секира (то есть боевой топор) при условии, что она оснащена достаточно длинной рукояткой. Сабельный удар, наносимый вражескому воину не выведет его из строя пока не рассечено горло или разворочен его живот. Применение сабли в конной атаке требует, чтобы всадник в моменты рубки использовал так же и силу движения лошади, а такое умеет не всякий, и в разгар битвы у всадника нет возможности управлять движениями лошади таким образом, чтобы она отталкивалась от земли ногами именно в тот момент, когда всадник наносит сабельный удар с тем, чтобы совокупная мощь от движений как коня, так и всадника поражала противника. Если в момент нанесения сабельного удара всаднику удастся дополнить мощь собственной руки мощью от движения коня, в этом случае противника можно будет разрубить пополам. Но, поскольку такая возможность возникает редко, наилучшим оружием в конной атаке является секира, при условии, что она оснащена достаточно длинной рукояткой. Будучи нанесенным противнику, удар секирой поражает его невзирая на наличие у того пачишлы, и мощного удара тем оружием достаточно, чтобы надежно вывести врага из строя.

Увидев, что ряды воинов эмира Сабзевара расстроены, мы двинули своих лошадей, взяв в руки секиры. Очень надеялись мы на то, чтобы разорвать стройный порядок в войсках эмира Али Сайфиддина и прежде, чем мы успели сойтись вплотную с вражескими воинами, на нас посыпался град из камней, и выяснилось, что воины эмира Сабзевара применяют пращи, чтобы метать камни в нас. Град камней представлял опасность больше для коней нежели для нас, часть коней была выведена из строя, те кто вынуждены были таким образом спешиться, возвращались в тыл, так как их дальнейшее пребывание на поле боя становилось бесполезным.

Я мог бы, ради спасения жизни части своих воинов, отдать приказ остановить атаку, однако это было бы неразумно, сделав это, я дал бы возможность эмиру Сабзевара привести в порядок расстроенные ряды своего войска, опять же против нас были бы успешно применены копьа. Кроме того, если бы я приказал прекратить атаку, эмир Али Сайфиддин и его воины, увидев что им удалось сорвать наше наступление, воспрянули бы духом, и смогли бы и дальше успешно сопротивляться и проявлять стойкость. По этой причине я пошел на то, чтобы пожертвовать жизнями части своих конников ради того, чтобы привести в смятение и расстроить порядок в рядах войска эмира Сабзевара.

Ургун Четин, командующий южным флангом, как я уже говорил, имел в своем распоряжении две тысячи всадников из числа своих соплеменников. Как коршун он набросился на правый фланг войска эмира Сабзевара. Кувларбек, командующий северным флангом, с такой же смелостью, во главе своих воинов-монголов, атаковал левое крыло вражеского. В центре вели сражение

я и мои воины, которые, подобно мне были выходцами из Мавераннахра, как и я, они были высокорослые. Они прекрасно сознавали, что всякий, кто проявит на поле боя малодушие или колебание, будет убит мною собственноручно.

Мои воины знали, что в ходе битвы глаза мои будут неустанно следить за действиями каждого из них, и что я могу простить любую провинность, кроме двух, которые считаю совершенно непростительными, - одно из них – это предательство, а другое – нерешительность и малодушие на поле боя. Поскольку на поле битвы я был строг в первую очередь в отношении самого себя и был безжалостен к себе, по этой причине я не мог быть жалостливым в отношении других, и мои воины знали, что нет такой усталости или опасности, с которой я не был бы готов встретиться лицом к лицу.

Когда мы сошлись вплотную с воинами эмира Сабзеара, мы встретили ожесточенное сопротивление. Несмотря на то, что ряды войска эмира Али Сайфиддина удалось расстроить, его воины смогли ещё теснее сплотить свои ряды и преградить нам путь с помощью длинных копий. Каждое копьё, пронизывающее грудь или брюхо лошади, спешивало моего очередного всадника и вынуждало его покидать поле боя. Пока вражеские копьеносцы поражали наших лошадей, другая часть его воинов осыпали нас градом камней, точные попадания которых вышибали из седел и валили наземь моих конников.

При всем том, что обстановка на поле боя удручала и была неблагоприятной, я не прекращал наступления, зная, что если наступление остановится, это будет означать поражение. На моем южном фланге Ургуну Четину удалось расстроить боевые порядки воинов эмира Сабзеара таким образом, что те вынуждены были начать отступление. На северном фланге Кувлар-бек успешно продвигался вперёд, я же, находившийся в центре был лишён этой возможности, поскольку эмир Сабзеара сосредоточил здесь лучшую часть своего войска

Во время схватки удар камнем пришелся по моему шлему, если бы не головной убор камень наверняка пробил бы мою голову при этом, без сомнения, я бы потерял сознание и свалился наземь. Несмотря на то, что эмир Сабзеара сосредоточил в центре поля боя отборные отряды, меня это радовало, так как я видел, что на мою долю выпала тяжелейшая часть битвы. Я не боюсь ни трудностей, ни опасностей, но допускаю, что, возможно, не все мои военачальники таковы, что, столкнувшись с затруднениями в ходе битвы, они могут расстеряться, а тот, кто испытывает страх в ходе битвы – непременно погибнет.

Итак, на северном и южном флангах мои воины продолжали наступать, а я, находясь в центре, как ни старался, не мог сломить сопротивление воинов эмира Али Сайфиддина. Тем не менее, мои воины захватили в плен часть из

них, и выяснилось, что один из пленных, - Мухаммад Сайфиддин, приходится младшим братом эмиру Сабзевара.

Битва продлилась до наступления темноты. К тому времени фланги моих войск продвинулись настолько далеко, что эмир Сабзевара понял, что центр его войска вот-вот попадет в окружение. Постоянными атаками я не позволял отборной части войска эмира Сабзевара, сражавшейся в центре, переместиться во фланги для оказания им помощи. Хотя мне и не удалось сломить сопротивление воинов эмира Сабзевара, сражавшихся в центре, тем не менее я помог своим флангам, поскольку помешал наиболее отважным из числа воинов противника устремиться на помощь своим флангам.

Али Сайфиддин понял, что центр его войска вскоре будет окружен и потому велел отступать своим отборным воинам, таким образом битва закончилась моим успехом.

Мне следовало бы, видя отход войск эмира Сабзевара, начать преследование постараться уничтожить его, однако я воздержался от преследования по двум причинам, первая заключалась в том, что приближался закат солнца и должна была наступить ночь, и если бы я вздумал преследовать Али Сайфиддина, в такой обстановке, меня поджидали бы опасности, неизбежные для человека, незнакомого с условиями местности. Вторая причина заключалась в том, что немалое число моих воинов были убиты и ранены и я чувствовал что моё войско стало слабее и было разумнее потерпеть и подождать, когда подоспеют мои сыновья со своими отрядами и соединятся с нами.

По окончании битвы я призвал своих военачальников, чтобы они доложили обстановку. Выяснилось, что в тот день были убиты и ранены пятнадцать тысяч из сорока тысяч наших конников. Следует учесть, что мы вели сражение с семидесятитысячным войском и воины эмира Сабзевара хорошо дрались.

Как только поле битвы опустело, в небе появились тучи стервятников, намеренных поживиться мертвечиной, однако из за наступившей темноты я не мог дать указание о погребении павших. Кроме того, я опасался, что той ночью эмир Сабзевар может внезапно атаковать нас и устроить побоище, поэтому всем воинам предстояло пребывать в полной боевой готовности, и в случае если часть из них отвлечь на то, чтобы хоронить мертвых, это могло ослабить наши силы.

Командующего войском по истечении дня, проведенного в сражении, даже если он и вышел из него победителем, продолжает одолевает множество других забот, он должен выслушать доклады нижестоящих военачальников, проследить, чтобы раненные были обеспечены должным лечением и уходом, привести свой лагерь в такое состояние, чтобы не оказаться жертвой уничтожающей атаки со стороны противника. Я велел поместить в шатре и организовать охрану Мухаммада Сайфиддина, брата эмира Сабзевара,

поблизости от своего шатра, с тем, чтобы в беседе с ним получить побольше сведений о его брате и мощи вражеского войска.

Когда наступила ночь и Мухаммаду Сайфиддину предоставили возможность совершить намаз, Кувлар-бек, стоявший рядом со мной сказал: «О, эмир, посмотри, как этот человек совершает намаз.». Я знал почему удивлен Кувлар бек, однако прикинулся непонимающим и спросил: «Что собственно тебя удивляет?». Кувлар бек ответил: «Этот человек совершая намаз, не кладет руки на грудь.» Было ясно, что Кувлар бек до того дня не видел как шииты обычно совершают намаз. Я сказал: «Кувлар-бек, молящийся, совершая намаз, являет себя перед Богом, поэтому он должен выглядеть достаточно смиренным, чтобы было видно, какое почтение он оказывает Господу. Каждому мусульманину дозволено стать перед Богом так, как он того желает, при условии, что его манера стоять соответствует его обычаям и правилам выражения почтительности. Мы выражаем своё почитание тем, что складываем обе руки перед грудью и читаем намаз, а этот человек выражает свое почитание Бога, прижав обе руки к телу, и если среди мусульман были бы общины, где принято во время намаза держать обе руки прижатыми к голове, как выражение почтения Господу, они были бы вправе совершать намаз и таким образом, при условии, что на их голове надета чалма.»

В ту ночь эмир Сабзевара так и не атаковал нас, и утром следующего дня мои воины приступили к погребению павших, однако в течении минувшей ночи гиенам удалось поживиться частью трупов. Я стал расспрашивать Мухаммада Сайфиддина о подробностях, касающихся войска его брата, и он ответил, что войско, противостоявшее нам накануне насчитывало семьдесят пять тысяч человек, и что у его брата имеется еще тридцать тысяч воинов в Сабзеваре. Как утверждал Мухаммад Сайфиддин, потерь в войсках эмира Сабзевара было больше, чем можно судить по трупам оставшихся на поле битвы, так как сабзеварцы, отступая, унесли с собою часть своих погибших, чтобы их не затоптали лошади и пешие.

Несмотря на то, что эмир Сабзевара потерял часть своих воинов, я не мог атаковать его, имея в своем распоряжении лишь двадцать пять тысяч всадников. К счастью, вечером того дня перед нами появился передовой дозор войск моего сына Джахангира, идущего на соединение с нами через Эсфарейн и Джувейн. Узнав через своих дозорных о моем местонахождении, Джахангир к полуночи подъехал и встретился со мной. Я спросил его, слышал ли он что-либо о своем брате Шейхе Умаре. Он ответил, что совершенно не имеет каких-либо сведений о своем брате, однако как было договорено, тот должен был подойти к Мазинану, что на юге от Сабзевара.

С подходом и соединением с нами войска Джахангира наши силы и возможности возросли и мы были готовы вновь наступать на войско эмира Сабзевара.

Узнав, что на помощь мне пришли мощные силы, эмир Сабзевара понял - еще одна битва со мной в открытой степи и он будет уничтожен, поэтому он начал стремительно отступать, быстро достиг Сабзевара и укрылся за его крепостными стенами. Как упоминалось, осаждать укрепленную крепость и одолевать упорство и сопротивление осажденных занятие нудное, долгое и утомительное, однако тот, кто желает одержать победу, должен быть готовым терпеливо и постепенно довести до конца это трудное дело. Я не имел сведений о положении внутри города Сабзевара кроме тех, что получил от Мухаммада Сайфиддина. Из беседы с ним мне стало известно, что Сабзевар - это большой город, являющийся центром ковроткачества, где имеется триста тысяч ковроткачей, которые трудятся в мастерских. Долина Сабзевара была не столь благоустроена как Нишапурская, и с первых мгновений поневоле обращаешь внимание на дующий в степи ветер, швыряющий в лицо песок и все время, пока шла осада Сабзевара, тот ветер доставлял нам неудобства.

Здесь я предпринял те же шаги, что и в Нишапуре, чтобы сломить упорство осажденных, а именно: засыпал все подземные каналы, снабжавшие город водой, поставил вокруг города дальние и ближние сторожевые дозоры, чтобы в случае если в городе окажутся подземные ходы, ведущие наружу, население не смогло использовать их для доставки продовольствия. Кроме того, я собрал всех мужчин из окрестных селений, чтобы они рубили деревья, делали из них заготовки для плотников, ответственных за возведение движущихся башен. Четверым искусным мастерам по отысканию подземных ходов я поручил устроить подкопы ведущие к подножию городской стены с четырех направлений и оканчивающиеся пустотами, в которые можно было закладывать и подрывать заряды из пороха.

Я велел, чтобы вокруг города в четырех местах из кирпича и дерева построили и установили по одной высокой башне, чтобы с них наши наблюдатели постоянно видели, что происходит в городе. Те башни получились очень высокими и позволяли хорошо видеть, что творится внутри города, догадываться о численности его обитателей. Меня порадовало большое число жителей, что означало - город не выдержит длительной осады и вскоре падет, ибо не будет возможным обеспечить продовольствием всех. Однако позже мне донесли, что эмир Сабзевара предусмотрел возможность длительной осады и запасся большим количеством продовольствия.

Готовясь к штурму города, я испытывал беспокойство по поводу отсутствия вестей от моего сына Шейха Умара. Во главе сорока тысяч конников он должен был войти в Мазинан, что расположен недалеко от Сабзевара, а между тем от него не поступало каких либо вестей, и я велел Джахангиру взять сорок тысяч всадников и отправляться на север в сторону Мазинана чтобы выяснить, где находится Шейх Умар со своим войском и что могло случиться с ними.

Джахангир и его всадники двинулись в путь, а мы продолжили осаду города. Каждый день мы привязав к стрелам, забрасывали в город послания, в которых обращаясь к населению и войску эмира Сабзевара предлагали прекратить сопротивление и сдать город, обещая, в этом случае сохранить им жизнь. Мы так же предупреждали, что в противном случае мужчинам грозит поголовное истребление, а женщинам и детям - плен и неволя. Тем не менее, наши угрозы не оказали ни малейшего воздействия на осажденных.

Однажды я забросил в город несколько стрел с письмами, в которых предлагал эмиру Сабзевара взойти на городскую стену и посмотреть на сложившуюся обстановку. Вечером эмир Сабзевара, о котором я уже говорил, что он был примерно моего возраста и исповедовал шиизм, взобрался на городскую стену. Я велел подвести поближе к стене его брата, Мухаммада Сайфиддина. Наши лучники были готовы стрелять в случае, если со стороны осажденных в нашу сторону будет пущена хоть одна стрела. Однако лучники, обступившие эмира Сабзевара, намеренно давали возможность видеть, что луки висят у них за спиной, и что они не собираются стрелять.

Глашатай с нашей стороны, обратившись к эмиру Сабзевара, прокричал от моего имени: «О, Али Сайфиддин, если ты не откроешь ворот города и не сдашь Сабзевара, твой брат будет казнен здесь же на твоих глазах, я повелю отделить его голову от туловища.» Эмир Сабзевара крикнул в ответ: «О, Тимур-бек дозволишь ли ты твоему пленнику говорить со мной?» Через глашатая я передал, что да, я позволяю пленнику говорить. Эмир Сабзевара обратившись к своему брату сказал: «О, Мухаммад Сайфиддин, хочешь ли ты остаться живым при условии, что мы сдадим город врагу или считаешь лучшим, чтобы мы сражались, пусть даже если это приведет к твоей смерти?» Мухаммад Сайфиддин ответил: «Сражайтесь!», и обратившись ко мне сказал: «Тимурленг, вели своему палачу обезглавить меня.»

Я сказал глашатаю: «То, что я скажу сейчас Мухаммаду, повтори громко для сведения эмира Сабзевара.», затем я изложил следующее повествование: «Мой предок Альп-Арслан триста пятьдесят лет тому назад воевал с правителем Византии Диогеном IV и победил и пленил его.

(Пояснение: Тимурленг утверждая о своём родстве с Чингиз-ханом, одновременно говорит и о своей принадлежности к роду Альп-Арслана, сельджукского правителя, отец которого знаменитый Малик-шах не был из рода Тимурленга, поэтому мы сочли нужным упомянуть об этом, чтобы уважаемый читатель не был введен в заблуждение. – Переводчик.)

Место, где правитель Византии был пленен моим предком, расположено в Армении, и после пленения Диоген IV был закован в цепи и приведен к моему предку. Альп-Арслан спросил его: «Если бы ты одолел меня и взял в плен, чтобы ты сделал со мною?» Диоген IV сказал: «Я бы продал тебя.»

Удивленный Альп-Арслан спросил: «Продад бы вместо того, чтобы постараться убить меня?» Правитель Рума сказал: «Потому что твоя гибель не имела бы особого значения. Для меня ты был важен, пока не был побежден. Убивать тебя, побежденного, приведенного ко мне закованным в цепи, равносильно убийству какого-то муравья, тогда как, продав тебя, я бы извлек хоть какую-нибудь да пользу.»

Альп-Арслан спросил: «Кому бы ты продал меня?» Правитель Византии ответил: «Тебе самому или любому, кто проявит готовность купить тебя.» *(Следует иметь ввиду, что под правителем Византии подразумевается правитель Малой Румелии со столицей в Константинополе, который сегодня называется Стамбул— Переводчик.)*

Альп-Арслан тут же согласился продать правителя Византии, а поскольку кроме самого его не было на то других покупателей, он продал Диогена IV ему самому. Поэтому, о Мухаммад Сайфиддин, если ты готов выкупить себя или твой брат проявит такую готовность, я готов продать тебя.»

Эмир Сабзевара крикнул со стены, какую цену я хочу за его брата. Через глашатая я ответил, что за сумму, равную двум корурам (один корур равен пятиста тысячам) динаров. Эмир Сабзевара крикнул, что во всем городе не найдется и одного корура наличных динаров. Я ответил: «Ты лжешь. Ты, у которого имеется войско численностью в сто тысяч человек, должен иметь немало коруров наличных денег. Пока человек не имеет денег в количестве, измеряемом в корурах, он не в состоянии создать и содержать стотысячное войско.»

Эмир Сабзевара ответил: « Ради того, чтобы спасти жизнь брата я могу собрать и заплатить сто тысяч динаров, при условии, что ты его передашь мне живым и здоровым.» Я ответил, что стотысячный выкуп был бы уместен, если бы речь шла о спасении какого-то заурядного торговца, захваченного в плен, а не брата эмира Сабзевара. Эмир Сабзевара сказал, что даже ради спасения своего брата, он не сможет уплатить сумму, большую чем назвал. Я ответил: «Хотел я подобно Альп-Арслану продать жизнь твоего брата, но раз уж ты не готов купить ее, и нет других покупателей, то придется мне убить его, дабы избавить себя от хлопот по его содержанию.»

По моему знаку палач обезглавил Мухаммада Сайфиддина, с верха городской стены раздались горестные вопли и я сказал, чтобы тело Мухаммада установили на одной из башен, возведенных против городской стены, чтобы жители могли видеть его.

Той ночью Али Сайфиддин мстя за гибель своего брата устроил нам побоище. Уже прошла треть ночи, как вдруг распахнулись городские ворота через которые высыпали наружу и атаковали нас воины эмира Сабзевара. Тысячи из них с помощью лестниц спускались со стен города, часть из нападавших

имела с собою факелы и, пробиваясь к нашим шатрам, поджигали их, стремясь привести нас в смятение и помешать сосредоточить свои силы. Я придерживаюсь правила: ведя осаду крепости, никогда не располагать коней вблизи лагеря. Ведущий осаду зная, что за стенами осаждаемой крепости укрылось многочисленное войско врага, должен понимать, что в любой миг дня или ночи осажденные воины могут совершить вылазку и атаковать войско ведущее осаду их крепости. А если в момент вылазки противника в лагере осаждающих еще окажутся и их кони, возникнет такой переполох и беспорядок, что невозможно будет успешно биться, к тому же если еще и возникнет пожар и огонь охватит весь лагерь. Хотя наши лошади будучи боевыми и не боятся шума и гама, тем не менее огонь их пугает, и когда он возникает, они могут сорваться с привязи и в страхе умчаться прочь.

Заблаговременно расположив своих коней в тылу войска, мы не испытывали особых волнений в ту ночь, когда состоялась ночная вылазка врага. Оба моих военачальника Кувлар-бек и Ургун Четин знали, что если противник совершит вылазку и нападет на нас, они должны будут поспешить ко мне вместе со всеми имеющимися в их распоряжении силами.

Я упоминал, что на период осады я рассредоточил войско по окружности города, в то время как эмир Сабзевара внутри города располагая достаточно сильным войском мог напасть и уничтожить наши рассредоточенные силы, поэтому, в случае вылазки противника, Кувлар-бек и Ургун Четин должны были со всеми имеющимся в их распоряжении силами устремиться ко мне, чтобы мы сосредоточив мощь в одном месте, сумели отразить атаку и постарались ворваться в город.

Со всех сторон раздавались крики и стоны раненных, ругань и брань воинов эмира Сабзевара, казалось они воодушевляют себя столь недостойным образом. Кувлар бек и Ургун Четин своевременно подоспели ко мне. Расположившись на востоке от города я взял на себя наступательную часть ведения осады, Кувлар бека я назначил командующим правым флангом, а Ургун Чатина – левым, и мы начали встречную атаку, отчаянно рубясь секирами. Я орудовал двумя топорами, нанося удары вправо и влево, наши факелоносцы освещали для нас поле боя, часть которого и без того была освещена пламенем пожара. Возможно, кто-то на моем месте и велел бы тушить пожар, чтобы спасти шатры и палатки, но я знал, что это было бы не главной, второстепенной задачей. Сгори все наши шатры и палатки в пламени, все равно мы сумели бы обзавестись новыми, так как все города Хорасана, кроме Сабзевара были в наших руках, их бы срочно изготовили для нас в тех городах. В тот момент главным было воспользоваться моментом и ворваться в город.

Все мои силы были сосредоточены к востоку от города, правый фланг моего войска охватывал северную, а левый – южную часть города, и мы неуклонно

приближались у двум его большим воротам, оба из которых были расположены в восточной части.

Воины эмира Сабзевара бились с помощью сабель, а мы – секирами и наши удары валили их, и путь наш был устлан трупами вражеских воинов до того места, пока мы не оказались в пятидесяти зарях (1 зарь равен 104 см) от городских ворот, и в тот момент осаждённые закрыли их, следуя приказу эмира Сабзевара.

Когда эмир Сабзевара понял, что его ночная вылазка сорвалась он, подобно тому как пожертвовал в тот день своим братом, так же бросил на произвол судьбы своих воинов, оставшихся снаружи, закрыл ворота и тем самым лишил их возможности благополучно отступить под защиту стен города.

До того момента сабзеварские воины сражались доблестно и отчаянно, увидев однако, что ворота за их спиной закрылись и отрезаны пути отхода в город, пали духом. Мы знали, что после закрытия городских ворот нужно некоторое время, чтобы вновь возвести каменную насыпь за ними и если мы будем наступать достаточно стремительно, то наверняка сумеем помешать им сделать это.

Воины Сабзевара прекратив сопротивление, бросали оружие и сдавались в плен. Это облегчало нашу задачу скорейшего прорыва к городским воротам. Мы подошли к ним вплотную, когда осажденные успели всё же возвести за ними каменную насыпь.

В ту ночь сгорела часть наших шатров и пропало все, что в них находилось, однако лошади наши ничуть не пострадали. С другой стороны, все воины эмира Сабзевара, участвовавшие в ночной вылазке, были либо убиты, либо ранены, либо попали в плен. Наутро я велел добить всех тяжелораненных сабзеварцев, ибо мы не располагали средствами для их содержания. Легко раненных и пленных мы сохранили, чтобы использовать для различных работ и отпустить их на свободу впоследствии, после взятия города, предварительно получив достаточный выкуп за каждого из них.

Наутро, увидев пепел, на месте наших шатров и большое количество своих воинов погибших, я решил, что после взятия Сабзевара, не щадить ни одной живой души, перебить все его население.

На следующий день после той ночной вылазки, я велел своим военачальникам обеспечить прорыв части их людей в город через окружающие его стены, при этом соблюдать осторожность избегая ненужных потерь. Я понял, что тактика, зарекомендовавшая себя как полезная при взятии Нишапура, оказалась бесполезной в случае с Сабзеваром, и что войско Али Сайфиддина Муьида не даст возможности нашим воинам попасть в город и захватить его, перелезая через его стены. Однако я решил отвлечь их

внимание, дабы не заметили, что мы заняты устройством подкопов под их стены, чтобы впоследствии попасть в город подорвав их.

В то время, когда вдоль всей окружности городской стены устраиваются стычки и постоянно раздаётся шум схватки, осажденные не в состоянии услышать удары кирки и лопаты, звуки, раздающиеся под землей не привлекут их внимания. Лязг, производимый кирками и лопатами в руках у копающих подземный ход особенно легко услышать ночью, когда царит тишина, поэтому, следуя моим указаниям, воины и в ночную пору, с зажженными факелами устремлялись к стенам города, тем самым удерживая обороняющихся в напряженном ожидании до самого утра. Несколько раз отрядам наиболее отважных моих воинов удавалось прорваться в город перелезая через его стены, однако они гибли, не успевая продвинуться далеко. Эти случаи самоотверженности со стороны отдельных моих воинов не приносили прямого результата, тем не менее, они имели значение, в том смысле, что не давали возможности осажденным догадаться о наших истинных планах, тем временем другая часть воинов рыла подкопы, а гурхан в Нишапуре готовил пороховые заряды.

(Пояснение: Гурханом в войске Амира Тимура называли лицо, ответственное за подготовку пороховых зарядов, его так же называли Курханом, и слово Кур-ханэ – Арсенал, которое мы и поныне используем непосредственно перенято из слова Гур-хан. – Переводчик.)

Я велел заготавливать пороховые заряды именно в Нишапуре по двум причинам, во-первых, изготовление пороха – занятие довольно опасное и требует особого внимания и осторожности, иногда в ходе той работы происходят взрывы, и гибнет множество людей и если бы пороховые заряды заготавливались в моем военном лагере под Сабзеваром, постоянно существовала бы угроза взрыва и гибели части моих воинов. Во-вторых, я опасался шпионов эмира Сабзевара, могущих прознать о заготовлении нами пороховых зарядов ту тайну следовало всячески оберегать.

«Коль тайну прознал кто-либо помимо тебя, каковой будет твоя участь? Над той участью и разглашением тайны следует плакать.»

Я был уверен, что среди жителей окрестных деревень, привлечённых нами к вспомогательным работам, связанным с осадой Сабзевара, в частности - к изготовлению движущихся башен, могут быть соглядатаи эмира, извещающие его обо всех наших делах, и я не хотел, чтобы тот узнал о подготовке пороховых зарядов, которые будут применены в ходе дальнейшей осады его крепости.

Я торопил своих с окончанием работ по устройству подкопов, но кроме двух из них, восточного и южного, остальные были далеки от завершения. Подкоп, ведущий к городу с западного направления, устройством которого руководил

один из назначенных мною зодчих, обвалился и из-за этого часть нашего времени оказалась потерянной напрасно. Я велел казнить горе-зодчего, чтобы другие организаторы работ знали, что когда я поручаю им что-либо, они должны быть предельно внимательны, отдаваться делу целиком и не допускать ошибок. Подкоп, устраиваемый с северного направления уперся в каменную гряду, и этот слой был настолько толстым, что копавшие не смогли обогнуть его снизу. Зодчий, ответственный за этот северный ход, испугался и вообразил, что я его также казню, однако я успокоил его, сказав, что в том нет его вины, ибо никто не мог предвидеть, что подкоп может упереться в камень. Мы отказались от мысли использовать оба этих подкопа – западный и северный, и решили, что проникнем в город через восточный и южный ходы.

Прежде чем приступить к подрыву восточной и южной стен, я созвал совет, где обсуждалось, когда нам лучше ворваться в город, ночью или днем? Мы пришли к следующему выводу: Сабзевар - большой город, между тем у нас недостаточно сведений об обстановке внутри него, а ночью сколько бы факелов мы не запасли, все равно не будет так же светло, как и днем. Поэтому идти на приступ следовало днем, чтобы наши воины могли хорошо разглядеть окрестности и не нарывались на каждом шагу на очередную засаду. Устроители подкопов в восточной и южной частях города создали в их концах под городскими стенами углубления значительных размеров, которые плотно набили мешками с порохом, таким образом, каждой из обеих стен, восточной и южной, мы расположили по сто мавераннахрских мана пороха и протянули от каждого из этих пороховых складов по всей длине подземных ходов наружу, толстые длинные фитили, и я дал указание запалить их как только взойдет солнце и станет светло, а мои воины будут готовы идти на приступ.

Я знал, что зрелище некоторых зловещих приготовлений и определенные демонстративные действия могут произвести впечатление даже на самых отважных мужей, сердце которых может дрогнуть (*сегодня это называется «утратить боевой дух» – Переводчик.*)

Поэтому я велел, чтобы одновременно с поджогом фитилей, громче дули в сефид – мухрэ (*род боевой трубы - Переводчик*). Пророк Иосиф из племени израилева, возглавивший его после пророка Моисея, беря приступом стены города Иерихона, что на земле Ханаанской, поступил именно так, то есть непосредственно перед тем, как начать крушить городские стены, он велел дуть в боевые трубы и когда стены рухнули, осажденные вообразили будто бы именно рев труб обрушил их и настолько сильно дрогнули их сердца, что не сумели продержаться и часа.

В ночь накануне штурма я велел своим военачальникам поручить подчинявшимся им воинам, чтобы те назавтра, ворвавшись в город, никого не щадили, беспощадно убивали всех мужчин кроме тех, кто найдет прибежище в доме шейха Хасамуддина Сабзевари. Я много слышал о Хасамуддине Сабзевари, ученом и духовном главе города, поскольку был он весьма

знаменит своей учёностью. Я хотел, чтобы в отношении его было проявлено должное уважение.

На следующее утро, перед восходом солнца я велел запалить фитили и через несколько мгновений после этого велел дуть в сэфид мухрз, и в тот миг южная и восточная стены города рухнули.

Я не могу передать как содрогнулась земля от того, как воспламенился порох и рухнули стены.

Как я узнал позднее, в результате этих двух взрывов были разрушены дома, расположенные вблизи городской стены, а их обитатели остались под обломками. До того времени нам не доводилось воспламенять такое количество пороха одновременно, и оглушающий взрыв и содрогание земли даже меня ввергли в ужас. Мои воины ринулись в город с юга и востока, внутри города раздавались ужасные вопли. Я предвидел, что осажденные устремятся к восточной и южной частям города, чтобы преградить путь моим воинам, вследствие чего остальные его части останутся без защиты. Я велел, чтобы в западной и северной частях воины шли на приступ крепостных стен. Как упоминалось ранее, с началом осады, я установил высокие наблюдательные башни, по четырем сторонам города, чтобы постоянно видеть что творится внутри города. В тот день в городе царил такое смятение, стоял такой шум и гвалт, что я не мог разглядеть с высоты тех башен, что же там творилось и поэтому отправился к городским стенам, чтобы оттуда наблюдать за ходом сражения. За каждой частью города был назначен ответственный руководитель, все они хорошо знали возложенные на них задачи, и поэтому осажденные старались укрепить каждую часть или позицию, которую видели ослабевшей.

Воины эмира Сабзевара сражались хорошо, тем не менее мы стремительно теснили их со всех сторон и шли к центру города, ощущая полную уверенность в скорой победе. Эмир Сабзевара и его сын, прежде чем пасть в бою, поубивали всех женщин своей семьи, чтобы те избежали плена, после чего они сами погибли отважно сражаясь. Когда весть о гибели эмира Сабзевара и его сына достигла моих ушей, я понял, что теперь Сабзевар неизбежно падет. Наши глашатаи кричали, что каждый, кто хочет остаться в живых, пусть войдёт в дом шейха Хасамуддина Сабзевари и расположенную по соседству мечеть Мир. Я объявил мечеть Мир еще одним местом, где можно сесть в бест (т.е. обрести прибежище, чтобы остаться неприкосновенным), поскольку слышал, что дом шейха Сабзевари не настолько просторен, чтобы вместить в себя большое число желающих сесть в бест.

О, читающий эти строки, не попрекай меня тем, что я объявил местом, где можно сесть в бест, дом шейха Хасамуддина Сабзевари, бывшего шиитом. Ведь когда наш пророк брал Мекку, он также передал через глашатаев, что дом Абу Суфияна объявлен местом беста, и всякий, укрывшийся в том доме

или пределах месторасположения Каабы, не будет убит, в то время как Абу Суфиян считался злейшим врагом пророка и поклонялся идолам. Естественно, что шейх Хасамуддин Сабзевари как личность стоял выше Абу Суфияна, так как поклонялся единому Богу и нашего пророка считал посланником божьим.

Когда взошло солнце, я вступил в город через его ворота и увидел, что улицы усеяны трупами погибших и запекшейся кровью, приближаясь к центру города я заметил свежие потоки крови, текущие по некоторым улицам и понял, что истребление жителей все еще продолжается, и что свежепролитая кровь стекает в потоки водных каналов, пересекающих город. Сердце мое расцвело при виде крови, покрывающей улицы города, ибо с юных лет мне доставляло наслаждение видеть как льется кровь моих врагов и чем больше лет я жил, тем лучше я понимал, что кровопролитие есть ключ к обретению могущества, власти и славы, и что пока человек не прольет кровь, он не сможет вселить страх в сердца других, установить власть своей личности над другими. Вместе с тем, добывающийся власти через кровопролитие, не должен превращать это занятие в страсть так как если такое превратится в любимое увлечение, те, кто его окружают и живут в достатке благодаря его милости, неизбежно прольют кровь его самого.

К вечерней молитве бои в Сабзеваре закончились и все оставшиеся в живых, либо спешили к дому шейха Хасамуддина Сабзевари и мечети либо сдавались в плен. До того времени никто из моих воинов еще не приступал к захвату добычи, но как только прекратились бои на улицах, я велел начинать грабить дома. В тот же день шейха Хасамуддина Сабзевари привели в мой лагерь, разбитый за чертой города. Когда шейх прибыл, он заметил как мои воины были заняты сборкой моей переносной мечети, имеющей два купола – голубой и красный (ранее я уже упоминал об этой мечети), для того чтобы я мог совершить в ней вечерний намаз. Шейх Хасамуддин Сабзевари, к тому времени находившийся в глубоком старческом возрасте, имевший большую белую бороду, был удивлен увидев мою мечеть, особенно удивил его цвет ее куполов. Он спросил, по какой причине один из её куполов голубого, а другой красного цвета? Я ответил, что голубой цвет символизирует могущество Господа, а красный – могущество отдельной человеческой личности.

Шейх Хасамуддин Сабзевари сказал: «О эмир Мавераннахра, ты сегодня оказал мне честь, объявив мой дом местом беста и те, кто нашли прибежище в нём, спаслись от неминуемой смерти. Подобная любезность с твоей стороны, позволяет мне сметь просить тебя, и я скажу следующее: теперь, когда ты одержал победу, когда большая часть населения города погибла, воздержись же от разграбления имущества жителей города.» Я ответил: «О, шейх. Ты упоминаешь лишь о гибели жителей города, и не помнишь о том, что погибли так же и мои воины, их число так же велико и за их гибель должна быть уплачена цена крови, поэтому я не могу принять твою просьбу.»

Шейх Хасамуддин помолчал и сказал: «Тогда вели не угонять в плен и рабство женщин и детей.» Я ответил: «И такое повеление я не могу дать, ибо жители Сабзеvara, оказав сопротивление, поставили себя в положение воинствующих кафиров, а соответствующие аяты Корана недвусмысленно предписывают, чтобы женщины и дети таковых были пленены и обращены в рабов.»

К тому времени солнце село, и раздался голос муэzzина, призывающего к молитве, и я спросил шейха Хасамуддина не пройдет ли он в мечеть для совершения намаза, на что он ответил: «О эмир Мавераннахра, ты совершай свой намаз в мечети, а я свой совершу здесь, на месте, где нахожусь.» Я сказал: «Эта мечеть не моя, она является домом Аллаха.» Однако шейх Хасамуддин, вынув что-то из кармана, положил на землю и приготовился совершать намаз. Я спросил: «Что это такое ты положил на землю?» Шейх ответил: «Это печать, к которой мы прикладываемся лбом всякий раз совершая поклон Господу.» Я спросил, «А почему вы это делаете?». Он ответил: «Для того, чтобы обрести уверенность в том, что место поклонения пребывает в чистоте.» Тогда я сказал: «О шейх Хасамуддин, в таком случае вместо одной, ты должен пользоваться семью такими печатями.» Он спросил: «Почему же?» Я ответил: «Потому что, в соответствии с истинным толкованием законов ислама, в момент совершения поклонения Господу, должны пребывать в чистоте семь участков земли, то есть те, которых в это время касаются семь частей нашего тела, и так как при совершении молитвенного поклона земли касаются пальцы обеих ног и рук, оба колена и лоб, то в связи с этим согласен ли ты с утверждением, что при молитвенном поклоне должны непременно пребывать в чистоте семь участков земли, которых касается семь частей нашего тела?». Шейх ответил, что он согласен. Я сказал: «Тогда почему же ты прикладываешь к печати лишь свой лоб и не подставляешь такие же печати под две ладони руки, оба колена и пальцы обеих ног?»

Шейх ничего не ответил. Я же сказал: «О, шейх. Совершающий намаз в печати не нуждается. Только необходимо, чтобы место совершения намаза было чистым и наш пророк, совершая молитвенный поклон, прикладывал свой лоб к земле и таким образом исполнял предписанное Господом.»

По окончании намаза, я спросил: «О шейх, кто есть шайтан?» Шейх Хасамуддин Сабзевари ответил: «О эмир, шайтан был ангелом, которого Аллах изгнал от себя и с того момента до нынешнего и от нынешнего до конца света, он занимается только лишь тем, что сбивает рабов божьих с пути истинного.» Я спросил: «О шейх, приемлешь ли ты такое объяснение?» Он ответил: «Да, о эмир.» Я сказал: «Человек, сведущий и ученый подобный тебе, не должен описывать шайтана именно таким образом, такое описание предназначено для простого народа, чтобы он мог понять, что собой представляет шайтан, что он существует, что он сидит в засаде и подстерегает их, чтобы толкнуть их на путь несправедливых дел. Однако, истинный шайтан –

это повелевающая страсть, влечение к чему-либо, которая присутствует в природе каждого человека, вынуждает его совершать грешные, запретные действия. В существе каждого присутствуют две силы – одна милостивая или от Бога, а другая – от дьявола, толкающая людей на употребление вина, к азартным играм и другим запретным деяниям и по этой причине приобрели обязательный характер намаз, руза (т.е. пост) с тем, чтобы мусульмане были заняты молитвой и постом, и чтобы одолевающим страстям не оставалось времени и не оставалось у них возможности толкать человека на несправедные дела. Таким образом, тот кто молится и держит пост, не станет грешить, ибо для этого необходимо оставаться чистым, между тем, впадение в грех и несправедные действия оскверняют его состояние чистоты. Всемогуший и всезнающий Господь не испытывает ни малейшей нужды в моей и твоей молитве, моем и твоим держании поста, он установил обязательность молитвы и поста лишь с той целью, чтоб помешать мне и тебе всякий раз обретать в мыслях готовность вступить на путь греха.»

Шейх Хасамуддин сказал: «О эмир, я знаю, что ты ученый муж и что ты знаешь много такого, чего я не знаю.»

В ту ночь до самого утра раздавался вой гиен, поедающих трупы погибших в Сабзеваре, а утром в небе появились хищные птицы, поедающие падаль, которые слетались к городу, чтобы поживиться своей долей добычи. Я хотел, чтобы победа, одержанная мною в Сабзеваре послужила уроком для всех, чтобы все знали, что каждого, кто осмелится противостоять мне, постигнет судьба эмира Сабзевара и жителей того города. Поэтому на следующий день я велел оставшимся в живых жителям отделять головы убитых и собрать их в двух местах за пределами городских стен, расположенными на востоке и западе. Я хотел соорудить высокие башни из тех отрезанных голов, и чтобы ночами на их верхушках горели факелы.

После того, как в указанных местах собрали все отрезанные головы, мне доложили, что их количество составляет девяносто тысяч. Зодчим в свое время, отвечавшим за устройство подкопов под городские стены, я поручил построить две башни, одну на востоке, другую на западе от Сабзевара, сказав, чтобы при строительстве применили известь, с тем чтобы башни те были достаточно прочными и не разрушались от воздействия времени. Зодчим я велел рассчитать таким образом, чтобы в каждой башне было уложено в точности, как кладут кирпичи, по сорок пять тысяч голов, причем их следовало уложить таким образом, чтобы они составляли внешний вид башни. Если число голов окажется лишним, они могут быть использованы для отделки внутренней части, наружная же часть непременно должна была быть украшена отрезанными головами, чтобы подошедший к башне мог видеть их от подножия до самой вершины.

Зодчий сопоставив число голов с шириной сооружений, сказали, что эти сооружения лучше создать не в виде башен, а в виде пирамид, с винтовой

лестницей в середине, чтобы по ним можно было взбираться наверх и вечером зажигать огни. Я знал, что головы, устанавливаемые по наружной части пирамид, еще свежие и вскоре их мясо сгниет и останутся лишь черепа, которые расшатываются и начнут отделяться и выпадать из стен. Поэтому я велел укреплять головы таким образом, чтобы впоследствии, когда сгниет на них мясо и останутся лишь кости черепа, они не расшатались и не выпали.

Сначала из камня и кирпичей устроили каркасы пирамид, затем по их наружной части установили отрезанные головы, оставшиеся лишними были употреблены для отделки внутренних стен. После того, как были построены две такие пирамиды – одна на западе, другая на востоке Сабзевара, я велел высечь на каждой из них надписи следующего содержания: «Сооружено из голов убитых жителей Сабзевара в соответствии с повелением Амира Тимура.»

Ночами на вершинах тех пирамид зажигались установленные факелы, которые можно было видеть издали. Во время своих последующих походов, когда случалось проходить через Сабзевар, превращённый в развалины, я видел, что стены тех башен уже побелели, и создавалось впечатление, будто они сложены из отрезанных голов белого цвета.

После того как были сооружены эти башни, я разрушил крепостные стены Сабзевара, и двинулся на юг Хорасана, оставив за спиной разрушенный город с трупами его жителей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Поход на южный Хорасан.

Итак самый могущественный из моих врагов в Хорасане, Али Сайфиддин Муъид, эмир Сабзевара, был устранён, и после него в в том краю уже не оставалось никого, равного ему по силе. Тем не менее, на юге Хорасана было несколько эмиров, каждый из которых располагал собственным войском и я желал подчинить себе и их. Я знал, что весть о поголовном истреблении жителей Сабзевара и разрушении города разнеслась по всему Хорасану, из чего эмиры сделали соответствующие для себя выводы. Тем не менее, мне следовало прежде узнать, каково же положение в южном Хорасане. Я отложил свое выступление на юг Хорасана до того когда ко мне присоединится мой сын Шейх Умар со своим войском (как уже упоминалось, я отправил ему навстречу Джахангира). Когда Шейх Умар прибыл вместе с Джахангиром, выяснилось, что половина его войска уничтожена в стычках с туркменскими племенами.

Шейх Умар объяснил, что со дня, когда он вступил в Туркменскую степь и до того дня, когда он покинул ее, туркмены на своих быстроходных конях, совершали ночные набеги и внезапные атаки на его войско. В результате погибло немалое число его воинов. Шейх Умар сказал, что если я хочу завоевать власть, то должен вначале усмирить туркменские племена, на что я ответил, что обязательно сделаю это.

Шейх Умар сказал, что туркмены отличаются от жителей Нишапура, Сабзевара и других городов Хорасана. Они не живут в городах, чтобы можно было легко уничтожить их, и что они, почуяв опасность, сразу же перекочевывают в другие места, и что у всех у них имеются выносливые лошади, на которых они в течении ночи могут покрыть расстояние в двадцать фарсангов. Я ответил ему: «Сын мой, в умении совершать длительные переходы мы превосходим туркмен, потому что они передвигаются вместе со своими семьями, женами и детьми, мы же не берем в поход своих жен и детей, и поэтому не испытываем связанных с этим неудобств.»

Шейху Умару хотелось увлечь меня в просторы Туркменской степи, но я сказал, что лишь после похода на юг Хорасана, я возможно двинусь на туркменские племена.

Я оставил Шейха Умара на севере Хорасана, а сам с тридцатитысячным войском двинулся на юг. От Сабзевара на юг Хорасана есть прямая дорога, ведущая к городу Каъин, однако она идет через пустыню, где мало воды, а целый район там представляет собой местность, где водятся змеи из породы эф, возможно нигде в мире их нет в таком множестве как там. А сбоку от той пустыни расположена горная местность, где в изобилии водятся кобры, и

говорят, что время от времени между полчищами кобр и эф происходят яростные схватки, способные взволновать душу наблюдателя.

Даже если бы не существовало опасности в виде эф и кобр, все равно та дорога была бы не из легких, так как на ее протяжении не было возможности запастись провиантом и водой. Поэтому я выбрал дорогу ведущую от Туса к Гунабаду и оттуда к Каџину, поскольку этот путь пролегал через местность, где можно было добыть воду и продовольствие.

Я отправил вперед Джахангира с тысячей всадников, поручив ему заготавливать провиант. Я знал, что одной тысячи человек недостаточно для заготовки провианта, так как моему сыну предстояло временами разбивать эту тысячу на пять, а то и двадцать различных отрядов, рассылая их в окрестные селения, чтобы добыть достаточно провианта для войска, после чего организовать его хранение в специальных амбарах вдоль дороги, по которой будет двигаться войско. Если не предпринять такие меры, войско в походе останется голодным, лошади падут от голода и жажды. Когда я выступил из Туса на юг, погода еще стояла прохладная, наступал последний месяц лета, и достигли мы местности под названием «Велайет-э-Мах». *(Пояснение: я думаю, «Велайет-э Мах» – это тот же самый Мах-велайет или Махвелат, который ныне является крупным уездом, расположенным к югу от Торбет-э Хейдарийэ и славится своими бахчевыми культурами – Переводчик)*

Там в бескрайней степи, выращивали дыни, и всюду, куда ни кинь взор, виднелись бахчи, на которых выращивались те плоды. Когда мне принесли дыню, я обратил внимание, что ее мякоть красная, почти как у созревшего арбуза, и очень сочная, но по вкусу и аромату она всё же уступала самаркандским.

Все жители Велаят-э Маха отличались румяным цветом лица и полнотой. Причиной тому было то, что с того дня как они узнали, что такое дыня, ничего другого в пищу не употребляли, днем и ночью, пока не наступали холода она была и оставалась их единственным продуктом питания.

Пройдя ту местность, мы достигли города под названием Буджестан. Правитель города вместе со своими сыновьями и братьями вышел встречать меня с почестями, пригласил войти в его дом и отведать его пищи. Эмир Буджестана сказал: «О, Тимур, я слышал о твоих подвигах и очень желал встретиться с тобою, однако мой преклонный возраст был помехой моим стараниям увидеть тебя, и теперь я счастлив лицезреть тебя до того как наступило время умирать.» Перед трапезой в комнату внесли несколько подносов с гранатами, и эмир Буджестана сказал: «О Амир Тимур, в этих местах, где в изобилии растут гранаты, принято до еды для возбуждения аппетита пить гранатовый сок». Сказав это он собственноручно принялся выжимать сок из нескольких гранатов в подставленный кубок, наполнив тот кубок, он поставил его предо мной. Отпив глоток, я ощутил, что в жизни не

пробовал граната более приятного на вкус, и эмир Бужестана пояснил, что нигде в мире не растёт таких гранатов, как в Бужестане. Разрезав один из гранатов и подав его мне, он сказал: «О, Амир Тимур, обрати внимание, зерна здешних гранатов не имеют косточек.». И я, пожевав несколько зерен, убедился, что они действительно были без косточек.

После трапезы, чувствуя, что эмир Бужестана – человек небогатый и стеснен в средствах, я пожаловал ему две тысячи динаров, а он, когда я покидал Бужестан, вместе со своими сыновьями и братьями пешком провожал меня на протяжении целых полфарсанга.

Через несколько дней достиг я города Башаруйе, о котором говорили, что все его жители являются учеными. Подойдя к его окрестностям, я увидел, что ко мне пешком приближаются какие-то люди, выяснилось, что они из числа жителей этого города. Я догадался, что это представители городской знати и что они вышли, чтобы с почётом встретить меня.

Однако, когда они подошли достаточно близко, увидел я, что все они выглядят как крестьяне, халаты их сшиты из грубого холста голубого цвета, и поскольку было несколько прохладно, поверх халатов были надеты шерстяные кафтаны. У всех халаты были голубого, а кафтаны – серого цвета, и казалось, что в их городе не было других тканей кроме голубого холста и серой шерсти. У всех на головах были чалмы, являвшиеся общепринятым головным убором хорасанцев. Те люди встали напротив моего коня, и один из них, седобородый, по виду старший среди них, пропел стихи, смысл которых сводился к следующему:

«О эмир, повелевающий солнцем, луной и небесами,
которые не смеют двигаться иначе как по твоей воле.
Добро пожаловать в Башаруйе, и мы,
ничтожные жители этого города,
насколько хватит наших сил,
окажем тебе достойный прием.»

Когда он закончил тот стих, я спросил у него, кто является правителем того города. Старик ответил, что у города нет правителя. Я с удивлением спросил: «Как это так, что у города нет правителя и как же, в этом случае обеспечиваются порядок и безопасность в нём, и кто же, в таком случае, следит за соблюдением законов шариата и светских обычаев?» Старик ответил: «О, великий повелитель, нет у нас в этом городе правителя, а соблюдение законов шариата и светских обычаев обеспечиваем мы сами.». Я сказал: «Слышал я о вашем городе, однако не представлял, что в нем может не оказаться правителя.». Старик ответил: «О, великий повелитель, чтобы увидеть как наш город существует без правителя, изволь вступить в его пределы и посмотри каково положение в нем.». »

Вступая в Башаруйе, я удивился необычайной ширине его ворот, ибо даже в Самарканде не было столь широкого входа в город. Стоявшие вдоль моего пути жители держали в руках какие-то торбы из которых они что-то вынимали и клали – одну часть в один карман, другую часть - в другой. Я спросил старца, выглядевшего самым старшим в том городе и сопровождавшего меня, для чего эти люди повесили на плечи торбы и что это такое из них вынимают и раскладывают – часть в один и часть в другой карманы. Старейшина ответил: «О эмир, то что находится в торбах – это козлиная шерсть, а люди, которых ты видишь, вынув её, отделяют козью шерсть от козьего пуха, их кладут по-отдельности в соответствующие карманы, чтобы ткать из пуха ткань, а из шерсти – ковры и подстилки.

Я сказал: «А почему вы не используете овечью шерсть?». Старейшина ответил: «Потому что здесь не разводят овец, ибо нет пастбищ. А козы же могут довольствоваться сухой травой или колючкой и обеспечивают нас молоком и шерстью.» Я спросил того старейшину, как его зовут. Он ответил, что зовут его Хасан бен Исхак. Я спросил, чем он занимается в этом городе? Он ответил, что является имамом того города, и во время совершения намаза люди следуют его движениям, творя таким образом молитву Господу, кроме того, иногда ему приходится заниматься разбором споров, возникающих между жителями.

К тому времени мы приблизились к какой-то ткацкой мастерской, и я заметил четырех человек, находящихся в ней и занятых выработкой ткани. Хусейн бен Исхак сказал: «О эмир, пух, который собирается жителями города, употребляется для производства пуховой ткани, называемой «Барак». И он велел принести кипу такой ткани, чтобы мы могли ее рассмотреть. Эта ткань «Барак» оказалась мягче и тоньше ткани из китайского шелка, которой так много в Самарканде, до того дня я не встречал более мягкой и тонкой ткани.

Я спросил у Хусейна бен Исхака, сколько стоит одна кипа такой ткани. Он ответил, что пол-динара. Цена ткани была очень дешевой, и покидая мастерскую, я вынул несколько золотых монет, чтобы пожаловать каждому из работников, однако они не приняли предложенного им дара, сказав: «О великий эмир, для нас достаточно того, что мы удостоились чести лицезреть твой прекрасный облик и мы довольны тем, что зарабатываем в результате своего труда, и нам не требуется ничего более того.»

Покинув мастерскую и пройдя какой то десяток шагов, мы поравнялись с дуканом (т.е. бакалейной лавкой), где я заметил женщину, которая что-то там покупала, а хозяин лавки, прежде чем коснуться весов, промолвил следующие слова: «Виль аль-мустафина аль-лазина эзза китолу ала ан-наси йастуфуна.». Услышав эти слова, являющиеся аятом суры «Аль-Мустафин» Корана, я удивился, так как не ожидал, что простой лавочник окажется знатоком Корана, произносящим вышеуказанный аят перед тем, как коснуться весов. Подождав, когда лавочник вручит той женщине ее покупку, и она удалится, я

приблизившись к нему, сказал: «О человек, знаешь ли ты смысл и содержание произнесенного тобою аята?». Лавочник ответил: «Да, повелитель всех повелителей.» Я спросил: «В таком случае, скажи, что значат слова «Виль-аль-мустафина»? Владелец бакалейной лавки ответил: «Их смысл означает «Плохо тем, кому удастся мало продать.» Я спросил: «А что означают слова: «Аль-лазина эзза кеталу ала ан-наси йастуфуна»?». Владелец лавки ответил: «Они дополняют смысл, сказанного в первом аяте, где приведены слова Господа: «Плохо тем, кому удастся мало продать, особенно тем, кому приходится при покупке мерить товар с помощью мерной кружки или чаши весов по полной мерке», однако...».

Я спросил: «Что ты имеешь ввиду под «однако»?». Лавочник ответил: «После этого аята есть в Коране еще другой, дополняющий содержание начального, того, о котором мы с вами говорим.» Я сказал: «Произнеси и его.» Лавочник изрек следующее: «Ва эзза калухум ав ва зунухум йяхсаруна.» Я спросил: «О чем гласит этот аят?». Бакалейщик ответил, что тот аят, дополняющий смысл первоначального, гласит: «Те, кто при покупке товара измеряют его на весах или мерной кружкой в полной мере, а продавая другим норовят продать меньше, то есть недоложить товара на весы или в мерную чашу, иными словами, продают отмеряя не по полной мерке и тем самым вредят покупателю.» И эти три аята, содержащиеся в суре «Мустафия» должны читаться последовательно друг за другом для того, чтобы читающий Коран мог правильно постичь их смысл.»

Я сказал: «О добрый человек, те кто учили меня Корану в детстве не могли бы растолковать смысл его аятов так хорошо как это сделал ты. Но скажи же, а почему ты читал эти аяты именно в эти мгновения?» Бакалейщик ответил: «О эмир, стоящий над эмирами, я читаю этот аят именно в тот момент, когда собираюсь коснуться весов, чтобы помнить, что Господь видит мои деяния и я не должен обвешивать покупателя (т.е. продавать по неполной мерке).».

Покинув тот дуكان, мы подошли к дому, что был отведен для моего пребывания в этом городе. В этот миг ушей моих достиг азан, призывающий к вечерней молитве. Хусейн бен Исхак, будучи шейхом, сказал: «О эмир, прошу твоего дозволения отправиться в мечеть для совершения намаза, после намаза я вернусь, чтобы и дальше быть к твоим услугам.» Я ответил: «Я тоже совершаю намаз и было бы неплохо совершить молитву в мечети этого города.» Шейх Хусейн бен Исхак ответил: «Тогда поспешим же, чтобы не опоздать.» Вместе с шейхом мы вышли из дома, я заметил, что владельцы лавок поменяли свои халаты, и каждый кто переоделся в лучшие одежды, спешил в сторону мечети без того, чтобы запереть на замок двери своей лавки, ибо в городе Башаруйе не было воров, и людям нечего было опасаться за сохранность своего имущества и товаров, находившихся в их лавках.

Я спросил у одного из лавочников, который переодевшись вышел из своей лавки и собирался идти в мечеть, для чего он сменил халат, в ответ на это он

немедленно прочитал мне следующий аят из суры «Арабы»: «Йа бани адам хаду аз йантакум анда кулли масджид ва куллу ва ашрабу ва ла тасрафу иннаху ла йахба аль-масрафина.» Я сказал шейху Хусейну бен Исхаку: «До нынешнего дня я гордился званием Хафиза уль Корана (т.е. знающего Коран наизусть), а сейчас я вижу, что все и каждый житель этого города – Хафизы уль Корана.» Затем я спросил того мужчину, знает ли он смысл того аята. Он ответил: «Господь сказал: «О люди, вознамерившись совершить поклонение, пользуйтесь же при этом наилучшими убранствами и украшениями, вкушайте яства и пейте напитки даруемые вам Создателем, но при этом не допускайте чрезмерных трат и излишеств, ибо Бог не любит тех, кто расточительствует и расходует сверх необходимой меры.» И мы, следуя повелениям Господа, прежде чем идти в мечеть, чтобы совершить там молитву, пользуемся лучшими из своих убранств и украшений, надеваем новые халаты, чтобы предстать перед Богом облаченными в новые одежды.»

Я сказал: «О, человек, ты преподавал мне полезный урок. Несмотря на то, что я считаю себя Хафизом уль-Кораном и факихом (т.е. правоведом, знатоком шариата), я не обращал внимания на этот момент, то есть необходимость для человека, собирающегося совершить поклонение Господу (т.е. молитву), одевать лучшие свои убранства, а ты напомнил о том повелении Создателя.» Затем я сказал, обратившись к шейху: «Поскольку я должен сменить одежду, вернусь-ка я в дом, и совершу свою молитву там, а ты отправляйся в мечеть, чтобы совершить там свое богослужение.»

После чего, вернувшись в дом я переоделся в новую одежду и так как моя переносная мечеть еще не была доставлена в Башаруйе, я совершил намаз, находясь внутри дома. После этого я снова вышел на улицу, так как хотел ещё раз поглядеть на жителей города и поговорить с ними. Проходя мимо лавки аттара (т.е. продавца пряностей и благовоний), я услышал как он произносит: «Ва ав фава аль-кила эзза култум ва зану би-уль кистас аль-мустакима». Я не смог сдержать свое удивление и спросил: «Эй человек, знаешь ли ты, что означает слово «кистас?» Аттар ответил, что смысл аята означает следующее: «Когда продаете товар, мерилем которого является сосуд (т.е. по объему, а не на вес), обращайтесь внимание на то, чтобы сосуд был полным. Когда же продаете товар на вес, пользуйтесь весами, обе чаши которых справедливо и строго уравновешены.»

(Пояснение: удивительно, что спустя даже семь веков, все еще слово «адль» (справедливость) в хорасанских источниках широко употребляется в смысле «равновесие», а весы справедливости и правосудия означают такие весы, обе чаши которых строго уравновешаны. – Переводчик.)

Всякий раз проходя мимо лавок, я замечал, что их владельцы отпуская товар на вес или по объему, читали один из аятов Корана, гласящий о необходимости строгого соблюдения оговоренного веса или объема, для того, чтобы Господь видел, что они совершают то действие должным образом. И

еще одна вещь, привлекавшая мое внимание в том маленьком городе, заключалась в том, что все его жители, как мужчины, так и женщины, в течении всех часов ночи и дня, кроме времени, отведенного для сна, были заняты работой, а те кто не имел работы, беспрерывно отделяли козий пух от шерсти, вынимая их из сумы, висящей на плече или же пряли эту шерсть с помощью веретена, чтобы затем передать эту пряжу в ткацкую мастерскую для выработки ткани «Барак». Хусейн бен Исхак поведал мне, что того дня как жители Башаруйе помнят себя, в городе не имело места ни одного случая воровства и никто там никого не убивал. Никто не помнит, чтобы во время разговора или совершения сделки кто-то на кого-то повысил голос и никогда не случилось в том городе такого, чтобы мужчина давал развод своей жене. Насколько помнят престарелые жители, не было случаев раздора между наследниками по поводу раздела наследуемого имущества, чтобы один из наследников посягал на имущество другого. В том городе никогда не было ночной стражи, тюрьмы, суда, и люди для разрешения споров, могущих возникнуть между ними, обращались к Хусейн бену Исаку и безоговорочно исполняли принимаемое им решение по возникшему вопросу.

Профессией Хусейна бена Исака было также земледелие и по утрам с лопатой на плече он покидал город, чтобы возделывать своё поле и к обеду он возвращался в город чтобы совершить намаз в городской мечети. После этого, он снова отправлялся обратно за город. Все жители города с детства обучались чтению и письму на основе Корана, здешние женщины так же как и мужчины, знают Коран, умеют читать и писать. В том городе видел я два вещества, которые получали из корней степных растений, одно из них называлась «кутейра», а другое – «нагузэ». Обоим этим составам придавалась особая значимость. И еще, что я видел там, из того что было новым для меня, так это было некое масло, черного цвета, с острым и диковинным запахом, его приносили из местности, расположенной в двадцати фарсангах к западу от Башаруйе, наливали в светильники, заправляли в них фитили, которые горели, ярко освещая комнату в ночную пору. Мне говорили, что упомянутое масло бьет наружу из недр земли и подобно ручьям растекается по степи и днем, под палящим солнцем его запах ощущается далеко вокруг.

Необходимость готовить войско к дальнейшему походу и наступление холодов, предвещавших скорое наступление зимы помешали мне далее оставаться в Башаруйе и наслаждаться беседами с его жителями, которые и в самом деле оказались мудрецами и учёными. В этом городе я понял, что для обретения знаний и мудрости человеку не обязательно быть мударрисом (т.е. преподавателем) медресе или, подобно мне, повелителем, скорее наоборот – всякий земледелец или пастух вполне в состоянии стать ученым мужем или мудрецом, знать и понимать Коран, читать и сочинять стихи.

В день, когда я намеревался выступить из Башаруйе на юг, я издал фирман, гласящий о том, что до тех пор пока будут править я и мои потомки, город Башаруйе должен быть освобожден от налогов и податей.

Я знал, что некоторые города носят титулы «Дар-уль-улум» (т.е. прибежище знаний – академия), а другие – «Дар-уль-аман» (прибежище спокойствия и безопасности) и поэтому в своем фирмане я пожаловал городу титул «Дар-уль-улум ва уль-аман» и подчеркнул, чтобы мои потомки ни в коем случае не нападали на город Башаруйе. Покидая город, я подарил шейху Хусейн-бену-Исхаку коня, однако он не проявил готовности принять даже такой дар, сказав: «О эмир, все мы здесь ездим верхом на длинноухих, поэтому для нас достаточно и осла.».

Покинув Башаруйе, я направился в Каъин, так как там правил эмир, от которого можно было ожидать враждебных действий, а мне хотелось убедиться в том, что он всё же проявит покорность мне. На третий день после нашего выступления из Башаруйе начался сильный ветер, я решил, что это предвестие начала осени, однако он скоро перешел в песчаную бурю и стало настолько темно, что я уже не мог различить даже холки своей лошади и мне поневоле пришлось сделать остановку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Забулистан

Как я уже говорил, Джахангир был ответственен за заготовку провианта и постоянно двигался впереди основного войска, чтобы обеспечивать пищу для людей и животных. Сын мой Джахангир постоянно передвигался в сопровождении двух-трех местных жителей, чтобы они служили его проводниками и подсказывали где легче всего можно найти достаточно продовольствия и фуража. Между мною и Джахангиром была установлена постоянная связь, от него ко мне и от меня к нему постоянно шли гонцы.

Однако после того, как улеглась песчаная буря и восстановилась видимость, вести от Джахангира перестали поступать. В их ожидании я оставался на месте целые сутки, однако от него так и не было гонцов. До того Джахангир выступил вперед с тысячей всадников чтобы обеспечить заготовки провианта для войска, однако я знал, что его всадники распылены между множеством сел и деревень и тот, кто ответственен за заготовку провианта, не в состоянии держать всех своих конников в одном месте. Моя остановка в пустыне была нежелательна, ибо у нас кончалось продовольствие, между тем нужно было двигаться вперед. Я спросил у сопровождавших меня проводников, что же следует предпринять? Они ответили: «Твой сын и его конники, вероятно, из за песчаной бури заблудились в пустыне, ибо при такой буре все дороги в пустыне заносятся песком и путники, потеряв дорогу, теряются в пустыне. Поэтому тебе следует направить отряд для поисков в пустыне. Благодарю Бога, что сейчас осень и погода прохладная, в противном случае твой сын и его спутники страдали бы от жажды и палящего солнца.»

(Удивительно то, что в свое время Надир-шах со своим войском так же заблудился в той пустыне, и если бы один из местных правителей (правитель Табаса) не поспешил ему на помощь и не отыскал его в пустыне, Надир-шах со своим войском погиб бы в пустыне от жажды и зноя. – Переводчик.)

Наша остановка в пустыне была вынужденной, поэтому поручив поиски Джахангира и его отряда нескольким местным жителям, сам я отправился дальше и сделал остановку в местности под названием «Бадамашк». Такое название местность имела благодаря обилию в ее окрестностях дикого миндаля, и для меня принесли трость, изготовленную из такого дерева, она была настолько тяжелой, что казалось, будто в руках у меня железная, а не деревянная трость. Бадамашк был небольшим селением и не в силах был обеспечить провиант для моего войска, потому мне пришлось отрядить в окрестности новые отряды для заготовки продовольствия и фуража.

В один из дней в Бадамашк прибыл некий караван из двухсот пятидесяти верблюдов, и я вызвал к себе караванбаши, чтобы узнать не встречал ли он в пустыне моего сына и его людей. Караванбаши сказал, что они следуют из

Йезда и по пути никого не видели. Я спросил, каково расстояние отсюда до Йезда. Караванбаши ответил, что путь от Йезда досюда у них занял двенадцать дней и ночей. Я спросил: «Встречаются ли на этом пути людские поселения и водные источники?». Караванбаши ответил: «За двенадцать дней до этого наши верблюды пили воду в местности, находящейся в шести фарсангах от Йезда и после этого только сегодня пьют воду здесь, и по пути следования мы не встречали ни людских поселений, ни источников воды, не попадалось даже зарослей кустарника, чтобы можно было разжечь огонь, и если кто вздумает следовать через эту пустыню зимой, непременно погибнет от холода, потому, что на протяжении пятидесяти фарсангов пути не найдешь ни щепки, ни хворостинки, чтобы не то чтобы разжечь костер, а хотя бы поковырять ею в зубах, поистине Аллах не создавал пустыни более сухой, бесплодной и дикой, чем эта.»

Я поразился сказанному караванбаши и спросил, как же в таком случае, они дерзнули пересечь ту пустыню. Тот ответил, что пустыню можно пересечь только во время двух сезонов: весной, когда льют дожди и сейчас, когда прохладно, верблюд может выдержать пятнадцать дней без воды, в другое же время года человек, ступивший в неё, непременно погибнет от жары и жажды. Я спросил: «Что вы давали своим верблюдам в течении тех двенадцати суток пока шли из Йезда сюда через пустыню? Я спрашиваю потому, что хотя и может верблюд обойтись без воды в течении пятнадцати суток, но он нуждается в корме, а ты говоришь, что на протяжении шестидесяти фарсангов не найти даже колючек.». Караванбаши ответил: «Выступая из Йезда, мы захватили с собой сухого корма «бидэ» и в пути кормили им верблюдов, если бы мы кормили их «навалэ» (корм, состоящий из ржаной муки, в виде комочков, даваемый верблюдам и лошадям) верблюды бы быстро захотели пить, «бидэ» же не вызывает у них жажды.»

В тот день я понял, что я не смогу попасть в Керман и Йезд через пустыню, так как ни одно войско не в состоянии пройти пустыню в которой на протяжении пятидесяти фарсангов нет ни воды, ни жилья. Караван, состоящий из верблюдов, мог бы пройти ее в осеннюю или весеннюю пору, но для войска такое было невозможным невзирая на время года. В тот момент у меня ещё не было намерения идти на Керман, Йезд и Фарс, однако в результате того путешествия я получил полезные сведения и узнал, что невозможно наступать на Йезд, Керман и Фарс с севера и что следует идти те места с запада, со стороны Рея и Исфагана.

Караван из Йезда, пробыв два дня в Бадамашке, двинулся дальше на север. Я все так же ждал, когда вернутся люди, отправленные мною на поиски Джахангира и его войска. Через два дня после ухода караван из Йезда, в Бадамашк прибыл еще один верблюжий караван. Люди из того каравана, разгрузив животных и отпустив их в степь пощипать колючек, развели костер, обложили его камнями, и после того, как развеялся дым, установили над ним большой таз, налив в него масла в количестве равном примерно одному

самаркандскому ману, после чего смешали с ним некоторое количество кешка (похлебка из сушеного кислого молока), разбавленного водой. После того, как смесь кешка и масла закипела, таз сняли с огня, крошили в него кусочки фатира (пресных лепешек) и стали есть. Я подивился тому, тому, как эти семь человек (отец и шестеро сыновей) поглощали пищу, они умудрялись запихивать в рот и глотать огромные куски пищи. Настолько поразили меня их внешний вид и манера есть, что я подошел к ним и спросил отца семейства, человека с длинной седой бородой, откуда они. Он ответил, что они – жители Забулистана. Я спросил, не из их ли краёв вышел легендарный богатырь Рустам. Старик, ответив утвердительно, хлопнул по спине одного из своих сыновей и сказал, что все они – Рустамы. Я сам – мужчина высокого роста, тем не менее, рядом с ними, выглядел коротышкой.

Они были настолько высоки ростом, что рядом с верблюдами, их головы были вровень с горбами животных. И были они настолько сильными, что когда грузили поклажу на верблюда, они не заставляли его опускаться на колени как это делалось обычно, а поднимали и клали ее на спину прямо стоящего верблюда.

Я спросил почему они не опускают верблюдов на колени чтобы нагрузить их их общепринятым способом? Седобородый ответил, что причина в весьма деликатной природе верблюда, что если его ставить на колени, чтобы нагрузить, вставая он может повредить себе что-нибудь. И в самом деле, старик и его сыновья выглядели настолько могучими, что верблюды и впрямь выглядели перед ними обладающими нежной природой. Я уверился в том, что они из рода прославленного богатыря Рустама, героя эпоса «Шах-намэ», созданной Фирдоуси, а сам Рустам был, наверное, похож на них. Несмотря на то, что старик и его сыновья составляли числом всего семь человек, они не показали ни малейшего страха, видя мое войско, ставшее лагерем в неподалеку, и складывалось впечатление, будто смотрят они на меня и моих воинов как на неких муравьев. Когда их караван готовился отбыть, я сказал старику: «О, старец, скажи мне, только ли ты с сыновьями так высоки ростом, или все в Забулистане такие рослые?». Старик ответил: «Все в Забулистане таковы и именно там – царство подлинных мужей Ирана.»

Я понял, что название «Иран», старик усвоил из «Шахнамэ» Фирдоуси, так как со дня вступления в Хорасан, я ни разу не слышал, чтобы употреблялось это слово. Встреча со стариком и его сыновьями настолько меня взволновала, что я решил, достигнув Каина, немедленно направиться в Забулистан, чтобы самому увидеть тот край высокорослых мужей, набрать из их числа отряды и влить их в состав своего войска.

Я провел в Бодомашке десять дней до тех пор пока не вернулись разосланные мною проводники, доставившие мне исхудавшего от голода и жажды Джахангира вместе с его семидесятью двумя воинами. Мы узнали, что с началом песчаной бури, Джахангир и его всадники сбились в кучу, и именно в

тот день из-за случайности они рассеялись. Джахангир рассказал мне: «С началом бури, все вокруг потемнело и мы вынуждены были остановиться. Буря длилась целый день и целую ночь, после чего ветер прекратился, и на утреннем небе появилось солнце, и мы не увидели ни малейшего признака дороги. Хотя тропы в пустыне едва приметны и легко исчезают покрываясь кочующими барханами, тем не менее я знал, что ты, отец, находишься на севере, а мы до этого двигались на юг, поэтому я отправил людей на юг и на север, чтобы они разведали местность. Однако они не вернулись. Я был вынужден отрядить еще группу конников для поиска дорог или троп. Но вскоре следы коней на песчаных холмах так смешались, что невозможно было определить, откуда и куда направлялись всадники, оставившие эти следы. Что бы мы не предпринимали для поисков дороги, все кончалось унынием и разочарованием, до тех пор пока наши лошади не начали валиться с ног от голода и жажды, сами же мы благодаря прохладе осенней погоды, не так уж и мучались от жажды, вместо этого нас донимал голод и так до тех пор, пока не отыскивали нас, отправленные тобою на поиски проводники и не спасли оставшуюся часть отряда от верной смерти, неумолимо надвигавшейся в результате голода и жажды.»

Вышеописанное происшествие стало уроком для Джахангира и моих военачальников, я понял, что войско, идущее по пустыне, подобной иранской, должно проявлять осторожность, и как только поднимется буря, оно должно остановиться, где бы не находилось, пометить копьями и стрелами контуры тропы или дороги, и ни в коем случае не удаляться от дорог, изобилующих кормом и питьем, углубляясь в сторону центральной части, иначе командующего и его войско ждёт неминуемая смерть.

Оставалось возможным, что пропавшая часть войска найдет дорогу и вернется в Бадамашк, и тем самым спасётся от смерти, однако я не мог ждать и направился в Каџин. Правитель Каџина, человек преклонных лет, встретил меня в пяти фарсангах от города. Завидев меня издали, он сошел с коня, приблизился ко мне и хотел поцеловать стремя моей лошади, однако я воспрепятствовал тому, учитывая его почтенный возраст, и сказал, чтобы он сел обратно в седло. Правитель Каџина сказал: «О, Амир Тимур, я слышал о тебе и хотел увидеть тебя, и сегодня я удостоился радости лицезреть тебя.» Когда мы вошли в дом и воссели, вошел слуга с подносом, на наполненным золотыми монетами, и он положил тот поднос предо мною.

Правитель Каџина сказал: «Это мое подношение.» Я ответил: «Я не зарюсь на твое имущество, и если бы захотел, мог бы целиком присвоить его, одержав над тобой победу. Я пришел сюда узнать, покорны ли моей власти правители южного Хорасана или же намерены проявить строптивость?». Принявший меня хозяин на то ответил: «Я покорен тебе, признаю твое превосходство над собой и готов исполнить все, что повелишь.»

Затем я повел с ним разговор об особенностях дороги, ведущей в Забулистан, на что правитель Каина ответил: «Если хочешь попасть туда, выбери более удачное время года, ибо близится зима и при возвращении из тех мест, твои воины будут страдать от мороза, ибо в той же мере, насколько невыносима жара летом, зимой здесь стоят суровые морозы и отсюда до Забулистана нет ни одного крупного поселения, чтобы можно было разместить в нем такое большое войско, как твое.»

Но я, дошедший до границ Забулистана, не мог позволить себе отказаться взглянуть на ту страну. Фирдоуси пробудил во мне желание увидеть тот край, хотелось отправиться туда, чтобы увидеть места, где родился легендарный Рустам, это желание еще больше возросло после моей встречи с седобородым мужчиной и его сыновьями, из уст которого я услышал название «Иран», и я желал отправиться и взглянуть на тот Иран.

(Насколько мне известно, в стародавние времена каждый из областей нашей родины представлял собой суверенное государство со своим, присущим ему, названием. Фирдоуси возродил название Ирана, утраченное в свое время после нашествия арабов, тем не менее, еще шесть веков после Фирдоуси название Иран не то чтобы употреблялось, оно даже упоминалось как историческое. – Переводчик.)

Оставив в Каине свое войско во главе с Джахангиром, я с тремя тысячами всадников двинулся в сторону Забулистана, того количества было вполне достаточно в случае небольшой битвы, вместе с тем, их число не было обременительным, и я мог быстро проехать в Забулистан и вернуться обратно. Правитель Каина передал в мое распоряжение четырех проводников, сказав: «Эти четверо хорошо знают все уголки пустыни и могут провести тебя через пустыню по безопасному пути. В обычное время на дороге, ведущей из Каина в Забулистан орудуют, грабя и убивая путников, небольшие банды грабителей с Востока, но никакой грабитель не рискнет напасть на тебя зная, что ты идешь вместе с войском.»

Когда я выступил из Каина, похолодало. По этой причине я передвигался боевым маршем, который описывал раньше. Воины, привычные к такому темпу, не жаловались, однако проводники громко возропотали, они вопрошали: «Зачем ты так спешишь? Ведь ты едешь не биться, а посмотреть край, а тот, кто едет на прогулку, не должен так спешить.»

Однажды к полудню мы увидели на Востоке гору, приблизившись мы увидели, что она черного цвета, проводники объяснили, что это – гора «Сияхкух» (Черная гора), и она означает начало территории Забулистана. Я вспомнил, что Фирдоуси в своих стихах упоминал гору Сияхкух, говоря, что гора эта стоит на границе Забулистана. Когда мы миновали ту гору, небо потемнело, ночью мы слышали криканье уток, летящих в небе. Я спросил у проводников, есть ли поблизости какое-либо озеро, поскольку утки,

наверняка, летят, направляясь именно, к нему. Проводники ответили, что в Забулистане есть лишь одна река по названию Хамун. Мы двигались вперед, но каких-либо поселений навстречу так и не попадалось, погода становилась теплее. Из этого я сделал вывод, что Забулистан находится в жарком поясе и поэтому здесь так тепло зимой. В один из дней показалась река Хамун, она была настолько широкой, что не было видно ее противоположного берега. По берегам той реки насколько охватывал взор, простирались обширные пастбища, на которых паслись тучные коровы с большими рогами, а по реке сновали весельные и парусные суда.

Иногда до моего слуха доносились некие возгласы, и проводники разъясняли, что возгласы те исходят от того, что забульские мореходы во время плавания на парусных лодках и кораблях переговариваются между собой, используя для этого специальные звуки, и они обладают настолько сильными голосами, что, находясь на одном берегу, могут переговариваться с людьми, на противоположном берегу или на плывущем судне или лодке. Когда же случалось мне слышать те голоса с ближнего расстояния, они раздавались в моих ушах подобно богатырскому реву Рустама, и я говорил себе, что вероятно именно такой рев и издавал тот легендарный герой.

Я сделал остановку на берегу реки Хамун и решил отправить своего посланца к правителю Забулистана, чтобы известить, что не иду на него с войной, и что у меня нет иной цели, кроме как узнать особенности того диковинного края. В те времена Забулистаном правил эмир Гяршасп, и говорили, что ему целых сто лет. Мой посол, возвратившись от него доложил следующее: «О Амир Тимур, Гяршасп велел передать тебе, что если ты на самом деле идёшь с миром, мы скажем: «Добро пожаловать и да будет благословенным твой приход.», но если ты пришел с войной, то мы готовы биться.». Для того, чтобы убедить правителя Забулистана в своем миролюбии, я отправил к нему дары, после чего мне передали, что он едет мне навстречу, чтобы принять как почетного гостя. Устремив свой взор вдаль, ожидая увидеть конников эмира Гяршаспа, я, к удивлению своему, увидел всадников, скачущих верхом на быках, так как если бы под ними были подкованные лошади. Верховые на быках быстро приближались, до того дня мне не доводилось видеть войска верхом на быках, и когда они приблизились, я заметил какие это были крупные и мощные животные, при их виде было трудно скрыть свое удивление.

Мужчина преклонных лет, с седой бородой, по которому было видно, что он занимает главенствующее над всеми остальными положение, слез с быка, приложив ладони к своим глазам, чтобы лучше оглядеться вокруг, громовым голосом возвестил: «Я – Гяршасп, потомок Гоударза, главы Забулистана. Кто здесь Амир Тимур?»

После того, как спешился старик, спешились и все остальные, и все люди из моего окружения остолбенели («приложили пальцы к губам») от удивления.

Потому как люди эти были такого высокого роста, что можно было принять их за дивов, а не рожденных людьми. У всех у них были длинные бороды, отличие было лишь в том, что у некоторых из них бороды были белыми, у других – черными, у третьих – вперемежку с сединой.

Они носили длинные халаты, закинув на левое плечо полу. Когда Гяршасп, правитель Забулистана, направился ко мне, я шагнул ему навстречу и сказал: «Глава Забулистана, я пришел сюда лишь для того, чтобы посмотреть на твой край и не имею намерения воевать.» Он ответил: «Да будет благословенным твой приезд. Идем же, мы отведем тебя в приготовленный для тебя дом.» Я ответил: «О правитель Забулистана, число моих попутчиков велико их насчитывается три тысячи, и если мы все войдем в твой дом, то причиним неудобства.»

Гяршасп ответил: «Твое войско будет три дня у меня в гостях, еду для него будут доставлять прямо в лагерь, но ты сам будешь жить в моем доме, есть и спать там.» Гяршасп и его спутники взгромоздились на своих быков, я же, с небольшим отрядом своих всадников, отправились в путь, пустившись вскачь от реки Хамун в сторону города.

В пути нам встречались мужи высокие ростом, с широкими плечами, длинными бородами, идущие с мотыгой на плече или пахущие на поле с помощью могучих быков. Повсюду простирались поля и пастбища, и было видно, что Забулистан – это край плодородия и изобилия. Город, представший нашим взорам оказался обширным, и в последующие дни я увидел в нем множество товаров из Хиндустана, было видно, что с той страной Забулистан поддерживает постоянные торговые связи. Гяршасп оказал мне изысканное гостеприимство и старался приятно обставить каждый миг моего пребывания. На второй день правитель Забулистана, все так же верхом на быке, а я верхом на лошади, выехали за город и достигли развалин некоего замка. Указав на них, правитель Забулистана сказал, что именно здесь появился на свет легендарный богатырь Рустам. Я спросил его, может ли он назвать точную дату рождения героя. Он ответил, что Рустам родился в этом замке полторы тысячи лет назад. После осмотра развалин замка, он повел меня к горе, сказав, что именно на нее в детстве взбирался Рустам и устраивал потасовки с орлами, а сейчас в зимнюю пору, орлы покинули ту гору и будь сейчас лето, мы могли бы их увидеть.

Гяршасп, глава Забулистана, узнав, что мне нравятся стихи Фирдоуси, пользовался каждым моментом, чтобы произносить их. В Забулистане я встречался и разговаривал также и с потомками некоторых из героев-богатырей, о которых упоминалось в стихах Фирдоуси. Разговаривая с этими рослыми жителями сельской местности, скачущими верхом на могучих буйволах и говорившими на языке фарси, я вновь и вновь убеждался в том, что нахожусь на родине Рустама. Фирдоуси в своих стихах упоминает об одном лишь Рустаме, тогда как я лицезрел в Забулистане тысячи Рустамов.

Среди диковинок, присущих Забулистану, меня удивило и то, что здесь, благодаря теплему климату и обилию воды, можно было трижды в году собирать урожай, земля здесь настолько плодородна, что население Забулистана довольствуется двумя, а в некоторые годы и одним урожаем, не испытывая нужды во втором. Эмир Гяршасп посадил меня на судно, и мы совершили прогулку по реке Хамун. Он сказал, что во времена Рустама река была значительно шире, а сегодня можно видеть, как она становится все уже и уже, ее подводные части становятся сушей и, возможно, через тысячу лет она высохнет совсем, и последующие поколения ее уже не увидят.

Я не мог дольше оставаться в Забулистане, так как мое войско уже находилось в Каэине, мне надо было возвращаться и вести войско назад. Прежде чем уехать, я спросил главу Забулистана, могу ли я нанять в свое войско какое-то количество рослых и могучих мужей Забулистана, чтобы создать из их числа отдельный отряд. Глава Забулистана дал следующий ответ: «О, Амир Тимур, ты мой гость, и хозяин обязан исполнить любую просьбу гостя, однако эту твою просьбу я не могу принять, так как уроженцы этого края не становятся воинами в чужеземном войске. Даже если я и повелю, они не сделают этого. Здесь – Иран, а иранские мужи со времен Рустама и до нынешнего времени привыкли служить лишь в иранском войске, и потому не станут они вступать в чужеземное войско».

В тот день, когда я покидал Забулистан, его глава подарил мне десять верховых буйволов и комплект боевых доспехов, состоящих из шлема, панциря, наколенников, те доспехи сохранились и поныне, ибо мне не довелось пользоваться ими, даже для меня они были слишком велики. Когда мы прощались, глава Забулистана, который уже был в столетнем возрасте, сказал: «Возможно, я больше не встречусь с тобой и покину этот мир, но прежде чем умру, я завещаю чтобы мои наследники всегда оставались дружелюбными по отношению к тебе.» Я спросил его: «Если когда-нибудь я обращусь к тебе за помощью, окажешь ли ты ее мне?». Эмир Гяршасп сказал: «Я обещаю тебе дружбу, но моя помощь тебе будет обусловлена тем, что я должен знать, с кем ты собираешься воевать, если твой враг окажется и моим врагом, я помогу тебе, но если ты будешь при этом вести войну против кого-то из моих друзей, я не смогу тебе помогать.»

Начиналась зима, я покидал край, где родился Рустам, чтобы направиться в Каэин со своими конниками. Когда я проезжал мимо Черной горы (Сияхкуха), сильно похолодало, причем настолько, что я начал опасаться, как бы все мы не замерзли там насмерть. Поэтому, на каждой из стоянок я отряжал воинов на сбор хвороста из которого разжигали большие костры. К тому времени начал падать снег и вся степь покрылась им. Наши проводники были настолько сведущими и опытными, что, несмотря на снег, они не потеряли дорогу и мы, перенеся множество страданий от холода, дошли наконец Каэина.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Битва за Исфаган

В ту зиму решив возвратиться в Мавераннахр налегке, свою мечеть, перевозимую на арбах, о которой я ранее рассказывал, оставил в Хорасане. Так же я оставил в Хорасане некоторое количество тяжелого воинского снаряжения с тем, чтобы можно было использовать его позднее. Сына своего я отправил вперед на заготовку продовольствия и фуража, поручив ему создавать по нашему маршруту склады не только с провиантом, но и с топливом. В зимнюю пору топливо столь же насущно необходимо, что и еда. Наш путь на протяжении двадцати пяти фарсангов в сторону юга от города Тус был сравнительно легким, так как передвигались мы по долине. Но после того, как прошли Гунабад, идти стало тяжелее, так как мы достигли предгорных районов. Я не стал останавливаться в Тусе и продолжил свой путь. Но в Кучане из-за холодов я простоял пятнадцать дней, поскольку знал, что стоит мне повести войско через горы, возвышавшиеся на севере, оно неминуемо замёрзнет насмерть. Из за нашей остановки в Кучане, цены на продовольствие резко возросли, причем настолько, что цена пары яиц приравнивалась к одному дирхему. Представители населения Кучана пришли и обратились ко мне со словами: «О, Амир Тимур, если ты намерен и дальше держать здесь свое войско, то от голода умрем не только мы, но и всё твоё войско.»

Между тем, спустя пятнадцать дней погода несколько потеплела и мы отправились в путь. Пройдя горный район на севере от Кучана, мы вступили в долины Туркестана, и оттуда до самого Самарканда не произошло ничего, о чем стоило бы упоминать. Вступив в Самарканд, я услышал печальную весть о том, что Самар Тархан, мой учитель фехтования покинул этот мир. Я очень был опечален той вестью, так как Самар Тархан сыграл большую роль в моем становлении – это он во время занятий фехтования связывал веревкой мою правую руку и вынуждал фехтовать только левой, требуя чтобы я представлял, что у меня всего лишь одна рука, да и та – левая. Я извлек пользу из этих уроков Самара Тархана во время войны с Тохтамышем, когда в одной из битв я был серьезно ранен в правую руку, я не мог ею двигать, и если бы не умение рубиться держа клинок в левой руке, я бы погиб в том бою. Меня спасло именно умение фехтовать левой рукой, привитое мне Самаром Тарханом. После той битвы моя правая восстановилась настолько, что я снова мог держать ею клинок и фехтовать, однако с той поры и до сих пор не могу писать ею, для письма я пользуюсь левой рукой. Доехав до Самарканда, я получил письмо от Садридина Исфагани, известного под титулом «Хакими эллахи» (Мудрец от Бога), в котором содержался его ответ о сущности фатализма и предопределении свыше. Ещё перед выступлением на Сабзевар, я отправлял Садриддину Исфагани послание, в котором спрашивал: по своей воле или же по принуждению свыше, человек живет и совершает поступки ?

Эта тема является одной из важнейших среди учений о мудрости и ученые по сей день не развязали тот узел и не могут со всей определенностью сказать, сотворил ли Бог человека обречённым быть игрушкой в руках рока и предопределения или же человек волен в своих поступках и может совершать все, что сам желает. Садриддин, упоминая о сурах Корана, в частности о таких, как «Аль-Имран» и «Ахзаб» утверждал, что согласно их, человек в жизни самостоятелен, и может творить, что захочет, однако эта воля ограничена и человеку не преступить тех границ. Из пояснений исфаганского ученого я обратил внимание на то, что он не совсем хорошо уяснил смысл аятов Корана. Поскольку, содержание некоторых сур Корана очень трудно понять, кари (чтец Корана) должен много учиться, чтобы постигнуть их подлинный смысл.

Мое же мнение состоит в том, что кроме своего рождения и смерти, во всем остальном человек вполне самостоятелен и может совершать все, что захочет. И те, кто полагает, что их создали для того, чтобы жили они в несчастье и лишениях, глубоко заблуждаются, ибо несчастья их порождены их же недостаточным усердием и стараниями. И всякий, кто недостаточно усерден, будет обречен переносить страдания.

В своем ответе Садриддину Исфагани я написал, чтобы он в течении года уехал из Исфагана и поселился в Тусе, а если не захочет там жить, то пусть приезжает в Самарканд. Я не указал в том письме причины, по которой я хотел, чтобы он покинул Исфаган и переселился в Тус или Самарканд, так как не хотел, чтобы кто-либо узнал о моём намерении вскоре захватить Исфаган, ибо после Хорасана я желал присоединить к числу покоренных мною стран также и земли Ирака.

(Под «землями Ирака» имеются в виду территории, расположенные в средней части Ирана. В старину все районы средней части Ирана называли Ираком. И по сей день крестьяне Мазандарана и Гиляна называют жителей Тегерана, Кашана и Исфагана, иракцами. - Переводчик.)

Я много удивительного слышал об Исфагане, этом старейшем из городов Ирака и я желал скорей отправиться в путь чтобы увидеть его. Одной из причин, побудивших меня к выезду зимой из Хорасана в Мавераннахр было стремление лучше подготовиться к предстоящему походу на Ирак, весной 780 года я рассчитывал быть там и достичь Исфагана. Я еще не знал, что буду делать дальше, после того, как дойду до Исфагана. Ещё не решив окончательно, двинусь ли я после того на Фарс, тем не менее я считал, что следует при случае примерно наказать султана Мансура Музафари, правителя Фарса *(в иранских источниках его называют шахом Мансуром Музафари – Переводчик)*. Причина моей вражды с султаном Мансуром Музафари заключалась в следующем: во время своего второго похода в Хорасан, уже на его территорию, я почувствовал недопомогание и мой лекарь считал, что оно

есть следствие жары и что если я буду пить лимонный сок, изготавливаемый в Фарсе, то вскоре поправлюсь. В Хорасане такого сока не было, мне посоветовали спросить о нем у султана Мансура Музаффари, чтобы он послал мне тот лимонный сок быстро движущимся караваном или колесницей.

Высказывание такой просьбы не совсем подходило к моему званию правителя, тем не менее в доказательство своего дружеского расположения к правителю Фарса я написал ему письмо, в котором просил, учитывая, что я заболел и лекарь прописал мне лимонный сок из Фарса, прислать мне некоторое количество того сока быстро движущимся караваном или колесницей. При этом я подчеркивал, что если бы не заболел и единственным средством исцеления не оказался лимонный сок, то не стал бы беспокоить его подобной просьбой и что конечно, если он удовлетворит мою просьбу, буду считать себя обязанным его дружескому расположению. Султан Мансур Музаффари прислал ответ, который от первой и до последней строчки был неподобающим. В начале письма он подчеркнул, что его владения – это не лавка, аттара (т.е. торговца пряностями и благовониями), чтобы спрашивать его о лимонном соке, а сам он не является ни аттаром, ни продавцом лимонного сока. Далее он добавлял: «Может ты вообразил, что являясь потомком Чингиз-хана вправе оскорблять меня, однако я должен сказать, что даже предок твой Чингиз-хан не сумел посрамить Фарс, такое тем более не удастся тебе, который в сравнении с Чингиз-ханом выглядит подобно муравью. Будь я даже аттаром или продавцом лимонного сока, все равно, не стал бы посылать тебе лимонный сок Фарса, являющийся единственным средством для твоего излечения затем, чтобы умер ты от той болезни, и чтобы не было более потомков Чингиз-хана на этом свете.»

Содержание письма разгневало меня, я понял, что султан Мансур Музаффари, правитель Фарса оказался кичливым и чванливым человеком, к тому же ещё и невежей, ибо не будь он таковым, не стал бы отправлять подобного послания. Получив такой ответ, я решил, что настанет день, когда я непременно ткну султана Мансура Музаффари лицом в прах. Однако, я не мог попасть в Фарс не захватив вначале Ирака, ибо как упоминал ранее, большое войско не в состоянии пройти огромную пустыню Дешт-е Кевир, чтобы оказаться вблизи Йезда, Кермана, Фарса.

(Примечание: Остается поражаться причинам, влекущим за собой крупные исторические события – пример тому, как несколько бутылок или кувшинов лимонного сока Фарса стали причиной истребления целой династии правителей Музаффаридов или, как их еще называли – дома Музаффаридов. – Переводчик.)

Когда наступила весна 780 года хиджры, я выступил из Мавераннахра в Хорасан войском в количестве ста двадцати тысяч человек. Я разбил его на равные части, каждая численностью в сорок тысяч. Командование двумя из них я поручил двум моим сыновьям, оставшуюся часть я взял под свое

начало. От Туса в сторону Рея ведет широкая дорога и я последовал по ней и не встретив какого-либо сопротивления, дошел до Рея. Однако Рей оказался всего лишь грудой развалин и жители окрестных сел говорили, что под этими развалинами погребены сотни мертвецов и никто не может извлечь их оттуда. Рей оказался большим городом, расположенным на склоне горы, одна вершина которой называлась Шемиран, другая – Кухкан, численность населения здесь была больше, чем в Нишапуре, многочисленные кяризы (подземные каналы) обильно питали город водой. За два года до моего прихода, Рей посреди ночи пережил страшное землетрясение, в результате которого большой город в течении нескольких минут превратился в сплошные развалины, от него не осталось ничего, кроме обломков. Часть мужчин и женщин, сумевших спастись во время землетрясения, обрели жилье за городом, в окрестных селах.

С того дня, как Рей был разрушен землетрясением, для оставшихся в живых горожан и населения окрестностей постоянным занятием стало копаться в развалинах в надежде отыскать и извлечь ту или иную вещь, погребенную под щебнем и осколками. Некоторым из них удавалось проникнуть в частично уцелевшие помещения и вытащить оттуда уцелевшие золотые и серебряные изделия, дорогие ковры. Некоторым сельчанам, жившим в окрестностях Рея удалось таким образом разбогатеть и я думал, что до тех пор пока живут вблизи того города, они будут всегда копаться в его развалинах в надежде добыть золото, серебро, дорогие ковры. Дабы не потерять время, необходимое для приведения войска в состояние боевой готовности, я не стал долго задерживаться в Рее и направился в сторону Исфагана. Я прошел также через Кум, который правильнее называется Гум, что якобы означает «Египет»

По мере приближения к Исфагану, войско во все большей степени обретало состояние боевой готовности. Я послал вперед два головных дозора, первый из них двигался в пяти фарсангах впереди второго, а между вторым дозором и основным войском соблюдалось такое же расстояние в пять фарсангов. Дозоры, шедшие впереди и позади войска должны были следить за обеими сторонами дороги, с тем, чтобы враг не застал нас врасплох ударами с флангов. Дойдя до Рея, я велел перекрыть все дороги, ведущие в Исфаган, чтобы никто не успел передать туда весть о надвигающейся угрозе. Я желал застать Исфаган врасплох и тем самым избежать затяжной войны. Если бы Исфаган сдался без сопротивления, я бы мог спокойно двинуться далее в Фарс, чтобы воздать по заслугам султану Мансуру Музаффари. Сопротивление исфаганцев означало бы затягивание войны на неопределенный срок, в таком случае мы бы упустили благоприятный момент для наступления на Фарс, поскольку я слышал, что климат в Фарсе жарче чем в Ираке.

Когда до Исфагана оставалось десять фарсангов, и я сделал остановку в селении, название которого начиналось со слова «мурчэ» (муравей), головной дозор передал сообщение о том, что Исфаган успел подготовиться к обороне.

До того я предпринял все возможные меры, чтобы исфаганцы не прознали раньше времени о приближении моего войска и не успели подготовиться к обороне, и всё же они узнали, что я иду на них и заперев городские ворота, подготовились к защите. Я не думал, чтобы Садриддин Исфагани мог предупредить своих сограждан о моем намерении идти на Исфаган, ибо, отправленное ему мною письмо было слишком туманным по своему содержанию и он не мог бы понять из него, что я замыслил захватить его город. Видно было, что исфаганцы каким-то другим образом узнали о моем приближении и подготовились к защите.

В том самом селении, название которого начиналось со слова «мурчэ», я расспросил жителей о положении в Исфагане. Стало известно, что посреди города проходит река, называемая Зайендэ, однако ее русло расположено так, что я её не встречу на пути оставшемся до Исфагана, ибо она тянется в восточном направлении, в сторону пустыни, тогда как я надвигался на Исфаган с севера. Вход и выход реки, расположенные соответственно на востоке и западе Исфагана, могли послужить неплохим путем для войска, вознамерившегося проникнуть в город и я задумался над тем, насколько возможным мог оказаться такой путь.

После расспросов о положении в Исфагане, я двинулся дальше и достиг еще одного поселения, под названием Садэ, расположенного вблизи Исфагана. Оттуда я снарядил разведочный дозор, которому поручил изучить обстановку в Исфагане и узнать не видно ли каких-либо войск противника вне города. Мне доложили, что вне города нет каких-либо войск, могущих воспрепятствовать нашему движению. В Садэ я еще раз подробно расспросил местных жителей о особенностях Исфагана, особенно о его городской стене. Стало известно, что защитный вал города имеет протяженность в семь с половиной фарсангов, через каждые сто пятьдесят гязов имеются башни и таким образом вокруг Исфагана насчитывается триста крепостных башен.

Особенностью исфаганской стены была её ширина - настолько необычайная, что по её гребню свободно могла ездить арба. Это давало осаждённым возможность свободно перемещаться вдоль линии обороны, а так же создавать значительные запасы камней и стрел непосредственно под рукой защитников. Впереди основной стены был выстроен вал поменьше и я понял, что его назначение состоит в том, чтобы мешать нападающим устроить подкоп под основную стену.

Таким образом, войско, намеревающееся попасть в Исфаган, должно было начать копать подземный ход на значительном удалении от города, пройти под малым валом и захватить его, чтобы получить возможность устроить подкоп теперь уже в непосредственной близости от города.

Из того, что мне рассказали в Саддэ я узнал так же, что Исфаган имеет канализационную сеть, до того дня я не слышал о городе, имеющем таковую.

Осада города, имеющего стены протяженностью в семь с половиной фарсангов и триста башен, требует большого терпения. В данном случае нельзя было расставлять воинов кольцом вокруг него, чтобы воспрепятствовать любым попыткам покинуть город или попасть в него. Ибо если войско будет растянуто в кольце вокруг города, его силы будут настолько распылены, что любая вылазка осажденных может нанести ему значительный урон.

Поэтому, я сосредоточил свое войско лишь в отдельных местах вокруг Исфагана так, чтобы удерживать в поле зрения город, и чтобы в случае вылазки, осажденные не сумели нанести ощутимый удар и уничтожить наиболее уязвимые части моего войска.

Когда я подошел к Исфагану, была весна и река Зайендэ вспучилась и была бурной, в точности как и наша река Джейхун в это же время года. Поскольку воды было много, мое войско не могло попасть в город по реке. *(из записей Тимурленга видно, что в те времена река Зайендэ проходила по центру города, тогда как сегодня она проходит по его окраине. – Переводчик.)*

На этом же основании я счел, что для взятия города лучше будет устроить подкоп. Мы могли бы, устроив подкопы с четырех сторон, разрушить в четырех различных местах городскую стену, имеющую столь большую протяженность, так же, как это удавалось нам в случаях с другими городами. Однако такое решение требовало, чтобы мы вначале овладели малым крепостным валом, расположенным впереди основной городской стены, и я велел атаковать малый крепостной вал. Исфаганцы, находившиеся там, не оказывая сильного сопротивления, уже через несколько часов оставили свои позиции и ушли в город.

Взяв малый крепостной вал и тем самым значительно сократив расстояние до города, я велел начать с четырех различных сторон устройство подводящих подкопов. Их следовало подвести под городскую стену, набить те участки порохом и взорвать.

Отдавая тот приказ, я был уверен, что захвачу Исфаган в тот же день, когда завершу подкопы, ведущие под стены, ибо взорвав их в четырех местах, мы могли ворваться в город с четырех сторон, однако мои зодчие сообщили неожиданную новость,– подкопы всюду выходили на водоносный слой и наши землекопы не могли продолжать работы в воде и двигаться вперед. Выяснилось, что район Исфаган настолько изобиловал водой, что стоило чуть-чуть углубиться в землю, как она появлялась сразу же и по этой причине казалось, что здесь нельзя построить стену протяженностью в семь с половиной фарсангов.

Разве что такая стена должна была иметь каменное основание и несомненно, стены Исфагана имели именно такое основание, сложенное из камня, и стену эту строили долгие годы. Если бы нам удалось продолжить подкоп и вода бы

нам не мешала, в этом случае нам пришлось бы значительно углубиться, чтобы подобраться под основание стены, не говоря о том, что в том, месте нас бы ожидало море воды, которое замочило бы наш порох и не позволило бы его взорвать, и тем самым разрушить стену. Узнав эту новость и поговорив с жителями окрестностей, я понял причину того, почему в Исфагане устроена система канализации, а именно потому, что в том городе невозможно было устраивать сточные ямы,, как это делалось в наших городах.

В Исфагане сточные ямы быстро наполнялись водой, особенно в дождливую погоду весной и зимой, поэтому исфаганцам пришлось, отказавшись от них, устраивать специальную систему канализации сточных вод. Еще несколько дней мои зодчие пытались рыть подкопы, однако убедились в бесполезности этого, так как вместо грунта им приходилось вытаскивать наружу глину, в конце концов отрываемый ход уперся в такое скопление воды, что не было возможности углубиться далее, и я распорядился прекратить эту работу. После такого решения для взятия Исфагана оставалось только два пути: либо по реке Зайендэ, и либо идти на приступ стен города с использованием передвижных башен.

Переправа по реке Зайендэ в период полноводья была трудной задачей. Для этого следовало копать новое русло, куда можно было бы отвести всю воду, чтобы затем через обезвоженное старое русло войти в город. Мои зодчие утверждали, что рытьё такого отводящего канала, даже если собрать все население и заставить его работать день и ночь, займет не менее трех месяцев. также Из бесед с местными жителями я так же узнал, до того времени река Заянде обмелеет настолько, что ее итак можно будет перейти вброд.

Поэтому рытьё нового отводящего русла было делом долгим и бесполезным, а захват города с помощью передвижных башен представлялось более действенной мерой и именно таким образом мы могли наиболее быстро взять Исфаган.

Поэтому, я велел рубить все деревья вокруг города и делать из них передвижные башни, а части своих воинов я поручил рушить стены Исфагана. Если бы я повел своих воинов, которым велел ломать стены, к их подножию, их бы перебили в течении нескольких часов, потому что осажденные сбрасывали на их головы град тяжелых камней и кипящее масло. Однако, если бы мои воины приблизились к стенам укрывшись внутри передвижных башен, и отвлекли защитников своими атаками, тем самым они могли добиться двух целей: проникнуть в город через стену и открыть нам навстречу ворота или же отвлекая защитников на себя, вынуждая их к схватке мешать им бросать камни на головы тех, которые находились у подножия и были заняты разрушением стены. Я сознавал, что трудно будет рушить стену такой толщины, как исфаганская, по гребню которой могла свободно проехать колесница, этого не сделать лишь с помощью кирки, тем более у ее основания. Рушить киркой такую толстую стену следовало начиная с ее верхней части.

Однако я хотел, чтобы моим воинам удалось отрыть в подножии стены достаточно глубокие ямы для закладки пороха и устройства взрыва, чтобы обрушить стену. Передвижные башни для размещения в них воинов, были изготовлены в течении трех дней. Наши воины, заняв места в тех башнях, схватились с защитниками исфаганской крепости, обрушив на их головы множества стрел и камней. Однако всякий раз как отряды наших воинов приближались к подножию стены, чтобы начать ее рушить, защитники Исфагана, догадываясь об их намерениях, спешили обрушить на их головы множество тяжелых камней, в результате чего гибло немало наших людей.

Осадив Исфаган я понял, что город не сломит жажда или нехватка воды, так как кроме реки Зайендэ, пересекающей весь город, воды можно было добыть неглубоко копнув здешнюю почву. Поэтому я надеялся, что голод вскоре сломит упорство осажденных, однако внутри города не ощущалось признаков нужды.

Я спросил жителей Исфагана, сколько же продовольствия должно быть у исфаганцев, если до сих пор они не испытывают его нехватки. Те объяснили, что среди исфаганцев принято ежегодно в период жатвы и молотбы урожая, закупать его годовой запас за наличные или в рассрочку, размещать его у себя в домашних кладовых, и таким образом не испытывать беспокойства по поводу продовольствия вплоть до урожая следующего года.

Таким образом они сосредотачивали в одном месте годовой запас зерна, поэтому, только неисфаганцы могли покупать на рынке зерно или масло в обычное время года, потому что сами исфаганцы не покупают продукты для домашнего потребления в розницу, считая что это обойдется дороже. Итак, стало ясно, что во всех домах Исфагана было достаточно не только зерна и масла, но и топлива, так как его жители так же привыкли закупать годовой запас дров и угля в течении лета и осени, поэтому не следовало ожидать, что они так уж скоро начнут падать от голода. Тем не менее можно было надеяться, что начиная с конца лета в городе начнет ощущаться нехватка продовольствия и топлива.

Я не мог держать войско численностью в сто двадцать тысяч человек под стенами Исфагана так долго, пока не наступит конец лета, помимо связанных с этим расходов на содержание войска, меня беспокоила обстановка на севере. Я знал, что в Хузестане меня ожидает встреча с серьезным врагом, который попади я в его руки, подверг бы меня самым жестоким пыткам. Так же было мне ведомо, что Азербайджаном правит сильный шах, и если объединятся правители Хорасана, Севера и Азербайджана, им удастся собрать против меня достаточно сильное войско. Поэтому мне надо было быстрее определиться с Исфаганом и, если позволит время года и погода, направиться в Шираз и ткнуть носом в землю султана из династии Музаффары, а если сложится неблагоприятная обстановка, то идти назад в Мавераннахр.

Однако исфаганцы яростно сопротивлялись. Им удавалось быстро заделывать пробоины, устраиваемые нами в стенах тем самым лишая нас возможности попасть внутрь города. Мои воины находящиеся внутри движущихся башен бились с защитниками, находившимися на стенах, отвлекая их, чтобы создать возможность тем из моих воинов, на которых была возложена задача устроить углубления в стенах для устройства взрывов.

Как я упоминал, защитники обрушивали на головы наших воинов, занятых устройством тяжелые камни, убивая многих из их. И даже когда нам удавалось произвести взрыв, в результате которого повреждалась часть стены, исфаганцы быстро воздвигали в том месте новую стену из кирпича и камней. Опыт научил нас рыть углубления для закладки пороха в основание стены в ночное время, в темноте исфаганцам не было видно наших воинов и поэтому они не могли сбрасывать камни на их головы. Однако стук наших лопат привлекал их внимание, и вскоре сверху стали опускаться на веревках горящие факелы, тем самым освещая подножие стен, и вновь на головы наших воинов летели камни. Из битвы за Исфаган я вынес еще один урок, а именно необходимость натаскивать и обучать соколов.

Когда я пришел в Исфаган, то увидел, что целыми днями в небе над городом кружатся стаи голубей. Жители Садэ говорили мне, что исфаганцы любят голубей и с детства приручают и обучают их, но я не знал, что эти голуби служат средством передачи посланий из одной местности в другую. Именно с помощью голубей исфаганцы узнали о том, что я приближаюсь к их городу и сумели вовремя подготовиться к обороне, и не вызывало сомнения то, что, тем же способом они запрашивают о помощи другие города. Голубь имеет привычку, где бы не находился, лететь к родному насесту и если голубя, гнездо которого находится в Исфагане, выпустить в пятнадцати фарсангах от него, он полетит именно в том направлении, к родному гнезду.

Исфаганцы с помощью своих голубей были хорошо осведомлены обо всем, что происходило в самых отдаленных районах и отправляли свои сообщения в самые далекие места. Единственное средство против такой опасности – это сокол, для которого почтовый голубь – привычная добыча, он помешает ему попасть по месту назначения и я решил, что с того дня во всех походах меня будет сопровождать соколинный выводок, чтобы с его помощью перехватывать почтовых голубей противника. Исфаганцы своим упорным сопротивлением сильно разгневали меня, и я велел прикреплять к стрелам мои послания и забрасывать их в город. В них говорилось, что когда я захвачу город, то никого не оставлю в живых. Эта моя угроза была несколько преувеличенной, так как при захвате городов я воздерживался от убийства ученых, искусных ремесленников и поэтов и считал, что нельзя касаться их сталью оружия.

Мне рассказывали, что в Исфагане есть искусные мастера, которые изготавливают неподобные клинки и шлемы и что исфаганские клинки

славятся по всему Фарсу и Ираку. Я подумал, что мне нужны такие искусные мастера, и что их необходимо увести в Мавераннахр, чтобы там они изготавливали добротные клинки и шлемы для моего войска и одновременно обучали в своих мастерских учеников из Самарканда, Бухары и Кулдара.

Прошла весна, наступило лето и не чувствовалось, чтобы исфаганцы начали испытывать нехватку продовольствия или что они намерены добровольно открыть ворота. Часть моих воинов заболела и я обратил внимание на то, что причиной их болезни является вода, так как в Мавераннахре так же была распространена эта болезнь – когда весной и летом население районов, где вода является опасной для здоровья, заражаются той болезнью, исфаганцы называли ее болотной лихорадкой (*Тимурленг ссылается на то, что болотная лихорадка есть следствие плохой, опасной для здоровья воды и становится ясным, что иранские лекари в старину считали, что малярией заболевают через заразную воду, европейские лекари того же времени так же считали источником малярии стоячую воду, и в персидском языке тех времен термин «плохие вода и воздух» свидетельствуют о взглядах наших медиков той поры.* - Переводчик). Иногда я подумывал не прекратить ли осаду Исфагана и направиться в сторону Фарса для войны с его правителем, однако я понимал, что оставлять в тылу такую укрепленную крепость как Исфаган при намерении идти на Фарс – это безумие, ибо эта крепость может стать неодолимой преградой на моем обратном пути.

Порой я спрашивал себя, не лучше ли вернуться в Мавераннахр и в следующем году попытаться еще раз взять Исфаган, однако гордость не позволяла мне пойти на то, чтобы возвратиться, не взяв Исфагана.

С наступлением лета река Зайендэ хоть и обмелела, однако в ней еще было немало воды и войско мое не могло проникнуть в город по ее руслу. Мне пришла в голову мысль изменить русло реки и по осушенному дну войти в город, для чего я послал нескольких зодчих с отрядом воинов, чтобы они изучили такую возможность на месте, осмотрели берега реки, и сказали, где можно было бы отрыть новое русло и отвести воды Зайенде-руда из существующего русла.

Как я ранее упоминал, река Зайендэ текла с запада по направлению к востоку, и мои зодчие направились на запад, чтобы осмотреть прилегающие к ней места, через три дня они вернулись и рассказали, что берега Зайендэ к западу довольно высокие, и воды реки не достигают их краев, поэтому, если мы захотим рыть новое русло, то придется привлечь большое количество людей, и что уйдет много времени на то, чтобы мы могли сделать один из берегов более пологим, чтобы вода из реки устремилась в низину по обеим сторонам реки. Мнение зодчих было тем же, что и в начале, то есть они говорили, что воды реки можно отвести, но устройство нового русла требует большого труда, тогда как моих воинов одного за другим валила болезнь, и по совету

лекарей я отправлял их подальше от Исфагана, в селение под названием Мурчэ, где вода не представляла опасности для здоровья.

Постепенно в Исфагане стала ощущаться нехватка продовольствия, но жители еще не дошли до такого состояния, чтобы согласиться на сдачу города. Они надеялись, что длительная осада утомит меня и я вынужден буду оставить эту затею и уйти. Я оставался под Исфаганом так долго, что прошло лето и начали дуть холодные осенние ветры. К этому времени русло реки Зайендэ настолько обмелело, что по нему в город без труда можно было пройти не только верхом, но и пешком. Я удалил девять тысяч своих воинов по причине заболеваний, кроме того, пять тысяч из них погибло в различных стычках с осажденными, таким образом, у меня оставалось сто шесть тысяч воинов.

Перед штурмом я разделил пятьдесят тысяч воинов на два отряда, каждый численностью по двадцать пять тысяч человек, их я оставил в качестве резерва снаружи города. Военачальник, намеревающийся идти в наступление должен создать резерв с тем, чтобы при обострившейся обстановке ввести в бой свежие силы. Неумно бросать в бой все имеющиеся в наличии силы, так как при этом устают все, и все одновременно подвержены опасности. Оставшееся войско я разбил на три соединения. Одному из них я велел прорваться в город с востока через русло реки на её выходе из города, второму – по руслу на входе реки в город, а третье соединение должно было постараться разрушить городскую стену при помощи взрывов. Я знал, что узнав о нашем прорыве в город по руслу реки, часть осажденных будет вынуждена оставить позиции на стенах, чтобы воспрепятствовать тому прорыву, в результате защитников на стенах станет меньше и моим воинам легче будет устроить углубления для пороха в основании стен.

На рассвете пятнадцатого джамади-уль-авваля 780 г. хиджры еще до восхода солнца, начался генеральный штурм Исфагана.

Воинам, наступающим на Исфаган по двум направлениям, я сказал, что им ни в коем случае не следует отступать и если они все же повернут назад, их ждет смерть, «вам позволено возвратиться назад только в одном случае – после взятия Исфагана» – сказал я. Я так же приказал никого не жалеть, убивать всякого, кто окажет сопротивление, даже если это будут дети. Когда город будет захвачен, я решу судьбу той части жителей, что останется в живых, и дам указание как поступать с ними. Воины знали, что в случае захвата Исфагана их ждет большая добыча, ибо все имущество жителей достанется им. Я слышал, что женщины Исфагана красивейшие в Иране, и я обещал своим воинам, что после захвата города, все молодые и красивые женщины достанутся им. Как обычно, после того, как мои воины устремились в атаку, я остался за городом, там, где река Зайендэ втекала в него, вовсе не из боязни, а для лучшего управления войском и укрепления боевого духа воинов.

Я знал, что если погибну до того, как будет одержана победа, это может поколебать дух моих воинов и они не сумеют биться с должным рвением. В случае моей гибели хотя мои сыновья и могли взять на себя командование, тем не менее они были молоды и не знали полководцев и рядовых воинов так, как знал их я. Мои воины, вооруженные саблями, секирами и палицами, в пешем порядке с двух сторон вступили в город. Я знал, что при штурме города толку от пехоты больше чем от конников, ибо на улицах всадникам трудно развернуться, поэтому их следует использовать в равнинных местностях, таких как долины и обширные поля. Тем не менее, я был готов, в случае если войско встретит сопротивление на широких улицах и больших площадях, направить туда конников из резерва, чтобы быстро подавить те центры сопротивления.

Как я упоминал, крепостная стена Исфагана имела протяженность в семь с половиной фарсангов, насчитывала триста башен и по ней могла свободно проехать колесница. Никто не знал, когда была построена та стена, но она возводилась многократно и долго.

Духовный глава (стоящий при совершении намаза впереди остальных) поселка Садэ рассказал мне, что крепостная стена Исфагана была возведена еще пророком Ноем, и была настолько прочной, что Ной ожидая потопа счёл благоразумным изготовить свой ковчег именно в Исфагане, откуда и пустился в плавание. Разрушить ту стену с помощью пороха было труднейшей задачей, поскольку она была очень толстой. Тем не менее, чтобы быстрее захватить город, нам необходимо было разрушить стену и через неё совершить прорыв внутрь. К тому времени, когда часть моих воинов ворвалась в город, в нём не осталось ни одной лошади, мула, осла или собаки: жители Исфагана съели к тому времени всех имевшихся животных, чтобы не умереть с голоду.

В тот день голод был нашим союзником, и если бы он не царил среди исфаганцев, одержать победу над ними было бы нелегко, ибо в ходе продолжительной осады они сумели показать своё умение сопротивляться. В тот день с утра светило солнце, после полудня небо заволочло тучами и начался первый осенний дождь. Льющийся дождь здорово мешал нам, однако мы продолжали сражение. И хотя исфаганцы сильно страдали от голода, они оказали яростное сопротивление отрядам, вступившим в город с обоих концов реки Зайендэ. В то время как мужчины-исфаганцы яростно бились с нашими воинами, женщины и старики воздвигали на улицах баррикады из всего, что подворачивалось под руку, всячески препятствуя нашему продвижению вперед. К полудню, когда еще дождь не начинал идти, некоторые из тех баррикад задымались и стало ясно что исфаганцы прибегли так же и к устройству пожаров чтобы сдерживать наш натиск. К полудню, когда еще не было дождя, мои воины хотели с помощью пороховых зарядов устроить брешу еще в нескольких местах городской стены, чтобы через них в город могло проникнуть и поспешить на помощь своим соратникам как можно больше воинов. С началом дождя стало трудно рассчитывать на устройство

взрывов с помощью пороха, закладываемого в основание стен, а также уберечь порох от сырости, ибо отсырев он не воспломенится.

Тем не менее к вечеру нам удалось разрушить стену в еще нескольких местах и через те бреши запустить в город дополнительные отряды воинов. Мои конники оставались вне города, под дождем, в ожидании моего приказа присоединиться к атаке. Однако обстановка внутри города, в особенности после того как начался дождь, стала такой, что я не мог использовать их, ибо в том случае пришлось бы спешить их и отправить в город без коней. Воины из племени четинов, о которых я рассказывал, были в числе отрядов, вступивших в город на рассвете во главе своего военачальника Ургуна Четина. Часть этих воинов погибла во время уличных боев, а к вечеру мне сообщили, что Ургун Четин тоже убит, затем его тело вынесли из города и я обратил внимание на то, что исфаганцы отсекли его голову и насадили на копье. У Ургуна Четина отсутствовала сабля, но на теле сохранилась кольчуга, а на ногах поножи. Я повелел снять с него кольчугу и поножи, сохранить их и передать семье, оставшейся в Мавераннахре. А обезглавленное тело я велел похоронить, поскольку чувствовал, что голову нам отыскать не удастся.

Короткий осенний день заканчивался, а бой был далек от завершения, из зашедшего дождя стемнело раньше чем обычно. К тому времени я отправил в город двадцать пять тысяч пеших воинов из состава пятидесяти тысяч резерва, чтобы еще до наступления темноты обеспечить коренной перелом в бою за взятие города. Однако бой продолжал кипеть и был далек от завершения. Исфаган разбился на сотни полей битвы и на каждом шагу его защитники воздвигали новые и новые препятствия, мешающие нашему успешному продвижению вперед. Чтобы следить за общим ходом боя, я продолжал оставаться за городом. Начался дождь и я перешел в палатку. До наступления темноты, из города вернулся Кувлар бек, один из моих военачальников, который сказал: «О, повелитель, сегодня бой не закончится, дождь и ночной мрак затрудняют выполнение задачи, согласишься ли ты прекратить сейчас боевые действия и возобновить их завтра с утра?»

На что я ответил: «Не является разумным приостанавливать ведение боевых действий в отношении врага, понявшего что ему успешно удастся оказывать сопротивление. Исфаганцы испытывают голод, который их всех довел до истощения. Яростная борьба, которую они вели во время осады и сегодня показывает насколько они отважны, и что они дерзки и их не пугают слухи о нас и не смущает наша слава. Если мы сейчас прекратим вести бой, то рискуем подвергнуться кровавой ночной атаке. Исфаганцы, голодные и отчаявшиеся, могут под покровом темноты выйти из города и напасть на нас, в этом случае, особенно в такой дождь, мы рискуем оказаться в плачевном состоянии.»

Кувлар бек в ответ на это сказал: «О, повелитель, я потому предлагаю приостановить бой сегодня ночью, чтобы мы наутро могли разрушить каждый

дом в Исфагане, чтобы покорить этот город не остаётся никакого другого пути. Такое невозможно осуществить сегодня, в такой темноте и под таким дождем, а завтра можно будет рушить дома, чтобы исфаганцы не могли оказывать сопротивление пользуясь их прикрытием, с их крыши забрасывать нас камнями и жечь нас заживо.»

Мне донесли что в тот день, примерно в полдень, исфаганцы захватив в плен нескольких моих воинов, сожгли их живыми на глазах у остальных товарищей, чтобы запугать моих солдат и ослабить боевой дух.

Я сказал Кувлар беку: «Прерывать бой сейчас нецелесообразно, исфаганцам не следует давать передышку ибо собравшись с силами они могут напасть на нас ночью или отдохнув - с большим успехом сражаться против нас на следующий день. Бой должен продолжаться всю ночь, однако в нем должно участвовать небольшое число наших воинов, остальным следует отдыхать, чтобы назавтра они могли продолжить схватку свежими и отоспавшимися. Сегодняшней ночью исфаганцы должны ясно ощутить всю полноту нашего присутствия в их городе, с тем чтобы им было не до попыток совершить ночную вылазку против нас.» Пятнадцать тысяч моих воинов были разбиты на два отряда, они вели бой сменяя друг-друга, остальных я отпустил и они отправились спать в свои шатры. Шатры дополнительно покрыли войлоком, чтобы дождь не просачивался внутрь.

Несмотря на дождь, в ту ночь нам удалось разрушить городскую стену еще в нескольких местах, что увеличило наши возможности для прорыва внутрь города. Как я уже упоминал, в тот день я бросил на Исфаган сто шесть тысяч воинов, оставив в резерве пятьдесят тысяч. К наступлению ночи в моём распоряжении осталось меньше солдат - в тот день исфаганцам удалось уничтожить или вывести из строя восемь с половиной тысяч моих людей. Поскольку я предвидел, что дождь затянется, а обстановка в Исфагане была такова, что мне не требовались конники, в тот же день, до наступления темноты, я отправил часть людей в Саддэ, чтобы им не пришлось мокнуть под дождем.

Для остальных, присутствие которых вблизи от поля боя было необходимым, мы устроили навесы из стволов и ветвей деревьев, чтобы защитить их от дождя. Конечно, в случае потери лошадей мы могли бы восполнить их число за счет изъятия у населения в центральных землях Ирана, Рея и Хорасана, но наши лошади были обученными, они могли без усталости покрывать большие расстояния и в случае их потери и приобретения взамен новых и необученных, мы бы не смогли покрывать одним махом большие расстояния. В ту ночь дождь лил до утра, и до рассвета мои воины бились с исфаганцами, рушили их дома и городскую стену. Когда наступил рассвет, прекратился дождь и засияло солнце, стало тепло. Я велел командирам предоставить в распоряжение воинов все имеющие в войсках средства для разрушения и каждый из воинов в тот день должен был осознать, что он одновременно

является и доблестным бойцом и строительным рабочим. (Пояснение: несомненно Тимурленг не употреблял выражения «строительный рабочий» в своих мемуарах, термин этот использовал Марсель Брион в ходе своего перевода. Мы это подчеркнули, чтобы показать, что переводчик понимает, что некоторые современные термины и названия не могли быть в ходу в те далекие времена - Переводчик).

Я возложил на военачальников формирование отрядов, которые должны были разрушать строения. Им было так же сказано, что если они столкнутся со зданием, которое трудно разрушить вручную, то пусть дадут об этом знать, чтобы мы взрывали его с помощью пороха. Оставив двадцать тысяч. воинов в качестве резерва за городской чертой, я обрушил все оставшееся войско на город.

Наше наступление началось с четырех сторон, мы уже не были вынуждены попадать в город лишь через русло реки, как накануне. Сам я вступил в город с пешими воинами, было так много разрушений, что невозможно было продвигаться верхом на коне. Повсюду в грязи валялись трупы и было видно, что мои воины точно выполнили мое указание - резать без жалости всех, и мужчин, и женщин, и детей. Зато проливной дождь, ливший всю прошлую ночь превратил развалины в болото и я со своими воинами с трудом продвигались вперед, временами я проваливался в грязь до середины голенища сапог. Воин должен быть привычен к тому, чтобы шагать по колену в крови, поэтому он не должен жаловаться если приходится шагать проваливаясь в грязь до середины голенища сапог.

У меня не вызывало сомнений, что грязь создаст серьезные трудности в продвижении моих воинов по городу. Исфаганцы, укрывшись за стенами своих домов осыпали нас камнями и стрелами, а мои воины преодолевая заболоченные и залитые водой пространства, приближались к этим домам и начинали их рушить. Как только рушился один дом, его обитатели старались тут же перебраться в другой. Времени было настолько мало, а нетерпение и злость настолько велики, что когда в наши руки попадали молодые и красивые женщины, нам некогда было забирать их в плен, вместо этого приходилось поспешно отсекал им головы или вспаривать животы, наблюдая как вываливаются наружу их внутренности. Изможденные лица убитых указывали на то, что они долгое время голодали, и когда им вспаривали животы, во внутренностях видна была лишь зелень, - в последнее время они явно питались листьями деревьев. Желая успеть всюду, я не задерживался подолгу в одном месте и стремительно передвигался из одного квартала в другой.

Обстановка на всех участках боевых действий была примерно одинаковой, повсюду исфаганцы стремились воздвигать припятствия посреди улиц, чтобы мешать нашему продвижению и вести сражение укрывшись в своих домах, стрелы и камни продолжали летать в нас. Редко случалось, чтобы исфаганцы

входили в прямое соприкосновения с нами, для них безопаснее было вести бой укрывшись за уличными баррикадами и стенами домов.

На одном из участков на пути моих воинов оказалась мечеть, стены которой были толстыми, выложенными из жженного кирпича и я, при всем уважении, что питаю к мечетям, велел взорвать ее стены при помощи пороха, а всех кто укрывшись в ней метали в нас стрелы и камни – убить, невзирая на их возможное желание сдаться. На другом участке мы дошли кладбища и не увидели там ни одного уцелевшего надгробия – видно исфаганцы сняли камни даже с могил, чтобы воздвигнуть баррикады на прилегающих к кладбищу улицах. Я велел воинам чтобы они прикрывшись щитами еще раз попытались приблизиться к баррикаде и взять ее приступом. При их приближении несколько исфаганцев раскатав огромный надгробный камень, установленный на гребне баррикады обрушили на моих воинов, убив нескольких. Однако остальным удалось овладеть баррикадой и исфаганцы отступили в сторону центра города. Пока мои воины рушили дома, наступая с четырех сторон, Кувлар-бек со своими воинами сумел занять одну из широких улиц в северной части города. Воины Кувлар-бека успешно продвигались по ней, одновременно расширяя пространство, разрушая дома по обе её стороны, убивая или вынуждая к бегству их обитателей. Джахангиру, моему сыну, так же удалось ворваться в город по сравнительно широкой улице, которую он принялся расширять таким же способом, продвигаясь вперед.

Сын мой, Джахангир, как и Кувлар-бек, разрушая дома по обе стороны своего маршрута продвигался вперед пока не уперся в мечеть, которая, как выяснилось, оказалось пятничной мечетью Исфагана. В ней укрылось некоторое число исфаганцев, вознамерившихся оказать сопротивления. Все они были убиты. Джахангир оставил живыми лишь троих, которые как он выяснил были духовными лицами, ведущими общую молитву. Джахангир знал, что я обязался не убивать ученых, литераторов и искусных ремесленников. Джахангир отправил тех троих ко мне, я спросил их, действительно ли они являются теми, на кого возложены обязанность поочередно возглавлять общую молитву в пятничной мечети. Один из них, с длинной седой бородой ответил: «О эмир, мы ведём молитву не по-очереди, а каждодневно.» Я удивился, услышав столь необычный для меня ответ, я перепросил: «На самом ли деле каждый из вас и каждодневно ведет молитву в соборной мечети, и при этом люди совершают молитву следуя трем имамам в одной мечети?» Седобородый священнослужитель ответил: «Да, это так, о эмир.» Я сказал: «Значит, каждый из вас во время молитвы располагается в одной из трех различных частей мечети.» Они утвердительно ответили, разъяснив, что в мечети имеется различные галереи, в них и занимают свои места каждый из них.

Я сказал: «Сейчас когда идет бой и у меня нет времени много говорить с вами, тем не менее спрашиваю, почему бы двоим из вас не следовать движениям третьего, с тем чтобы все молящиеся следовали одному возглавляющему

молитвы.» Тот же священнослужитель с длинной седой бородой ответил: «О эмир, здесь люди признают ведущим молитву и следуют движениям того, кого считают наиболее справедливой личностью, поэтому каждый следует в молитве тому из имамов, которого считает таковым.» Я спросил старца: «Если ты хочешь заказать обувь сапожнику, тебя будет заботить, злодей или добрый человек тот сапожник? Тебе от него нужна обувь, после того, как он сошьет ее, ему нужно получить от тебя деньги. Согласно исламской религии, во время молитвы, один из молящихся должен возглавлять ее, стоя впереди остальных, при этом ему достаточно быть обычным мусульманином, чтобы другие следовали ему. Ни в одной из религиозных заповедей не говорится о том, лицо, ведущее общую молитву должно быть ангелом, достаточно, чтобы люди считали его добропорядочным мусульманином, в нём справедливым считается всё, что не противоречит основам исламской религии.»

В тот день у меня не было времени продолжать обсуждение вопроса с теми тремя духовными лицами, иначе я бы убедительно доказал им, всюду, где происходит общее моление, один из молящихся должен возглавлять его, при этом неважно, праведник он или грешник, если люди считают его мусульманином, этого достаточно, чтобы он был имамом и следовали ему во время совершения общего намаза.

Битва за Исфаган принимала такой оборот, что стало ясным – пока мы не разрушим каждый из его домов, жителей не усмирить. В то время как Кувлар бек и Джахангир, каждый на своём месте, разрушали дома и продвигались вперёд, я на своём был занят тем же. К полудню палящее солнце частично подсушило землю, что позволяло нам вести боевые действия более успешно. Отряды Кувлар-бека и сына моего Джахангира соединились и продолжали рушить дома восточной и западной частей города. Пробиваясь в восточном направлении, я дошёл до квартала, состоящего из деревянных построек и поскольку ломать их было трудно, велел чтобы их подожгли. Пожар широко распространился, вынуждая укрывшихся в тех домах обитателей покинуть их и оказаться под ударами наших сабель и копий. Вдруг я увидел, что ко мне направляется несколько жителей, во главе со старцем-священнослужителем, несшим в руках большую книгу, как затем выяснилось – Коран.

Старец-священнослужитель обратился ко мне: «О, эмир, ты – мусульманин, и я заклинаю тебя этой священной книгой, прикажи остановить дальнейшее истребление жителей Исфагана!» Я ответил: «Исфаганцы оказали мне сопротивление, тем самым они заслужили суровое наказание и поэтому должны быть поголовно истреблены. С начала осады и по сей день они убили тысячи моих воинов, и я не могу оставить без внимания их пролитую кровь. Единственное что я могу обещать, если жители города сдадутся, возможно, что я не стану проливать кровь тех, кто перейдёт на мою сторону и будет служить мне.» Тот старец заплакал и сказал: «О, эмир, жители этого города обессилели, пожалей же их». Я ответил: «Эти люди могли бы впустить меня в город, открыть ворота и сдаться по доброй воле. В том случае я бы

смилоствивился над ними и не стал бы проливать их кровь, однако после того как они истребили тысячи моих воинов, проявлять жалость в их отношении я не считаю уместным. В бою я беспощаден в отношении врага, однако я не стану убивать тебя и твоих спутников пришедших с тобою в качестве посланцев для ведения переговоров.»

Через час мне сказали, что вследствие произведенных нами разрушений, имущество жителей погребено под пеплом и развалинами и поэтому не достанется моим воинам в качестве добычи. Таким образом выходило, что если пощадить всё ещё остающихся в живых исфаганцев, можно надеяться, что воинам достанется хоть какая-то добыча. Это побудило меня согласиться с тем чтобы не проливать кровь уцелевших горожан, при условии, что они выйдут из своих домов. Оставшиеся в живых исфаганцы сдались надеясь сохранить свои жизни, с того же дня я заставил их хоронить мёртвых.

Трупов было так много, что те, кто уцелел не имели возможности хоронить их по отдельности, это можно было сделать только в виде массовых погребений. Я согласился с тем чтобы женщин города разделили между моими воинами, всё ценное, что уцелело, стало нашей добычей и подлежало дележу среди войска.

В течении второго дня исфаганской битвы погибло семь тысяч моих воинов и я велел, чтобы жители Исфагана хоронили так же и наших мертвецов. Когда это было выполнено, я велел привлечь их, вместе с жителями окрестных сёл, к работам по срытию и разрушению крепостной стены, окружавшей Исфаган. Я применял такое в отношении ко всякого города или крепости, проявившим строптивость и оказавшимися крепким орешком – разрушал защищающие его крепостные стены, чтобы его жителям впредь неповадно было сопротивляться мне. Я так и не встретил в Исфагане Садриддина и понял, что он, последовав данному мной совету, покинул город ещё до начала его осады. К тому моменту, когда Исфаган был наконец взят, две трети его домов и строений были сожжены и разрушены, три четверти его населения погибло. Моим военачальникам, вдоволь утолившим свою страсть с доставшимися им женщинами было разрешено продать их в неволю к тому моменту, когда мы должны были покинуть Исфаган, чтобы не возиться и не таскать с собою тех женщин в походе.

После окончания исфаганской битвы мне пришлось ещё немного побыть в том городе: надо было должным образом организовать раздел захваченной военной добычи и проследить до конца за срытием и разрушением защищавшей город крепостной стены.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Война с монгольским правителем.

Как упоминалось, я намеревался по окончании битвы за Исфаган двинуться на Фарс и жестоко наказать тамошнего правителя осмелившегося проявить неуважительное отношение ко мне, однако из Самарканда прискакал гонец с сообщением о том, что Тохтамыш снова напал на Мавераннахр.

И на этот раз воспользовался моим отсутствием Тохтамыш напав на подвластные мне земли, убил некоторое количество людей и угнал часть скота. Когда весть о набеге Тохтамыша дошла до меня, я подумал, что было бы неплохо из Исфагана двинуться на Азербайджан и оттуда – на земли Тохтамыша. Я знал, что Тохтамыш правил землями, называемыми Кипчак, расположенными по ту сторону гор, носивших название Каф и чтобы попасть в его владения идя через Азербайджан, мне пришлось бы пройти через них. *(Необходимое пояснение – наши предки называли Кавказские горы горами Каф, между тем слово «Кавказ» по смыслу своему означает «Каф-гора» и как известно Кавказские горы разделяют тот район на две части: одна – это равнинные территории и степи к югу от Кавказских гор, что вплоть до правления Фатх Али Шаха принадлежали Ирану, а другая- это территории, расположенные к северу от указанных гор, которые древними назывались Кипчакской степью или землей кипчаков и Тохтамыш был правителем той земли, простиравшейся до Крымского полуострова, расположенного на юге России - Переводчик)*

Пока я шёл по центральным районам Ирана, мои воины не страдали от холода, однако миновав Рей и приближаясь к подножию горы Альборз, мы чувствовали как крепчал мороз, таким образом предстояло в условиях холодного периода пройдя Азербайджан, пытаться перевалить через Кавказский хребет для того, чтобы попасть на земли кипчаков. Переход конного войска в зимний сезон через Азербайджан и Кавказские горы - дело хлопотное и опасное и я предпочёл отказаться от него. Вместо того, чтобы идти на земли кипчаков через Азербайджан и Кавказ, я выбрал путь через Туркестан и север Абескунского (т.е. Каспийского) моря. Но осуществление этого шага следовало отложить до весны следующего года, так как в то время мне вначале надо было попасть из Исфагана в Мавераннахр. К моменту, когда я хотел выступить из Исфагана в Мавераннахр, я обратил внимание на то, что мои военные походы организуются не совсем правильно. Я привык выступать из Мавераннахра походом в страны Ирана в тёплое время года и к осени уже возвращаться назад. Период между весной и осенью длится всего несколько месяцев их было недостаточно, чтобы вполне осуществлять те планы что я задумал. Выступление из Мавераннахра и возвращение в него вызывало необходимость значительных затрат, а также составляло немалую часть общего времени необходимого для сбора войска и ведения боевых

действий. Поэтому я решил, что впредь для своих военных дел буду разрабатывать планы, охватывающие период не менее двух-трех лет для того, чтобы не быть вынужденным зимой возвращаться в Мавераннахр и ждать там весны следующего года чтобы снова идти в поход.

Пока шли от Исфагана до Рея, стояла умеренная погода, миновав Рей, мы почувствовали как стало холодней, не успели дойти до Сабзевара, как наступил такой сильный холод, что я вынужден был приказать остановиться. Земля покрылась снегом и возникла угроза гибели наших коней из за отсутствия корма. Я сказал, чтобы для животных срочно соорудили временные конюшни, следуя этому мои люди укрепили на земле деревянные столбы, натянули на них войлок, создав таким образом навесы. Мы разместили коней в тех временных конюшнях и после того, как мороз несколько ослаб, продолжили наш путь, и вскоре, через Тус и Кучан мы вступили в пределы Туркестана. С того дня стало теплеть и когда мы были уже вблизи Самарканда заканчивался последний месяц зимы. В Самарканде я не стал задерживаться больше, чем на пять дней, так как поклялся проводить свое время в основном в степи и не пребывать в городах подолгу, ибо городские условия развивают привычку к приятному времяпровождению, а я поклялся перед Аллахом, что никогда впредь не стану жертвой пагубных увлечений.

На шестой день после вступления в Самарканд, я покинул его, разбил стан в степи и начал там готовить войско к походу на землю кипчаков. Из того, что я слышал о Тохтамыше выходило, что он человек такого же высокого роста, что и я, воины его - выходцы из горных племен и что все они проживают в горах Каф. Оружие воинов Тохтамыша состояло из лука, стрел и тонкой кривой сабли, называемой "шашка" *(несомненно то что сабли, называемые нами «шошкэ», которые еще тридцать лет назад можно было встретить в нашей стране, были именно теми самыми «шашками» –Переводчик)*. Шашка-это сабля, предназначенная для того чтобы рубить в схватке, очень легкая и ею легко управиться в бою, ибо рука от неё не устаёт и воины Тохтамыша мастерски владели тем клинком. Меры по подготовке войска к походу на землю кипчаков были завершены до начала весны, но когда я готов был выступить, пришла весть, что в нашу сторону движется некое монгольское племя с намерением напасть на Мавераннахр. Выступив в поход в тех условиях, я бы оставил Мавераннахр открытым нападению того монгольского племени. С другой стороны я не хотел отказаться от возможности наказать Тохтамыша. По этой причине я решил остаться в Мавераннахре и отправить на землю кипчаков своего сына Шейха Умара с войском.

Дав Шейху Умару восемьдесят тысяч воинов, я сказал ему: «Убей Тохтамыша и пришли мне его голову, если же ему удастся бежать, разори его страну и возвращайся.» Я знал, что Тохтамышу возможно удастся бежать, поскольку я понял, что он человек трусливый, не будь он трусом, не стал бы нападать на

Мавераннахр в мое отсутствие, а пошел бы войной на мою страну именно в то время, когда я нахожусь в ней.

Я человек, не забывающий о своем деле и не откладывающий назавтра то, что следует делать сегодня и всегда следую завету мудреца, сказавшего, что завтрашнее дело ты осуществишь в том случае, если уже сегодня примешься за него. Поэтому возвратившись из Исфагана, я сразу же последовал примеру его жителей и принялся создавать голубиную почту в Мавераннахре. Ожидая нападения монголов с востока, я отправил несколько голубей на различные по удаленности расстояния в восточном направлении, чтобы вести о возможных передвижениях монголов поступали ко мне скорейшим образом.

Первый же голубь возвратившийся в свою голубятню в Самарканде принёс весть о том, что военачальником монголов является человек по имени Биль-Ургун.

Похоже, что этот Биль-Ургун вознамерился занять место моего предка Чингиз-хана и завоевать весь мир. Поэтому я сказал сам себе: «Тимур ты должен доказать, что ты являешься истинным потомком Чингиз-хана, а не этот Биль-Ургун!» *(Тимурленг, как уже говорилось не был потомком Чингиз-хана, однако называл себя таковым, чтобы ещё больше возвеличить свою личность-Автор)*

Второй почтовый голубь доставил весть о том, что войско монголов насчитывает десять - двенадцать тюменей, то есть от ста до ста двадцати тысяч человек. Обратив внимание на то, что войско монголов передвигается медленно, я догадался, что монгольские воины взяли с собою в поход своих жен и детей или же не располагают достаточными транспортными средствами. Моя голубиная почта еще не была совершенной настолько, чтобы можно было отправлять голубей из Самарканда во все места, пока приходилось довольствоваться лишь возможностью посылать голубей со всех мест в Самарканд. По этой причине я не мог срочно передать указание чтобы разобрались и выяснили причину медленного продвижения монголов. Поэтому я решил, что сам выступлю навстречу вражескому войску.

С помощью почтовых голубей меня своевременно извещали о путях продвижения того войска и мне было известно по какому из них они идут на сближение со мной. С семидесятью тысячами воинов, каждый из которых помимо основной, имел с собой еще и двух запасных лошадей, я двинулся на восток с целью застать противника врасплох.

В пути я разделил своих конников на двадцать отрядов, каждый численностью в три половиной тысячи для того, чтобы рассредоточить их. Нельзя семидесятитысячному войску, имеющему к тому же и запасных лошадей двигаться в походе скученной массой. В пути мы не останавливаясь меняли коней, попросту на ходу пересаживаясь с одной на другую.

Почувствовав, что приближаюсь к противнику, я отправил вперед два передовых дозора, первый из которых находился на расстоянии пятнадцати фарсангов от меня. Первый дозор доложил, что войско противника велико по своей численности, однако не располагает запасными лошадьми. Биль-Ургун желавший подобно Чингиз-хану завоевать весь мир, явно не ведал, что одним из важнейших факторов побед, одерживаемых моим славным предком было применение запасных лошадей и что каждый из его воинов во время длительных походов имел по крайней мере одну запасную лошадь. Таким образом, мой славный предок мог со своим войском в течении короткого времени покрывать большие расстояния и заставить врасплох противника, не ожидавшего, что тот появится перед ним так скоро.

Упомяну так же, что в пути мы кормили своих лошадей «навале», сушенными комками теста из крупяной муки, так как не было времени пасти их на лугах или везти с собой корм. Как только первый дозорный отряд доложил, что видит противника, я перестроил свое войско из походного порядка в боевой. Пять тысяч моих конников получили указание стеречь во время боя и обеспечить сохранность ста сорока тысячи запасных лошадей. Остальные шестьдесят тысяч я разделил на четыре части, три из которых состояли из пятнадцати тысяч всадников каждая. Эти три отряда составили правый, левый фланги и центральную часть войска. Остальные 20 тысяч я оставил в резерве, который возможно было ввести в бой при необходимости.

Дозорные так же сообщили, что монгольское войско следует без женщин и детей, и я понял что причиной его медленно продвижения явилось недостаточное количество лошадей, что вынуждало останавливаться на отдых в конце каждого дня пути чтобы избежать падежа среди животных.

Из донесений первого дозора я понял, что противник вообще не подозревает о нашем приближении и, полагая что до Мавераннахра остаётся еще немало пути, не счел нужным высылать вперед свои разведочные дозоры. Боясь как бы противник не узнал преждевременно о моем приближении, я перекрыл все дороги ведущие к нему и отозвал назад оба своих дозора, оставив лишь небольшой отряд, которому приказал двигаться впереди основного войска и ежечасно извещать меня о действиях противника.

Положение мое было таким, что я мог бы уничтожить противника напад на него ночью, однако по двум причинам я предпочел атаковать его днем. Во-первых, его войско было многочисленным и насчитывало от ста до ста двадцати тысяч человек и я опасался, что в ночной атаке среди моих воинов может нарушиться порядок, и в ходе боя будет трудно отличить своих от чужих. Во-вторых, я намеревался взять Биль-Ургуна в плен живым, встретиться с ним лицом к лицу и спросить, как он посмел выступить походом против потомка самого Чингиз-хана?

В конце концов я достиг места, где меня от противника отделяло всего четыре фарсанга. Здесь я велел передать запасных лошадей воинам, которым надлежало охранять их оставаясь в тылу и сказав, чтобы все отдыхали, дав возможность передохнуть так же и лошадям. В полночь я снова двинулся вперед, располагая достаточным временем, мы продвигались в пешем порядке. Как только забрезжил рассвет, я дал указание двум флангам своего войска развернуться по обе стороны от центра, которым командовал я сам.

Если ты мечтаешь о том, чтобы однажды стать выдающимся полководцем, то должен знать, что правильное развертывание боевых порядков войска на поле боя - это достаточно сложная задача, требующая помимо природных способностей самого воина, еще его выучки и тренированности. Отдав необученным воинам приказ расположиться на левом или правом фланге от тебя, ты можешь и через день не добиться того, чтобы они заняли свои позиции как положено. А вот воин, который прошел необходимую выучку, четко знает где его месторасположение. Уже через час после моего указания о развертывании боевых порядков во фланги, приказ был исполнен, боевое построение войска завершилось. Поскольку я предвидел, что биться придется с конным противником, я оснастил своих воинов длинными копьями с помощью которых можно было выбивать из седел вражеских всадников. Помимо копий, каждый воин был так же вооружен саблей, арканом и луком со стрелами. Всадники не обязаны были испытывать неудобства от удерживания в одной руке копья, им было сказано, если почувствуют, что в копье нет более необходимости, то могут бросить его. Наступил день, мы были расположены в ровной, открытой степи и не могли уже более укрыться от взоров противника. В тот момент я обратил внимание на то, что положение монголов является уязвимым, так как к моменту нашего появления они всё еще не успели свернуть свой лагерь. Тогда я понял, что Биль-Ургун не является человеком способным и ведающим об основах военной науки, так как уже взошло солнце, а он все еще не свернул свой лагерь, не говоря о построении войска в боевой порядок.

Мои конники начали атаку одновременно с флангов и центра. Я был так же вооружен как и все мои воины, на мне были боевой шлем и кольчуга, я имел с собой копье саблю, аркан, лук и стрелы.

Накануне ночью я внес изменения в маршрут движения своего войска по степи, с тем чтобы днем во время нашего наступления, солнце не било нам в глаза, поэтому к началу боя мое войско двигалось с юга на север. Грохот копыт сопровождающий скачущее во весь опор войско из сорока пяти тысяч всадников, кажущегося бесчисленным на всем протяжении от востока на запад и подобно черной туче, неумолимо надвигающейся с юга на север-это зрелище, которое я не в силах здесь описать, даже поэт из Туса не мог описать такое в своей знаменитой книге (имеется в виду «Шах-намэ» Фирдоуси). Я полагаю, что в тот момент само солнце, только-только взошедшее из за горизонта, превратилось в изумленного наблюдателя происходящего. Мы

неудержимо неслись вперед, а за нами следовали двадцать тысяч всадников резервного войска, расстояние между нами составляло всего четверть фарсанга. Боевые порядки конников резерва, так же как и боевые порядки основного войска, были развернуты на протяжении с востока на запад.

Я почувствовал, как земля задрожала от нашей мощной поступи, я испытывал такое наслаждение, ощущая свою мощь, что не мог удержаться от торжествующего рева, который был продолжительным. Воины центра, услышав тот возглас, подхватили его и в тот же миг раздался боевой клич моих доблестных воинов с обоих флангов, правого и левого, поднялся такой шум, от которого скажу я вам, недолго было и оглохнуть. Тот торжествующий клич проистекал из чувств радости и отваги, испытываемых моими воинами, и я понял в тот миг, что все они, подобно мне ощущают свою силу и несутся навстречу врагу окрыленные высоким боевым духом. В тот миг я ощущал, что все мои воины, подобно мне самому осознают, что в мире для мужчины нет ничего более ценного чем битва. Если собрать воедино все радости и наслаждения Вселенной, всё равно они не сравнятся со сладостью битвы. Потому что предаваясь всем иным радостям и удовольствиям, мужчина теряет свои достоинства и равноценен женщине. Женщины так же могут предаваться различным удовольствиям, но существует лишь одно из них предназначенное сугубо для мужчин - это битва. Жемчужиной мужской доблести является поле брани, кроме него нет другого подобного поприща и пока не раздастся яростный лязг скрещённых клинков, не брызжет фонтаном кровь из рассеченных жил, истинный мужчина не может испытывать подлинного удовольствия.

Монголы увидев, как мы стремительно сближаемся с ними, спешно пытались выстроить свое войско в боевой порядок, однако прежде чем им удалось это, мы уже были возле них, и я отдал приказание командующим обоим флангам начать взятие монгольского войска в кольцо. Возможно, ты не поверишь, если я скажу, что мы ворвались в лагерь монголов так, словно мы атаковали стадо баранов. Потому что ты достаточно наслышан о Чингиз-хане и полагаешь, что всякий монгол должно быть подобен Чингиз-хану.

Некоторые из монголов оказались настолько немощными, что не оказались в состоянии даже вырвать саблю из ножен. По этой причине мы столкнулись с сопротивлением лишь в отдельных частях их лагеря, в ходе которого были потери и среди моих воинов, во всех же других местах монголов забивали массой, словно баранов на бойне.

Ранее я дал указание взять живым Биль-Ургуна и его военачальников и, как только мы окружили лагерь, все они оказались нашими пленниками. Я представлял себе Биль-Ургуна могучим и высокорослым мужем и когда его привели ко мне, оказалось что головой он доставал лишь уровня моей поясицы. Я спросил его, знает он тюркский язык или нет. Выяснилось, что Биль-Ургун кроме монгольского языка не знает никакого другого. Я спросил

его через переводчика, мол как это он осмелился напасть на мое государство, разве слухи о моём могуществе не достигали его ушей? Биль-Ургун ответил что он не представлял меня настолько сильным. Я сказал ему: «Ты настолько ничтожен, что я не желаю убивать тебя, однако буду держать в неволе тебя и твоих военачальников до тех пор, пока не уплатят за вас выкуп.» Биль-Ургун ответил, что готов отдать половину из имеющихся здесь у него лошадей при условии, что его не будут заключать в неволю. На что я ему сказал: «О тех лошадях, что здесь не стоит говорить, все они и без того мои, принадлежат мне по праву военной добычи. Ты должен представить какой либо другой выкуп чтобы обрести свободу.» Биль-Ургун ответил: «У меня на родине много лошадей и овец, и я их отдам тебе чтобы предоставил мне свободу.»

Два дня шли переговоры о выкупе, который должны были уплатить Биль-Ургун и его военачальники, и в конце концов я согласился с тем, чтобы Биль-Ургун отдал мне шестьдесят тысяч коней и двести пятьдесят тысяч овец. За каждого из его военачальников, плененных мною, я назначил выкуп в размере одной тысячи лошадей. Биль-Ургун вероятно счел меня простодушным, предложив чтобы я отправил его в Монголию в сопровождении отряда моих воинов для того, чтобы он якобы мог собрать там и отправить мне необходимое число лошадей и овец. Однако, распознав подобную хитрость, я отклонил его просьбу и сказал, что он и его военачальники будут оставаться моими пленниками до тех пор, пока не будут присланы все лошади и овцы из Монголии. Тогда Биль-Ургун спросил: «Знаешь ли ты, сколько дней уйдёт, чтобы посланные мною люди добрались до Монголии и сколько времени может уйти на то, чтобы они собрали необходимый выкуп и вернулись с ним обратно?» На это я ему ответил: «Обо всём этом тебе следовало подумать самому, прежде чем ты решил напасть на мое государство.»

После чего я выдвинул ультиматум, сказав: «Сейчас у тебя до осени есть время, чтобы обеспечить присылку из Монголии сюда лошадей и овец и если до пятнадцатого дня месяца Акраб (Скорпион), являющегося вторым осенним месяцем, я не получу лошадей и овец, ты будешь казнен. Точно так же я поступлю и с твоими военачальниками.»

Я знал, что потерпевший поражение повелитель монголов не в состоянии обеспечить доставку в Мавераннахр шестидесяти тысяч лошадей и двухсот пятидесяти тысяч овец одним разом. Поэтому я велел ему, чтобы лошади и овцы присылали небольшими табунами и отарами с тем, чтобы их набралось в требуемом общем количестве к установленному мной сроку. *(Как вы, наверное обратили внимание до сего места, Тимурленг исчислял время, применяя лунный календарь, здесь же он обращается к солнечному летоисчислению, что указывает на то, что в Маверранахре пользовались как лунным календарем, так и солнечным - Марсель Брион)*

Миновала весна, а затем и лето, однако не было видно и малейшего признака лошадей и овец Биль-Ургуна. В тот год я продолжал оставаться в Мавераннахре. Часть моего времени уходила на войсковые сборы и подготовку, другую часть я посвящал благоустройству своего государства. Так же, я вплотную занялся воспитанием своих детей. Мой четвертый сын Шахрух хоть и был тогда восьмилетним ребенком, однако он уже мог скакать на коне и стрелять из малого лука.

После рождения Шахруха, когда нарекли его этим именем, выбранным мною и на ухо ему пропели молитву (азан), в одну из ночей я увидел следующий сон. В том сне предо мной предстали семеро грудных детей, все они были мужского пола, я знал, что четверых из них зовут: Джахангир, Шейх Умар, Мираншах и Шахрух. Я не знал имен остальных троих детей, и что было удивительно, с головы четвертого из них – Шахруха, свисал хвост горного быка. *(Монгольские племена использовали хвост горного быка, называемого яком в качестве боевого стяга, а Тимурленг, считавший себя потомком Чингиз-хана, так же пользовался той символикой, украшая ими свои боевые знамена – Марсель Брион).*

На следующий день я рассказал своим близким об увиденном сне и все они заверили меня в том, что у меня будет семеро сыновей. Четверо из них до того времени были уже рождены, троим остальным еще предстояло появиться на свет. Однако никто из приближенных не сумел или не захотел дать толкование наличию хвоста горного быка на голове Шахруха. Однако сам я уже догадывался, что в будущем среди всех моих сыновей Шахрух окажется самым выдающимся и, возможно, сумеет занять мое место.

(Среди сыновей Тимурленга Шахрух оказался единственным, кто правил после него. Однако у других сыновей Амир Тимура были потомки, которые правили страной в последующие периоды – Переводчик).

Возможно, из за увиденного сна, а может, ещё из-за того, что Шахрух тогда был самым младшим из сыновей и следовательно, самым любимым, я выделял его среди остальных и все время держал рядом с собою. Однако моя любовь не мешала мне растить его доблестным и отважным, ибо сыну Тимура подобало быть похожим на отца.

От Шейха Умара, моего сына, отправившегося с походом в страну кипчаков регулярно поступали вести, из них мы узнали, что у него имели место две стычки с Тохтамышем, однако исход войны еще не был ясен. В начале второго осеннего месяца от Шейха Умара поступило послание, в котором он просил об оказании ему срочной помощи. Из послания Шейха Умара явствовало, что он попал в трудное положение и, если не оказать ему срочную помощь, он и его войско могут погибнуть. Я решил, что сам отправлюсь выручать Шейха Умара, невзирая на то, что благоприятный сезон для снаряжения войска уже миновал, тем не менее, я не мог оставить его без помощи.

На следующий же день после тех вестей от Шейха Умара, на запад были отправлены отряды по заготовке продовольствия и фуража, и я спешно стал готовить войско для выступления. Все так же не было никаких признаков того, что в ближайшее время могут быть присланы лошади и овцы в качестве выкупа за пленных монголов и всё более становилось ясным, что они попросту тянут время. Тем не менее, я должен был, как обязался, ждать до пятнадцатого дня месяца Акраб (Скорпион), и лишь тогда, если лошадей и овец всё так же не будет, я мог позволить себе казнить их. Вместе с тем, я не мог, покидая Мавераннахр, оставлять в живых Биль-Ургуна и его военачальников, являющихся моими пленниками, так как помимо того, что они заслуживали смерти, не вызывало сомнений, что они воспользуются моим отсутствием для организации заговора и будут плести всякие интриги. С одной стороны, мне не тепелось скорее выступить из Мавераннахра на выручку Шейху Умару, а с другой стороны, я был вынужден проявить терпение и ждать до наступления пятнадцатого дня месяца Акраб (Скорпион).

На рассвете шестнадцатого дня месяца Акраб я отправился в путь и на время своего отсутствия назначил своего старшего сына Джахангира править вместо меня страной. Перед этим я велел привести Биль-Ургуна с его свитой, которому сказал: "Сегодня уже шестнадцатый день месяца Акраб, между тем, я давал тебе срок в несколько месяцев, чтобы ты мог собрать и уплатить необходимый выкуп и тем самым обрести свободу. Однако ты лгал, ибо если бы ты и в самом деле хотел уплатить свой выкуп, до сего дня в Мавераннахр поступила бы хотя бы часть из обещанных тобою лошадей и овец. Сегодня я отправлюсь в военный поход за пределы своей страны и у меня нет иного выхода, кроме как казнить тебя и твоих приближенных." Биль-Ургун ответил: "О, великий эмир, молю тебя, сжался надо мной." (Однако при этом он не стал просить чтобы я проявил милосердие к его приближенным).

Я сказал: "Ты - кафир, против которого надлежит вести священную войну (кафир-уль-харби) и пришел с войной против мусульман и если бы я не встал на твоём пути, ты бы погубил всех моих подданных-мусульман и разорил бы мою страну и потому, достойным воздаянием тебе будет смерть. Ты не только кафир, против которого следует вести священную войну, но и гнусный лжец, ибо ты замыслил тянуть время, отвлекая меня в надежде обрести какую-либо возможность бежать из плена и возвратиться к себе в Монголию. Я может и воздержался бы проливать кровь врага-кафира, но не вправе отказаться от казни лжеца, а поскольку твои приближенные так же стали соучастниками твоей лжи, они тоже будут казнены." В тот же миг я велел присутствовавшим при этом палачам отсечь головы Биль-Ургуна и его приближенным, и они незамедлительно обагрили землю их кровью. После этого во главе стотысячного войска я выступил в поход. Дни становились короче, поэтому мы продолжали двигаться некоторое время и после наступления темноты.

Отряды по заготовке продовольствия и фуража, которые я отправил заблаговременно вперед, подготовили все необходимые запасы на всем протяжении нашего пути вплоть до Абескунского (Каспийского) моря, однако они не получали указаний относительно направления дальнейшего пути. Добравшись с войском до Абескунского моря я мог попасть в страну кипчаков, по одному из трех путей: морем, являющемуся самым коротким, однако я не располагал необходимыми для переправы судами, да и не было времени искать и доставать их. Второй путь вёл через южную часть моря и пролегал через страны Гурган, Табаристан и Талиш, в которых проживали горные племена, могущие доставить немало беспокойства моему войску. Там повсеместно преобладали леса, проходить через них пришлось бы с большими трудностями. Третий путь вел в страну кипчаков, огибая Абескунское море с севера, путь, который избрал в свое время мой сын Шейх Умар, но когда он прошел по тому пути была весна, мне же предстояло зимой пройти по нему чтобы достичь страны кипчаков. Перед тем как двигаться далее от берегов Абескунского моря, я отправил отряды по заготовке продовольствия и фуража в северном направлении. Я сказал им, что нет необходимости устраивать склады продовольствия и фуража в местах стоянки войска, ибо оставшуюся часть пути я решил идти развернув войско в боевой порядок и потому у нас не оставалось времени для ночных привалов.

Я велел отрядам по заготовке создать на берегу реки Тархан большой склад продовольствия и фуража с тем, чтобы, достигнув того места, войско могло сделать привал для отдыха в течении нескольких дней и лишь после этого наступать на кипчаков *(река Тархан – это река, которую в наши дни называют Волгой и которая впадает в Каспийское море – Марсель Брион)*.

Отряды по заготовке продовольствия и фуража отправились в путь, а я разбил свое сотысячное войско на десять отрядов по десять тысяч людей в каждом, и двинулся в северном направлении. Пока я двигался вдоль побережья Абескунского моря, началась вторая половина последнего месяца осени и сразу же наступили сильные холода. Двигаясь днем и ночью, мы кормили лошадей “навалэ” (сушеное тесто из клевера), поскольку животные находились в постоянном движении они не столь уж сильно страдали от холода, от которого мы сами испытывали серьезные неудобства. Учитывая, это, я не давал и малейшей передышки своим воинам. В том походе в распоряжении каждого было не более одной запасной лошади и тем не менее, мы продвигались в быстром темпе, а холод не позволял лошадям уставать. В конце концов, мы дошли до берегов реки Тархан, разбили там лагерь и поместили лошадей во временные стойла (я уже рассказывал о том, как они устроены).

Отряды по заготовке, посланные впереди основного войска, ожидали там нашего прибытия. Они заготовили много продовольствия и фуража. Я велел своим военачальникам дать команду воинам, чтобы устраивались на основательный отдых, так как впереди нас ожидал долгий и трудный путь.

Мы провели четыре дня отдыхая на берегу реки Тархан. В результате, наши воины, и в особенности их лошади, полностью восстановили свои силы.

Спустя два дня, я вновь отправил вперед отряды по заготовке продовольствия и фуража, наказав им создать большой склад запасов теперь уже на территории страны кипчаков с тем, чтобы дойдя до цели, мы имели в своем распоряжении достаточно пищи и корма. А через четыре дня я приказал поднимать войско и ранним морозным утром мы двинулись дальше, отрядами по десять тысяч человек. Река Тархан была покрыта льдом и во время перехода через неё часть лошадей скользила, падала, при этом отдельные из них ломали себе ноги. До того дня мне не приходилось переправляться через реку такой ширины, что река Тархан, поэтому я не ведал, что для этого может оказаться необходимым. После той переправы я узнал, что жители тех краев зимой меняют подковы своих лошадей на специального рода подковы, которые не позволяют животным поскользнуться, когда те идут по льду реки или озера.

Один из твердо усвоенным мною уроков состоял в том, что настоящий полководец до конца своей жизни должен учиться, усваивать новый опыт и знать, что никогда не наступит такое время, когда ему не понадобятся бы более новые знания и опыт. И хотя до того дня я провел много сражений, брал такие неприступные крепости, как Нишапур, Сабзевар и Исфаган, тем не менее, у меня не было опыта ведения боевых действий в странах с холодным климатом и не знал, что в тех условиях следует соответственно менять подковы у лошадей.

Чтобы поменять подковы двумстам тысячам лошадей нужно было иметь их в количестве не менее восьмисот тысяч штук, причем самых различных размеров, ибо размеры копыт у них неодинаковые. Даже если бы я собрал всех имеющихся в окрестностях кузнецов и ковалей и заставил их работать, все равно не удалось бы в короткий срок подготовить восемьсот тысяч подков нужного качества, чтобы заменить ими подковы, имеющиеся на наших лошадях. Поневоле пришлось довольствоваться тем количеством зимних подков, что удалось достать, ими мы заменили подковы части из лошадей, однако после замены подков я заметил, что обе мои лошади как основная, так и запасная не могут хорошо ходить. Военачальники и воины, коням которых поменяли подковы, так же жаловались на то, что их животные мало чем отличаются от хромых и не могут хорошо ходить. Через это мы получили еще один урок, поняв, что зимние подковы бесполезны для наших лошадей, отличающихся небольшой комплекцией, тонкими лодыжками и более изящными копытами, что они пригодны лишь для лошадей местных пород – крупных, толстоногих и ширококопытных. А наши лошади вели себя настолько беспокойно, что мы вынуждены были удалить с их копыт новые зимние подковы и вновь подковать старыми. Несмотря на трудности, связанные с передвижением лошадей по ледяной поверхности, мы все же вынуждены были расковать тех лошадей, что имели зимние подковы и

возвратить их в первоначальное состояние, прибив им старые подковы, чтобы они могли двигаться как прежде. Путь, который мы избрали, вел нас через равнинную степь, иногда по обе стороны дороги виднелись невысокие холмы, гор же вообще не было видно.

Я сознавал, что стоит лошадям остановиться, все погибнут от холода и единственным средством сохранить их живыми, было держать их в постоянном движении. Ноги наших воинов были обмотаны войлоком, чтобы предотвратить обморожение, если бы не это, все они обморозили бы себе ноги и вышли из строя. Несмотря на то, что я раньше никогда не бывал в этой стране и не знал о том, какие меры требовалось соблюдать здесь в зимний период, все же понимал, что войско, совершающее поход в зимних условиях должно иметь кошмы и войлок, и всюду где можно, вдоль берега Абескунского моря и реки Тархан я обеспечивал их заготовку для моих воинов, чтобы не допустить их гибели от холода и обморожения. Я продолжал безостановочно двигаться до первого дня месяца Джади, однако в тот день мороз стал настолько крепким, что я понял – если не сделать остановки, лошади и воины начнут падать и гибнуть, и я потеряю свое войско. По этой причине я приказал сделать привал и соорудить временные стойла, чтобы укрыть лошадей от холода.

Лошади в стойлах, имевших высокие стены и крышу не погибли, однако мы сами изрядно помучились от холода. На второй день месяца Джади начался снегопад, длившийся целых двое суток. Через каждые несколько часов нам приходилось счищать снег с крыш стойла, затем погода прояснилась и наступил такой сильный холод, какого мне в жизни не довелось переносить и о котором до той поры не слыхал. Днем светило солнце, однако оно не грело и мы боясь холода, не могли выйти наружу из своих небольших войлочных шатров. После захода солнца ночная степь оглашалась воем тысяч волков, и мы зимними ночами были вынуждены следить за тем, чтобы голодные звери не пробрались в стойла и не напали на наших лошадей. Если бы заготовительные отряды, которые мы заранее высылали вперед, не создали на всем протяжении нашего пути склады с запасами продовольствия, корма и топлива, мы бы все неминуемо погибли от того страшного холода месяца Джади и от нас бы в той степи ничего кроме костей не осталось. Однако с началом холодов месяца Джади я понял, что и заготовительные отряды вынуждены остановить свое дальнейшее продвижение и что впереди у нас не будет больше складов с продовольствием, кормом и топливом, потому что представлялось сомнительным, что заготовительные отряды в такой смертельный холод смогут продвигаться от одного селения к другому и подготавливать необходимые для войска запасы продовольствия и корма.

Они, подобно нам, наверняка, были вынуждены остановиться в какой-либо местности и выжидать пока пройдет этот невыносимый холод и установится погода помягче, лишь после этого они имели бы возможность двигаться дальше для выполнения своей задачи.

В одну из ночей я услышал некий звук, подобный отдаленным раскатам грома и моим первым впечатлением было, что Тохтамыш вознамерился предпринять против нас ночную атаку, и что тот шум – от движением его войска. Несмотря на то, что возможность нападения Тохтамыша в такой сильный мороз не выглядела вполне вероятной, я все же не терял осторожности – привел нашу стоянку в положение боевого лагеря, расставил вокруг сторожевые посты и, учитывая сильный холод, приказал чаще менять часовых. Истинный полководец никогда не должен допустить чтобы противник застал его врасплох, в противном же случае его постигнет участь Биль-Ургуна, монгольского владыки, побежденного и казненного мною.

Даже в пятидесяти фарсангах от вражеской земли, я не исключал возможности атаки со стороны противника, убеждая себя в той мысли, что враг будучи в состоянии передвигаться столь же стремительно, как это привык делать я сам, может внезапно подобраться и совершить ночное нападение на мое войско. В ту ночь, укутавшись в войлок, я вышел из шатра наружу и стал вслушиваться, пытаюсь определить что это за шум. Он был неясным, тот звук, и походил на отдаленные раскаты грома и я не мог уловить в нем сходства с шумом, которое обычно присуще конному войску, тем более, скачущему по снегу. Выяснилось, что тот же шум слышат так же мои воины и их начальники, подобно мне, отдельные из них выходили из своих шатров и всматривались в небо.

Однако небо было ясным и безоблачным, нигде не виднелось ни одной тучи, чтобы можно было предположить, что это грохочет гром. Сон моих воинов и их начальников был чутким и теперь, особенно после короткого сна и отдыха, я заметил, что все они проснулись, все караульные находятся на своих постах чтобы поднять тревогу как только завидят врага и оповестить о нем остальное войско. Однако тот странный шум вовсе не приближался, чтобы мы могли решить что это враг готовится к ночному нападению на нас и, поскольку не зная природы шума, я не мог принять определенного решения, я приказал отправить несколько небольших отрядов чтобы разведать окрестности. Один из таких отрядов я отправил даже в восточном направлении (т.е. туда, откуда мы сами пришли), поскольку было вполне возможным, что враг мог не полениться и обойти наш лагерь, чтобы напасть со стороны, откуда его вовсе не ожидают. Я велел воинам добраться до источника того звука и выяснить, кто или что его издаёт, - то ли движущееся чужое войско, то ли ещё что-то еще другое.

Когда забрезжил рассвет, возвратился один из посланных мною отрядов и доложил, что причиной шума является не вражеская конница, не гроза, а огромное стадо бегущих рогатых животных (*т.е. лосей – диких оленей, которые сегодня водятся лишь в северных районах Европы и Азии, во времена же Тимурленга те животные в изобилии встречались в районах Северного Кавказа, видимо их настолько интенсивно истребляли, что их*

стада были вынуждены мигрировать на север Европы и Азии, в районы Заполярья – Автор)

Изумившись подобному сообщению, я в сопровождении нескольких военачальников отправился на место, чтобы воочию убедиться, каким это образом движение стада каких-то там животных может производить такой грохот. К закату мы доехали до того стада и тогда я убедился, что это – лоси, дикие олени. Поскольку мои воины впервые видели тех животных, они не знали, к какой породе их следует отнести. Однако мне самому случалось встречать то животное в Иране и я знал, что оно наделено длинными ветвистыми рогами. А звук тот возникал от того, что рога бегущих животных бились друг о друга.

Стадо оленей было настолько огромным, что не было видать его конца. Я велел вызвать побольше воинов и их начальников для отстрела животных, ибо их мясо в такой зимний холод было для нас даром, ниспосланным самим Богом, к тому же их шкурами можно было укрывать лошадиные стойла.

Подожли воины со своими старшими и начали отстреливать тех животных. В тот день вплоть до захода солнца мы только и делали, что отстреливали этих рогатых зверей и когда наступила темнота, стадо все продолжало бежать мимо нас *(не стоит удивляться такому изобилию лосей во времена Тимурленга, если даже сотни лет спустя, уже в начале двадцатого века в Канаде наблюдался подобный же пробег стада диких оленей, длившийся трое суток без перерыва – Автор)*

Мы настреляли оленей в таком большом количестве, что собрать их туши представлялось нелёгкой задачей. В ту ночь мы были заняты только тем, что перетаскивали туши животных в свой лагерь. Тогда же мы отведали оленьятины, обжаренной в собственном соку. Мясо некоторых из них было мягким и сочным, вместе с тем, попадалось мясо жесткое настолько, что его невозможно было прожевать и мы поняли, что мягкое и сочное – это мясо молодых, а жесткое – старых оленей. Говорят, что голодный волк нападает на живое животное и не ест мертвечины. В тот день я убедился в неверности такого утверждения, видя как голодные волки набрасывались на тела убитых нами оленей, которых мы настреляли в таком количестве, что не смогли всех их перенести в свой лагерь.

Некоторые из старших воинов утверждали, что если мясо старых оленей подержать в снегу, оно становится таким же мягким и нежным, как и у молодых животных. Мы так и поступили, и убедились, что мороз на самом деле размягчает мясо старых оленей. Миграция оленей в ту зиму здорово нам помогла – мы долгое время смогли питаясь их мясом сберечь основные запасы продовольствия чтобы употребить их в более поздние периоды. У нас не было возможности организовать там же дубильни и перерабатывать шкуры оленей в кожу. Поэтому пришлось употребить их лишь в качестве покрытия для лошадиных стойл и высоких шатров.

Мы находились в том месте до середины месяца Джади и сильный мороз не позволял нам пускаться в путь. Не было никаких вестей от сына моего Шейха Умара и я не ведал, где он находится и чем занят.

Я понимал, что зима доставляет неудобства всем в одинаковой степени, в связи с чем вероятно, что даже Тохтамыш, уроженца здешних мест и человека, привычного к холодам, она обрекает на вынужденное бездействие. Вместе с тем, Тохтамыш вел войну, находясь на своей земле и хорошо знал обстановку на местах, тогда как мой сын вынужден воевать в чужой стране, где на каждом шагу его подстерегает отважный и опытный враг, куда бы он не направился, всюду его ожидало столкновение с тем врагом. Всякий владыка или повелитель обладает властью или влиянием в пределах своих земель и в состоянии заставить своих подданных повсеместно оказать противодействие врагу и таким образом добиться его уничтожения или изгнания за пределы страны. В связи с этим, я опасался, как бы Тохтамышу не удалось, подняв все кипчакские племена против Шейха Умара (*некоторые историки в своих трудах произносят имя этого сына Тимурленга как «Умар Шейх» - Автор*), разгромить его войско, а самого его либо убить, либо захватить в плен.

Всякий раз, думая о возможной гибели Шейха Умара, я не испытывал печали, ибо для нас, воинов гибель наших детей или родных не выглядит бедствием. Отправляя сыновей на поле битвы, мы предвидим, что они могут погибнуть там. И во время жаркой схватки, в пылу побоища жизнь моего сына имела такую же цену, что и жизнь любого другого воина, оба они в одинаковой степени подвергались смертельной опасности. Меня не печалила возможная гибель Шейха Умара, я опасался лишь того, что Тохтамыш мог пленить его и держать в качестве заложника, в этом случае, мне не желающему его гибели, пришлось бы ради свободы сына дать Тохтамышу все, что он вздумает потребовать взамен.

Кроме того, меня беспокоила возможная гибель восьмидесятитысячного войска Шейха Умара. Из за таких дум, я уже не смог вынести дальнейшего бездействия и во второй половине месяца Джади, пустился в дальнейший путь, несмотря на то, что все еще стояли холода и земля была покрыта глубоким снегом. Мои воины, невзирая на мороз, выглядели вполне отдохнувшими, а лошади были в состоянии стремительно покрывать длительные расстояния. Всюду где лежал снег, идти было легко, но всякий раз когда попадалась обледеневшая река или озеро, переход наших коней по зеркальной ледяной поверхности был сопряжен с невероятными трудностями.

На таких участках мы стелили под копыта лошадей куски войлока и после прохождения всадников их сворачивали и убирали. Вплоть до двадцатого дня месяца Джади, кроме обычных дорожных происшествий, случающихся во

время движения по заснеженной степи, ничего особенного не произошло. Однако на двадцатый день того месяца начал дуть холодный ветер. Он был таким холодным, что когда дул в лицо, возникало ощущение будто к нему прикладывают раскаленное железо. Ветер начался с рассвета, он продолжался и после восхода солнца не становилось теплее, ветер оставался все таким же холодным.

Стоило уху, носу или руке хоть на несколько минут оказаться неукутанными, они мгновенно чернели и поскольку часть моих воинов не имела рукавиц, они прижимали пасть запасной лошади к одной, и пасть основной – к другой руке и таким образом умудрялись избежать обморожения рук. Снег под копытами наших лошадей настолько обледенел, что стал скользким как стекло. Наши лошади скользили и падали, некоторые из них упав, не поднимались из за полученных переломов.

Сам я так же сильно страдал от холода и несмотря на надетую на тело плотную овчину, приходилось туго как только высунешь наружу руку, нос или ухо. Среди моих старших воинов был один, которого звали Абдулла и был он родом из племени карамесинов.

(Пояснение: «карамесин» - так в старые времена называли Керманшах, и в старинных писаниях провинция Керманшах часто называется провинцией Карамесин – Переводчик.)

Поскольку город Бухара пользовался известной славой, отец Абдуллы переехал туда из Карамесина чтобы получить образование, а после учебы остался в том городе и женился, так появился на свет Абдулла. Отец его будучи образованным человеком, послал Абдуллу учиться в мактаб, окончив его, юноша поступил ко мне на службу и был со мною во время битв за Нишапур, Сабзевар и Исфаган. Он участвовал так же и в моей битве с монгольским ханом, знал арабский язык (правда не так хорошо как я), был приближен ко мне и я ценил его за отвагу. Будучи приближенным к моей особе, Абдулла случалось, высказывал мне такие вещи, которые другие не осмеливались высказывать, однако я не гневался на него за это, поскольку не раз убеждался, что его высказывания продиктованы душевной болью и доброй волей и что его единственной целью является верная служба мне. Так, до наступления полудня он подошел ко мне и сказал: «О, эмир, что ты делаешь и почему упрямо стараешься в такой лютый мороз передвигаться по обледеневшей местности? Если будешь упрямо продолжать путь, то до заката в твоём войске не останется ни единой здоровой лошади, и все твои всадники останутся пешими и погибнут от мороза.»

В тот момент вдали показалось какое-то темное пятно, и я понял, что это роща и сказал, что как только мы дойдем до нее я дам приказ сделать привал, ведь для него необходимо такое место, чтобы неподалеку можно было найти топливо и обогреться. К полудню небо заволокло тучами, зато перестал дуть леденящий ветер. Тучи на небе были настолько черными, что из-за них даже

земля, покрытая белым снегом выглядела такой же черной. Но мы сочли, что те черные тучи лучше ледящего ветра. Пока мы добирались до рощи, из-за той черной тучи кругом стало так темно, что деревья в ней выглядели совсем почерневшими. Я увидел, что деревья в той роще такой породы, которая не встречается в Мавераннахре, а растет в зонах холодного климата, ее древесина хорошо горит, так как в ней содержится масло, способствующее быстрому и хорошему возгоранию. Если бы тот холодный ветер все еще продолжался, мы бы, до той рощи, не смогли бы разбить шатры и создать временные стойла для коней. А поскольку ветер перестал, холод спал, мы разбили шатры и создали временные стойла для своих лошадей. После этого мы принялись рубить деревья и разводить костры, а когда они превращались в тлеющие угли, мы переносили их внутрь стойла к лошадям. В жизни своей я не видел дня темнее чем тот, небо, забранное мглистыми тучами, было черным, словно облитое черной тушью, и земля была черной, и роща казалась почерневшей. Из-за сильного мороза в роще даже ворон не было видно и стоящий мрак наводил человека на печальные и тревожные мысли. Я велел собрать военачальников на совет, после того как все собрались, сказал: «У нас здесь нет свежего корма для коней, поэтому придется кормить их «навалэ» (комочки из теста или крупы!), так же мало осталось продовольствия для нас самих и мы не можем надолго оставаться здесь. Ко всему прочему, добавились трудности, связанные с недостатком воды, и я велел, чтобы в котлы набирали снег, растапливали его в котлах, чтобы утолить жажду у лошадей и воинов, а поскольку котлы были небольшого размера, то не удастся приготовить достаточное количество воды. Я это говорю для того, чтобы вы знали, что нам надо уходить отсюда, невзирая на то, что мы обрели казалось бы здесь покой и удобство, однако такое долго не протянется, поскольку нет у нас ни продовольствия, ни воды, только топлива у нас достаточно много. А теперь я хочу спросить вас, знаете ли вы местонахождение моего сына, чтобы мы могли кратчайшим путем соединиться с ним и оказать ему помощь?» Один из военачальников ответил: «Я полагаю, что твой сын находится в Баб-уль-Аббабе.» *(сегодня Баб-уль-Аббаб называют Дербентом, это крупный порт, расположенный на западном побережье Каспийского моря, севернее Баку – Переводчик).*

Абдулла спросил того военачальника: «По какой дороге мог Шейх Умар попасть в Баб-уль-Аббаб? Мы знаем, что Шейх Умар не плыл морем, чтобы утверждать, что его корабль приплыл в Баб-уль-Аббаб, а по суше он не мог туда пойти, так как плотина Ануширвана мешает попасть туда с севера.» Я сказал: «Неизвестно, построена ли плотина Баб-уль-Аббаб Ануширваном. Некоторые утверждают, что ее создателем является Джамшид.» Абдулла сказал: «Мнение, высказанное вами, о, эмир, верное, действительно некоторые историки считают, что ее построил Джамшид.» Военачальник, упомянувший о плотине, продолжал: «Кто бы ни был создателем той плотины, одно ясно – сегодня ни одно судно не может войти в Баб-уль-Аббаб с севера.»

Я сказал: «Поскольку племена, обитающие на севере Каспия, постоянно нападали на земли Ирана, Джамшид или Ануширван, кто то из них построил в Баб-уль-Аббабе вал, который препятствовал бы проходу племен и лишал их возможности напасть на Иран, а местом обитания прикаспийских племен являются кипчакские земли и сегодня главой тех племен является Тохтамыш.» Абдулла сказал: «А какой дорогой пользуется сам Тохтамыш, чтобы добраться до Баб-уль-Аббаба?» Военачальник, поставивший вопрос о плотине, сказал, что возможно морем. Абдулла добавил: «А может быть с юга, то есть, огибая плотину, он выходит на южную дорогу, далее на Баб-уль-Аббаб и тогда ему следует пройти через Страну Огней.» Я сказал: «Абдулла прав, можно с юга попасть в Баб-уль-Аббаб и тот, кто хочет достичь его, должен будет пересечь Страну Огней.» Один из моих военачальников спросил: «А где расположена Страна Огней?» Я ответил: «Страна Огней расположена к югу от Баб-уль-Аббаба, на побережье Абескунского моря, а называют ее так от того, что на ее земле часто встречаются фонтаны масла, бьющие из недр, некоторые из них воспламеняются и постоянно горят и никто не может их погасить.»

(Пояснение – Страна Огней – это то, что сегодня называют Баку и филологи склонны считать, что корень слова Баку на языке местных жителей означает «огонь», «храм огня», «святилище» – Переводчик)

Один из военачальников сказал: «Жителям Страны Огней можно позавидовать – им всегда тепло, не как нам, дрожащим от холода.» Я сказал: «Однако тот огонь настолько силен, что к нему невозможно приблизиться, чтобы погреться, и если человек приблизится к нему, то непременно сгорит, языки пламени достигают небес и никто не в состоянии потушить их, ибо невозможно подойти к ним достаточно близко.»

В Мавераннахре мне случалось беседовать с людьми, побывавшими в Стране Огней и возвратившимися оттуда, при этом многие говорили, что, очаги пламени, которые им довелось наблюдать, были настолько сильны, что к ним невозможно подойти на расстояние меньше, чем сто зарьов, в противном случае можно сгореть заживо. Кто-то из присутствовавших спросил, вступим ли мы в Страну Огней во время нынешнего похода. Я ответил, что мы в первую очередь подчинены выполнению задач, связанных с боевыми действиями и если их выполнение потребует, чтобы мы отправились в Страну Огней, мы туда отправимся и увидим те очаги пламени.

Один из военачальников сказал: «Я полагаю, что Шейха Умара нет ни в Баб-уль-Аббабе, ни в Стране Огней, так как оба этих места расположены на западном берегу Абескунского моря, и если бы Шейх Умар был в одной из этих двух земель, он бы не прислал гонца с запросом о помощи по суше, наоборот, его гонец шел бы морем. Поскольку между Баб-уль-Аббабом и Страной Огней, расположенными на западном побережье Каспия существует короткий морской путь, по этой причине Шейх Умар мог бы обеспечить

прибытие своего гонца в Мавераннахр в течении короткого срока, используя именно морской путь. На основании всего этого делается вывод, что Шейх Умар в настоящее время не имеет какого-либо доступа к морю.»

Я до того момента, не придававший значения данному обстоятельству, сказал: «Хвала тебе, твое мнение выглядит обоснованным. Итак мой сын Шейх Умар находится в таком месте что, не имея возможности прислать гонца по морю, отправил его по суше. Тем не менее нам неясно его точное местонахождение, поэтому следует выступить как можно скорее и достичь мест, где опрашивая тамошних жителей, мы могли бы получить сведения о моем сыне.» Абдулла сказал: «О эмир, страна кипчаков простирается вширь на двести фарсангов от одного моря до другого, и мы сумеем, достигнув обжитых районов, установить признаки местонахождения Шейха Умара, так как восемьдесят тысяч всадников никак не могут затеряться в стране ширина которой всего двести фарсангов.» Я ответил: «Эй, Абдулла, ты учиываешь лишь ширину страны кипчаков, перед твоим взором только долины, ты не упомянул гор, что расположены на юге страны. В тех горах в количестве, не уступающем числу звезд на небе, живут различные племена и если войско вступит в те земли, оно рискует быть уничтоженным, причём так, что от него не останется и малейшего следа.»

В конце-концов на том совете было решено выступить на следующее же утро, чтобы дойдя до обжитых районов кипчакской степи приступить к дальнейшим поискам. К наступлению ночи пошел снег и погода потеплела. Меня это радовало, ибо двигаясь по дороге покрытой снегом лошади не станут скользить и падать. Наутро собравшись пуститься в дорогу, мы обнаружили, что наши шатры занесены снегом, который все продолжал идти.

Я приказал привести войско в движение и как обычно, выслал вперед разведывательные дозоры. Назначил я также и арьергард войска, чтобы обезопасить его с тыла. Как головному, так и тыловому дозору было велено следить так же и за обстановкой на флангах, чтобы не дай Бог оказаться застигнутыми врасплох в результате удара с тех направлений. От заготовительного отряда всё так же не было вестей и я не знал где он в настоящее время, не знал где там впереди мог быть расположен первый склад с запасами корма, продовольствия и топлива. Тем не менее, поскольку шел снег и погода стояла теплая, а лошадям не было скользко, мы стремительно двигались вперед.

Всякий раз, когда из-за облаков выглядывало солнце и освещало степь, оно слепило и утомляло мои глаза и глаза моих воинов, и нам хотелось, чтобы солнце вовсе не выглядывало из-за облаков, чтобы мы были в состоянии разглядеть свой путь. Мы не знали, как можно было бы излечить свои глаза от поразившего их недуга, пока однажды не увидели нескольких местных жителей, едущих на повозке без колес, просто скользящей по снегу. Мы заметили, что на лица они натянули некое подобие черных масок, из-за

которых они разглядывали степь, не испытывая боли в глазах. Следуя их примеру мы натянули на лица такие же маски из черной ткани стали глядеть на степь, покрытую снегом сквозь них и таким образом глазам наши было покойно, а те, кто не мог достать черную ткань пользовались тканями темного цвета, чтобы изготовить из них такие маски.

Как я уже говорил, мы выступили двадцать первого дня месяца Джади, все еще шёл снег, начавшийся минувшей ночью, и я знал, что необходимо, пользуясь тем, что идет снег и стало немного теплее, постараться пройти как можно большее расстояние.

Было так много голодных волков, что воины, шедшие в авангарде и тылу на всем пути, были вынуждены пускать в них стрелы, поражая насмерть некоторых из них, и всадники знали, что стоит им отстать от колонны, те голодные звери их неминуемо растерзают.

Когда наступила ночь, всё ещё шёл снег, и я намерен был пользоваться потеплением продолжать стремительно двигаться вперед, однако воины головного разведывательного дозора дали знать, что не они не видят дороги, а их лошади остановились, не будучи в состоянии различить дальнейший путь. Обычно лошади в дозорных группах даже в снегу лучше собак умеют отыскивать дорогу, однако снега выпало так много, что даже лошади дозора не могли дальше двигаться. Я колебался, что же делать? Если велеть двигаться дальше, мы рисковали заблудиться в заснеженной степи и замерзнуть насмерть. Велеть, чтобы дозоры и войско остановились тогда, как в той степи невозможно было найти топливо, корм и продовольствие? Нигде не раздавалось ни звука и ниоткуда во тьме не пробивалось и лучика надежды. Порой за падающими снежинками вдруг на мгновение возникали и тут же пропадали светящиеся волчьи глаза. В конце-концов единственно разумным решением я счел то, что необходимо сделать привал, и поэтому, велел войску остановиться.

Мы, верховые, всякий раз, дехав до очередной стоянки, прежде чем думать о собственном отдыхе, должны были проявить заботу о своих лошадях, и позволяли себе отдохнуть лишь после того, как убеждались, что обеспечены необходимые условия для отдыха животных. Я велел для размещения лошадей создать временные стойла, после чего мы разбили для себя шатры и разместились в них не разжигая огня. Это была самая ужасная ночь в моей жизни, в начале мне удалось немного поспать, однако с прекращением снегопада, мороз настолько усилился, что я уже не мог уснуть, находясь внутри шатра. В такой смертельный холод воинам, стоявшим в карауле, приходилось ещё и постоянно бороться с волками, отгонять их, чтобы те не могли проникнуть в стойла к лошадям.

Каждый из караульных, отстояв на посту, спешил забежать в стойло к лошадям, где было самое теплое место в лагере. После того похода широко

разошлись слухи и легенды о той ночи. В частности, утверждали, что несколько моих воинов, стоявших в карауле, так и замерзли насмерть, сжимая в руках копья и оставались на том же месте и в том же положении до конца зимы, а путники, проходящие по тем местам во время таяния снегов, якобы видели их все также стоящими со сжатыми в руках копьями, словно живых, но бездыханных. Таким слухам верят простые люди, однако люди умные их не принимают всерьез, ибо невозможно, чтобы один или несколько трупов продолжали стоять на снегу, не падая в течение многих недель.

В ту ночь никто из моих воинов, выставленных для охраны лагеря, не получил обморожения, потому что я часто менял их, а тех, кто были расставлены вокруг лагеря, возвращал, чтобы могли отогреться в лошадиных стойлах. Однако лошади так же страдали от голода и я велел, чтобы к утру им скормили последнюю порцию «навалэ» (комоч из теста, приготовленный в качестве корма для животных) чтобы можно было двигаться дальше. Мои воины так и не смогли получить необходимый отдых из-за сильного холода, и я подумал, что если мы проведем еще одни сутки, подобные минувшим, на такой же стоянке, - я потеряю своих воинов и лошадей и все войско неминуемо погибнет.

Всю ту ночь меня терзала мысль о том, что я, наверное, все еще не имею достаточных способностей для командования войском, ибо будь я достойным полководцем, должен был бы знать, что в зимний период не осуществляют переброску войска в странах с холодным климатом, при этом у меня не было прошлого опыта боевых походов в условиях холодных широт. Я полагал, что прикаспийские и кипчакские степи такие же как и степи в Мавераннахре, Хорасане и Рее, и не знал, что зимой в них настолько холодно, что если приложить руку к какому-либо металлическому предмету, она мгновенно примерзнет к нему.

Будь я достаточно опытен, не пытался бы зимней порой идти походом в страну кипчаков, мне следовало дожидаться теплого сезона. Даже если моему сыну и грозила опасность, я не должен был ради него подвергать опасности еще одно войско, ибо оно в этом случае погибло бы так и не сумев выручить моего сына.

В ту долгую ночь, когда казалось, что утро никогда не наступит, я несколько раз выходил из шатра, заглядывал в различные уголки лагеря, лошадиные стойла, однако не было охоты разговаривать с кем-либо и я знал, что все остальные чувствуют то же самое, что и я. После того как снег перестал идти и рассеялись облака, я обратил взор на звезду Джади (*т.е. Полярную звезду. Её не следует путать с созвездием Джади – Козерога – Марсель Брион*). Если бы мороз не был сильным, я мог бы велеть двигаться дальше, ибо можно было идти, ориентируясь по той звезде, а поскольку было очень холодно, то я сказал себе: «Пусть мои воины отдохнут до утра.» Стало светать и я, полагая, что наступило утро, ориентируясь по звезде Джади, отыскал восток, однако

заметил, что он остается темным, тогда как светает в северной части неба. Несколько моих военачальников, не сумевших заснуть из-за холода, приблизившись ко мне, сказали: «О, эмир, уже рассвело, наступило утро, не изволите ли вы повелеть, чтобы войско двинулось дальше?» Я сказал: «В этих краях утренний рассвет наступает с северной стороны, а не с востока.» Затем, указав на звезду Джади, сказал им, чтобы ориентируясь по ней, они определили где находится восток. Они сделали это и подобно мне изумились, увидев, что на востоке темно, тогда как небо на севере с каждым мигом становится все светлее и светлее. Они сказали: «А может мы ошибаемся и звезда, которую мы сочли за Джади (Полярную) вовсе не является таковой?» Однако я показал своим военачальникам карту звездного неба и сказал: «Мы не ошиблись, наверное это рассвет ошибся, наступив вместо востока, на северной части неба.» Пораженные, мы всматривались в северную часть неба и ждали когда станет совсем светло и взойдет солнце.

Великий ужас охватил нас и я полагавший, что ничего не боюсь, настолько испугался, что не мог скрыть свое состояние. Военачальники вопрошали: «О, эмир, что же теперь будет?» Я ответил: «Теперь, когда обстоятельства не поддаются нашему повелению, произойдет то, чего пожелает всемогущий Господь.» Мы все знали, что если солнце взойдет не с востока, а с любой другой стороны, это должно означать наступление конца света, и что нужно готовиться давать отчет о своих деяниях и поступках. Однако вопреки нашим ожиданиям, солнце не появлялось и конец света не наступал, рассвет пропал и снова на небе воцарился мрак. И я понял, что то, что я принял за восход солнца с севера, на деле является мнимой предутренней зарей, а позднее мне разъяснили, что на земле кипчаков и в странах, расположенных еще севернее, такая мнимая предутренняя заря часто появляется и светится в северной части неба. *(Пояснение – Северное сияние в некоторые зимние ночи можно наблюдать даже в районах Северного Кавказа и ясно, что Тимурленг принял его за так называемую «мнимую предутреннюю зарю» – Марсель Брион).*

После того как исчезла мнимая предутренняя заря, я вернулся в свой шатер, однако не мог уснуть из-за холода и охватившего меня возбуждения. Иногда думалось, не лучше ли нам вернуться в рошу, в которой мы делали привал в прошлую ночь, там по крайней мере не пришлось бы беспокоиться о топливе. Я чувствовал, что мои воины и их лошади скоро начнут падать от голода, но если продолжать идти вперед, есть надежда, что отыщется продовольствие для людей и корм для лошадей. Отступать назад было бесполезно и в конечном счете это привело бы ко всеобщей гибели. Когда наступил настоящий рассвет и всю степь озарило солнце, я устремил свой взор на запад. Степь была ровной и видно было настолько, насколько позволяла острота зрения. Я увидел вдаль у самого горизонта нечто, напоминавшее рошу. Я подозревал своих военачальников, чтобы они тоже посмотрели и сказали, действительно ли это роша. Они подтвердили, что упомянутая роша не мираж, а действительность.

Я повелел незамедлительно двигаться дальше и сказал, чтобы лошадям скормили последнюю порцию навалэ, а поскольку не было воды, выпустить их на некоторое время на волю, чтобы поваляв свои морды в снегу они утолили свою жажду. До выступления основного войска, я отправил вперед дозорных. Воины так же увидели стоящую вдали рощу, которую мы не могли видеть минувшей ночью, они воспрянули духом, и несмотря на смертельный холод, быстро собрались и выступили. В обширных равнинных степях отдаленные рощи кажутся близко расположенными и человеку кажется, что до них можно быстро добраться, однако у меня в этом отношении был достаточный опыт и я видел, что видневшаяся вдали роща отстоит от нас на расстоянии четырех, а то и пяти фарсангов и нам потребуется пройти довольно длинный путь, чтобы добраться до того места. Дозорные, шедшие впереди войска, доложили: то, что на рассвете показалось мне рощей, на деле оказалось огромным лесом, состоящим из деревьев, произрастающих в зоне холодного климата, рядом с лесом виднелось большое поселение. Через полчаса после этой вести от дозорных поступила другая о том, что они встретили наш заготовительный отряд.

Оказалось, что отряд наших заготовителей сделав привал в том большом поселении, выслал на разведку окрестностей нескольких воинов, которые попались навстречу нашему дозору, стало известно, что большое поселение, в котором остановились наши заготовители называется Кельна. В тот момент я понял, что опасность гибели моего войска миновала и мы найдем в том поселении достаточно еды, корма и топлива.

К вечеру, усталые и голодные, еле живые от холода, мы добрались до Кельны. Заготовители, зная о приближающемся войске, предусмотрительно соорудили стойла для лошадей и мы сразу же по прибытии смогли отвести лошадей в подготовленные для них места, засыпав перед ними корм, а поскольку погода была холодной, то разожгли большие костры и бесперерывно относили в конюшни переставшие дымить угли, чтобы холод не мучил животных. Я спросил старшего заготовительного отряда, почему он не давал знать о себе. Тот объяснил, что снег и буран заперли его в том поселении, кругом были заносы и он поневоле оказался взаперти в Кельне. Тем не менее, каждый день он рассылал по окрестностям своих людей, чтобы разведать обстановку и узнать появились ли мы наконец. Я спросил нет ли каких-либо сведений от Шейха Умара? Командир отряда заготовителей ответил: «Вступив в Кельну я сразу начал расспрашивать местных жителей, которые сказали, что последнее, что они слышали о Шейхе Умаре, до того как начались снегопады и закрылись дороги, это то, что он находится в Баб-уль-Аббабе и что они не знают, пребывает ли он все еще там или переместился в другие места.»

Я велел собрать старейшин того поселения, чтобы узнать от них как лучше попасть в Баб-уль-Аббаб. Я спросил старосту деревни, каково расстояние отсюда до Баб-уль-Аббаба? Он ответил: «О, эмир, отсюда до Баб-уль-Аббаба

пятнадцать дней пути, но если будешь передвигаться быстрее, можешь покрыть путь в течении двенадцати дней.» Я спросил: «А если идти днем и ночью, сколько времени уйдет на дорогу?» Староста ответил: «Передвигаясь с такой быстротой, ты будешь в Баб-уль-Аббабе через шесть, а то и пять дней. Но это, не ранее, чем растают снега, ибо в такую зимнюю пору и Симургу не перелететь через горы Каф, не говоря уже о человеке.»

Я не ожидал, что сельские жители какой-то деревни Кельна могут знать о птице Симург и мне понравился их ответ. Я спросил: «Следовательно дорога, что ведет отсюда в Баб-уль-Аббаб, идет через горы?» Староста ответил: «О, эмир, дорога туда идет через перевал Табар и ширина дороги там всего в один зарь, в некоторых местах и того меньше – пол зарья и только Бог знает когда и кем строился тот путь. Путь через перевал Табар вьется вокруг горы и ведет наверх, на такую высоту, что достигает самой вершины горы Каф и оттуда ты можешь видеть то, что расположено позади и впереди горы, а так же и море.» *(То, что «позади горы» – должно означать страну кипчаков, расположенную к северу от Кавказских гор, «впереди горы» – должно означать страны, расположенные к югу от Кавказского хребта, под морем имеется в виду Каспий – Марсель Брион).*

«Даже летом переход по тем горам достаточно опасен, в результате малейшей оплошности и лошадь и всадник могут сорваться вниз, а пропасти там настолько глубоки, что если путник встанет на край тропы и наклонится, насколько возможно, и тогда не сможет увидеть дна. А зимой путнику вряд ли удастся пробраться через те места, он сорвется вниз на первом же фарсанге или же окажется погребенным под снегом.

Кроме того существует еще одна дорога на Баб-уль-Аббаб, но она представляет собой узкую тропинку, по которой всаднику не проехать, только пеший там пройдет, но и ему при этом придется столкнуться со многими трудностями. Однако в такое время года и пешему там не пройти.»

Я сказал: «В таком случае, как мне быть, чтобы дать знать сыну моему Шейху Умару о том, что я нахожусь здесь?» Староста ответил: «В это время года нет другого пути достичь Баб-уль-Аббаб кроме как морем, но и это нелегко, учитывая характер сезона. Хотя и нет отсюда по прямой до моря ни одного населенного пункта и не найдешь продовольствия, тем не менее опытному всаднику или пешему, обеспеченному запасом еды удалось бы пешком преодолеть это расстояние при условии, что при этом ему удастся уцелеть от стай голодных волков. Когда же он доберется до моря, дальше станет намного легче, останется только нанять судно и доплыть до Баб-уль-Аббаба.»

Я понял, что пока у меня нет возможности установить связь со своим сыном Шейхом Умаром, иначе как послав гонца по морю в Баб-уль-Аббаб, ибо не было возможным для меня с войском преодолеть необитаемые места не располагая достаточным запасом продовольствия, чтобы достичь моря. Да и

после того, трудно было бы подготовить все необходимое, чтобы обеспечить переброску войска по морю. Среди моих гонцов имелся один по имени Фатин-Гур, уроженец страны Гур, поступивший ко мне на службу в Мавераннахре, он был неутомим в пешей ходьбе, мог идти пешком бесперерывно день и ночь, пока не дойдет до намеченной цели (*Гур – так называлась страна в районе, где сегодня расположен Кабул, столица Афганистана – Переводчик*).

Фатин-Гур умел отсыпаться на ходу, когда шел по ровной местности, в этих случаях он мог идти не просыпаясь, однако он никогда не засыпал идя по пересеченной (т.е., неровной) местности. Я поручил ему с двумя сопровождающими отправиться к морю, а оттуда сесть на судно и проследовать в Баб-уль-Абваб и передать моему сыну Шейху Умару письмо от меня и по получении его ответа возвратиться назад. Фатин-Гуру и его спутникам я велел выступать и ехать верхом на лошадях до тех пор пока возможно, а затем, начиная с того места, где лошади уже не в состоянии двигаться дальше, оставить их и оставшуюся часть пути идти пешком. Я дал Фатин Гуру двух сопровождающих с целью, чтобы была возможность запиты от волков, а в чужой стране трое, держась вместе, будут чувствовать себя намного увереннее.

В письме я просил сына как можно точнее сообщить мне о том, где может находиться Тохтамыш и своём собственном положении, а так же ответить когда и где мы могли бы с ним встретиться. В письме я писал, что меня застиг снегопад, и до таяния снегов я не могу двинуться дальше, однако как только задышит Бык и растает снег, я непременно двинусь в дорогу, но я должен знать, где состоится наша встреча (*на Востоке в старину полагали, что земля расположена на рогах огромного быка и всякий раз как тот Бык вздыхает, наступает теплый сезон и тают снега – Марсель Брион*).

По убытии гонца, я не стал терять бдительности и поручил группе своих воинов изучать местность и обстановку вокруг деревни Кельна с тем, чтобы Тохтамыш, если захочет, не сумел застать меня врасплох, и лагерь свой в той деревне я разбил по образцу находящегося в боевой обстановке. Теперь, вздумав напасть на меня, враг был бы вынужден отступить получив жесткий отпор. Поскольку я сам много раз нападал на врага внезапно, заставая его врасплох, то я хорошо знаю как дорого может окончиться для полководца беспечность и неведение о замыслах врага. Я привык к тому, что постоянно занят множеством дел и не могу впустую тратить свое время. Поскольку снежные заносы вынуждали нас оставаться в Кельне и делать было нечего, я решил устроить охоту. Старейшины той деревни предложили устроить охоту на медведя, что для меня было новым. Я не знал, что в зимнюю пору, когда все вокруг покрыто снегом, медведь в степи не появляется, он спит и не вылезает из своей берлоги. Никто не может отыскать месторасположение медвежьей берлоги, разве что лиса, даже охотничьи собаки не в состоянии сделать это.

В тот день, отправившись охотиться на медведя в сопровождении проводников из числа жителей Кельны и нескольких своих приближенных, я обратил внимание на то, что жители деревни вооружены лишь дубинами и никто из них не имел с собой ни сабли, ни копья. Пройдя немного мы достигли места, где на снегу виднелись следы лисицы. Я спросил, неужели в такой снег и холод лиса может высунуться из своей норы? Деревенские объяснили, что с одной стороны, шерсть у лисицы густая и поэтому она не столь восприимчива к холоду, с другой - голод вынуждает ее покинуть нору. Выйдя же из своей норы, она направляется прямо к медвежьей берлоге, зная, что там, наверняка можно поживиться полевыми мышами, лаской, хорьками. Я спросил, откуда в медвежьей берлоге могут взяться те грызуны? Деревенские объяснили мне, что берлога представляет собой амбар, набитый запасами продовольствия, поскольку медведь прежде, чем впасть в спячку, тащит в берлогу всякую еду, какая попадется и создает там запасы. Медвежья берлога до наступления снегопада наполняется желудями, дикими лесными гранатами, лесным медом. После того, как степь покроется снегом и медведь впадет в спячку, полевые мыши, ласка и хорьки сбегаются в берлогу и обживаются в ней, поскольку там тепло и сытно.

Идя по лисьему следу, пройдя степь, мы приблизились к подножию горы, где он исчезал в одной из расщелин. Жители деревни сказали: «Это здесь.» После чего они запустили в берлогу двух из своих собак. Собачий лай разбудил медведя и мы увидели как вначале наружу выскочили несколько лесных зверюшек и лисица, с окровавленной мордой, было видно, что она успела поживиться дичью внутри берлоги, и возможно, что досыта. Из глубины расщелины показался огромный медведь коричневого цвета и я приготовил лук, чтобы пустить стрелу. Однако жители деревни Кельна стали кричать: «Эй эмир, не стреляй, испортишь шкуру!»

Тогда я понял, почему деревенские не взяли с собой ни сабель, ни копий. Полагая, что ими можно только испортить и обесценить шкуру зверя, они предпочитали, заваливать медведя ударами дубин, тем самым избегая повреждений на той шкуре, которая таким образом сохранит свою ценность. Я вложил стрелу в колчан и повесил на лук за спину.

Медведь тем временем, выбежав из пещеры, встал на задние лапы, он оказался таким огромным, что когда один из деревенских подошел к нему, я заметил, что ростом медведь выше того человека. Я не думал, что медведь может оказаться настолько огромного роста и иметь такое могучее телосложение. До того я не видел медведей других пород, кроме тех, что водятся в Иране, между тем деревенские сказали мне позже, что попадаются медведи и побольше того, что стоял перед нами.

Деревенские внезапно набросились на зверя с дубинами и один из них пытаясь всучить мне дубину говорил: «О, эмир, вот тебе дубина, бей этого медведя вместе с нами.» Но я не стал брать в руки дубину, так как мужу,

привыкшему, подобно мне, владеть клинком и луком, не подобает махать ею, являющейся оружием простых сельских жителей, а не доблестных воинов. Между тем, деревенские дружно колотили медведя своими дубинами, а зверь оглушительно рычал, широко раззевая пасть и высовывал свой алый язык, стараясь защититься, размахивая передними лапами, однако, что он мог сделать против множества нещадно колотивших его дубин? Деревенские настолько жестоко исколотили зверя, что тот бездыханный упал на снег и больше не шевелился. Я подошел к нему и увидел, что глаза его широко раскрыты, но безжизненны. Шкура его не имела никаких повреждений, тем самым сохранилась ее ценность, и один из деревенских, считавшийся мастером по свеживанию медвежьих шкур, проделав в той шкуре отверстие, приложил к нему рот и стал с усилием вдвухать воздух, после чего оболочка зверя раздулась, таким образом было легче снимать шкуру.

После того, как шкура была отделена от туши, деревенские разрезали её на куски, поднесли их ко мне и предложили, чтобы я отрезал себе кусок и приказал зажарить кебаб из него, они уверяли, что кебаб из медвежатины нежен и приятен на вкус, на что я ответил, что мы мусульмане, а мусульмане не едят медвежьего мяса. Это потому, что у медведя нет копыт и имеются когти, между тем, наша вера запрещает есть мясо бескопытных животных.

Меня больше всего удивляло, почему Тохтамыш не показывается нам на глаза, я не допускал мысли, что Тохтамыш не ведает о нашем пребывании на его земле. Невозможно такое, чтобы стотысячная армия подобная моей, вошла в страну, в то время как её правитель не ведал, что чужое войско вторглось в его владения. Меня этот вопрос настолько повергал в недоумение, что я был почти уверен, что Тохтамыш потому не напоминает о себе, что желает захватить меня врасплох, и чтобы этого не случилось, я ни на мгновение не терял бдительности. Хотя и стояла зима и никакого движения на дорогах не наблюдалось, я не допускал мысли о том, что повелитель кипчаков не ведает о моем войске, вторгшемся на его землю. Любая армия, вторгшись в пределы чужой страны и передвигаясь по ней, неизбежно оставляет следы, которые может увидеть всякий. И я подумал, что если Тохтамыш настолько беспечен, что не в состоянии быть осведомленным о присутствии чужого войска в своих владениях, в таком случае его можно будет легко разгромить.

Фатин-Гур, мой гонец, вернулся быстрее, чем я ожидал, и передал мне письмо от сына моего, Шейха Умара, из которого я узнал, что он с половиной своего войска находится в Баб-уль-Аббабе, а другую половину он потерял в ходе боев с Тохтамышем. Шейх Умар писал в своем послании, что ранее он намеревался вернуться в Мавераннахр морем, однако страшился моего гнева из-за потери половины войска, и поэтому запросил моей помощи и если бы я не поспешил, он так и оставался бы в стране кипчаков пока не суждено будет пасть от руки врага, лишь бы избежать позорного возвращения в Мавераннахр в качестве побежденного. И еще в своем послании мой сын сообщал, что Тохтамыш в настоящее время находится в Шенгари (что на севере гор Каф,

или Кавказа – *Марсель Брион*) и имеет в наличии шестьдесят-семьдесят тысяч воинов. Однако условия зимы не дают ему выступить, вероятнее всего, он это сделает как только начнут таять снега, чтобы по воде или суше (через перевал Табар) прибыть в Баб-уль-Абваб.

Получив и прочитав то послание, я пригласил всех старейшин деревни Кельна, чтобы от них узнать, где же расположена местность, называемая Шенгари. Выяснилось, что она расположена в западной части земли кипчаков, вблизи Черного моря. При этом для Тохтамыша, чтобы попасть в Баб-уль-Абваб, нет другого пути кроме как через деревню Кельна, независимо от того решит он идти по Абескунскому морю или по суше через перевал Табар. Между тем местом, где я ныне находился, и Шенгари, то есть тем местом, где стоял Тохтамыш, было расстояние в восемьдесят фарсангов, и я мог бы после того как растают снега, пройти то расстояние в течении четырех-пяти дней.

Я ни с кем не стал делиться содержанием послания, полученного от сына, даже со старейшими из моих военачальников, особенно касательно того, что Тохтамыш и его войско расположились в Шенгари. Я боялся, что это станет известным жителям Кельны и, кто знает, вдруг среди них окажутся шпионы Тохтамыша, которые в этом случае дадут ему знать, что мне стало известно его нынешнее местонахождение. Во вражеской стране следует опасаться даже деревьев, гор и животных, не говоря уже о людях. Я повторно отправил Фатин-Гура с посланием в Баб-уль-Абваб, в котором велел своему сыну Шейху Умару: «Плыви морем, таким образом, чтобы ко времени, когда задышит Бык ты уже достиг берега. Вместе с тем, захвати с собой необходимую еду и корм, ибо от побережья до деревни Кельна, особенно в зимнюю пору ничего не найдешь для того, чтобы накормить людей и животных. Если для переброски людей и животных не сможешь достать суда в нужном количестве, иди по суше, через перевал Табар и поспеши попасть в Кельну». В том письме я писал сыну, что намерен идти в местность Шенгари чтобы застать Тохтамыша врасплох, и надеюсь, что он благополучно достигнет Кельны и, при необходимости, окажет мне содействие.

В течении недели, прошедшей со дня получения письма от Шейха Умара, мне удалось провести разведку местности на расстоянии сорока фарсангов в западном направлении, эти действия не возбудили каких-либо подозрений у жителей Кельны. Как я уже упоминал, с того дня, как я остановился в Кельне, мои конные воины непрерывно объезжали заснеженные просторы вокруг, поэтому движение наших воинов в западном направлении выглядело в глазах у местных жителей как одно из уже ставших привычными объездов окрестностей их селения. Итак, я составил для себя четкую картину расположения степей и гор на протяжении сорока фарсангов в западном направлении. Только с реками не было полной ясности – из-за зимы и повсеместного обледенения воины не могли определить где расположены полноводные реки, через которые войску предстояло переправляться. Между

тем, я не хотел посвящать жителей Кельны в свои замыслы и расспрашивать их для получения необходимых сведений.

Когда наконец задышал Бык и начали таять снега, а ночами в небе стало раздаваться криканье летящих уток, я отдал приказ о выступлении войска и мы двинулись на запад. После этого я уже больше не опасался того, что кто-либо из жителей Кельны попытается донести Тохтамышу о нашем выступлении, так как знал, что отныне никто не сможет передвигаться быстрее моего войска, а если кто и нагнав нас, попытается обойти, он непременно будет уничтожен.

В семнадцатый день месяца Дальв (Водолей) мы выступили из Кельны в западном направлении. Два сторожевых дозора двигались впереди и по флангам войска осуществляя ближнюю и дальнюю разведку. Были мы защищены и с тыла, двигаясь в полном боевом походном порядке, имеющем цель, застать врага врасплох, ибо я знал, что основным условием успеха будет застать Тохтамыша врасплох. Я располагал сведениями о том, что Тохтамыш и не думает выступать в направлении Баб-уль-Аббаба раньше, чем наступит весна, и надеялся разбить его в его же зимнем лагере. На нашем пути попадались реки, однако они не стали для нас серьезной преградой.

В тот день вплоть до заката и ночи восемнадцатого дня месяца Дальв и до утра мы были в непрерывном движении. Когда взошло солнце, мы сменили лошадей, переведя тех, что устали в запасные и продолжили стремительную скачку. Опять, как и в предыдущий день перед нами возникали реки и речушки, не представлявшие собой преграды для моего войска. К полудню самый передовой из моих дозоров передал, что впереди виднеется темная масса, напоминающая некое войско. Я дал приказ своему войску остановиться. Пока оно находилось в движении, я не мог дать боя врагу, так как на марше войско не развернуть для сражения, для этого необходимо остановиться и провести развертывание в боевой порядок. Следуя установившейся привычке, я тут же сформировал центр, фланги и резерв, спешно натянул на себя кольчугу и шлем и приготовил саблю и секиру для боя. И хотя появление Тохтамыша в той степи явилось для меня полной неожиданностью, я не растерялся, поскольку со дня вступления в страну кипчаков готовил себя к той встрече и должен сказать, что было бы странным если бы она в конце концов не состоялась.

Передовой дозорный отряд хорошо знал свою задачу и поэтому передав мое сообщение о появлении войска, принялся изучать его размеры, численность, вооружение, чтобы обо всем этом известить меня. Второе известие от того же дозорного гласило, что темная масса, видневшаяся в степи, продолжает приближаться. Поскольку я все еще не знал его численности, то остановился чтобы подумать, мои военачальники стояли наготове, ожидая моих указаний. Третье сообщение, переданное мне вторым дозорным от первого говорило что в войске том, кроме черного, других цветов не наблюдается.

Я подумал, что воины Тохтамыша должно быть одеты в черное, потому как в стране кипчаков шерсть у овец и коз преимущественно черного цвета. В течении часа пополудни войско мое стояло на месте, ожидая вестей от передового разведывательного дозора. В тот момент дозор сообщил, что то, что было принято за темную массу вражеского войска на деле оказалось огромным стадом неких животных черного цвета, которое шло с запада на север, и что внешне эти животные напоминают быков.

Я отменил развертывание войска в боевой порядок и приказал двигаться маршем в сторону того стада. Так как мы двигались ускоренно, а животные – медленно, вскоре мы догнали их и моему взору открылось огромное стадо животных черного цвета, тела которых было схоже с телом быка, а вот морды их имели отдаленное сходство с чертами человеческого лица, украшенные двумя короткими и гнутыми как у барана рогами, они настороженно разглядывали нас своими налитыми кровью глазами.

До того дня я не видел подобных тварей и поэтому был изумлен их видом. Животные, увидев наше многочисленное войско, забеспокоились и ускорили свой бег стараясь скрыться из виду. Я заметил, что их копыта подобны коровьим, имеют расщелину, значит их мясо являлось чистым и дозволительным к употреблению. По этой причине я приказал начать на них охоту, чтобы их мясо послужило продовольствием для войска. Воины начали отстрел и поразили двадцать животных, остальные же скрылись вдали.

Я внимательно рассмотрел туши тех животных и пришел к выводу, что это несомненно быки и коровы, однако с более мощными и широкими чем у их домашних собратьев хребтами и с мордами, отдаленно напоминающими черты человеческого лица. Я не мог разрешить воинам, остановиться, чтобы отведать мяса тех животных, хотя недалеко виднелась роща и дров было бы достаточно, чтобы разжечь костры. Я велел им отсечь наиболее сочные части туш тех быков, захватить их с собой с тем, чтобы когда выдастся подходящее время приготовить и отведать еду из них.

К заходу солнца мы достигли какого-то маленького селения, я расспросил ее жителей о тех странных животных, выяснилось, что это лесные буйволы, и что они имеют привычку менять места своего обитания с началом дыхания Быка (*то есть наступление теплого времени года – Автор*), продвигаясь к северным широтам, чтобы достичь более холодных зон. Поскольку животные привыкли обитать только в холодных местах, никто в кипчакских степях не встречает их летом, они появляются там только зимой чтобы с наступлением теплого времени вновь устремиться в северные районы.

(Буйволы, которых видел Тимурленг, сегодня их называют «оуруц», в старину водились на западе России, Северном Кавказе, в Польше и Восточной Германии, частично в Австрии, однако этих могучих и безобидных животных настолько интенсивно истребляли, что они почти исчезли и их

можно лишь изредка встретить в болотистом районе Прибат, расположенном в Польше – Марсель Брион).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ И ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Битва в стране кипчаков

Вступив в ту деревню, я велел перекрыть все ведущие из нее дороги, чтобы никто не мог передать Тохтамышу весть о нашем появлении. Хотя зима еще не прошла, было относительно тепло, всё же, опасаясь перемены погоды, я велел соорудить временные стойла для лошадей, чтобы животные не мерзли. И хотя решено было двигаться не останавливаясь, тем не менее в ту ночь я решил дать отдых воинам до полуночи, велел им выспаться и быть готовыми выступить ровно в полночь. Сам я тоже лег спать и увидел такой сон:

Стою я в долине, покрытой снегом на краю рощи черного цвета, а небо, закрытое тучами, настолько черно, что и падающий снег кажется того же цвета, что и небо. В той низине внезапно появляется Тохтамышево войско, я готовлюсь к атаке, и с удивлением вижу, что все воины Тохтамыша обликом подобны диким буйволам, и ревут точно так же как они. Я скомандовал перейти в наступление и мы, не колеблясь, бросаемся на вражеское войско. Вдруг я заметил, что у меня отсутствует правая рука и это обстоятельство привело меня в смятение. Снова и снова я обращаю свой взор к правому плечу и все так же убеждаюсь в том, что моя правая рука исчезла. Меня тот сон взволновал настолько, что проснувшись, я вновь и вновь восстанавливал в памяти его подробности.

Я говорил себе, что покрытая снегом долина выглядела черной от того, что подобное мне довелось увидеть раньше, ещё до нашего прихода в Кельну. Видение буйволов так же имело своё объяснение, - я их видел, как рассказывал, незадолго до того. Различные виды и явления, обозреваемые человеком в состоянии бодрствования, могут затем являться ему во сне, в той же форме или в какой-то иной. Однако исчезновение правой руки привело меня в ужас и я предвидел, что со мной должно произойти некое неприятное событие. Тем не менее, когда послышалось пение ночных птиц и я встал, чтобы дать команду выступить, то уже не испытывал волнения. Другой бы на моем месте после такого сна отказался бы от первоначального намерения или, по крайней мере, испытывал колебания. Однако я не позволил себе ничего подобного, ибо знал – муж, спешащий на битву, спешит навстречу смерти, чтобы глядеть в лицо Азраилу, ангелу смерти, и если он сумеет одолеть Азраила, то останется в живых, в противном случае его непременно убьют. Подобно путнику, запасавшемуся съестными припасами перед дальней дорогой, везущему с собой продукты для себя и корм для своей лошади, воин перед битвой должен готовить себя, чтобы быть достаточно сильным и иметь в своем распоряжении все возможные средства для того, чтобы встретившись лицом к лицу со смертью не чувствовать себя немощным и безоружным.

С молодых лет и до сих пор, когда мне уже за семьдесят, никогда я не испытывал страха от предстоящего участия в бою и битвы с самой смертью. Если я и не принимал личного участия в некоторых боях, то только лишь затем, чтобы не оставлять войско без командующего. Я не утверждаю, что ничего не боюсь, есть вещи, которые страшат меня, однако меня не страшит возможная смерть в бою и тот, кто сотворил меня знает, что в сердце моем нет страха перед смертью.

С полуночи до самого утра мы шли без каких-либо особых происшествий и погода, хотя была холодной, не доставляла беспокойства, и когда забрезжил рассвет, мы дошли до некой плоской возвышенности, которая была вся покрыта снегом. Но, поскольку светило солнце и небо было безоблачным, мороз для нас не был столь уж мучительным. Через каждые несколько часов я велел менять лошадь подо мной, пересаживаясь с уставшей на свежую, вместе с тем мы придерживались такого темпа, который не позволял лошадям выдохнуться. Мои воины знали, что уже отдыхать не придется, разве что после того, как дойдут до поля битвы, начнут и завершат схватку с врагом.

К полудню головной дозор сообщил о появлении вдали еще одного стада диких буйволов. На этот раз дозорные уже знали, что имеют дело со стадом животных, а не с надвигающейся темной массой вражеского войска. Выяснилось, что животные движутся в нашу сторону, причина была в том, что из-за состояния дорог мы изменили направление и двигались с севера на юг и не меняли его вплоть до того, пока не дошли до Шенгари. Как я упоминал, с началом тёплого сезона, стада диких буйволов устремляются на север в холодные широты. К вечеру мы встретились с тем стадом, буйволы завидев нас, шарахались и уносились прочь. Вплоть до темноты, мы видели то стадо. Некоторые животные, вначале убегали от нас, затем останавливались и возвращались, разглядывали нас и снова с испугом убегали. До самого утра мы продолжали идти, и после того как настал рассвет, снова увидели вдали диких буйволов. Мы догадались, что, возможно, это часть того же стада, что мы видели вчера. В дальнейшем я узнал, что Тохтамыш догадался о том, что к Шенгари приближается какое-то войско судя по поведению стада испуганных чем-то диких буйволов, которые возвращались обратно. Тохтамыш и его воины были уроженцами страны кипчаков и хорошо знали повадки диких буйволов, знали, что как только задышит Бык (*т.е. начнётся теплое время года – Марсель Брион*), дикие буйволы устремляются на север, поэтому движение на юг одного из стад этих животных выглядело странным, из чего Тохтамыш сделал вывод, что в направлении к Шенгари движется либо войско, либо какая то большая масса людей. В результате, он выслал свой разведывательный дозор, который обнаружил наших дозорных, и потому, мне не удалось застать врасплох Тохтамыша.

Упоминаю обо всём этом для того, чтобы ты, читающий мое жизнеописание знал, что полководец, какой бы он ни был дальновидный, не в состоянии предвидеть всего, особенно находясь на чужой земле, впервые вступив в пределы вражеского государства, не располагая многими сведениями о местных условиях и тамошней обстановке. Вечером двадцатого дня месяца Дальв мои передовые дозорные сообщили, что видят группу всадников, которые остановились заметив наш дозор, некоторые из них повернули назад и быстро ускакали прочь, остальные же отходят постепенно. Я приказал своим дозорным захватить живым хотя бы одного из тех всадников, чтобы можно было получить от него необходимые сведения. Однако моим дозорным не удалось этого сделать, вскоре стемнело. В ту ночь я был особенно бдителен и если бы попалось подходящее место, остановил бы войско для отдыха до наступления следующего утра. Однако, такого места не попадалось, поэтому мы продолжали идти. Во второй трети ночи раздалось крикание летящих в небе уток, которое затихало по мере того, как птицы удалялись, летя в северном направлении. Я понял, что в той стране утки, как и дикие буйволы перемещаются с юга на север с наступлением летнего сезона.

В ту ночь до самого утра мы шли маршем, а когда наступил рассвет, что на арабском языке зовется «фалака», я по привычке прочитал суру «Фалака» («Рассвет»), начинающуюся словами: «Кулл-аузу би-рабби уль-фалаки...» (т.е. «Скажи, ищущий прибежища у Бога рассвета, у Бога, который сотворяет рассвет...»).

В тот же миг взор мой упал на некий сосновый бор и я велел, остановить войско на привал чтобы все немного отдохнули. Я знал, что неприятель находится близко и очень даже вероятно, что именно в тот день воинов ожидало кровавое побоище. Я велел своим военачальникам передать рядовым воинам, что в тот день их ожидает трудный бой и они должны хорошо выспаться перед ним, чтобы снять усталость. Вокруг лагеря я расставил караулы и надеялся, что воинам и их старшим удастся поспать. Сам же я не в состоянии был уснуть, ибо не знал, чего же следует ожидать в ближайшие часы.

Передовой дозор донес, что вдали постоянно появляются отряды всадников, на голове у них меховые шапки, к ним присоединяются с тыла другие, а некоторые из них стремительно скачут назад. У меня не было сомнений, что те всадники составляют передовой дозор Тохтамышева войска, те, кто подтягиваются к ним с тыла - везут новые указания для них, а те, кто стремительно скачут назад – везут донесения о складывающейся обстановке.

Я надеялся суметь застать Тохтамыша врасплох, однако мне это не удалось, разве, что удалось добиться, чтобы у него не осталось достаточно времени на

подготовку войска и его снаряжение. Я понимал, что если Тохтамыш не сделал того заблаговременно, то в течении такого короткого времени ему это тем более не удастся сделать. Так, что его войску предстояло встретиться с моим, не имея полной оснастки и вооружения. Когда солнце поднялось на высоту одного копы, я велел будить войско и трубить в боевые горны. Прежде чем выступить, я определил порядок формирования флангов, центра и резерва войска с тем, чтобы, если в ближайшие мгновения столкнемся с противником, суметь незамедлительно развернуть боевое построение. Затем мы двинулись в путь, в тот день было тепло и солнечно, и я заметил, что после короткого отдыха воины и лошади выглядят заметно отдохнувшими и свежими.

Мои дозоры доносили, что впереди появилось войско и поскольку силы были неравными, они начали отходить назад. Задача передового дозора в том и состоит, чтобы до тех пор пока не появится вражеское войско, следовать впереди своего войска и вести разведку местности. Как только покажется вражеское войско, дозорным ничего другого не остается, как отступить, ибо их боевая мощь незначительна и они не в силах противостоять основному войску противника. Мы двигались с севера на юг по местности, которая называлась Шенгари. Запад находился справа, а восток - слева от меня, и поскольку мы двигались по обширной степи, я сумел в течении получаса развернуть свои фланги, заняв свое место в центре войска.

Через старших я передал всем рядовым воинам следующее: «Сегодня день битвы и у нас нет иного выхода кроме как победить, в противном случае нас всех до одного ждет смерть, так как пленив нас, Тохтамыш вряд ли оставит кого-то в живых и кости наши будут белеть, устлав собою всю степь Шенгари. Так будьте же бдительны, потому что нет у нас пути назад, ибо если мы отступим, Тохтамыш обрушит на наши головы все племена страны кипчакской и ни одному из нас не удастся добраться до побережья Абескунского моря. Поэтому старайтесь победить, окажитесь победителями и я отдам в ваше распоряжение все города на земле кипчаков, забирайте в наложницы всех красивых девушек и женщин этой страны, ибо Тохтамыш – это кафир, против которого следует вести священную войну и потому дозволено захватывать в качестве добычи женщин этой страны. Если вы победите в этой стране, то настолько обогатитесь, что до конца дней своих сумеете жить в благополучии и детям вашим после вас так же хватит того состояния. Поднапрягитесь и проявите отвагу в течении всего лишь одного дня, а затем живите всю оставшуюся жизнь в богатстве и довольстве!»

К переданному мною, не было необходимости добавлять что-либо еще. Я хотел, чтобы воины хорошо уяснили, что после победы я отдам в их распоряжение все города кипчаков и все женщины той страны станут их добычей.

Через короткий миг показалось войско Тохтамыша, развернутое в боевой порядок и я увидел, что на две трети оно состоит из пеших и общая его численность составляет примерно сто тысяч человек.

По моей команде, всё моё войско одновременно пришло в движение. Я обратил внимание на то, что повелитель кипчаков расположил пехоту по флангам а конников – в центре своего войска. Таким образом, слабыми участками Тохтамышева войска являлись его фланги, где кроме пехоты не было других воинов. Поэтому я приказал своим флангам жестко атаковать фланги Тохтамыша, уничтожить или обратить в бегство его пехоту. Сам же я со своими всадниками в центре демонстративно стал готовиться к атаке, делая вид, что хочу поразить центр Тохтамышева войска. На деле же я не намеревался этого делать, имея целью лишь вынудить его конников придти в движение и стронуться со своих мест.

Командующие обоих флангов моего войска были прекрасно осведомлены об основной сути моего замысла, детали же связанные с его осуществлением я оставил на их усмотрение. Они знали, что суть моего замысла заключается в том, чтобы уничтожить или обратить в бегство пешие фланги Тохтамыша и вынудить его конников стронуться со своих мест, и увлечь их за собой. После чего мои фланги, смяв фланги врага, соединившись в тылу конного войска повелителя кипчаков, обрушатся на них с тыла. В тот же миг я обрушусь на них спереди и таким образом, конники Тохтамыша окажутся между двумя огнями, подвергаясь атаке с обеих сторон, пока не будут уничтожены.

Долина, в которой происходила битва, была ровной и я знал, что один ее край оканчивается побережьем моря (*Тимурленг имеет ввиду Черное море - Марсель Брион*). В той долине мои воины, будучи верхом на конях, могли свободно передвигаться в любом направлении и перед ними не возникало каких-либо природных препятствий. Часть войска была оставлена в тылу чтобы охранять запасных лошадей и средства передвижения. Благодаря этому, я мог, по мере надобности, отправлять по частям своих участвующих в сражении воинов с поля битвы в тыл, для того чтобы они заступали на место охранявших запасных лошадей, а те в качестве свежей силы незаметно для противника вливались в поле битвы.

Пешие фланги Тохтамышева войска не имели копий, вместо этого у них имелись луки и стрелы, которыми кипчацкие воины управлялись лучше, чем копьём, они могли остановить атаку противника осыпая его дождем своих стрел.

О, полководец, читающий о моих свершениях, если боишься гибели своих воинов, тебе лучше не ступать ногой на поле битвы, снять с себя боевые доспехи, пройти в медресе и заняться там чтением книг и молитвами.

Потому что полководец, вступающий на поле боя, должен знать, что его самого и его воинов может ожидать смерть. В тот день, увидев лучников, расположившихся по флангам Тохтамышева войска, я сказал себе, что в том бою, возможно, пока удастся уничтожить оба фланга Тохтамышева войска, погибнет половина моих воинов. Мои конники вначале пустились вскачь рысью («юртма») и когда они достигли флангов Тохтамышева войска, они перешли с рыси на галоп («чахар-наъл») не столько ради успешного истребления вражеских воинов, сколько для того, чтобы сузить возможность прицельной стрельбы для вражеских лучников.

Когда воин медленно сближается с противником, вражеский лучник имеет достаточно времени, чтобы пустить в его сторону более тридцати стрел. Если он будет двигаться проворнее, шансы лучника сокращаются наполовину и даже до одной трети. О, военачальник, помни, когда несешься со своими воинами навстречу врагу, достигнув его рядов, следует сбавить темп, ибо если скачешь галопом, то быстро пронесешься сквозь ряды пешего противника, оставив за спиной немало живых и невредимых вражеских воинов, способных перестроиться и забросать тучей стрел твоих всадников. Поэтому, сойдясь вплотную с противником, следует замедлить темп скачки, чтобы твои конники имели возможность истребить всю пехоту противника или же так ее рассеять, чтобы она не была уже в состоянии собраться с силами и вновь стать боеспособной.

Когда мои конники сближались с двумя флангами противника, они неслись, распластавшись на спинах своих лошадей, чтобы представлять собой мишень как можно меньших размеров перед вражескими стрелами. Я понимал, что во время атаки конников, противник будет стараться вывести из строя наших лошадей и спешить моих воинов. Я велел передать, что каждый конник, потерявший лошадь, должен быстро отправляться в наш тыл, получить одну из запасных лошадей и, если необходимо, по приказу своего командира, вернуться на ней в сражение. Пока мои конники неслись на оба фланга Тохтамышева войска, я также шел на сближение со всадниками его центра, не ведая, где мог расположиться повелитель кипчаков, в цетре своего войска или где-то еще. Мне не было даже известно, присутствует ли Тохтамыш на поле боя, или же находится где-то вдали от него.

Ровный характер местности позволял мне даже в движении видеть, что лошади моих конников, несущихся на оба фланга противника, падают как листья деревьев в осеннюю пору. Вражеские лучники стреляли быстро, было видно, что это опытные стрелки. Некоторые воины, слетев с лошадей поднимались и направлялись в тыл, и я видел, что сами они невредимы, поражены лишь их лошади. Однако некоторые из них, упав с лошади, уже не шевелились, и я понимал, что сами они либо убиты, либо ранены.

Рана от стрелы, если она не поразила какой-либо важный орган и ее наконечник не из закаленной стали, особой опасности не представляет, и сам я не раз бывал пораженным ими и оставался живым, но если наконечник стрелы закален, то рана от нее не заживает или же заживает очень долго. Среди моих воинов были такие, что в ходе боя случалось были пронзены добрым десятком стрел, однако вытащив их из раны, они продолжали биться, потому что стрелы те не поражали их жизненно важных органов, однако впоследствии, так как наконечники тех стрел были из закаленной стали, они умирали от ран, которые не поддавались лечению.

До сближения с рядами пешего противника, моих конников поражали вражеские стрелы, но как только они дошли до них, я несколько успокоился. Я знал, что с того момента, мои конники неуязвимы и могут наконец пустить в ход свои сабли, булавы и стрелы. Я же с центром войска двигался в направлении противника, однако не собирался атаковать его. Я велел своим всадникам, чтобы они, как только всадники Тохтамыша тронутся с места, разворачивали своих лошадей и потихоньку, рысью («юртма») отступали назад, поражая врага в стиле «кейкач» (*т. е. повернувшись на скачущей лошади назад, лицом к преследующему его противнику, осыпать его стрелами – Марсель Брион*).

Я предвидел, что прорыв моих всадников к пешим флангам противника повлечет за собой тяжелые потери и не хотел нести таких же потерь в центре своего войска. Жертвы живой силой на поле боя неизбежны, однако такое приемлемо лишь тогда, когда имеют место достаточные основания, а не прихоть. Я медлил с началом атаки центра войск Тохтамыша для того, чтобы дать возможность своим конникам на флангах прорваться в тыл противника, что ускорило бы уничтожение всадников повелителя кипчаков, поэтому спешка в данном случае не была необходима. Однако предвидение мое частично оправдалось, а частично нет – мне удалось заставить сорваться с места всадников кипчакского царя, однако мне не удалось избежать схватки с ними – уж очень быстро им удалось догнать нас.

Если бы я скомандовал, чтобы мои конники ускорили свой ход, перейдя на галоп чтобы оторваться от кипчаков, я мог оказаться слишком далеко от поля боя и потерять связь со своими флангами и резервным войском и, вследствие чего мог быть уничтожен. Мне поневоле пришлось оставаться посреди поля битвы, чтобы не терять связи с флангами и резервным войском. Поэтому я вынужден был, вопреки своим прежним планам ввязаться в схватку со всадниками Тохтамыша. Мой знаменосец передал конникам сигнал начать сражение, и все поняли, что настал час, решающей битвы.

В тот день я был доволен порядком и дисциплиной среди моих воинов, и возблагодарил Бога за то, что сам я обладал привычкой к твердой дисциплине и порядку. Потому что, если командующий войском сам недисциплинирован,

его воины и их начальники будут такими же. Если бы я был ленивым и изнеженным гулякой и проводил много времени, подобно некоторым другим правителям, за чашей вина, не добился бы твердого порядка и дисциплины в своем войске. Будь я праздным по натуре и проводи я время в лагере занятый лишь едой и сном, не сумел бы завоевать уважение среди своих воинов и их начальников. Но они знали, что как дома, так и в походе, я постоянно слежу за состоянием войска, как на привалах, так и в военных лагерях каждодневно наравне с ними упражняюсь в сабельной рубке, стрельбе из лука и метании копья, машу палицей, чтобы сохранить силу и подвижность рук, не оставляя их без дела. Воины и их начальники знали, что поскольку я сам неустанно тружусь, то ни в ком не потерплю лени. Они знали так же, что сам будучи бесстрашным перед лицом смерти, я не потерплю, чтобы кто-либо из моих людей проявил малодушие и колебания из-за страха умереть на поле боя, а тем более пытаться покинуть его.

Когда мой знаменосец, размахивая вымпелом, передал старшим и рядовым воинам приказ о начале сражения, через несколько мгновений сабли были обнажены, а палицы и стрелы взяты наизготовку. После чего мы развернули своих коней и ринулись на врага.

Схватившись с вражескими конниками, я убедился в их отваге и стойкости. Наша яростная атака не смутила их и они начали орудовать своими шашками и копьями. Я велел знаменосцу просигналить всем о том, что враг оказался сильным и стойким, и потому следует действовать серьезней и проявлять большую осмотрительность.

Мое повеление было принято военачальниками, которые в свою очередь передали его рядовым воинам и те, без какого-либо страха перед смертью, ринулись в схватку, чтобы уничтожить кавалерию Тохтамыша. Я сражался наравне с ними, в правой руке я держал саблю, а в левой секиру, иногда я защищался правой рукой, атакая левой и наоборот. С каждым взмахом секиры я валил с коня очередного вражеского воина, и с каждым выпадом клинка по меньшей мере наносил ранение, исключая случаи, когда моя сабля натыкалась на кольчугу или панцирь: многие из воинов Тохтамыша были облачены в доспехи и шлемы.

Если бы мне не приходилось удерживать уздечку своего коня, тогда я мог бы бесперерывно орудовать обоими руками, вооруженными саблей и секирой. Однако необходимость править лошадью вынуждала меня время от времени вешать секиру на луку седла и брать в руки узду, чтобы вести животное в нужном направлении. Мои воины дрались спокойно, ибо не несли ответственности за ведение боя и его исход. А мне в пылу сражения приходилось одновременно следить за ходом всего сражения, следить и владеть обстановкой, в которой находились мои воины, определять, не нуждаются ли они в подмоге со стороны резервных сил и так далее.

Рядовой воин на поле боя может быть спокойным, ибо не несёт иной ответственности кроме как убивать врага и оберегать собственную жизнь. Тогда как военачальник ответственен за многое другое и потому он постоянно должен следить за состоянием войска. С одной стороны, я страстно желал лично участвовать в схватке, видеть как фонтаном брызжет кровь из разрубленных мною артерий, слышать стоны и вопли тех, кого поразили удар моей сабли и секиры, чтобы мой скакун попирали копытами трупы поверженных врагов. С другой стороны, я желал, чтобы мои воины и их старшие видели и знали, что я не из тех, кто страшится смерти и что наравне с ними выхожу навстречу опасности.

В тот день, стараясь держать в поле зрения все обстоятельства сражения, я на миг забыл о положении в непосредственной близости от меня. И эта оплошность привела к тому, что одному из кипчакских всадников удалось нанести сильный удар секирой по моей правой руке, удерживавшей саблю. Сабля выпала из моих рук и мне показалось, что моя рука вовсе отсечена от тела. Молниеносно я нанес удар секирой, которую держал в левой руке по лицу напавшего и свалил его.

Правая рука не действовала, но я не покинул поля боя, продолжая орудовать левой рукой, вооруженной секирой, приговаривая: «Да будет благословенным твой дух о, Самар Тархан, мой учитель фехтования, еще вначале обучения привязывавший мою правую руку к пояснице и говоривший, чтобы я представлял себе, что у нет меня правой руки и фехтовал только левой.» Я множество раз убеждался в том какими ценными оказались уроки, которые он давал мне и понимал, что воин свободно фехтующий обоими руками, стоит двух. Но именно в тот день больше чем когда-либо я по-настоящему оценил мудрость того мастера клинка, добившегося, чтобы моя левая рука стала такой же развитой и ловкой, как и правая. Если бы я не мог свободно орудовать левой, в тот день поневоле передо мной встала бы необходимость на глазах у всех моих воинов и их старших оставить поле боя, и поскольку я не из тех, кто мог бы стерпеть подобное унижение, я бы остался и неизбежно был бы убит. Свободное владение левой рукой и её ловкость спасли меня в тот день от неминуемой смерти. Моя правая рука истекала кровью, но я не замечал этого, так как я в первый раз увидел Тохтамыша, находящегося вдали, под своими знаменами.

Две вещи указывали на то, что это он, первое – это его знамя и второе – дорогие доспехи, надетые на нем. *(Доспехи состояли из ряда предметов военного снаряжения, таких как металлические латы и шлем, носимые воинами в старину – Переводчик).*

В тот же день я заметил, что Тохтамыш бреет усы и бороду, и позже я слышал, что той привычкой он обзавелся в подражание румийцам.

(Под румийцами здесь Тимурленг имеет в виду жителей Византии с их столицей Константинополем, которая сегодня называется Стамбулом и ее не следует путать с Великим Римом или Западным Римом, сегодняшней Италией. – Марсель Брион)

Расстояние между мною и Тохтамышем позволяло мне поразить его стрелой, однако из-за бездействия правой руки, я не в состоянии был натянуть тетиву лука, поэтому указав на него, я велел нескольким из своих воинов осыпать его стрелами. Тохтамыш так же заметил меня, я сказал своим воинам: «Этот человек должен быть убит, не должен уйти, уничтожьте его.»

До того времени увлеченный схваткой, я не ведал об обстановке на флангах и не знал, что правое и левое крыло моего войска стремительно продвигаются вперед. Часть пехоты Тохтамыша, расставленная на флангах, была уничтожена, а часть беспорядочно отступала, теснимая моими воинами. Тохтамыш лучше меня был осведомлен об обстановке, и в тот момент когда я решил, либо уничтожить, либо взять его живым в плен, он начал отступать. Он понял, что если не отступит, мои воины, наступавшие по флангам, ещё немного, и возьмут его в окружение.

Видя что он отступает, я понял, что мы одержали победу на флангах и сигналами с помощью вымпелов передал командующим флангами постараться быстрее замкнуть кольцо вокруг центра Тохтамышева войска. Чтобы были лучше понятны причина и смысл такого приказа, я отправил к командующим флангами двух воинов из моего окружения, через них разъяснив, что Тохтамыш, повелитель кипчаков расположился в середине своего войска, и если мы окружим её центральную часть, то сумеем либо пленить, либо убить его, нельзя было допустить, чтобы этот человек бежал и впредь повторно доставлял нам беспокойство. Конники, сражавшиеся возле меня, усилили напор и, поощряемые моими приказами, успешно продвигались вперед, однако насколько бы далеко ни удавалось нам прорваться вперед, тотчас же Тохтамыш отступал на такое же расстояние. Затем я заметил, что его отступление перешло в бегство, вместе с Тохтамышем ряд всадников вокруг него повернули своих лошадей и поскакали прочь галопом.

Я бросил в наступление всех своих конников, до того момента находившихся в тылу войска, надеясь тем самым воспрепятствовать бегству Тохтамыша, однако нам не удалось сделать этого, он и его окружение сумели благополучно исчезнуть. В центре Тохтамышева войска мы натолкнулись на стойкое сопротивление, именно оно помешало осуществиться нашему намерению настичь повелителя кипчаков и не дать ему скрыться. Я обратил внимание на то, что конные воины в центре Тохтамышева войска в тот день продолжали оказывать стойкое сопротивление, хоть они и заметили его бегство с поля боя, тем не менее не пали духом. Хотя чаще случается так, что

когда командующий войском бежит с поля боя, его воины и их начальники утрачивают свой боевой дух и не в состоянии далее успешно вести бой.

Несмотря на то, что расстроив боевые порядки противника мы одержали убедительную победу на обоих флангах, тем не менее моим военачальникам, сражавшимся там, все еще не удавалось зайти в тыл вражеского войска и замкнуть кольцо вокруг него. Причина заключалась в том, что пехота врага, казалось бы беспорядочно отступавшая, время от времени останавливалась, оказывая яростное сопротивление и тем самым задерживала успешное наступление моих конников. А на некоторых участках моим всадникам и вовсе не удавалось двигаться вперед до тех пор пока оставался в живых хоть один вражеский воин.

Если бы Тохтамыш не был труслив и имел достаточно времени для вооружения и подготовки войска, мы не сумели бы одолеть его войско, так как его воины отличались отвагой и стойкостью. Однако один трусливый полководец способен свести на нет боевое значение ста тысяч отважнейших воинов. Именно таким образом в тот день бегство и малодушие Тохтамыша свело на нет ценность и значение боевых качеств его воинов.

Мы продолжали сражаться до захода солнца и к тому моменту оба фланга моего войска соединились, замкнув кольцо вокруг армии Тохтамыша, таким образом, взяли ее в полное окружение.

Моя правая рука перестала кровоточить, она по прежнему не действовала, пропитавшийся кровью и прилипший к ране рукав остановил дальнейшее кровотечение. Несмотря на наступление ночи и кольцо вокруг него, остатки вражеского войска продолжало своё упорное сопротивление, тогда как мы, не сломив того сопротивления, не могли считать битву завершённой. Я приказал зажечь факелы, чтобы мои воины в пылу схватки не поражали своих, принимая их в темноте за врагов. Пока я дрался, не чувствовал боли в правой руке, однако после окружения сил врага, когда отпала надобность в моём дальнейшем непосредственном участии в бою, я почувствовал сильную боль в правой руке и подумал о том, что наверное серьезно повреждена кость.

Я не мог велеть разбить для меня шатер, чтобы пройти в него и там передохнуть, я был слишком обеспокоен обстановкой на поле боя. Вражеские воины, несмотря на окружение и бегство их правителя, продолжали стойко сопротивляться.

Тохтамыш не находился, подобно мне, почти в тысяче фарсангов вдали от своей родины, и у него оставалось множество других возможностей для успешного противодействия. Находясь в своей собственной стране, он имел возможность собрать дополнительные силы и еще раз напасть на нас чтобы

выручить свое войско, попавшее в наше окружение, а нас самих уничтожить. Я сказал своим военачальникам; «Пока окруженные имеют возможность сопротивляться, мы не можем быть спокойны и потому, не дайте их сопротивлению продлиться до утра. Вполне возможно, что Тохтамыш соберет ещё одно войско и возвратится назад и поэтому, если видите, что вражеские воины не сдаются, уничтожайте их, даже если для этого придется нести потери среди своих.»

Мы зажгли как можно больше факелов, чтобы осветить поле битвы. Та ночь была ночью двадцать второго дня месяца Дальв (Водолей), я считаю ее одной из незабываемых ночей в своей жизни. Войсковой лекарь хотел напоить меня опиумом, чтобы я не чувствовал боли и заснул, но обеспокоенный ходом битвы, я не мог позволить себе лечь и уснуть. Я был уверен в своих военачальниках, знал их как доблестных и способных солдат, однако никого из них не считал себе равным по уму и способности принимать быстрые решения. Поэтому я боялся, что если позволю себе лечь и уснуть, может случиться, что окруженный враг продолжая свое сопротивление, дождется возвращения Тохтамыша с подмогой и навалившись все вместе они разгромят мое войско.

Прошла часть ночи, меня охватил сильный жар, и хотя меня накрыли плащом, меня била жестокая дрожь. Чтобы унять её, войсковой лекарь регулярно поил меня отваром зеленого чая, от этого внутри меня возникало и растекалось по телу тепло, от которого унималась и затихала бившая меня дрожь.

(За много веков до того, как европейцы переняли привычку употреблять чай, в Мавераннахре и других странах Востока пили и до сих пор пьют заваренный зеленый чай. Однако, тогда зеленый чай пили не в качестве напитка, утолявшего жажду, а лекарства, излечивающего от болезней – Марсель Брион).

С поля битвы доносились крики воинов Тохтамыша, подобные реву диких зверей, тем временем мои военачальники кричали своим воинам: «Бей...убивай...не оставлять никого в живых!» Время от времени военачальники, покинув поле битвы, спешили ко мне с сообщением об обстановке, и я при свете факелов видел, что их лошади забрызганы кровью сражения, так же как и они сами. До самой полуночи длилась ужасная битва между нами и упорно сопротивлявшимися вражескими воинами, после чего шум битвы стал постепенно затихать, и я понял, что бой завершен и мы одержали в нем неоспоримую победу. Остатки Тохтамышева войска, видя бесполезность сопротивления, сдались в плен и я передал своим, чтобы те довели до сведения вражеского войска то, что всякий, кто добровольно сложит оружие, будет пощажен. Когда окончилась битва, я велел быстро разбить лагерь, чтобы воины могли отдохнуть, а раненные – получить необходимое лечение, а уход за лошадьми я возложил на резервное войско,

так и не использованное в том бою вместе с воинами, что присматривали за запасными лашадьми в тылу войска. Ведь моим воинам пришлось, как я упоминал об этом, вступить в бой у Шенгари сразу же после длительного перехода, без какой-либо передышки и отдыха, проскакав долгий путь, они были вовлечены в яростную схватку. Поэтому в ту ночь необходимо было организовать для них хороший отдых, чтобы на завтра они были готовы со свежими силами встретить любую возможную опасность.

Поле битвы было покрыто трупами погибших, и я предвидел, что с наступлением темноты останки наших павших воинов и их начальников могут стать добычей гиен и шакалов, однако в ту ночь мы не могли вынести тела своих из поля битвы и отгонять гиен и шакалов. Однако на другой день я с радостью узнал, что ни один труп не стал добычей хищников, ведь до того мне не приходило в голову, что в той местности и тем более в такое время года, когда еще не закончился месяц Дальв (Водолей) не могло водиться ни гиен, ни шакалов.

Ночью двадцать второго дня месяца Дальв, когда окончилась битва, после того как был разбит лагерь чтобы воины могли отдохнуть, раненные помещены в палатки чтобы получить надлежащее лечение, и расставлены караулы чтобы предупредить возможность ночного нападения со стороны Тохтамыша, лишь после всего этого я согласился принять приготовленный войсковым лекарем опий для того, чтобы иметь возможность уснуть.

Проснувшись на другой день, я обнаружил, что моя правая рука сильно распухла и выглядела словно мех, разбухший от наполнявшей его воды и каким-то образом прикрепленный к правой стороне моего тела. Однако той острой боли, что была вчерашней ночью я уже не испытывал. Лекарь нанес мазь на рану и перевязал ее. Я хотел встать однако из-за сильного жара у меня кружилась голова.

В тот день я повелел, чтобы мертвых предали земле и наши воины похоронили тела своих павших соратников. Погибло так много, что не было возможности рыть могилу для каждого в отдельности. Поэтому отрыли широкий и глубокий ров, уложили в него трупы и засыпали землей. В том бою длившемся с полудня до полуночи было убито и ранено свыше двадцати семи тысяч моих воинов. Однако взамен, я уничтожил стотысячное войско Тохтамыша. Днем, пока наши воины и пленные кипчаки хоронили останки павших, я велел доставить к себе нескольких из плененных кипчакских военачальников, чтобы расспросить: куда бежал Тохтамыш, возможно ли его возвращение с новым войском. Они же, указав на север сказали, что если Тохтамыш ушел в том направлении, он не сможет скоро возвратиться во главе нового войска, так как в тех местах живут враждебные ему племена. А если он ушел на юг и сумел пройти железную стену, в этом случае ему

возможно удастся собрать новое войско из кавказских племен и возвратиться назад.

Я спросил, где находится железная стена? Они объяснили, что между Абескунским и Черным морями возведена стена из железа с несколькими воротами для прохода. Затем я вспомнил легенду о вале, который построили Яьджудж и Маьджудж (т.е. Гог и Могог) и которую слышал задолго до этого, в ней видимо речь шла именно о той самой железной стене. Я спросил, на самом ли деле она железная? Кипчакские военачальники ответили: «Нет, однако между камнями залит раствор из свинца, поэтому ту стену называли железной.» Я спросил, тогда почему ту стену не называли свинцовой, почему именно железной? Кипчаки ответили, что слышали от своих отцов о том, что часть той древней стены была все же железной.

Несмотря на жар и распухшую руку, как человек, постоянно заботившийся о росте своих знаний, я вновь спросил: «Знаете ли вы в каком веке и кем построена та стена?» Они ответили, что железную стену возвел один из царей Ирана, однако им неведомо когда то произошло. Я спросил: «С какой целью возвели ту стену?» Кипчаки ответили, что стена возведена была с целью не дать им продвинуться на юг и напасть на иранское царство, расположенное южнее горных цепей.

Я решил, что как только выздоровею, отправлюсь туда, чтобы увидеть ту стену. На погребение павших ушло три дня, и в течении того времени о Тохтамыше не было никаких новостей.

Поскольку воины мои принесли мне победу, я как обещал, предоставил им свободу брать себе все, что имелось в стране кипчаков, любое легкое и тяжелое имущество, в любом количестве, которое они в состоянии унести, при условии, что все это они повезут с собою в Мавераннахр, а не израсходуют или растратят в Кипчакии или другой стране.

Старые, умудренные опытом воины, овладев трофеями в виде имущества врага, знают и ценят его, не растрачивая его на вражеской или какой-либо другой земле, а доставляют к себе на родину, чтобы оно служило им капиталом, позволяющим жить безбедно, в случае утраты ими способности трудиться. В отличие от них, молодые воины, лишённые той дальновидности, что присуща тем, кто опытен и повидал мир, в погоне за удовольствиями бездумно тратят свою добычу во всех чужих странах, что попадают на их пути, а к моменту возвращения на родину, за душой у них уже ничего не остается. Этот вопрос не имеет особого значения для меня, как человека, и мне должно быть все равно, останется что-либо за душой у моих воинов к моменту их возвращения на родину или нет. Однако, с точки зрения боевого духа, воюющих солдат, этот вопрос очень важен. Потому что воин,

привыкший транжирить свое имущество, взамен получаемых удовольствий приучает себя к плотским утехам, и его ценность как солдата падает.

Наслаждения убивают дух доблестного воина и те, кто стремится к ним – становятся рабами страсти, теряют свою силу. Именно таким образом случилось мне, в возрасте до сорока лет растрачивать свои силы и об этом я уже рассказывал. Воинам я предоставил полную свободу грабить, разрешил убивать всякого, кто вздумает препятствовать им в этом, брать столько наложниц из числа женщин врага, насколько позволяет их материальное состояние. Потому что, воин делающий своей наложницей женщину врага, должен быть в состоянии кормить ее и одевать, а не имея такой возможности, он обязан выставить их в приличном виде для продажи на невольничьем рынке.

Мой предок Чингиз-хан позволял воинам брать в качестве добычи неограниченное число женщин и мужчин в завоеванных им государствах, и часто те не были в состоянии обеспечить их нужной едой и одеждой, чтобы можно было выставить их в приличном виде для продажи на невольничьем рынке, и в конце концов порядком истомившись от таких забот, они разом убивали всех принадлежащих им молодых женщин и мужчин. Я же подчеркиваю для своих солдат, что они могут брать в плен столько молодых женщин и детей, пригодных для продажи в рабство, скольких они в состоянии обеспечить едой, чтобы можно было их продать затем на рынке.

Я запретил своим воинам единственное – братоубийство во время грабежа. Я сказал, что всякий, пытающийся отнять законную добычу своего соратника, будет убит. Всякий воин, которому удалось первым наложить руку на имущество, молодую женщину или юношу врага, становится их законным хозяином, те же, в свою очередь, становятся его имуществом, и другой воин не вправе препятствовать ему в этом или пытаться присвоить себе то имущество, женщину или мужчину.

Целых четыре недели мои воины были заняты грабежом в городах и селах кипчаков. Они уничтожили часть местного населения. Были убиты и некоторые из моих воинов – отдельные лица из местных сопротивлялись грабежу, вооружившись, собирались в небольшие отряды, вступали в схватку с моими воинами и нередко убивали их.

Я знал, что было опасно везти имущество, ставшее нашей военной добычей, по той же дороге, по которой мы пришли к кипчакам, потому что жители тех краев могли пытаться мешать вывозу отнятого у них добра. Поэтому я решил отправить все это в Мавераннахр морем, чтобы добыча достигла места назначения быстро и в сохранности. Мы занимались грабежом так долго, что наступило весеннее равноденствие и начало весны и тогда мы могли отправить в дорогу стада овец и коров, ставших частью нашей военной

добычи. Поскольку зазеленела трава и пастбища набрали силу, мы могли пасти на них овец и коров пока вели их к морскому побережью. Последующая часть пути была более трудной, так как пока овцы и коровы перевозились по морю и до самого Мавераннахра, приходилось заготавливать и доставлять для них корм и воду, а это в свою очередь требовало наличия больших судов. Однако, после доставки наших овец и коров к берегу моря, часть из них закупили гуртовщики, намеревавшиеся сбыть скот на рынках южнее Кавказа, в Иране, и таким образом они частично облегчили наши хлопоты, связанные с доставкой большого количества скота в Мавераннахр.

Спустя четыре недели после того, как начали грабить города и села кипчаков и было унесено все, что можно было унести, я велел прекратить дальнейший грабеж. Как говорилось ранее, моя правая рука была тяжело ранена и меня лихорадило от жара, возникшего вследствие того ранения. Жар держался в течении десяти дней, и даже говорили что придётся отнять руку, чтобы спасти мою жизнь. Однажды мою рану осмотрел некий пожилой человек из местных, о котором говорили что он хорошо разбирается в медицине. Он сказал, что если наложить на рану пластыри из «казиехи-ути», руку удастся излечить. «Казиехи-ути» переводится как «казияхская трава» и до того дня я не слышал о траве с таким названием. Я велел найти для меня эту траву. Хотя и потеплело, однако было еще достаточно прохладно, и та трава еще не выросла. Тем не менее мои приближенные постарались достать эту траву в засушенном виде, изготовили из нее припарки (пластырь) и наложили ее на мою руку. Тот же самый человек, что порекомендовал ту траву для излечения моей раны, посоветовал так же менять припарки по мере их высыхания. Через три дня были налицо признаки улучшения состояния моей руки, а через неделю появилась уверенность, что рука моя будет излечена. Я пожаловал тому человеку, который был простым крестьянином, тысячу золотых монет, кроме того я взял под свое покровительство село, где он жил и сказал своим воинам, что это село является для них неприкосновенным.

С того дня и по сей день, когда я пишу эти строки, я не могу писать правой рукой, однако ею я могу фехтовать, ею я достаточно крепко удерживаю рукоятку сабли, но не могу держать калам. Тем не менее, я свободно пишу левой и частичная немощь правой руки вовсе не мешает моей способности писать.

После излечения руки, я надумал отправиться в путь и взглянуть на железную стену, увидеть, что представляет собою защитный вал Яьджуджа и Маьджуджа (т.е. Гога и Магога). Железная стена, как говорил мне один из плененных кипчаков была возведена кем-то из шахов Ирана на всем протяжении от берегов Абескункого до берегов Черного моря. С того дня как возвели ту стену, никто не мог попасть из степей, что севернее гор Каф в степи, расположенные к югу от них, иначе, как через железные ворота,

встроенные в ту стену на некоторых перевалах гор Каф. Эти ворота, сделанные из железа с течением времени постепенно разрушились. *(Разъяснение: ворота вала Яъджуджа и Маъджуджа не были железными, а были сделаны из бронзы и по этой причине они гораздо быстрее разрушились вследствие коррозии – Марсель Брион).*

Железо не может подобно камню быть стойким перед воздействием снега, ветра и солнца, и быстро разрушается. Однако сама стена осталась долговечной, и я видел ее.

Вал Яъджуджа и Маъджуджа, который я видел – это стена высотой в десять зарьов и шириной три заръа, построенная из больших глыб камня, скрепленных между собой раствором из расплавленного свинца. Сегодня на некоторых участках упомянутая стена разрушена, но там где она стоит, никто не может одолеть ее, разве что взорвав ее с помощью порохового заряда. Стена была построена таким образом, что в начале, когда были железные ворота, препятствующие проходу, нельзя было пересечь ту местность даже если пытаться пройти через вершины гор (там где они могут быть проходимы) поскольку стена протянулась даже через такие вершины.

Зодчие, замыслившие построить вал Яъджуджа и Маъджуджа, знали, что он протянется через горную местность, большая часть которой изобилует селевыми (лавинными) потоками, особенно в весеннее время, что грозит стене быть в скором времени разрушенной. Поэтому стена была возведена таким образом, что ни на одном из участков она не являлась уязвимой перед горными лавинами и там, где их опасность была особенно велика, ее делали особенно высокой и устраивали различные уклоны для отвода лавинных потоков.

Когда я осматривал ту стену, отмечая ее высоту и крутизну, то обратил внимание на то, что строительство этой стены было задачей, которую не решишь в течении всего одного года или двух лет. Местные старцы говорили, что строительство той стены длилось столько, что начавший ее иранский шах так и не увидел ее завершения, продолжил дело его сын, и лишь через пятьдесят лет труда с участием пятисот тысяч строителей, каменотесов и подсобных рабочих, строительство той стены было наконец завершено. С завершением возведения той стены была полностью перекрыта возможность нашествий враждебных кипчакских племен на земли Ирана.

Когда я осматривал стену, то поразился тому, что шах и его сын потратили целых пятьдесят лет и все же сумели построить ее, несмотря на несомненные для данного случая чрезвычайно огромные расходы. Не лучше ли было вместо строительства той стены захватить страну кипчаков и истребить все тамошние враждебные племена, чтобы Ирану больше никогда не угрожала опасность от их вторжений?

После того как наступила весна и началось таяние снегов, и перевалы гор Каф вновь стали проходимыми, сын мой Шейх Умар, до того находившийся в Баб-уль-Аббабе, выступил оттуда и соединился со мной. До битвы с Тохтамышем, я в душе упрекал своего сына за то, что он засел в Баб-уль-Аббабе, однако дав сражение войску повелителя кипчаков, я понял, что его воины и полководцы обладают большой стойкостью и схватка с ними – нелегкое дело, и что Шейх Умар, обнаружив, что перед ним очень сильный враг, был попросту вынужден оставаться в Баб-уль-Аббаб и не покидать его до моего прихода.

Наступила весна и мы продолжали находиться на земле врага, а Тохтамыш всё еще находился в районе, откуда мог двинуть против нас враждебные нам племена. Я знал, что этот человек способен в короткое время собрать новое войско и вновь сразиться с нами, и поэтому было разумным отделить войско Шейха Умара от моего и уйти из страны кипчаков таким образом, чтобы Тохтамыш не сумел нанести нам вреда.

Прежде чем выступить, я решил вопрос с плененными кипчакскими полководцами. Я сказал им, что истек последний срок уплаты ими «джезийе» (налог, взимаемый с иноверцев в мусульманской стране) и тот, кто не в состоянии уплатить его должен либо войти в мое войско, либо быть казнен. Часть из кипчакских полководцев уплатила джезийе раньше и получила свободу. Однако остальным это не удалось сделать. Каждый из них, кто вступил в мое войско, остался в живых. Однако часть из них не захотела вступать в мое войско, и я передал их своим приближенным для казни. Если бы они уплатили джезийе, я мог бы воздержаться от их казни. Но я не мог не получив джезийе, отпустить их на свободу. В этом случае они получили бы возможность присоединиться к Тохтамышу и уже в составе нового войска двинуться на меня с войной.

Наш пророк Мухаммед, да благословит его Аллах, во время одной из войн, взял джезийе с одного из своих дядей, выступавших против мусульман и попавших в плен. Если бы пророк не получил джезийе, он бы не отпустил того пленника, даже являвшегося его родным дядей, на свободу. Учитывая такое обстоятельство, чего ради я должен был отпускать на волю кипчакских военачальников, не получив с них джезийе?

Пока мои палачи казнили пленников, не уплативших джезийе, я советовался с Шейхом Умаром и своими военачальниками, какой же дорогой нам будет лучше идти назад. К тому времени мы уже переправили морем в Мавераннахр часть имущества и скота, захваченных в качестве военной добычи, однако переправить войско в Мавераннахр таким же способом не представлялось возможным из-за нехватки судов. Используя имеющиеся суда, мы могли переправить морем лишь часть войска. Чтобы переправить оставшуюся часть, пришлось бы ждать возвращения судов из Мавераннахра,

точнее от берегов Туркестана. А поскольку суда в состоянии брать на борт лишь ограниченное число воинов и лошадей, переброска моих воинов с запада Абескунского моря на восток продлилась бы до самой осени. К тому времени Тохтамыш напал бы на нас и уничтожил наше ослабевшее войско.

Кроме морского, были еще два пути для возвращения в Мавераннахр один – через север Абескунского моря и реку Тархан (т.е. Волгу), второй – через Южную часть Абескунского моря, и далее через Мазендаран Астрабад и Хорасан. Конечно, можно было пройдя через перевалы гор Каф, достичь районов, лежавших южнее, но там находился Тохтамыш. Он бы перекрыл горные дороги и, будучи местным, пока мы только-только изучили бы те места, успел бы быстро до последнего уничтожить нас или взять в плен. А пройдя горы Каф, нам предстояло идти по Азербайджану, что было нелегким делом, поэтому мы сочли самым лучшим идти домой в Мавераннахр огибая северную часть Абескунского моря.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Возвращение в Мавераннахр и нашествие саранчи.

Перед выступлением из Кипчакии, я выслал вперед три передовых дозора, при первом из которых находился отряд, ответственный за заготовку продовольствия и фуража. Дозорным отрядам было поручено разведывать местность вокруг, так как путь наш лежал через страны, население которых могло соблазниться нашей военной добычей, особенно имеющимся у нас золотом и серебром, на нас могли напасть и уничтожить ради того, чтобы овладеть ценностями, которые мы везли в Мавераннахр.

Между первым дозором, вместе с которым двигался и отряд, ответственный за продовольствие и фураж, вторым, третьим и самим войском была организована постоянная связь. Арьергард меня не беспокоил, так как мы двигались настолько стремительно, что если бы кто и захотел напасть на нас с тыла, ему бы это не удалось. Вместе с тем впереди и по флангам нас могла ожидать опасность, и поэтому следовало быть осмотрительным, чтобы не подвергнуться внезапному нападению. До того как мы дошли до реки Тархан, ничего особенного не произошло. Когда я впервые увидел ту реку, она была покрыта льдом, теперь же она выглядела полноводной.

Первый дозор, шедший впереди, передал, что на берегу реки Тархан открылась огромная ярмарка и те, кто ее устроил, увидев наши дозоры и узнав, кто движется в их направлении, желая получить гарантии безопасности, передали, что готовы выплатить дань в соответствии со стоимостью их товаров при условии, что я не стану нападать на ту ярмарку, предоставив купцам и покупателям возможность спокойно заниматься своим делом. Через дозорных я передал свой ответ, что мне не нужна их дань, мне нет дела до купцов и покупателей, что я просто путник, проходящий мимо и следующий своим путем, но если увижу обман или коварство, то не оставлю и следа от их рынка.

Выяснилось, что ежегодно после таяния снега и льда, в той местности открывается большая ярмарка, где для торговли различными товарами собирается более ста тысяч купцов и покупателей (*указанная ярмарка, именуемая Хаджи Тарханской открывались ежегодно вплоть до 1917 года и в последующие года прекратила свое существование – Масрель Брион*).

Товары, которые можно было встретить на той ярмарке, состояли из сельскохозяйственной продукции, изделий ручных ремесел, особенно таких, как попоны и седла для лошадей, сабли, кинжалы, различные виды нитяных и шерстяных тканей. Все эти изделия отражали в себе самобытность каждого из многочисленных племен и народностей, населявших берега Абескунского

моря. Я довел до сведения своих воинов, что всякий, кто будет притеснять или обижать купцов или покупателей на той ярмарке, будет казнен.

Мои воины и их старшие, увидев, что часть того рынка отведена для торговли невольниками, сожалели о том, что ранее запродали своих пленников и пленниц за низкую цену вместо того, чтобы привести их на тот рынок и продать за более высокую, забыв о том, что доставка их невольников и невольниц на тот рынок при той стремительности, с которой двигалось войско было бы делом совершенно невыполнимым.

Через реку Тархан был наведен мост, опирающийся на челны и я, надлежаше проверив его прочность, разрешил войску переход по нему.

Я не нашел реку Тархан такой уж широкой, наша река Джейхун в Мавераннахре раз в пять шире, Джейхун весенней порой, в период половодья и пучины разливается так широко, что стоя на одном берегу, не увидишь противоположного (*Тимурленг ошибался, причиной было то, что он принял один из рукавов реки Волги за саму реку, так как река эта, в районе Хаджи Тархана, разбивается на множество рукавов, образуя то, что по гречески называется «дельта», а ярмарка проводилась на берегу одного из тех рукавов. — Марсель Брион*).

Я сам однажды весенней порою хотел пересечь Джейхун на лодке и добраться от одного берега до другого. Целых два часа гребцам пришлось вращать веслами, пока удалось добраться до противоположного берега.

После того, как войско мое прошло через реку Тархан, я почувствовал, что вступил в местность, где нам уже не угрожает какая-либо большая опасность. Я двигался на восток вдаль Абескунского моря и затем повернул на юг и достиг большого пути, соединявшего побережье моря с Самаркандом. С того момента я сбавил быстроту передвижения, так как мы вошли в Туркестан и я знал, что дальнейший путь безопасен. Тем не менее я не терял бдительности, потому что даже находясь в собственной стране, я проявляю осторожность и одним из основных факторов, способствовавших моим победам является именно бдительность и осторожность.

На третий день месяца Саур (Телец), когда мы двигались по той главной дороге, вдали показалась некая туча, которая быстро приближалась и вскоре закрыла все небо, солнечный свет пропал и светлый день стал темнее ночи, царящей между закатом и рассветом. Я поднял голову и заметил, что туча та представляет собой мириады крылатых насекомых, несущихся с юга на север. До того я не видел нашествия саранчи и в тот день я впервые столкнулся с этим. Аллах преславный! Саранча неслась такой плотной стеной, что даже тоненький лучик солнца не мог пробиться сквозь нее. Наши лошади дико ржали, охваченные ужасом, а степные животные в страхе

разбегались во все стороны, страх, который мы испытывали был не меньше того, что охватил лошадей и степную живность. Один из военачальников сказал: «О, эмир, если эта саранча нападет на поля и сады Мавераннахра, то в нынешнем году в государстве твоём воцарится нужда.» Я ответил: «Все, что сотворено руками человека – поправимо, а все, что творит Аллах – неизбежно. Я не могу предотвратить нашествие этой саранчи на сады и поля Мавераннахра.»

В тот день до самого заката тучи саранчи проносились над нашими головами, и после наступления темноты, шествие саранчи не прекращалось – в темноте бесперерывно шелестели крылья летящих насекомых. Утро следующего дня было сумрачным из-за непрекращающегося шествия в воздухе насекомых, и когда мы двинулись в путь, казалось все еще царят утренние сумерки. Мои приближенные говорили, что после такой саранчи в Мавераннахре не останется и пучка зеленой травы, она поедает все. Некоторые из насекомых, то ли от усталости, то ли еще по какой-то неведомой мне причине, падали на землю, и мы видели, что они крупные, серого цвета. Мои приближенные говорили, что полчища саранчи, которые мы видели, летели не в сторону Туркестана, а в направлении в какой-то другой страны, и горе, если они вдруг повернут на Мавераннахр и опустятся на наши сады и поля.

В тот день, до самого захода солнца, полчища саранчи все шли и шли, их нашествие продолжалось также и в течении всей второй ночи и прекратилось лишь наутро, когда небо очистилось от крылатых насекомых, и солнце вновь засияло.

Как только мы добрались до первого поста голубиной почты, мне передали послание из Самарканда, из которого мне предстояло узнать подверглись ли поля и сады Мавераннахра нашествию саранчи. Ответ, который нас ожидал, сильно опечалил всех, он гласил, что саранчи, набросившейся на сады и поля Мавераннахра больше, чем песчинок в пустыне, вследствие чего по всей стране несомненно воцарятся нужда и нехватка продовольствия.

Мои воины и полководцы возвращались домой одержав победу в великой битве, и у всех у них имелось золото и серебро, а некоторые отправили свое добро заблаговременно вперед. И теперь, они приближались к родному краю, где их ожидали голод и нужда. Приближаясь к Мавераннахру, мы обратили внимание на то, что в степях не осталось никакой растительности, ничего, что имело бы зеленый цвет. Полчища саранчи сожрали не только поросль на полях и листья в садах, даже деревья во всех рощах также остались без листьев.

Обширные пастбища, на которых три времени года мы выгуливали своих лошадей, стояли голые, словно со дня сотворения на них вовсе не росло никакой травы.

Вступив в Самарканд, мы увидели, что ни в одной из пекарен не горит печь, нет в продаже и зернышка пшеницы, а народ пребывает в тревоге и печали в связи с происшедшим. Положение в других городах Мавераннахра было таким же, что и в Самарканде, в них также невозможно было найти хлеба и зерна. Я знал, что в Самарканде и других городах запасов зерна достаточно, чтобы обеспечить людей продовольствием до конца месяца Саратан (Рак), четвертого месяца года. Однако после опустошения, произведенного саранчой, всякий у кого имелось зерно, боялся расстаться с ним и не спешил продавать. Все продовольственные товары разом исчезли с базаров Самарканда, здесь не было видно и следа от весенних плодов. Две культуры, получаемые в Мавераннахре летом – это бобы и огурцы, которые начиная уже со второго месяца года, начинают поставлять с полей на рынки. Однако в Самарканде невозможно было найти и единого зернышка свежих бобов, ни одного свежего огурца. Только люди пока еще не начали умирать с голоду, между тем домашний скот и животные начали гибнуть от истощения. Хозяева домашних животных и скота стали кочевать с места на место, надеясь найти в отдалённых местах хоть какие-нибудь пастбища, чтобы спасти их от голода. Те овцы, коровы и лошади, что остались в степи потому, что их хозяевам не удалось перегнать их на новое место, страдали от голода. Те, кому удалось запастись сеном и сушенным кормом, спасли свой скот от голодной смерти. Однако весь оставшийся скот пал и по этой причине на базарах Самарканда невозможно было достать мяса.

Чтобы предотвратить падеж животных в войсках, я велел отогнать всех верховых и вьючных животных на пастбища Кабулистана. Также я велел наловить как можно больше рыбы в реках Джейхун и Сейхун, которые особенно изобиловали ею именно в ту весеннюю пору, с тем, чтобы люди не погибли от голода.

Как я говорил, мы возвратились в Мавераннахр в месяце Саур (Телец) и к тому времени реки нашего края были полноводными. И хотя прошел сезон посева пшеницы, я дал указание, чтобы на землях, оставленных под паром, сеяли рожь и пшеницу. Я знал, что реки будут оставаться полноводными до конца месяца Саратан (Рак), и только затем вода в них будет убывать, и во второй половине лета в реках Сейхун и Джейхун уровень воды понизится до обычного. Я надеялся до того времени успеть организовать несколько поливов на площадях, засеянных пшеницей и рожью. Я думал, что даже если не удастся вырастить зерно (пшеницы и ржи) мы сумеем использовать зеленую массу для корма животных (*В Мавераннахре из-за обилия обширных пастбищ не было традицией специально сеять люцерну, как кормовую культуру. Вместо неё кормом для домашнего скота и животных служили стебли пшеницы и ржи – Марсель Брион*).

Между тем, я повелел объявить в Самарканде и других городах Мавераннахра, что будет покупаться пшеница и рожь в качестве семян для

посева, для чего будут установлены следующие цены: за сто мавераннахрских мана пшеницы – три мискаля золота, и за то же самое количество ржи – полтора мискаля. Глашатаи довели это до сведения тех лиц, что имели в наличии зерно, что для пропитания они могут оставить его в своем распоряжении в количестве по тридцати манов на одного человека, а оставшуюся часть – должны продать по цене, которую я установил и которая была значительно выше цен периода до нашествия саранчи.

Виновным, не исполнившим этот указ грозила казнь, а их имуществу – конфискация. По моему указанию, все духовные руководители общин на местах и проповедники в мечетях читали прихожанам суры из Корана, в которых запрещалась спекуляция и разъясняли, что в голодный год пытаться спекулировать зерном и наживаться, устанавливая на него высокие цены – это недопустимый грех.

Рядом с моим государством находилось лишь одно, которое могло бы помочь зерном, это был Хорасан. Поэтому я отправил туда нескольких надежных людей для закупок зерна на тамошних рынках и отправке его в Мавераннахр. Перевозка зерна из Хорасана в Мавераннахр была непростой задачей, так как там не было дорог, пригодных для гужевого транспорта (арбы), разве что через Туркменскую степь, да и та считалась чересчур протяженной. Тогда, как у нас в Мавераннахре имелись такие дороги, и я велел, чтобы зерно доставлялось на осликах и лошадях до нашей границы, и затем перегружались на арбы с тем, чтобы сей ценный груз как можно быстрее доставлялся в наши города.

В самом Мавераннахре на землях, находившихся под паром, засеяли пшеницу и рожь. *(Земля, находившаяся под паром – это земля, на которой посев производится раз в два-три года, с целью чтобы она сохраняла свое плодородие, а засеянные на ней пшеница и рожь были высокоурожайными – Марсель Брион.)*

В течении месяцев Саур (Телец) и Джауза (Близнецы) мы провели обильные поливы посевов пшеницы и ржи водой из рек.

Я обязался перед Богом, что постоянно буду находиться в степи и не буду проводить свое время в городах, разве что из за крайней необходимости. Чтобы быть в курсе дел, в тот год я постоянно посещал поля, следил за тем, чтобы все участки в равной мере получали воду для полива. Я не ограничивался только лишь посевами пшеницы и ржи, велел, чтобы засевали бахчи и огороды всеми возможными летними культурами, так как полагал, что любые плоды урожая, полученные с полей, пригодные в качестве питания и переданные людям будут способствовать сокращению нужды. До того как начался спад воды в реках, несмотря на то, что уже прошел благоприятный сезон, на бахчах и огородах Мавераннахра были посеяны

салаты, огурцы, бобы, фасоль, горох, и другие культуры. После спада воды в реках, в месяце Саратан (Рак) над Мавераннахром прошли обильные дожди, что очень помогло нашим посевам, а затем дожди возобновились также в месяце Асад (Лев).

Я считаю дожди, прошедшие тогда в месяце Асад, а это случается в Мавераннахре довольно редко, следствием величайшей милости, ниспосланной со стороны Господа, он не захотел, чтобы подданные моей страны гибли от голода и в месяце Сумбула (Дева) на полях созрела пшеница, а еще раньше – рожь, и крестьяне быстро собрали урожай, ибо знали, что стоит промедлить, начнутся осенние дожди и урожай погибнет. Урожай был столь обильным, что цена пшеницы, которая до этого была три мискаля золота (три динара) за один мавераннахрский ман снизилась до одного динара, и я велел прекратить закупку зерна в Хорасане.

Дожди, прошедшие в месяцах Саратан и Асад, а после них росы, выпавшие в месяце Сумбула, способствовали тому, что все поля в Мавераннахре густо зазеленели, и это дало нам возможность вернуть назад наши многочисленные табуны лошадей, отправленные до того в дальние страны. Если бы в тот год я сидел сложа руки и наблюдал как голод и нужда царят в моей стране, народ Мавераннахра бы погиб, также погибло бы и мое войско.

Но, поскольку я действовал быстро, то сумел предотвратить голод и нужду, и вторая половина того года вплоть до следующего урожая была одним из лучших годов в жизни Мавераннахра. Когда миновала опасность голода, я занялся оснащением своего войска. Тохтамышу, правителю кипчаков, удалось в минувшем году нанести ощутимый урон моему войску на своей земле, в результате чего погибла или вышла из строя часть моих лучших воинов и их начальников, и потому, мне следовало восполнить потери и укрепить себя. Осень и зиму того года я посвятил укреплению войска, набрал в него свежее пополнение из крепких молодых ребят и заставил их постигать премудрости воинского мастерства, и в том же году я расширил и усовершенствовал службу голубиной почты своей страны, так как я хорошо понимал ее пользу как в мирное, так и в военное время, заключающуюся в возможности быстрой доставки вестей из самых отдаленных местностей в Самарканд. Из других дел, сделанных в том году могу отметить и то, что я облегчил передвижную мечеть, ту что повсюду возил с собой, теперь ее детали были изготовлены таким образом, что их можно было легче перевозить, разбирать и собирать.

Зимними вечерами, закончив свои дела и отправляясь отдыхать в свой шатер, я занимался изучением стран, расположенных к югу от Абескунского моря и требовал от своих приближенных различных разъяснений о них. Я прочитал несколько книг о вышеупомянутых странах, однако сведения, которые я подчеркнул из тех книг меня не удовлетворяли, они не давали достаточно

полного представления. Я слышал, что в Табаристане, расположенном к югу от Абескунского моря обитают племена, которые носят в качестве одежды шкуры тигров, леопардов и быков, и что всю свою жизнь они проводят в лесах и их пищу составляют лесная дичь и дикие ягоды, что они никого не боятся и никому не удавалось покорить их страну, и что белый див, о котором упоминается в книге Фирдоуси, был родом из тех племен.

Я также слышал, что в Гиляне, еще одной стране на юге Абескунского моря, проживает племя, основной пищей которых является рис, от которого исходит аромат мускуса и что женщины Гиляна – самые красивые и самые изящные среди всех женщин мира, и, возможно, это потому, что они питаются тем удивительным рисом, издающим тот необычайный аромат.

(Пояснение – переводчик расспрашивал на эту тему сегодняшних уроженцев Гиляна, выяснилось, что в старину в Гиляне действительно можно было встретить рис, называемый «амбар-бэрэндж», что переводится как «рис, благоухающий амброй», возможно, что именно этот сорт риса и имел в виду Тимурленг – Переводчик.)

Также я слышал, что в еще другой стране к югу от Абескунского моря, которая называется Талэш, живут мужи богатырского облика с длинными волосами, достигающими ниже колен, носящие шкуры животных, они ездят верхом на огромных диких оленях или впрягают их в свои повозки, днем и ночью их сопровождают свирепые псы, размером в доброго осла, и что никому по сей день не удавалось покорить их. Мне захотелось отправиться в те края, чтобы воочию убедиться, на самом ли деле там живут племена таких сильных и красивых людей, и удастся ли мне присоединить те страны к своим владениям. Зимними вечерами я вел долгие беседы с приближенными о том, как лучше организовать войско, особо подчеркивая необходимость организации постов голубиной почты по всем направлениям моих передвижений, которые будут средством доставки вестей в Самарканд. Одной из положительных сторон голубиной почты было то, что если на моем пути назад возникнут какие-то препятствия, я смогу запросить высылку подкрепления из Самарканда, так как никто не в состоянии помешать голубям лететь куда им хочется, разве что с помощью сокола, и потребуются немало времени, прежде чем племена южной части Абескунского побережья поймут, что с помощью обученных соколов можно перехватывать моих почтовых голубей.

Я намеревался увидеть страны, расположенные к югу от Абескунского моря, весной следующего года и по возможности завоевать их, и пройдя через них, войти в Азербайджан. Что мне следует делать дальше, я не знал, то ли идти мне на запад или на юг. Если бы я двинулся на юг, у меня появилась бы возможность достойнейшим образом наказать правителя Фарса шаха Мансура Музаффари, чтобы впредь он не смел проявлять непочтительность к другим.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На берегах Абескунского моря

Наступила весна, и я двинулся в поход во главе стотысячного войска, оставив своего сына Шейха Умара править Мавераннахром. Я следовал вдоль старого русла реки Джейхун, когда-то идущего в сторону Абескунского моря. Всемогуший пожелал, чтобы река Джейхун изменила свое направление и вместо того, чтобы течь на запад, она потекла в сторону востока, на землю Мавераннахра. Не случись это, половина нашего края превратилась бы в бесплодную пустыню.

(Усыхание Каспийского моря началось с того момента, когда река Джейхун изменила направление своего течения – Марсель Брион)

Мы прошли намеченный путь как обычно и, достигнув Абескунского моря, повернули на юг. Неожиданно на нашем пути встретила большая полноводная река *(река, представшая перед войском Тимурленга называется Атрек – Марсель Брион)*. Я хотел, было, переправить свое конное войско вброд, однако понял, что в ту весеннюю пору бурлящая река унесет всех моих всадников. На том месте, где мы вышли к реке, не виднелось ни поселений, ни людей. Поэтому, я велел отыскать в окрестностях местных жителей, которые показали бы нам, где расположена переправа через ту реку *(переправа – это неглубокая часть реки, через которую могут вброд переправляться пешие или верховые – Переводчик)*.

Мои воины отыскиали и привели нескольких местных жителей, которые объяснили, что удобная переправа имеется в трех фарсангах ниже по течению, но ее невозможно пройти в такое время года и надо подождать пока пройдет сезон разлива речных вод, чтобы можно было переправиться через ту реку. Дальнейшие расспросы местных жителей показали, что этот период длится самое меньшее пятнадцать дней и что если к тому времени уровень воды спадет, я сумею переправиться со своим войском на другой берег, в противном случае придется оставаться на этом берегу и ждать когда спадет уровень воды в реке. Я уже говорил как то, что полководец, каким бы опытным он ни был, не может предвидеть всех возможных трудностей и препятствий, однако возникают трудности, требующие принятия немедленных решений. Если бы та местность была лесистой, я мог бы приказать рубить деревья, смастерить из них лодки, спустить их на воду, покрыть их дощатыми мостками, чтобы по ним могла пройти моя конница. Однако в той местности не было лесов, а вверх и вниз по течению не обнаружилось достаточного количества лодок или плотов, чтобы можно было соорудить на их основе пловучий мост, а те лодки, что попадались, не были пригодны для перевозки конного войска с одного берега реки на другой.

Вместо того, чтобы бездействовать и ждать я, выслушав местных жителей и отобрав среди них наиболее опытных, решил идти к устью той реки, впадающему в Абескунское море, так как слышал, что на том участке река распадается на десять-пятнадцать рукавов, которые нешироки и неглубоки и через них возможно переправиться. Именно так и получилось, в устье той реки обнаружилось множество рукавов, которые были легко преодолены моими конниками. Мы оставили за спиной ту реку, направились на юг и достигли края, который был зеленее самого зеленого из всех оазисов Мавераннахра, и выросший в ту весеннюю пору клевер достигал брюха наших лошадей.

Если бы мы не находились в боевом походе, я бы велел войску остановиться на несколько дней и вволю попасть лошадей в той цветущей степи. Однако не было сомнений, что впереди нас ожидает схватка, поэтому нельзя было допустить, чтобы лошади расслаблялись, резвясь на лугах в течение нескольких дней. В течение пяти дней мы прошли ту плоскую зеленую степь, населенную многочисленными туркменскими племенами. Иногда некоторые из вождей тех племен приходили ко мне, приводя с собой по несколько отар овец в качестве подарка, я наделял их ответными подарками и отпускал с миром.

Когда мы пересекли ту степь, вид местности изменился и просторные луга сменились местностью, поросшей лесами. Когда мы пришли в те места, местные жители рассказали нам, что это лишь начало огромного густого леса, и что конец того леса достигает и оканчивается на противоположной части Вселенной. Я знал, что лес тот не настолько обширен, чтобы оканчиваться на той стороне Вселенной, тем не менее знал, что идти по нему опасно, так как в случае вооруженной засады войск Астрабада, мы не смогли бы разглядеть их на расстоянии и в пол-фарсанга. Передовым дозорам указали, чтобы были предельно осторожны, в каждом месте, где ограничен круговой обзор, отдельным воинам рекомендовалось влезать на верхушки деревьев, откуда можно было бы видеть все вокруг и вовремя обнаружить могущее оказаться на нашем пути чужое войско.

Временами издали доносились таинственные звуки, тревожившие нас, не привыкших к походам через леса. Однако через несколько дней мы привыкли к ним, поняв, что это лесное эхо, отражавшее различные звуки, и что человеку может казаться, что звук возник в пятидесяти шагах от него, тогда как его источник может быть отдален на целый фарсанг.

Однажды моё войско переходило некую возвышенность. До этого, находясь в низине, мы не видели моря, поднявшись же на ту возвышенность, мы узрели его, и можно сказать, нам открылось удивительное зрелище – насколько мог охватить глаз, простиралось бескрайнее море глубокой синевы, сливающееся с такой же бескрайней синевой неба. Это панорама

настолько взволновала меня, что я уже не мог продолжать путь, остановившись, я любовался ею в течении целого часа. Если кто захочет увидеть нечто незабываемое, пусть отправится в Астрабад и полюбуется Абескунским морем именно с того места, с которого я видел его, чтобы увидеть как сливаются вместе синева бескрайнего моря и неба.

В тот день я впервые понял, что небеса имеют округлую форму и края неба касаются моря подобно нижнему краю голубого купола, однако другие не поняли того, что понял я, они не обратили никакого внимания на тот дивный пейзаж. Пройдя ту местность, мы достигли другой, о которой говорили, что оттуда, если двигаться на юг, можно попасть в Ирак-эАджам (т.е. Аджамский Ирак, так называли в те времена Иран, Персию). Там был перевал на высоте двух с половиной тысяч зарьов, который необходимо преодолеть, когда следуешь в Ирак-э Аджам. Однако, в то время, двигаясь на запад, я ещё не был намерен идти в ту сторону.

Начался дождь, да такой сильный, что напоминал Ноев потоп. Это мешало нашему дальнейшему продвижению, мы были вынуждены остановиться, расположив наших коней под деревьями. Дождь шел четыре дня без перерыва, и лес окутал мгlistый туман. Если бы в тот момент на нас напало чужое войско, нас могли бы разбить в течении короткого времени, потому что из-за интенсивности и длительности дождя мы совсем выбились из сил. Через четыре дня и ночи дождь перестал, взошло солнце, и в течении менее чем полудня кругом стало тепло, причем настолько, что воины вынуждены были стянуть с себя одежду. Я понял, что таков уж здешний климат – стоит пойти дождю – кругом царит холод, стоит дождю прекратиться – наступает жара, даже если такое происходит зимой.

После дождя мы продолжали путь, пока не дошли до земли, где жили могучие мужи и их мощные буйволы, край тот назывался Табаристан. Мужчины и женщины Табаристана всю свою жизнь проводят в лесу, некоторые из них выращивают рис, тамошний рис красноватого цвета. Мужчины отращивают длинные волосы, одежда их сшита из шкур животных, каждый носит топор на своем плече, ибо в лесу топор всегда необходим. С помощью топора они рубят деревья, а в густых чащах устраивают просеки. Топор также является оружием защиты от диких зверей. Те, что не имели топора, таскали на плече дубину, которой мастерски наносили столь мощные удары, что способны были убить тигра. В Табаристане водятся львы и тигры, последних гораздо больше, а в некоторых местах их настолько много, наверное больше, чем кошек у нас в Самарканде. Женщины Табаристана такие же рослые, как и мужчины. Они умеют разговаривать с быками и коровами на языке этих животных, на этих животных ездят верхом, как в других странах принято ездить на лошадях. Я также заметил, что табаристанки говорят и понимают не только язык коров, но и птиц, а также и других лесных животных. В старину Сулейман понимал

язык зверей и умел разговаривать с ними, женщины Табаристана обладали той же способностью. Язык Табаристана – персидский, но такой разновидности, что другие, говорящие, подобно мне на фарси, не могут понять их. Жители Табаристана убеждены, что происходят от дива и все правители Табаристана именуются дивами, некоторые из которых считают себя выходцами из династии Белого Дива. Вступив в Табаристан я подумал, что разумно будет поддерживать добрые отношения с его населением, было бы опасно иметь враждебные отношения с ними, они явно не боялись меня и моего войска, делая вид, что не замечают его.

Воюя в той местности, я рисковал иметь дело со всем населением, которое, навалившись скопом могло порешить всех нас, поэтому разъяснил главам Табаристана, что в их стране я не собираюсь ни с кем воевать, являюсь путником, проходящим через их земли, нуждающимся лишь в продовольствии и корме. Правители Табаристана предоставили столько продовольствия и корма, сколько нам было необходимо, однако в Табаристане нельзя было найти пшеницу, вместо нее моим воинам пришлось, подобно местным жителям, употреблять в пищу рис. Кроме красного риса в Табаристане обильно произрастает сахарный тростник, и местные жители выдавливают из его мякоти патоку и едят рис, смешанный с той патокой.

Быки Табаристана настолько огромны, что наводят на всех ужас и кроме местных женщин, никто не может приблизиться к ним. Женщины, зная язык этих животных, умеют говорить и успокаивать их, однако мужчины Табаристана этого не умеют: стоит им приблизиться к животному, оно тотчас же нападает на них и убивает. Одним из интересных зрелищ в той стране является бои быков, которых на арену выводят женщины, поскольку, как я уже сказал, мужчины не могут близко подойти к ним. Женщины красочно украшают тех быков, выводя их на арену. Затем животные сталкиваются и бодаются пока через несколько мгновений один из них, а то и оба, не упадут замертво, чтобы больше уже не подняться.

Однажды, следуя вдоль побережья моря, я обратил внимание на множество белеющих костей, которые явно были человеческими. Я спросил у местных жителей, что означают эти кости и почему эти мертвецы не были захоронены, а оставлены гнить, чтобы потом от них остались одни лишь те кости. Местные разъяснили, что кости – это останки морских разбойников, и что четыре года назад большое число этих разбойников, короткорослых выходцев племен, обитающих на севере Абескунского моря, на двадцати больших и малых судах напали на Табаристан, высадившись на берег именно на этом месте. Их вооружение состояло из сабель, копий, луков и стрел, табаристанцы же, вооруженные лишь топорами и дубинами, напали на этих разбойников и сумели убить многих из них. Оставшиеся убрались восвояси и с той поры никто из морских разбойников не смеет приблизиться к тому

берегу. Табаристанцы намеренно не стали хоронить убитых ими морских разбойников с тем, чтобы тела их сгнили, и остались белеть одни лишь кости.

Я не видел в Табаристане больших городов, города там как правило маленькие. Во всех городах, подобно Исфагану, имеется канализационная сеть, в Табаристане невозможно использовать ямы и колодцы для некоторых нужд, ибо в дождливый сезон вода в них поднимается до уровня земли. По этой причине, как и в Исфагане, здесь создали канализационную сеть, через которую все нечистоты сбрасываются в реку, которая уносит все в море.

Вдоль берегов Абескунского моря видны также и кости крупных морских животных. Когда я был в Табаристане, на берег выбросило мертвую рыбу огромных размеров, которая не имела чешуи, и поэтому являлась запретной для употребления в пищу. Я велел ее измерить и выяснилось, что длина ее — шесть зарьов. Жители Табаристана также не употребляют в пищу бесчешуйчатую рыбу, не потому что считают ее запретной, а потому, что находят ее невкусной. Вместо этого они ловят и едят чешуйчатую рыбу в огромных количествах.

Когда я вступил в Табаристан, сезон рыбной ловли уже миновал, тем не менее продолжал иметь место промысел некоторых видов мелкой чешуйчатой рыбы, которая продавалась по очень дешевой цене на местных рынках. Табаристанцы владеют двумя видами лесов — один из них, естественный в котором обитают львы, тигры и медведи, а второй — искусственный, состоящий из мандариновых и апельсиновых деревьев. В Табаристане так много апельсинов и мандаринов, что плоды на деревьях часто остаются несобранными, и когда мы вошли в Табаристан, видели, что, несмотря на то, что миновал сезон урожая, на ветках деревьев краснело и желтело множество этих плодов. Местные жители предлагали нашим воинам собирать и поедать их апельсины и мандарины при условии, что те не будут ломать веток деревьев. В Мавераннахре тоже растут апельсины и мандарины, но они у нас — большая редкость, их можно достать в Самарканде и зимой, по очень высокой цене. Тогда как в Табаристане этих плодов так много, что на них нет покупателей, и хозяева плантаций просят других, чтобы те собирали плоды с их деревьев и ели, так как местное население само не в состоянии этого сделать. Огромные количества этих плодов кладут под пресс, выдавливая сок, который кипятят до тех пор, пока он не превращается в густую черную массу, которая настолько кислая, что положив ее на язык, ощущаешь невыносимое жжение и население Табаристана употребляет его в качестве приправы к пище. Немалая часть жителей той страны занимается продажей лекарственных средств, так как в тех краях произрастает множество лекарственных растений и, как поведал мне об этом один старик, свыше двадцати тысяч разновидностей. Я счел это преувеличением, но даже если на деле эта цифра составляет одну лишь тысячу, все равно этого

достаточно, чтобы считать ту страну мировым центром лекарственных средств. Лечебные травы Табаристана после их сушки отправляются в Ирак-э Аджам, поэтому большинство лекарственных средств, которые можно купить в тамошних городах происходят из Табаристана. Следует так же упомянуть, что несмотря на обилие лекарственных средств, сами жители Табаристана практически не болеют, кроме тех, которые могут жить в лесах, где плохие (зловонные) вода и воздух. А те, кто живут в лесах с хорошими водой и воздухом, не ведают болезней, разве что, когда приходит пора умирать, а живут они долго. Многие из тех, кто живет в лесах с плохими водой и воздухом, умирают от малярии и табаристанцы так боятся некоторых мест, что и ногой не смеют ступить в них, зная, что в тех местах из-за плохого воздуха и воды их поразит тяжелый недуг, который приведет к преждевременной смерти. Мы тоже, следуя примеру местных жителей, не стали проходить через те гиблые места.

В местности, называемой Чехель Даррэ (сорок ущелий) мне сказали, что если пожелаю, можно увидеть дорогу, ведущую на юг в сторону Каср-э Хан (те., ханская крепость). Каср-э Хан является одним из стариннейших замков исмаилитов. Я много слышал и читал в книгах об исмаилитах и знал, что они составляют одну из шиитских сект. Эта секта была образована за триста лет до того человеком по имени Хасан Саббах, который возвел десятки замков в местности Аламут, расположенной в южной части Табаристана. Разместив своих последователей в тех замках, он наказал, чтобы они не следовали ни одному из предписаний шариата, и единственным обязательным предписанием исмаилитской веры является беспрекословное следование повелениям имама, духовного главы той секты, а так же для исмаилита единственной обязанностью является – всю жизнь постигать различные науки. Хасан Саббах избрал террор в качестве основного средства для осуществления своих идей, он посылал в различные страны своих последователей, поручая им убийства всякого, кто противился его еретическому учению. *(Пояснение: Тимурленг как автор настоящего повествования не мог знать об исмаилитах более того, что описывалось о них в различных книгах и слухах, бытовавших в его эпоху. Поэтому, не следует ожидать, что личность, подобная ему могла уделить серьёзное внимание изучению того вопроса. В то же время и сам переводчик не вправе давать здесь все необходимые разъяснения о том учении во времена до, в периоды жизни и после Хасана Саббаха, ибо та тема выходит за рамки повествования о жизни и свершениях Тимурленга. Во всяком случае, читателю не следует полагать, что суждениям Тимурленга касательно тех вопросов может быть присуща объективность – Переводчик).*

Хасан Саббах отвергал все предписания ислама, даже обязанность совершения намаза, говоря, что единственный долг исмаилита – это постижение наук, и кроме него нет для него никакого другого долга. После смерти Хасана Саббаха, сменившие его имамы продолжали распространять

это учение, а их приверженцы – устранять противников исмаилитской секты в различных странах до тех пор, пока мой прадед Хулагу хан не напал на Аламут и не взял и разрушил все тамошние крепости кроме одной.

Та крепость, что выдержала натиск моего предка, называлась Каср-э Хан (ханский замок), она оказала упорное сопротивление и, согласно преданий, через десять-одиннадцать лет, ее обитатели, голодные и оборванные, сдались и все до единого были вырезаны. Каср-э Хан был настолько крепким, что его не сумели разрушить, поэтому он сохранился, однако никто в нем уже не проживал. Мне очень хотелось пойти взглянуть на ту крепость и понять, что же собой представляет твердыня, которую не удалось разрушить моему предку Хулагу хану (как отмечалось и до этого, Тимурленг всегда старается подчеркнуть, что он – потомок Чингиз-хана, хотя на деле это было не так, поэтому и Хулагу хана он представлял здесь как своего предка - Марсель Брион).

Однако я не мог проехать туда в одиночку или с небольшой частью воинов, так как это могло кончиться моей смертью, а если вести на Аламут все свое войско, пришлось бы одолевать перевал Сиялз, который могут пройти лишь мулы, войско же подобное моему, не может пройти по его узким тропинкам, идущим по краю пропасти глубиной в пятьсот зарьов. Поэтому я воздержался от осмотра устоявшей крепости исмаилитов, все еще сохранившейся, несмотря на прошедшие тридцать семь лет, и продолжил свой путь на запад. Войско все еще шло по лесу, и мы постоянно, соблюдая осторожность проходили те леса, которым казалось не видно было конца, до тех пор пока не достигли земель племени Гиль или Гиляна. Жители земли Гиль отличались от табаристанцев, они не такие рослые и могучие как те, и несмотря на то, что являются мусульманами, считают божеством большую реку Сефид-руд, протекающую через их земли и убеждены, что все то, чем они обладают – дано им именно тем божеством (неизвестно, на чём основывает такие утверждения Тимурленг, однако в любом случае согласно теорий географов и геологов, относящиеся к описываемому периоду, земля Гилян образовалась благодаря реке Сефид-руд, а точнее, благодаря возможности орошения водами той реки и возник Гилян. Наверное, поэтому население древнего Гиляна, хотя и не ведало о научных истинах, всё же полагало, что все то, чем они обладают, дано им Сефид-рудом – Марсель Брион).

Сефид-руд – это большая река, и когда мы достигли Гиляна, еще не прошел период полноводья и разлива этой реки, которая впадая в Абескунское море делится на десять-пятнадцать рукавов. Среди крупных городов Гиляна следует отметить Решт, главным городом земли Гиль является город Лахиджан, расположенный к востоку от устья Сефид-руда, при его впадении в море. Если двигаться от Лахиджана в сторону моря, достигнешь порта, который называется Гоутам, это крупнейший порт в Абескунском море и

когда я достиг его, то увидел в нем свыше двухсот различных судов, стремящихся в тот порт со всех сторон и увозящих из него различные товары в разные страны (*порт Гоутам, расположенный в устье Сефид-руда и считавшийся крупнейшим портом Ирана, сегодня не существует – Марсель Брион*).

На земле Гиляна так много шелка, что хватило бы на весь мир, и в более поздние времена, бывая в различных частях мира, сталкиваясь с лучшими образцами той ткани, я неизменно обнаруживал, что это тот самый гилянский шелк. После шелка, вывозимого во все рынки мира, вторым крупнейшим продуктом того края является рис. В Гиляне я вкушал «берендж-э анабарин» (рис-амбра) и получил огромное удовольствие от его аромата, я повелел, чтобы некоторое количество того риса отправили морем из порта Гоутам в Мавераннахр и начали разводить там.

О, читающий мое жизнеописание, знай же, что я Амир Тимур, потомок Чингиз хана, и правителей мира охватывает дрожь при одном лишь упоминании моего имени, знай же, что это я спешно бежал из земли Гилянской, и вынудили меня к тому красивые женщины Гиляна. Ни в одном из уголков мира я не встречал женщин красивее их, и я не преувеличу, если скажу, что Гилян – это рай, полный прекрасных гурий. Все женщины Гиляна белолицые, белокожие, с черными или голубыми глазами и все они – крупнотелые.

В Гиляне мне говорили, что белотелость, красота и миловидность тамошних женщин объясняется тем, что они преимущественно едят рыбу и рис. Тогда почему же мужчины Гиляна, употребляющие ту же самую еду, не обладают такой же белизной и красотой? Я думаю, что в природе гилянских женщин есть нечто, чего нет в других женщинах, и по этой причине они красивее всех.

Когда я вступил в Гилян, понял, что своими ногами я пришел на землю, где и я и мои воины найдут свою гибель, край, который опутает меня и моих воинов оковами чувственных наслаждений. Как я уже говорил, много лет назад я обязался перед Богом, не оставаться в городах, разве что на короткое время, когда этого требуют важные государственные дела. Я обязался перед Богом быть постоянно в степи среди своих воинов и никогда не предавать свое тело плотскому наслаждению, воздерживаться от общения с женщинами, кроме тех, что в Мавераннахре, поскольку знал, что привычка к наслаждениям и общению с женщинами настолько расшатывает мужчину-воина, что может привести его к гибели.

Однако в Гиляне женщины были столь соблазнительны, что если бы я и мои воины поддались тому соблазну и оставались бы там, все мы утратили бы свои боевые качества. Поэтому я твердо решил быть в Гиляне очень короткое

время, и чтобы очаровательные красавицы Гиляна не ослабили боевого духа моих воинов, я установил в своем войске жесткую дисциплину и разбил лагерь в местности, достаточно удаленной от крупных городов Гиляна, чтобы тем самым лишить воинов возможности бегать на свидания с женщинами.

Лахиджан – главный город Гиляна, однако в той стране есть еще один крупный город – Эспахбудан (*этот город, как и город Гоутам, не сохранился и сегодня не существует – Марсель Брион*).

Когда я вступил в Эспахбудан, то заметил, что все его жители – мужчины, женщины и дети носят белое. Выяснилось, что в том городе и мужчины и женщины со дня рождения и до самой смерти носят одежду только белого цвета, спят в постелях белого цвета. И если Гилян я считаю страной, где во множестве обитают гурии, то Эспахбудан является его красивейшим павильоном. В том городе мужчины столь же красивы, что и их женщины, и смотрятся словно миловидные слуги-юноши при прекрасных гуриях. Одним из удивительных свойств того города следует считать то, что я не видел в нем мужчину или женщину с черными галзами, все мужчины, женщины и дети там – голубоглазые, и мне сказали, что местные жители не вступают в браки с чужими, а только между своими, поэтому чужая порода не проявляется среди обывателей того города, и голубоглазость мужчин и женщин продолжает сохраняться как основной признак местной породы.

И еще мне рассказали, что в старину в той местности проживали военачальники и полководцы, которых называли Эспахбудан, потому и город получил то же самое название. Основным занятием жителей Эспахбудана является выращивание шелковичных червей и прядение шелковых тканей, и во всем городе нельзя было найти земледельца, выращивающего рис. В том городе, все без исключения: мужчины, женщины и дети занимались вскармливанием шелковичных червей и пряли шелковые ткани. Я посетил их прядильные мастерские и видел там женщин подобных гуриям, что сидели за прялками и пряли шелк своими руками. Каждый раз, входя в очередную такую мастерскую, я убеждался в том, что женщины, выделяющие тот прекрасный шелк, по своей красоте превосходят несравненную ткань, выходящую из их рук. И тогда я вспомнил слова Моулеви (т.е. знаменитого поэта Джалаледдина Руми), который говорил в своих «Месневи»: «Произведенное прекраснее своего производителя.» И если бы создатель «Месневи» был жив, я послал бы его из Коньи в Гилян, в Эспахбудан, чтобы он посетил те мастерские по прядению шелковых тканей и убедился в обратном, а именно в том, что: «Производитель прекраснее произведенного.» То, что выходит из рук мастериц Эспахбудана, несмотря на красоту, изящество и мягкость, не обладает душой, не имеет глаз, в которые человек мог бы заглянуть, тогда как те, кто прядут эти ткани, обладают душой и

глазами, такими голубыми, что в них не следует заглядывать, ибо они смутят сердце доблестного воина и уведут далеко-далеко от мыслей о боевых делах.

Я не стал задерживаться в Эспахбудане более двух дней и вместе со своим войском продолжил путь подальше от Гиляна, ибо боялся, что если мое пребывание там затянется, искушение плоти овладеет мною и ввергнет меня в праздность и стремление к получению телесных удовольствий. После Гиляна я направился на землю Талыш или землю талышей, чтобы увидеть их мужей, о которых говорили, что они самые могучие и сильные среди народов, обитающих вокруг Абескунского моря. Хотелось увидеть смогут ли они выстоять в поединке со мною или нет?

Вступив в Талыш, я увидел страну, резко отличавшуюся от других стран Абескунского моря. Талышские мужчины и женщины были высокими и статными, и в то время года, что я их увидел, на них не было почти никакой одежды, кроме той, что прикрывает срамные части, и мне сказали, что зимой они носят покровы, изготовленные из кожи. Голоса талышских мужчин настолько мощны, что талыш, стоящий на одной горе свободно переговаривается с тем, что стоит на другой. Удивляют и талышские собаки, они крупные, их впрягают в арбы, и они тащат их подобно лошадям. В стране талышей водится множество диких оленей, и местные жители в зимний период так же впрягают их в арбы, чтобы перевозить таким образом различные грузы. Однако в то время года, когда я был у талышей, оленей отпустили в лес – весной и летом их не используют как вьючных животных. В Талыше я видел город, называемый Хашам, его правителя звали Даъи (*тот город подобно некоторым, упоминавшимся на страницах этой книги, так же не сохранился до сегодняшнего дня – Марсель Брион*).

Даъи, услышав о моем приближении к его городу, вышел мне навстречу и прежде чем я вступил в город, он зарезал корову и бросил к моим ногам. Город Хашам был маленьким, и крыши домов в нем были покрыты черепицей. Во время еды принесли жаренную в соку оленину. После трапезы я сказал Даъи, чтобы он прислал нескольких мужчин-талышей покрепче, с которыми я хотел бы помериться силой. На это Даъи ответил: «О, эмир, прошу тебя воздержись от такого своего намерения, ибо если ты их одолеешь, это ничего не прибавит к твоей и без того великой славе, а если победителями выйдут они, я буду мучиться от того, что моему великому и дорогому гостю причинено унижение.» Я ответил: «О, добрый человек, моя цель – испытать самого себя, узнать осталась во мне былая сила или же ее нет уже.» Даъи повелел привести двух крепких молодцов, и они явились, широкогрудые и крупными мускулистыми руками. Один из них был того же роста, что и я, а другой – чуть пониже. Я снял свою верхнюю одежду, чтобы почувствовать себя посвободнее и дал знак тому, что был одного роста со мной, чтобы он подошел поближе ко мне. Я спросил его, может ли он говорить со мной. Тот человек ответил утвердительно на языке талышей, являющегося

разновидностью фарси. Я сказал: «Не думай о том, что я эмир, восприми меня как равного с тобой человека и со всей силой, что у тебя имеется постарайся согнуть мою руку.» Сказав это, я широко расставил ноги и выставил вперед руку с широко растопыренными пальцами, и пальцы того мужчины сплелись с моими. Правилами предусматривается, что каждый из двух меряющихся силой старается давить на ладонь соперника, заваливая ее в сторону-вниз и побеждает тот, кому удалось склонить её до уровня или касания его колена.

Мой соперник изо всех сил старался согнуть мою руку, но это ему не удавалось, я же постепенно усиливал свой нажим пока ладонь его, дышавшего все тяжелее и тяжелее, не коснулась его же собственного колена. Раздались восторженные возгласы зрителей, состоявших как из местных жителей, так и моих военачальников. Мой соперник-талыш после того как я выпустил его руку, сказал: «О, эмир, ты очень силен!» Я дал ему несколько золотых, что его весьма обрадовало.

После этого хотел я таким же образом помериться силой и со вторым соперником, однако тот сказал: «О, эмир, мой товарищ, намного превосходит меня силой и ты, победивший его, непременно нанесешь поражение так же и мне. Я не стану с тобой состязаться.» Я и ему дал несколько золотых и отпустил их обоих.

Среди достопримечательностей земли талышей надо отметить так же и огромные деревья, состоящие всего лишь из двух-трех длинных и широких листьев. С середины некоторых из них свисала всего лишь одна кисть, состоящая почти из двухсот плодов зеленого цвета, похожих на тонкие огурцы и мне сказали, что эти деревья называются «шаджарэ-йе моуз» (т.е. банановое дерево), и что каждое дерево живет лишь один год и после того как дает плоды, высыхает и гибнет. и талыши вырезав кусок ствола того дерева, всего шириною в ладонь, закапывали его в землю и на следующий год из него вырастало новое дерево, которое еще через год приносило плоды.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Как я взял Багдад

Мое пребывание в Талыше было недолгим, так как не было времени задерживаться в той стране, если бы я задержался, прошел бы благоприятный сезон для совершения боевого похода. Я хотел дойти до Багдада и овладеть землями, которые когда-то захватывал сам Хулагу-хан. Если бы я двигался на Багдад прямо из Талыша, то вскоре уперся бы в горы, которые были непроходимы. Надо было возвращаться из Талыша назад, на восток, пройти от берегов Абескунского моря в сторону Казвина, после чего мне открылась бы дорога на Багдад. Я сказал Даъи, правителю города Хашам, чтобы всякий раз как ему понадобится помощь, он смело обращался ко мне и знал, что я поспешу оказать ему ту помощь, а если не смогу сам, то непременно пришлю на подмогу одного из своих военачальников с войском. И хотя Талыш не был расположен в прямом направлении от Мавераннахра и Хорезма, тем не менее я и там создал две башни (т.е. посты) голубиной почты, чтобы иметь прямую связь с Даъи с помощью почтовых голубей.

Войско выступило из Талыша в обратном направлении, пройдя вдоль побережья Абескунского моря, я повернул на юго-восток, пройдя от местности, называемой Шефт до Казвина, а оттуда до Керманшаха, далее до берега реки Деджлэ, без каких-либо происшествий, достойных упоминания. На моем пути было несколько городов и их правители, узнав о моем приближении, выходили встречать меня, оказывая мне всяческие почести, я же никого из них не принуждал оказывать мне гостеприимство, единственное, что я требовал, чтобы было предоставлено продовольствие и корм для войска, настаивая на том, чтобы за продукты и фураж они устанавливали справедливую цену. Правители, владения которых лежали на моем пути, не играли значительной роли и не обладали большими богатствами. Они не выдержали бы и одного дня будь вынуждены кормить мое войско, поэтому я уверял их, что и дирхема я не возьму с них даром. Единственное, что я от них требовал – это возможность создания на их землях постов голубиной почты, где бы находились и заправляли делами несколько из моих людей.

Не было необходимости предупреждать тех правителей о том, что в случае покушения на моих людей, как они, так и их граждане, рисковали утратить свои жизни и имущество. Ибо все они знали меня, как человека, неукоснительно следующего принципам, и что, всякий, кто покорится мне, не будет обижен, но если осмелятся на покушение – будут казнены, а с женами и детьми их я поступлю как с женами и детьми неверных-кафиров, воюющих против мусульман, то есть их жен сделаю невольницами, детей рабами, а имущество сделаю своей добычей.

За три дня до того, как я дошел до реки Деджлэ, я отправил вперед два разведывательных дозора, самый передовой из которых вскоре доложил, что видит какое-то войско. Стало ясным, что в Багдаде, проведав о моем приближении, выслали навстречу войско, дабы упредить меня. Дозорные не смогли дать точных сведений о численности войска, и я подумал о возможности использовать кого-то из местных жителей для сбора разведывательных данных. Я принял по отдельности двух арабов, одного из них звали Абу Саада, второго - Ваджих-ад-дин. Я знал арабский язык, но не понимал диалекта живущих в Междуречье (т.е. в Месопотамии), поэтому был вынужден обратиться к услугам переводчика. Однако через некоторое время пребывания в Междуречье, я уже обходился без него, так как выучился местному диалекту. Если человек знает арабский хорошо, он сумеет быстро научиться говору населения любой из арабоязычных стран уже вскоре после прибытия в ту страну.

Абу Саада и Ваджих-ад-дин согласились отправиться навстречу тому войску и постараться выведать как можно больше о нем, узнать число пеших и конных, кто его возглавляет и как оно вооружено. Я вручил каждому из них по пятьсот динаров, сказав, что они получают столько же, когда принесут необходимые сведения. Никто из них не знал об аналогичном задании, порученном другому, это делалось с целью предотвратить возможность сговора и представления мне ложных сведений.

Несмотря на посылку двух разведчиков-арабов, я велел передовым дозорам, приблизиться насколько удастся к тому войску и захватить несколько вражеских воинов, по возможности рангом повыше для того, чтобы через них получить достаточно сведений о силах неприятеля и характере местности.

Я стараюсь собирать сведения не только о численности и вооружении вражеского войска, но и о характере местности в районе предстоящего сражения – сколько там гор и холмов, какова численность рек и уровень воды в них, о наличии в них используемых переправ, их место расположения. Именно по этой причине, спустя девять лет со дня когда я вышел к реке Деджлэ, находясь в Дамаске, что расположен в стране Шам (Сирия), я поручил Ибн Халдуну, уроженцу Магриба (*так называют арабские страны на Севере Африки – Марсель Брион*), чтобы он составил книгу-описание (географию) тамошних земель, с изложением четких сведений об имеющихся горах, холмах, реках, лесах, городах и селах, да так, чтобы читая ту книгу, я мог живо представить, что нахожусь в тех странах Магриба. (*Описание той встречи Тимурленга с Ибн Халдуном было опубликовано несколько лет назад господином Саъидом Нафиси, проректором университета, который ссылаясь на французский текст в качестве источника. С этим описанием может ознакомиться любой, кто пожелает, и оно написано выдающимся ученым Ибн Халдуном – Переводчик*).

Изучение местности в районе будущей битвы настоятельно необходимо для меня, располагающего многочисленной конницей, так как пехота может вести боевые действия где угодно и преодолевать любые преграды. Однако всаднику трудно вести бой на неровной местности, пересекать места, усеянные камнями и крупными валунами, одолевать узкие ущелья и перевалы.

Дважды мои передовые дозорные соприкасались с вражеским войском. Однако им не удалось захватить пленных, более того погибла часть из моих воинов, участвовавших в той стычке. Это говорило о том, что войско возглавляет способный полководец, чуткий и насторожённый, в войске его царит твердая дисциплина, ибо если бы не эти обстоятельства, мои воины сумели бы захватить хотя бы одного пленного и привести его ко мне. Через четыре дня вернулся Абу Саада и сообщил мне, что вражеское войско насчитывает сто двадцать тысяч человек, пятнадцать тысяч из которых – конники, и что командует войском сам эмир Багдада. Когда я спросил о снаряжении и вооружении войска, Абу Саада ответил, что там имеется двести боевых колесниц, двести ручных и переносных манджаников (т.е. баллист, катапульта), а вооружение воинов составляют сабли, копья, луки со стрелами и футак (полые трубы). Я спросил, что такое «футак». Абу Саада пояснил, что футак – это длинная, полая изнутри тростина, в нее сильно дуют и силой выдоха выбрасывают в сторону врага стрелу небольшого размера и поскольку та стрела смазана ядом, то через несколько дней после получения раны, у человека ослабевают, а затем и вовсе отнимаются руки и ноги. До того времени в своих битвах я не имел дела с вражескими колесницами – впервые против меня пускали в ход боевые колесницы. «Футак» так же был новинкой для меня. Я спросил Абу Саада, что собою представляют отравленные стрелы. Он ответил, что в топях (стоячих водах) по обе стороны от реки Деджлз встречаются улитки, их берут, выдавливают из них слизь, ее выставляют на солнце пока она слегка не загустеет, полученным составом смазывают наконечники стрел, которые таким образом становятся ядовитыми и у человека, получившего рану от них, через несколько дней слабеют, а затем и вовсе отнимаются руки и ноги.

Сведения, поступившие от Ваджих-ад-дина, второго нанятого мною разведчика, подтвердили сообщения Абу Саады, стало ясно, что войско эмира Багдада насчитывает сто двадцать тысяч человек. Несмотря на то, что сведения обоих лиц совпали, я запросил донесения от своих передовых дозорных, которые в свою очередь подтвердили, что численность неприятельского войска превышает сто тысяч человек.

Чтобы поразить врага необходимо сделать одно из двух. Или прямо напасть на него, и невзирая на тяжелые потери, уничтожить его. Или же обойти его кругом и выйдя на него с тыла, вести бой в местности с невыгодными для него условиями. Чтобы получить представление о силе противника, я велел,

чтобы мои воины сделали вид, что атакуют его, без намерения сделать это на самом деле. Три пятитысячных отряда моих воинов сделали вид, что собираются наступать по обоим флангам и по центру. В центральном направлении метательные машины врага обрушили на моих воинов такой град камней, что те вынуждены были остановиться. Позади каждой из катапульт, противник воздвиг горы камней, а его воины, став в цепочку, передавали тяжелые камни из рук в руки, заряжали ими метательную машину, которая незамедлительно выбрасывала очередной камень-снаряд. Каждый из тех огромных камней выводил из строя, а то и убивал одного из моих конников. На правом фланге против нас наступали вражеские колесницы, и должен заметить, что они оказались поистине смертоносным средством. Каждую колесницу тащили четыре лошади, две из которых впрягались в «дишли» (т.е. дышло) колесницы, а две остальные привязывались с «йан» (т.е. сбоку). Для тех, кто незнаком с устройством боевой колесницы поясню, что «дишли» – это лошади, что впрягаются непосредственно в дышло повозки, а «йан» - это те, что располагаются по обе стороны от лошадей «дишли». По обе стороны от обеих лошадей «йан» укрепляются горизонтальные жерди, выступающие несколько вперед от самих лошадей. Эти жерди усеяны заточенными наконечниками и режущими лезвиями. Когда колесница приводится в движение, эти лезвия, укрепленные впереди, на удалении от несущих их лошадей, протыкают и убивают наших лошадей и всадников. Между несущими повозку лошадьми и лезвиями была установлена защита в виде деревянной перегородки, которая мешала нам поражать тех лошадей стрелами. Возчики тех колесниц также были защищены еще одной деревянной стенкой и поэтому мы и их не могли пронзить стрелами. Боевые колесницы Багдада хоть и были грозным оружием, однако имели один недостаток: они очень скоро бывали вынуждены останавливаться, так как лезвия, погружавшиеся в попадавших им навстречу лошадей и воинов продолжали волочить эти трупы, пока их не набиралось столько, что они мешали дальнейшему движению колесницы. В таких случаях возницы были вынуждены подавать колесницу назад, чтобы стряхнуть с тех лезвий тела лошадей и людей, после чего колесница была готова к повторному боевому применению. Именно в такие моменты остановки мои всадники имели возможность атаковать несущих лошадей сбоку, уничтожать их чтобы тем самым обездвигить повозку.

Однако выполнение такой задачи требовало определенных жертв с нашей стороны, ибо колесницы были бы вынуждены останавливаться лишь после того как ее лезвия будет нанизано определенное количество наших воинов. Между тем, я вовсе не хотел нести потери в битве, исход которой пока что был неясным для меня.

На левом фланге моих наступавших конников встретила такая туча стрел, что часть моих воинов и лошадей вскоре были уничтожены.

Проверка в виде вышеописанных атак показала, что мы имеем дело с достаточно сильным противником, хорошо подготовившимся к защите, и что лобовая атака на такого противника приведет к уничтожению моего войска, поэтому я решил обойти врага кругом.

Для такого обхода я счел необходимым совершить длительный марш в северном направлении, чтобы он подумал, что я решил отказаться от намерения вести наступления на Багдад. Я велел военачальникам передать воинам, чтобы те спешно готовились к долгому маршу, который будет длиться непрерывно в течении нескольких дней и ночей. Временем выступления я определил полночь и именно в тот момент мои дозоры оторвались от врага. Войско мое двинулось в путь, в целях предосторожности я отделился от берегов реки Деджлэ ибо если бы я двигался вдоль ее берегов, я бы все время оставался на виду у врага. Мы двигались без передышки пять дней и ночей пока не дошли до стены (вала) Бахт-уль-Наср. В более поздние времена, когда я пришел на землю Шам (современная Сирия – Переводчик), я встретился с группой ученых среди которых было несколько монахов, представляющих несторианскую веру, от которых я услышал много занимательного о вале Бах-уль-Наср.

(Пояснение: Несторианство – это одна из сект в христианстве, и последователи этого течения признают своим главой Нестора, бывшего выходца из Сирии, который в 420 г. от рождения Христова стал епископом Константинополя (сегодняшнего Стамбула). Обсуждение особенностей несторианского учения выходит за рамки задач повествования о деяниях Тимурленга, поэтому мы ограничимся лишь коротким пояснением о том, что несторианцы признают Христа в двух ипостасях, в виде человеческой личности и в виде божественной. Тогда как католицизм утверждает, что Христос есть лишь в одной ипостаси, которая выше человеческой личности и является лишь божественной и считает его сыном божьим – Переводчик.)

Прежде чем изложить здесь то, что мне разъяснили несторианские священники, должен пояснить, что стена Бахт-уль-Наср представляет собой вал, построенный в свое время знаменитым царем Бахт-уль-Насром между реками Деджлэ и Евфрат. Один конец этого вала на востоке упирается в реку Даджлэ, противоположный оканчивается на западе, упираясь в реку Евфрат. Таким образом, эта стена отгораживает государство Междуречье с севера и вал тот был возведен Бахт-уль-Насром, чтобы воспрепятствовать нападениям на Междуречье со стороны племен, обитавших в горах на севере от той страны.

Прибыв в страну Шам и встретившись там с несторианскими священниками для беседы, они, зная греческий язык и изучавшие греческую историю, разъяснили мне, что в старину вал Бахт-уль-Наср называли Вавилонской

стеной. Тогда в Междуречье существовал город Вавилон, который был столицей той страны. Вавилон был расположен на берегу реки Евфрат, не как Багдад, что расположен на берегу Деджлэ.

Несторианские священники поведали мне, что они читали в книгах о греческой истории, что в Иране тогда правил царь Сирус (я не знаю царя с таким именем, ибо имя это упоминается лишь в «Шах-наме» Фирдоуси, а не в персидской исторической литературе). И этот царь Сирус напав на Вавилон преодолел ту Вавилонскую стену и захватил столицу того государства и освободил евреев, находившихся в вавилонском плену.

Согласно тому, что поведали мне в Сирии несторианские священники, некий греческий историк Херодос (т.е. Геродот – Марсель Брион), писал в своей книге, Сирус, для того, чтобы одолеть Вавилонскую стену, повернул воды Евфрата, что текли в сторону города Вавилон (именно то, что я думал сделать, в Исфагане с рекой Зайендэ-руд). Отведя воды реки Евфрат, Сирус перешел по осушенному руслу, миновав таким образом Вавилонскую стену, захватил тот город. Тем не менее несторианские священники утверждали, что Геродот ошибался, спутал Вавилонскую стену, то есть вал Бахт-уль-Наср, находившуюся между реками Деджлэ и Евфрат с городской стеной, опоясывавшей столицу Вавилона, которую он одолел, пройдя по осушенному руслу реки Евфрат.

Такое утверждение несторианские священнослужители считали неверным, так как вверх от Вавилона не было и нет местности, куда Сирус мог отвести воды Евфрата и через осушенное русло проникнуть в Вавилон. Вместо этого, Сирус преодолел вал Бахт-уль-Наср, в старину называемый Вавилонской стеной, чтобы захватить столицу Междуречья, ибо река Евфрат протекала мимо Вавилона, и вовсе не протекала через середину города, чтобы можно было попасть в город, осушив ее русло.

(Пояснение: Тимурленг, завоевавший Сирию пятьсот пять лет назад, и беседовавший с тамошними учеными, среди которых были и несторианские священники, приводит выше доводы, совершенно неслыханные для нас, иранцев. Ваш покорный слуга, до сегодняшнего дня ни о чем подобном не слышал, и как все полагал, что Сирус (Кир Великий) мудрый и свободолюбивый шах Ирана, отведя воды реки Евфрат, проник в Вавилон по осушенному руслу. Нет сомнений также в том, что Бахт-уль-Наср (т.е. Навуходонасор) построил вал между реками Деджлэ и Евфрат, как и в том, что именно тот вал называется стеной Бахт-уль-Наср или Вавилонской стеной. В связи с этим историки несомненно должны глубже изучить и разобраться в том вопросе, поскольку он обладает исторической важностью, возможно тем самым будет исправлена серьезная историческая ошибка – Переводчик.)

Когда я достиг Вавилонской стены, то увидел, что она разрушена, тем не менее можно было видеть уцелевшие части от нее, которые препятствовали проходу войска в тех местах. Там я остановился и велел, чтобы построили мост, позволяющий войску пересечь Деджлэ и попасть на равнины Месопотамии. В Междуречье обычно наводят мосты, укладывая их на надутые воздухом мехи из говяжьих шкур. Такие мосты можно быстро соорудить, однако если проколоть мехи или если они станут пропускать воздух, тот мост не будет более существовать. Поэтому, плывучий мост следует наводить, укладывая на деревянные, не груженные ничем другим, лодки.

Мои воины быстро раздобыли нужное число лодок в окрестности, уложили на них бревна, получился мост, через который перешли мои конники, ведя за собой на поводу своих коней. Пройдя тот мост, я велел его разрушить, чтобы не осталось следов нашего перехода через те места, после чего ускоренным маршем я направился на юг. Мы двигались настолько быстро, что я не сомневался в том, что никто не мог обогнать на том пути, чтобы донести командующему багдадского войска о нашем приближении. Такое можно было бы осуществить лишь с помощью почтовых голубей, но в течении всего пути я не видел ни одной голубятни.

Я спешил, потому что хотелось застать правителя Багдада врасплах. Я знал, что войска того правителя расположились на правом берегу Деджлэ, и если мне удастся быстро достичь Багдада, это будет для него неожиданностью и он не успеет переправить свое войско на западный берег и встать на моем пути. Переброска ста двадцатитысячного войска с его боевыми колесницами и камнеметательными машинами с восточного берега Деджлэ на западный требует определенного времени и пока правитель Багдада совершил бы это, я бы уже захватил Багдад, и тем самым держал бы в руках ключи Междуречья, и не было бы нужды больше опасаться правителя Багдада, хотя при этом его войско и осталось бы неуничтоженным.

Если бы не нужда в воде, я двинулся бы через пустыни центральной Месопотамии, чтобы население не увидело моего войска, вместо этого мне пришлось идти вблизи от Деджлэ, потому что большое войско, тем более конное, не может передвигаться вдали от водных источников, ибо если воины и не погибнут от жажды, то уж лошади падут непременно. В пяти фарсангах от Багдада я объявил короткий привал, чтобы люди и лошади получили передышку. Я надеялся, что сумею застичь правителя Багдада врасплах, однако не исключал возможности встречи с его войском на западном берегу Деджлэ. По этой причине я велел, чтобы людям и животным предоставили короткий отдых, чтобы в случае стычки, они были полны сил.

Воины спали, когда передовой дозор сообщил, что видит войско, переправляющееся с восточного берега на западный, и я велел поднимать

своих, чтобы двигаться на сближение и схватиться с противником до того, как тот успеет полностью переправиться через реку. Если бы я промедлил и багдадское войско успело переправиться с восточного берега на западный, я бы не сумел вступить в Багдад. Поэтому я без промедления приступил к атаке и разъяснил своим полководцам, что боевая задача заключается в том, чтобы уничтожить врага и захватить Багдад, однако город не должен подвергаться разграблению пока я не дам на то повеления, а после того, как я дам его, четыре вида лавок и мастерских должны остаться неприкосновенными: по изготовлению и продаже ювелирных изделий, сабель и кинжалов, прядению шелковой пряжи и шелковых тканей и наконец – шорные и седельные мастерские и лавки.

Я слышал, что именно в Багдаде живут и работают самые искусные мастера-ювелиры, а его оружейники делают лучшие в мире клинки, и что тамошние шелковые ткани очень изящны, и что ни в одном городе нет таких шорников, как багдадские. Поскольку я всегда покровительствовал искусным ремеслам, я не хотел, чтобы тамошним мастерам в ходе захвата добычи был нанесен вред.

Натиск моего войска был столь стремителен, что отряды багдадского правителя, успевшие переправиться на западный берег были смяты и уничтожены в течении менее, чем одного часа, дорога на Багдад была открыта для нас. Я, оставив на берегу Деджлэ часть войска, чтобы оно преградило путь правителю Багдада, вздумай тот переправить через реку оставшуюся часть своих сил, двинулся на город во главе остальной части своего войска. Пока мы шли к Багдаду, я перебрал в памяти все, что читал об этом городе в трудах историков и отметил, что в тот день, когда я вступал в Багдад, исполнился шестьсот сорок один год со дня основания этого города халифом Аль-Мансуром из династии Аббасидов.

Багдад, в день, когда я вступил в него не имел крепостной стены, однако в прошлом она существовала, но Хулагу, потомок Чингиз-хана, разрушил ее в 560 году хиджры (*по лунному календарю – Переводчик*) и умертвил последнего из халифов династии Аббасидов. Я знал, что Багдад вначале назывался Мудаввар (круглый), то есть город круглый по форме, и что город был основан халифом Аль-Мансуром в 142 году хиджры по лунному календарю, тогда существовало четыре городских ворот, которые назывались ворота в Басру, ворота в Куфу, ворота в Шам и хорасанские ворота.

После Аль-Мансура город Мудаввар рос и ширился, и стал называться Багдадом, и городское кладбище расположили в его западной части, в месте, омываемом с двух сторон водами реки Деджлэ и иранцы называли его кладбищем Каземин, потому, что там покоились двое из потомков Хусейна бен Али (да будет мир с ними!), носивших имя Казем.

Багдад называли городом дворцов и я не видевший его раньше не мог представить себе, что это такое. Вступив в Багдад и поднявшись на одну из возвышенностей, я увидел, что по обоим берегам Деджлэ, насколько мог охватить взор, множество дворцов, возведенных в свое время аббасидскими халифами, Багдад в период правления той династии в течении пятисот одиннадцати лет являлся столицей исламских государств.

(Пояснение: Тимурленг ошибается, в период аббасидского халифата, столицей государства той династии какое-то время был город Самра, но мы должны простить Тимурленгу эту ошибку – Марсель Брион)

Каждый из правителей, уходя на покой, строил дворец для себя, который затем доставался его детям, их было столько понастроено в Багдаде по обоим берегам Деджлэ, что они уже располагались неподалеку от развалин города Мадаээн (исторический Ктесифон), сегодня между теми развалинами и Багдадом всего семь фарсангов и часть строительного материала, употребленного на строительство дворцов, была добыта из тех развалин. Я увидел и те развалины, древние архитектурные строения Багдада сохранились и по сей день.

Каждый из дворцов в Багдаде имеет присущий ему цвет и во время восхода или заката солнца, если смотреть на город с возвышенности, это множество дворцов является взору будто скопление разноцветных драгоценных камней. Для постройки некоторых дворцов использован белый или цветной мрамор, эти камни были привезены в Междуречье из Ирак-э Аджам, Фарса, Кермана и Йезда и использованы для сооружений, возводимых могущественными владыками.

Вступив в Багдад, я велел воинам отдыхать. Я не забывал о том, что на восточном берегу Деджлэ находится враждебное мне войско, и что между нами и им произойдет жестокая битва тогда как мои воины были утомлены долгим переходом и им требовался отдых до того как им предстоит сразиться с тем войском. Хотя я и не оставил багдадскому правителю возможности переправиться на западный берег Деджлэ, однако существовала возможность, что он, последовав моему примеру, подыметесь вверх или вниз вдоль реки, и убедившись, что находится достаточно далеко от меня, переправит свое войско с восточного на западный берег и атакует меня, пребывающего в то время в Багдаде. По этой причине я счел необходимым предоставить отдых своему войску, чтобы оно было в состоянии успешно отразить натиск противника в случае его нападения.

Как я уже упоминал, мною была оставлена часть войска на берегу Деджлэ, задачей которого было не допустить переправы войска правителя Багдада на западный берег. Командование тем отрядом я возложил на военачальника по имени Кара Куз.

Это был человек невысокого роста, широкоплечий, службу у меня он когда-то начинал простым воином и я, заметив в ходе боев его выдающиеся способности, регулярно повышал его в должности. Кара Куз, обязанный мне своим выдвижением и накопленным богатством, выражал по отношению ко мне бескрайнюю преданность и я знал, что в любое время, если потребуется, он пожертвует своей жизнью ради меня.

Я был в Багдаде, когда пришло донесение от Кара Куза, что между его и вражескими конниками разразилась жестокая битва. Он просил принять во внимание возникшую опасность и по возможности, оказать ему помощь.

Поскольку Кара Куз располагался на западном берегу Деджлэ, а багдадский правитель – на восточном, стало ясно, что последнему удалось переправить свои конные отряды через реку. Раз такое удалось багдадскому правителю, не было сомнений в том, что он постарается как можно быстрее навести мост, чтобы переправить на западный берег все остальное войско. Мне было известно, что в войске у багдадского правителя насчитывается пятнадцать тысяч всадников, вероятно, он направил их вверх по реке, где они и сумели пересечь ее не попавшись на глаза Кара Кузу. Я также знал, что река Даджлэ – полноводная и поэтому багдадский правитель не мог так просто переправить свое конное войско через неё, будь такое возможно, я не был бы вынужден сооружать мостовую переправу для своего войска.

Конь, хоть и умеет плавать, не может пересечь полноводную и быстротекущую реку, его унесет стремнина. Я сказал себе, что должно быть багдадский правитель для переправы через реку прибегнул к тому же средству, что и я – то есть соорудил мост и таким путем перебросил своих всадников на тот берег, и сейчас пока эти конники атакуют нас, его пешее войско шагает по мосту, чтобы так же напасть на нас.

Вступив в Багдад, в целях предосторожности, я пленил и заключил в темницы некоторых из родных и близких правителя Багдада и его приближенных, чтобы иметь в своём распоряжении заложников.

И прежде, чем выступить на помощь Кара Кузу, я отправил ему послание, в котором велел передать багдадскому правителю, что если тот не прекратит враждебные действия, я казню всех родных, как его, так и его приближенных. После этого я велел, чтобы боевые трубы сыграли подъем, чтобы разбудить воинов и выступать в поход.

Среди пленников находились двое сыновей и трое дочерей багдадского правителя, дети его приближенных, и если бы правитель Багдада продолжил свои враждебные действия, я бы велел казнить их на его глазах и глазах его приближенных. Когда правителю Багдада стало известно, что я казню всех его родных в случае, если он вздумает продолжать противодействие, он пал

духом, пали духом и его приближенные. Багдадский правитель прислал своего представителя к Кара Кузу для ведения мирных переговоров. Я поручил Кара Кузу вести самому те переговоры, сам же я подготовился к тому, чтобы отстоять город, ибо не исключалось, что те переговоры могут оказаться уловкой, имеющей целью усыпить нашу бдительность и внезапно напасть на город с неожиданного направления.

Готовясь к отражению возможной атаки врага, я не забывал так же и о том, что не следует доводить его до отчаяния, до такой степени, когда он станет ожесточенно драться, закрыв глаза на все, даже на жизнь своих родных и близких. Я велел передать багдадскому правителю, что для установления мира необходимо, что бы он распустил все свое войско, после того как армия будет распущена и я буду уверен в том, лишь тогда я освобожу его родных, чтобы они могли воссоединиться с ним и его приближёнными и, что лишь после этого стану говорить с ним о других условиях мира, имеющем материальный и денежный характер.

Правитель Багдада прислал ответ о том, что он готов распустить свое войско при условии, что он будет знать о том, что жизнь и имущество жителей Багдада останутся неприкосновенны. Я ответил, что если он и жители Багдада готовы выплатить мне выкуп, будут сохранены не только жизнь и имущество жителей Багдада, но и я сам уйду из него, и оставлю его по-прежнему править городом, таким образом, он сохранит свою прежнюю власть. Багдадский правитель спросил, можно ли узнать каков размер дани, взимаемой с него и с жителей Багдада. Я ответил, что размер дани будет справедливым, ибо я ограничусь изъятием лишь половины имеющегося у них золота и серебра, вторая половина остается в их распоряжении. Кроме того я не посягаю на драгоценные камни, имеющиеся в городе, они как и прежде, останутся во владении горожан.

Я понимал, что трудно подсчитать, сколько золота и серебра имеется у жителей Багдада, и что они, узнав о том, что им предстоит лишиться половины имеющихся у них драгоценных металлов и камней, постараются припрятать их, и потому, придется угрозами или пытками вынуждать их указывать, где припрятано их состояние.

Поэтому я ограничился тем, что поставил вопрос в общих чертах, не вдаваясь в детали. Правитель Багдада спросил, что я буду делать после того, как получу дань? Я ответил, что получив дань, я вручу ему бразды правления Багдадом и покину тот город. Багдадский правитель спросил, какими будут гарантии, что все будет так, как я говорю, опасаясь, что я могу не сделать того, что обещаю, а он между тем распустит свою армию. Я ответил: «Клянусь Кораном, дороже и священнее которого нет ничего для меня, Кораном, который прижимаю к своему сердцу, что если тыпустишь свое войско, я освобожу заложников, и если ты и жители Багдада уступите мне

половину имеющегося у вас золота и серебра, я воздержусь от того, чтобы отдать этот город на разграбление своему войску, я уйду вместе с ним из здешних мест и оставлю тебя править Багдадом.»

О, читающий о моих деяниях, знай же, что одним из непреложных законов правления является то, что когда побежденный правитель просит снисхождения и готов платить дань, следует вернуть его царство ему же самому. Такое особенно следует применять в странах, где правят древние династии царей. Потому, что победитель, не захотевший миловать побежденного правителя, выразившего готовность платить дань, неизбежно столкнется с серьезными трудностями, одной из которых является необходимость держать в стране, где когда-то правил побежденный царь, большое количество войска и оплачивать расходы по его содержанию из собственных средств, ибо если он того не сделает, побежденный правитель вместе с верным ему народом поднимет восстание против него. Кроме того, в каждой стране имеются свои законы и традиции, и победитель, не пощадивший побежденного правителя, должен будет навязать той стране свои законы и обычаи, что так же является тяжелой задачей, требующей больших усилий, потому что не то, что в течении нескольких недель или месяцев, но и за сто лет невозможно поменять законы и обычаи той или иной страны.

Царю-победителю от побежденной страны ничего кроме дани не требуется, и лучше всего будет если эту дань будет выплачивать побежденный ее правитель, вместо того, чтобы победителю пришлось силой, с помощью войска выколачивать эту дань из жителей той страны. Если царь-победитель проявит милосердие в отношении правителя побежденной им страны и согласится оставить того на троне, он получит все выгоды, какие возможны в результате захвата чужой страны и избежит всякого возможного вреда и весь мир признает его дарующим корону, побежденный же правитель будет ему благодарен, то же самое будут чувствовать и его близкие и сторонники. В особенности, если побежденный является человеком выдающихся способностей, тем более следует проявить в отношении него милосердие и оставить ему трон для того, чтобы он в будущем не думал поднимать мятежа.

Я уже отзывался об эмире Багдада как о способной и выдающейся личности и считал разумным оставить за ним трон, и получив с него дань, покинуть Багдад чтобы направиться в Фарс и наказать по заслугам тамошнего правителя, осмелившегося в свое время проявить неуважительное отношение ко мне. Багдадский правитель распустил свое войско, часть которого состояла из племен, населяющих северную часть Междуречья и те отправились назад в свои родные места.

Убедившись в том, что войска багдадского эмира больше не существует, я отпустил заложников, двое сыновей и трое дочерей эмира Багдада

соединились со своим родителем, то же самое произошло и в отношении всех других заложников из числа родных и приближенных эмира, после чего настала очередь выплаты дани. Я освободил от уплаты дани представителей четырех ремесел - ювелиров, оружейников, шелкоткачей и седельников, и велел багдадскому эмиру, с которым я до того момента не встречался, собрать у жителей Багдада и передать мне половину принадлежавшего им золота и серебра и при этом начать с того, чтобы выплатить мне половину того, что имелось в его собственной казне.

Я возложил взимание дани на самого багдадского эмира исходя из того, что он знал всех, кто и насколько богат, тогда как я и мои приближенные не могли этого знать. В любом городе есть люди, не владеющие и толикой серебра и золота и я не хотел ничего взимать с таких. Среди багдадцев могли быть и такие, что владели садом, мельницей, лодкой, и при том, так же не имеющие золота и серебра. И от них я ничего не собирался брать, ибо не желал быть ни мельником, ни садоводом. Что касается казны эмира, здесь велся строгий учет, имелись книги с записями, поэтому укрыть что-то было невозможно. Багдадский эмир добросовестно выплатил мне половину всего того, что содержала его казна.

Однако, как я уже упоминал, не было точно известно количество золота и серебра, находящегося во владении у населения. И без сомнений, багдадцы пытались припрятать свое достояние, чтобы не расстаться с его половиной, и я вынужден был бы передавать таких в руки своих воинов, что бы те, подвергая их пыткам, устанавливали подлинный размер и местонахождение их богатств. Такое могло длиться долго, а главное, могло не дать желаемого результата, ибо люди могли выдержать пытки и не раскрыть местонахождения своих тайников. По этой причине я принял совет эмира Багдада, заключавшийся в том, чтобы он сам установил размер и количество золота и серебра, подлежащего уплате населением, ибо видел, что предлагаемый им способ является легким и скорее приведет к желаемому результату.

На своем веку я сравнивал с землей множество городов и причем таким образом, что был уверен, пока существует этот мир, они не будут заселены вновь. На своем веку я вырезал множество жителей покоренных мною городов, строил башни из их голов. Когда я велел начинать массовое уничтожение обывателей захваченного города, то все его улицы и рынки вскоре заливала кровь. Но если жители тех городов, что не оказывали сопротивления, просили проявить мелосердие к ним, я их не обижал, особенно если они были приверженцами исламской веры.

Личность, подобная мне, перед мечом которого трепещут в страхе и Восток и Запад Вселенной, должен проявлять когда необходимо, великодушие, закрывать глаза на мелочи, чтобы добиваться наилучшего результата. Я мог

бы увязнуть в Багдаде на полгода, на год, пока его жителей будут подвергать пыткам, чтобы выведать о местонахождении их сокровищ, однако при этом я бы упустил возможность быстро овладеть богатствами и казной правителя Фарса. Между тем, я желал попасть в Фарс до конца того года, в крайнем случае, к весне следующего, чтобы показать его владыке, шаху Мансуру Музаффари, что нельзя безнаказанно наносить мне оскорбления.

В один из дней эмир Багдада доложил мне, что изъятие дани у жителей города завершилось, и что не осталось ни одного человека, у которого следовало бы изъять золото и серебро. В тот день стало известно, что эмир Багдада передал нам пятьсот пятьдесят мискалей золота и два курура (один курур-пятьсот тысяч) двести тысяч мискалей серебра. Часть золота и серебра была в виде монет, часть в виде украшений и утвари и поскольку есть из золотой и серебрянной посуды запрещено, я велел переплавить и чеканить монеты из них.

(Пояснение-дань, которую получил Тимурленг, принимая во внимание то, что в старину золота было не так уж много как ныне, представляется очень уж большой по своим размерам, но если вместо «пятисот пятидесяти тысяч мискалей золота» сказать «пятьсот пятьдесят тысяч золотых динаров», то увидим, что размеры той дани были не так уж и велики, а между тем, один золотой динар в старину весил именно один мискаль - Переводчик).

Завершив дела, связанные получением дани от Багдада, я решил покинуть тот город, и его эмир пригласил меня оказать честь и участвовать в организуемом им угощением. Я принял приглашение и отправился на то угощение в сопровождении своих приближенных, среди которых был и Кара Куз. После трапезы, в зал вошли несколько красивых арабских прислужниц и начали танцевать под мелодию рубаба, уда и чанга.

Я спросил эмира Багдада: «Ты вызвал сюда этих красавиц, чтобы доставить удовольствие себе или мне?» Тот ответил: «Я их велел привести, чтобы ты испытал удовольствие, и любая из них, которую ты пожелаешь - твоя.» Я ответил: «Никакую из них я не желаю, вели им покинуть зал, ибо я не имею желания лицезреть танцовщиц, слушать мелодию уда, рубаба или чанга.» Эмир Багдада изумленный спросил: «О великий Амир Тимур! Неужто ты испытываешь отвращение к нежной мелодии, и не хочешь лицезреть прекрасных прислужниц и наслаждаться, любя их танцами?» Я ответил: «Я принял обет никогда не занимать себя развлечениями, с тех пор, как я принял тот обет и по нынешний день, я был тверд, и не стану нарушать его и теперь, надеюсь не нарушать его и впредь, пока я буду жив на этом свете.»

Эмир Багдада велел, чтобы танцовщицы удалились, а через час и я выразил желание уйти. К тому времени в зал внесли поднос, изготовленный из

чистого золота и я обратил внимание, что на нём уложены какие-то драгоценности. Эмир Багдада спросил: «Я хочу подарить тебе на память эти драгоценности и надеюсь, что ты их примешь от меня. Эти драгоценности из моей казны.» Я принял в качестве дара те драгоценности, но отказался от подноса и эмир Багдада расстался со мной преисполненный радости, сказав: «Всякий раз, когда ты прибудешь в Багдад в качестве гостя, мы будем с почтением встречать тебя и радоваться твоему приходу.»

Поскольку войско так и не получило разрешения грабить Багдад в качестве военной добычи, я разделил между своими военачальниками и рядовыми воинами часть золота и серебра, изъятого у его жителей.

Осенью я покинул Багдад и в день, когда я покидал его, меня провожали эмир со своими сыновьями и знатными горожанами, они прошли вместе с нами целых пять фарсангов. Я хотел попасть в Фарс, а для этого надо было сначала дойти до Керманшаха (*Корнем слова «Керманишах» является звукосочетание «Кермисин» или «Карамисин», и в старину тот город назывался именно так-«Карамисин». Однако мы употребляем слово «Керманишах» для того, чтобы читатель не испытывал затруднений с его произношением.- Переводчик*).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Переход через перевал Патак и вступление в Фарс.

Путь мой в Керманшах проходил через перевал, называемый Патак, в районе которого мои разведочные дозоры обнаружили и сообщили о наличии большого числа конников и пехоты, которые могли питать в отношении нас враждебные намерения. Я поручил дозорным разузнать, кто эти люди и с какой целью они расположились в тех местах. Дозор сообщил, что они являются частью племен, обитающих в окрестностях Керманшаха и говорят, что им ведомо, что Амир Тимур идет из Багдада с солидным грузом золота и серебра, поэтому, если желает пройти в добром здравии через те места, он должен отдать им все те сокровища.

Золота и серебра, что я вез из Багдада было не так уж и много, больше было разговоров и слухов о его неимоверном количестве. Но даже если его было у меня не более одного мискаля, и в том случае я не был бы согласен делиться им с племенами Керманшаха ради того, чтобы получить их позволение пройти через тот перевал.

Перевал Патак, как я увидел, был таким, что если вокруг него расположится вражеский отряд, войску не пройти, разве, что понеся большие потери. Ибо помимо возможности вести обстрел идущего по нему войска с обеих сторон, имелась так же возможность сбрасывать на головы конных и пеших огромные валуны и камни, для чего достаточно было бы двух человек, по одному с каждой стороны. В этом случае непременно погибли бы все или большая часть войска. По этой причине я велел было поворачивать обратно, однако отряд, охранявший тыл (арьегард) войска, сообщил, что вход в ущелье, который мы уже миновали, успели занять те же племена.

В битве, когда остается единственная возможность, следует не колеблясь быть готовым встретить смерть. Трус умирает тысячу раз, храбрый же единожды, и в жизни каждого смерть неизбежна, и даже пророки и избранники божьи были смертными, не говоря уж о нас, простых рабах божьих.

С того времени, когда я начал что-то сознавать, участвуя в битве, я не переставал думать о возможных путях ее ведения, однако, если видел, что положение безвыходно, то не колеблясь бросался навстречу смертельной опасности. Так и в тот день я готовил себя к встрече с возможной смертью. Поэтому я быстро натянул на себя свой боевой кафтан (кольчугу) и шлем и после велел своему оруженосцу держать наготове две мои широколезвенные и

легкие сабли, изготовленные и получившие особую закалку в Чаче (*Чач - город в Мавераннахре, который сегодня называется Ташкент –Переводчик*).

Конников, облаченных в доспехи со шлемами на головах, я разделил на два отряда, один я выставил у входа в ущелье, который мы уже миновали, чтобы они схватились с отрядом противника, находящимся в том месте. Я возложил на него задачи головного отряда, поскольку они были защищены доспехами, велел им двигаться вперед, расчищая путь для своих товарищей, следовавших за ними. Сам я так же возглавил один из отрядов латников, на которых была возложена задача обеспечить прорыв в районе выхода из ущелья. Я также велел, чтобы в случае моей гибели, Кара Куз возглавил войско и вывел его из ущелья Патак. Между обоими отрядами, один из которых был отправлен в устье ущелья, а другой –к выходу из него, я установил регулярную связь для того, чтобы при необходимости, один из них мог поспешить на выручку другому, и велел, чтобы как только одному из отрядов удастся прорвать кольцо противника, он должен незамедлительно известить другой, чтобы тот мог, получив такое известие, прекратить боевые действия на своем участке и устремиться в образовавшийся прорыв. Цель моя заключалась в том, чтобы любой ценой был расчищен путь, по которому я выведу войско из ущелья: я не хотел терять своих воинов в этой стычке с племенами Керманшаха. Когда рослые всадники надели латы и шлемы, я возглавил отряд, нацеленный на прорыв выхода из ущелья, ведущего в Ирак-э Аджам, и мы бросились вперед. Я настроил воинов на то, что мы должны стремительно пронестись через ущелье, выскочив из него, быстро рассредоточиться вокруг него, чтобы окружить противника, засевшего на высотах и таким образом дать возможность основной части войска выйти из ущелья. Увидев конный отряд противника, засевшего в ожидании нас на выходе из ущелья, я очень обрадовался, ибо их присутствие на том месте не позволяло их соплеменникам, расположившимся на высотах, бросать камни вниз, без того, чтобы не подвергать смертельной опасности своих же. Чтобы иметь свободными обе руки, я накинул уздечку себе на шею, взял в каждую руку по легкому широколезвенному клинку и поскакал вперед.

По бокам от меня так же стремительно скакали рослые всадники, закованные в доспехи, вот мы достигли рядов противника и начали рубить направо и налево. Воины керманшахского племени не имели на себе доспехов и шлемов, так что мои острые клинки, изготовленные лучшими мастерами Чача легко, словно в воду погружались в их тела. Я так же получил несколько ударов саблей и копьем, однако они не причинили мне и малейшего вреда, так как шлем и латы послужили для меня хорошей защитой. Керманшахское племя, хоть не носило железных доспехов, оказало нам яростное сопротивление, и я понял, что для того, чтобы расчистить путь, их придется беспощадно убивать, и потому, я еще энергичнее стал наносить сабельные удары.

Обе мои руки, наносили рубящие удары легко и независимо друг от друга, с такой легкостью и независимостью искусный ткач управляет несколькими ткацкими станками, пуская в ход и левую и правую ногу, так, как если бы каждая из моих рук была ведома и управляема отдельным человеком. Всякий раз, когда на поле боя мне приходиться орудовать сразу обеими руками, в которых зажаты секира и сабля, я добрым словом поминаю своего учителя фехтования Самара Тархана, благодаря выучке и воспитанию которого, я смог свободно управляться обоими руками в схватке. Сам Самар Тархан уже давно ушел в мир иной, но его сыновья служат мне, находясь под моим покровительством и занимая официальные должности в аппарате управления моим государством, поскольку подлинное величие обязывает проявлять заботу о детях преданных слуг после их смерти, наделять их постами и почетом.

Узду лошади я закинул на шею и направлял бег лошади с помощью стремян, и когда я хотел остановить ее, то оттягивал свою голову назад. Зрелище бьющей фонтаном крови настолько возбудило меня, что у меня будто крылья выросли, и я ощущал себя словно парящим в небесах. В тот момент я ощущал сверхчеловеческую силу в своих мускулах, я чувствовал в себе убеждение, что до меня не было на свете мужа, который был бы сильнее чем я, а после меня, не будет подобного мне в мощи и искусстве сабельного боя, ведении схватки, который так же умел бы рассекал живую плоть врага и пускать его кровь фонтаном. Весь я сам и вся моя лошадь были забрызганы кровью и я гордился про себя тем, что словно весенние маки, я был алым с ног до головы. Если бы в тот момент мне противостояла сотня Рустамов Тахамтанов из Забулестана, я бы и их убил, я знал, что ни у одного могучего рубаки не хватит отваги противостоять мне. Я был настолько увлечен схваткой, что и не почувствовал бы боли даже если бы меня резали на мелкие куски, я ощущал себя настолько могучим, что если бы передо мной встали сто тысяч всадников, всё равно я прорвался бы сквозь их ряды. Опыренный от всех этих ощущений я вскричал: «О, сияющее солнце, взгляни же и будь свидетелем того, что нет никого на этом свете, кто мог бы превзойти меня своей отвагой!»

Вдруг я заметил, что вокруг меня никого не осталось. Все вражеские всадники были либо убиты либо бежали, дорога через перевал Патак была расчищена. Увидев, что путь открыт, мне стало жаль, что схватка так быстро закончилась и я больше не увижу кровь, бьющую фонтаном из рассеченных жил и не услышу стонов вражеских воинов, пораженных моими ударами. Мне хотелось продолжения схватки, где я мог бы и дальше показывать своё боевое мастерство, не ради бахвальства перед окружающими и их похвалы, а для собственного удовольствия. Я дивлюсь пьяницам, получающим опьянение от чаши с вином, почему бы им не взять в руки саблю и не вступить в битву ради кровопролития, чтобы понять, что от битвы получаешь наслаждение в сотни раз

более сильное, чем от вина, тем более, что наслаждение от вина через полдня кончается горьким похмельем и ощущением немоги, тогда как опьянение, получаемое от схватки никогда не ведет к похмелью и немоги, а наоборот, человек ощущает себя еще более могучим и сильным.

Как только путь был расчищен, я передал отряду, сражавшемуся в другом конце ущелья, чтобы прекратил бой и шёл на соединение с нами, надо было выходить из ущелья. Я был настолько разгорячен схваткой, что не ведал, что творится в устье ущелья, оказалось, что численность противника там была невелика и бой с ними не был тяжелым, вместо того, чтобы драться, противник обрушил на наш отряд камни сверху. Хотя шлемы и доспехи служили какой-то защитой, однако попадались и крупные валуны, вызвавшие гибель нескольких моих воинов. Получив весть о нашей победе, они прекратили бой и присоединились к нам.

Покидая ущелье я с сожалением вложил в ножны оба моих окровавленных клинка и велел своим конникам спешиться и взобраться наверх, чтобы окружить находившихся там воинов племени, и не дать им возможности обрушать камни на наши головы. Мои воины спешили и чтобы быть налегке, сняли с себя доспехи и шлемы, поднялись в гору, которая не была такой уж крутой, но прежде чем они добрались до тех мест, воины враждебного племени бежали и скрылись, после чего путь полностью был свободен и мое войско благополучно миновало то ущелье.

На перевале Патак от сброшенных на них камней были убиты семьдесят два моих воина, сражавшихся в устье, а из тех, кто сражались рядом со мной погибли сорок четыре, некоторое количество воинов получили ранения. Потери, понесенные нами на перевале Патак были незначительны, но я получил урок, поняв, что впредь следует проявлять больше осмотрительности, проходя через перевалы и не полагаться только лишь на донесения передового разведочного дозора. Если дозор не обнаружил врага, это не означает, что его нет вовсе, так как в горной местности войску не составляет труда укрыться за какой-нибудь высотой и не быть обнаруженным со стороны наших дозоров. После схватки в ущелье Патак, я пришел к выводу о том, что собираясь провести войско через ущелье, вначале следует завладеть входом и выходом из него и только после этого вести через него войско, иначе враг может обрушить на тебя лавину из камней и валунов.

В дальнейшем ведя войны в Руме (*имеется в виду Малая Азия, которая сегодня называется Турцией – Переводчик*), Кабулистане (*имеется в виду сегодняшнее государство Афганистан – Переводчик*), Индии и Шаме (*т. е. сегодняшняя Сирия – Переводчик*) я уже использовал опыт, полученный в бою в ущелье Патак, и всякий раз, желая провести войско через подобное место, я

предварительно занимал вход и выход из него и только после этого давал приказ о прохождении войска через ущелье. И всякий раз когда мне не удавалось занять вход и выход из того или иного ущелья, я обходил его стороной, даже если при этом приходилось преодолевать гораздо большее расстояние. Потому что теперь я знал, лучше проделать долгий, зато безопасный путь, чем подвергать риску свое войско ведя его по неизвестному (неконтролируемому) ущелью.

Мои люди похоронили убитых, мы продолжили путь и без особых происшествий достигли Казвина. В Казвине я заболел, выяснилось, что это та самая болезнь, что поразила меня в свое время в Сабзеваре. Повторное возникновение той болезни, вызванной, как считали лекари, жарой, говорил о том, что мой мизадж (т.е., строение, природа) не приемлет жары и я должен постоянно охлаждаться, чтобы не болеть. Когда я заболел в Сабзеваре, там нельзя было найти лимонного сока, а в Казвине можно было достать его в изобилии, его доставляли из страны Мазандаран, что на юге Абескунского моря, однако мазандараский лимонный сок не обладал тем вкусом, что лимонный сок Фарса.

Кроме лимонного сока, в Казвине можно было достать и гранаты и медики рекомендовали мне для понижения жара пить также и гранатовый сок. Болезнь в Казвине помешала мне незамедлительно, после исхода из Междуречья, продолжить свой путь на Фарс. Я сумел отправить свое войско дальше из Казвина, сам же остался там, чтобы окончательно выздороветь. Тем не менее, я полагал, что пока я сам не отправлюсь в Фарс, правитель той страны не получит достойного наказания.

Мне говорили, что Фарс – это страна, где обитают воинственные племена и если шах Мансур Музаффару удастся вовлечь в войну против меня те племена, то мое войско в том краю найдет свою гибель. Я же отвечал, что тому кто страшиться гибели, не следует ввязываться в войну, а идущий в сражение должен сознавать, что существует опасность погибнуть в нем.

Я находился в Казвине шесть недель, и все то время я охлаждал себя, принимая лимонный и гранатовый соки, пока, наконец, не ушла моя болезнь. Похолодало, и я посоветовался со знающими людьми, которые сказали, что Фарс – это теплый край, и если я проведу свои войска через Ирак-э Аджам и вступлю в страну Фарс, то буду ощущать словно началось лето, поэтому я решил несмотря на зимний холод двигаться на Фарс. Понимая, что вступив в Фарс я попаду в теплый край, я выступил из Казвина. Несмотря на холодную погоду, мы не претерпели в пути каких-либо больших затруднений и не встретили случаев, подобных тем, с которым столкнулись шествуя в свое время

по стране кипчаков, никто не мешал нашему продвижению, до тех пор, пока мы не достигли территории страны Фарс.

Шах Мансур Музаффар, правитель Фарса, узнал о моем вступлении и выслал против меня тысячи воинов племени Буюр. Как обычно, прежде чем ввязаться в бой с племенем Буюр, я постарался узнать от местных жителей как можно больше о противнике. Они сообщили, что люди племени Буюр являются потомками самого Джемшида. Мне было известно, кем был Джемшид, я о нем читал в «Шах-намэ», знал, что города Ирана были созданы Джемшидом, и что именно он разработал в свое время законы для иранцев, которые до того не имели их. Остатки дворца Джемшида, как я сам видел их в Фарсе, все еще существуют в той стране, и я повелел высечь мое имя на одном из его камней, чтобы будущие поколения знали, что я завоевал тот край. Однако вступив в страну, я не знал, что потомки Джемшида все еще существуют, это было новостью для меня.

При вступлении в Фарс, я сначала попал в область под названием Эстахр (т.е., Экбатаны), расположенную на севере страны, в старину был известен под таким названием крупный город, однако завоевав Фарс и увидев тот город, я обнаружил перед собой селение не больше чем в пятьдесят дворов. Арабы, в свое время, захватив Фарс, разрушили Эстахр и полностью вырезали его население. Местные жители рассказали, что люди племени Буюр, являющиеся потомками Джемшида донныне никогда не отступали ни на шаг в бою и будут яростно сопротивляться пусть даже если врагов будет больше чем муравьев в степи и что враг сумеет пройти разве что уничтожив то племя до последнего человека.

Мне также поведали, что войско шаха Мансура Музаффари состоит не только из воинов племени Буюр, в него входят также и другие племена, все они обладают храбростью и мужеством и в состоянии противостоять врагу, что Фарс населен многочисленными племенами, которые кочуют дважды в году, отправляясь весной на йейлаги (т.е., горные пастбища), чтобы обеспечить своих животных водой и кормом, осенью же они возвращаются в свои села, и если шаху Мансуру Музаффари удастся привлечь их на свою сторону, тогда против меня будет выставлено войско численностью в два курура (1 курур=500 тысяч, полмиллиона). Мне задали вопрос: «Если тебе удастся одолеть племена Фарса, как ты в этом случае поступишь с Сэ Калъэ (буквально означает («Три крепости», «Три замка»)?»

Расспросив местных обитателей о Сэ Калъэ, я узнал, что в горах к северо-западу от Эстахра расположены три крепости, которые по утверждению фарсов, возвел ещё сам Джемшид. Одна из тех крепостей называлась «Эстахриар», вторая -

«Шэкастэ», а третья – «Шэнкуан». Эстахриар был расположен на высокой горе, на обширной плоскости, настолько обширной, что сотня тысяч людей могли свободно поместиться на ней, ведя там боевые действия. Мне рассказывали, что площадь та настолько обширна, что весной, в период дождей и таяния снегов, на ней образуются многочисленные водные потоки. Эти потоки воды собираются в водохранилища (водные амбары), устроенные внутри крепости Эстахриар и эти водные амбары настолько емки, что десять тысяч человек в состоянии держать осаду той крепости в течении целого года, не испытывая нужду в воде, а если будут расходовать ее бережно, то запасов воды хватит и на два года. А крепости Шэкастэ и Шэнкуан хоть и не такие большие как Эстахриар, также имеют достаточные запасы воды, между тем зимой и весной дожди и тающий снег также попадают в их водные амбары, постоянно пополняя запасы. Мне так же рассказали, что в каждой из тех крепостей всегда имеется страж, ответственный за запасы продовольствия и следящий за тем, чтобы водные амбары были всегда полными. Поэтому, в случае войны не возникает необходимости спешно доставлять продовольствие в эти три крепости, достаточно войску переместиться из степи внутрь тех крепостей и тогда даже войску Афросиаба не удалось бы овладеть ими. И поскольку пути, идущие в гору к тем крепостям очень узкие, достаточно поставить на них по несколько человек и они будут в состоянии воспрепятствовать наступлению большого числа отважных воинов.

Фарсы утверждали, что если мне и удастся нанести поражение шаху Мансуру Музаффару, правителю Фарса, он непременно отступит в крепость Эстахриар, укроется в ней и мне не удастся взять ту твердыню, в результате я могу на годы застрять в Фарсе. Поэтому, как они советовали, мне лучше возвратиться той же дорогой, что и пришел, и не искать для себя ненужной головной боли. Пока я стоял в селении Керад и собирал сведения о племени Буюр, других племенах и Сэ Калъэ, мне доставили послание от шаха Мансура Музаффару. *(Пояснение: Керад был одним из крупных селений в Фарсе, расположенным на северо-западе того края и много из того, что излагает здесь Тимурленг о Фарсе является новинкой также и для нас, иранцев – Переводчик.)*

В том поселении правитель Фарса еще раз незаслуженно оскорблял меня, обывая «нечистым и злобным узбеком». Он писал: «Фарс – это край львов и такие как ты никогда не сумеют покорить меня, и если хочешь узнать, что постигло тех, кто до тебя намеревался захватить Фарс, огляди обе стороны дорог того края, «от костей погибших вся дорога, от края до края, белым-бела», и тебя постигнет такая же судьба.»

Ответ правителю Фарса я написал левой рукой, и он начинался следующим стихом:

«Шэкастэ», а третья – «Шэнкуан». Эстахриар был расположен на высокой горе, на обширной плоскости, настолько обширной, что сотня тысяч людей могли свободно поместиться на ней, ведя там боевые действия. Мне рассказывали, что площадь та настолько обширна, что весной, в период дождей и таяния снегов, на ней образуются многочисленные водные потоки. Эти потоки воды собираются в водохранилища (водные амбары), устроенные внутри крепости Эстахриар и эти водные амбары настолько емки, что десять тысяч человек в состоянии держать осаду той крепости в течении целого года, не испытывая нужду в воде, а если будут расходовать ее бережно, то запасов воды хватит и на два года. А крепости Шэкастэ и Шэнкуан хоть и не такие большие как Эстахриар, также имеют достаточные запасы воды, между тем зимой и весной дожди и тающий снег также попадают в их водные амбары, постоянно пополняя запасы. Мне так же рассказали, что в каждой из тех крепостей всегда имеется страж, ответственный за запасы продовольствия и следящий за тем, чтобы водные амбары были всегда полными. Поэтому, в случае войны не возникает необходимости спешно доставлять продовольствие в эти три крепости, достаточно войску переместиться из степи внутрь тех крепостей и тогда даже войску Афросиаба не удалось бы овладеть ими. И поскольку пути, идущие в гору к тем крепостям очень узкие, достаточно поставить на них по несколько человек и они будут в состоянии воспрепятствовать наступлению большого числа отважных воинов.

Фарсы утверждали, что если мне и удастся нанести поражение шаху Мансуру Музаффари, правителю Фарса, он непременно отступит в крепость Эстахриар, укроется в ней и мне не удастся взять ту твердыню, в результате я могу на годы застрять в Фарсе. Поэтому, как они советовали, мне лучше возвратиться той же дорогой, что и пришел, и не искать для себя ненужной головной боли. Пока я стоял в селении Керад и собирал сведения о племени Буюр, других племенах и Сэ Калъэ, мне доставили послание от шаха Мансура Музаффари. *(Пояснение: Керад был одним из крупных селений в Фарсе, расположенным на северо-западе того края и много из того, что излагает здесь Тимурленг о Фарсе является новинкой также и для нас, иранцев – Переводчик.)*

В том поселении правитель Фарса еще раз незаслуженно оскорблял меня, обывая «нечистым и злобным узбеком». Он писал: «Фарс – это край львов и такие как ты никогда не сумеют покорить меня, и если хочешь узнать, что постигло тех, кто до тебя намеревался захватить Фарс, огляди обе стороны дорог того края, «от костей погибших вся дорога, от края до края, белым-бела», и тебя постигнет такая же судьба.»

Ответ правителю Фарса я написал левой рукой, и он начинался следующим стихом:

Я не хотел подвергать опасности своих конников, ожидающей их в лесу Арджан и считал более разумным не приближаться к тому месту и потому поручил нескольким надежным проводникам из числа местных, вести меня дорогой, исключаяющей возможность столкновения с войском шаха Мансура Музаффари в Арджанском лесу, ибо бой с ним в открытой степи был бы для меня предпочтительнее.

Моей целью было захватить Шираз, который называли средоточием наук, установив в нем свою власть, я хотел беседовать с выдающимися людьми города и узнать насколько глубоки их знания. Шираз был построен братом Хаджаджа бен Юсуфа в шестьдесят четвертом году хиджры, и когда я вступил в него, в Ширазе было двенадцать ворот и три большие мечети, одна из которых называлась Масджед-э Джамэ-э Атик, которую основал Омар бен Лайс Саффари в 285 году после хиджры великого пророка, и я вступив в город прочел свой намаз в той мечети.

Я знал, что Шираз опоясывает городская стена, которую построил за много лет до моего пришествия в Фарс Самсам ад-Даулэ. Когда я вступал в Фарс, ширазская стена на вид была прочной и если бы правитель Фарса надумал оказать мне сопротивление, укрывшись за той стеной, ему удалось бы надолго сковать мои силы в том месте. Я не боялся того, что шах Мансур Музаффари может перейти на осадное положение, ибо мой опыт взятия укрепленных крепостей был достаточно основателен и я хорошо понимал, что не существует такой крепости, которую не мог бы взять преисполненный решимости полководец.

Шираз славился не только своими большими мечетями, прочным крепостным валом и учеными мужьями, было известно, что юноши и девушки Шираза обладают миловидной внешностью и в Иране говорили, что Шираз – это край самых красивых юношей, и Хафиз в своих стихах отразил эту тему. Мои военачальники жаждали увидеть прекраснотелых ширазцев, но сам я не имею таких склонностей и запретил для себя увеселения для того, чтобы не утратить боевых качеств воина.

После того, как я вступил в Фарс, мои военачальники каждую ночь собирались вокруг Низамуддина, бывшего моим приближенным и летописцем и расспрашивали его о Ширазе и более всего о прекраснотелых ширазцах. Низамуддин рассказывал моим военачальникам о том, какие красивые глаза и брови у ширазских девушек, что они настолько черны, что невозможно надолго погружать свой взор в них без того, чтобы вскоре не почувствовать себя внезапно ослабевшим (*Пояснение: упоминаемый здесь Низамуддин - летописец (хроникер) написал книгу об Тимурленге, которая была утеряна и не*

существует сегодня, однако Шарафуддин Али Йезди, автор знаменитой книги «Зафар-намэ», содержащей описание жизни Тимурленга и войн, которые он вел, в значительной мере использовал материалы, изложенные в книге Низамуддина – Марсель Брион). Вступив в Шираз, я счел преувеличением все то, что поведал Низамуддин о тамошних прекраснеликих, может быть потому, что меня они не интересуют, я не находил глаза ширазских девушек столь уж захватывающими.

Чтобы избежать схватки с войском правителя Фарса в лесу, полном деревьев дикого миндаля, я обошел Арджанский лес (Аржанскую степь) и достиг мест, где равнина по обе стороны была покрыта ростками анганара (т.е. артишока) и мне говорили, что большой и массивный отросток, что виден у основания того растения является съедобным и мои конники, насобирав побольше этих плодов, приготовили из них еду, я тоже попробовал тех плодов и нашел их приятными на вкус. (Пояснение: «анганар», то есть артишоки, попали в Европу из Ирана, мы же сегодня даже позабыли его правильное название и на базарах Тегерана, где весной торгуют «анганаром», зеленики называют его «артишу» – Переводчик)

Пройдя земли, где произрастал «анганар», я получил второе послание от шаха Мансура Музаффари, в котором он бахвалился своим происхождением, перечисляя имена своих достославных предков, воображая будто я не знаю его рода и не ведаю, что его основателем был человек, бедный, но сильный, по имени Пехлеван Хаджи, уроженец города Хаваф, что в Хорасане. В поисках хлеба насущного, он покинул Хаваф и сначала попал в Тус, где захотел показать свою силу. Но в том городе было много зур-ханэ (т.е. спортивная арена для иранских классических игр и упражнений), где борьбой и силовыми упражнениями занималось множество богатырей и Пехлеван Хаджи не привлек к себе ничего внимания и никто не стал его приглашать разделить с ним трапезу. Потом он направился в Нишапур и стал участвовать в различных состязаниях по борьбе, однако потерпел поражение и поскольку не мог после этого оставаться в Нишапуре, направился в Рей. В Рее также проживает несколько известных пехлеванов, поэтому Пехлевану Хаджи и там не удалось отличиться и поневоле ему пришлось направить свои стопы в Исфаган, а затем – в Фарс.

В Фарсе за семьдесят два года до моего прихода в эту страну не было крепких пехлеванов, поэтому Пехлеван Хаджи привлек к себе внимание и вокруг него собиралось молодежь, которая распространяла вокруг славу о его мощи и достоинствах, после чего Пехлеван Хаджи Хавафи стал думать о царствовании и после смерти правителя Фарса, он стал править той страной. И поскольку был он из простолюдинов, неграмотен и невежественен, а к старости пристрастился к

обжорству, и ничем другим кроме поглощения пищи не занимался, то после своей кончины он не оставил о себе ничего примечательного в памяти потоков.

Основным занятием Пехлевана Хаджи Хавафи, ставшего правителем было после пробуждения сесть утром за дастархан, и сидеть за ним до полудня, поглощая пищу. После чего, от перенасыщения его клонило ко сну, до вечера он спал. Проснувшись к вечеру, он опять садился за дастархан и пожирал пищу до полуночи, после чего отбывал ко сну, так в конце-концов он и умер от обжорства. Таков был человек, происхождением от которого гордился шах Мансур Музаффари, представляя его, как своего великого предка.

Мой же предок, Чингиз-хан, ел мало, ему достаточно было утолить голод, да и то употребляя легкую пищу, кислое молоко кобылиц, и поскольку воздерживался от употребления вина и других хмельных напитков, мог провести тридцать суток не слезая с лошади. *(Рене Грюсэ написавший книгу о жизни и делах Чингиз-хана, считает одной из основных причин мощи его и его воинов было то, что кроме молока кобылиц, которое называлось «кумыс», они не употребляли иной пищи, который он считает очень питательным и вместе с тем легко усваиваемым продуктом. – Переводчик)*

Потомки Пехлевана Хаджи Хавафи, сменявшие его на троне, отличались скудоумием, леностью и отсутствием каких-либо выдающихся качеств. Вместе с тем они были чванливыми и тщеславными и к моменту моего прихода в Фарс, восемь представителей той династии правили в Фарсе, Кермане и Йезде.

Обойдя стороной Арджанский лес, я направился на Шираз, войско, которое расположил шах Мансур Музаффари у того леса не смогло преградить мне путь, потому что мои всадники неслись так стремительно, что пока противник собирался сделать это, мы пронесли мимо него и оказались на подступах к Ширазу. Шах Мансур Музаффари находился в Ширазе и люди мне передали, что он намерен переместиться в крепость Эстахриар (о которой я уже рассказывал) и укрепиться там, и тогда говорили они, я могу провести годы в стране Фарс, но так и не сумею взять ту твердыню.

Я говорил, что в мире не существует такой крепости, которую невозможно было бы взять и для взятия каждой из них существует присущий для той крепости способ. Скройся правитель Фарса в Эстахриаре, я вместо того, чтобы гнать своих воинов наверх в гору, что равносильно тому, чтобы предать их в объятия Азраила (т.е., ангела смерти), вначале построил бы широкую дорогу, которая подобно змеиным кольцам опоясывая гору вела бы на ее вершину, и лишь только после того начал бы штурм. Однако шах Мансур Музаффари не поехал в

крепость Эстахриар, вместо этого он направился в ширазскую мечеть Атик, построенную Умаром бен Лайсом Саффари, и начал в ней молиться о том, чтобы Аллах даровал ему победу надо мной. Шираз знаменит тем, что всякий, кто пойдет в мечеть Атик и обратится с мольбой к Господу и попросит его о чем-либо, молитва та будет услышана (и просьба удовлетворена) в течении времени меньшего, чем требуется, чтобы пройти от минбара до мехраба, и Господь дарует ему все, что он попросил.

Правитель Фарса направился в мечеть Атик, для того чтобы вымолить у Господа победу надо мной. Он молил Бога о том, чтобы я попал в его руки, чтобы затем он мог выдавить мои глаза, отрезать мой язык, и в конце-концов отрубить мои руки, а затем мою голову. Этот человек не ведал, что если бы врага можно было победить лишь с помощью молитвы, пророк наш Мухаммад бен Абдуллах, вместо того, чтобы натянув доспехи, отправиться на поле битвы драться и разбить врага, мог бы ограничиться посещением мечети, мольбой к Богу, чтобы тот даровал ему победу над врагом. Несомненно, что Аллах принял и исполнил бы мольбу своего пророка, скорее, чем молитву шаха Мансура Музаффари и пророк таким образом одерживал бы победы, не выходя из мечети, чтобы спешить на битву. Пророк наш участвовал в войнах Ахад, Хайбар, потому что понимал, что победу над врагом одерживают сражаясь, а не предаваясь только лишь молитве и заклинаниям.

Вскоре после захода солнца, я достиг местности, называемой Патилэ, вдали виднелась широкая долина, а в ней темная масса войска. Я велел сделать остановку. Мои военачальники знали, что в этом случае следует делать, тем не менее я подчеркнул, что им той ночью следует быть особо бдительными, чтобы, в случае ночного нападения врага, суметь успешно отразить его.

Я напомнил им: «Мы находимся в чужой стране и не располагаем точными сведениями о местности и численности вражеского войска, которое действует в собственной стране и хорошо знает местность, и нет сомнения, что войско, ждавшее нас у Арджанского леса, либо кинулось вдогонку за нами и его появления следует ожидать с минуты на минуту, либо спешно идет на соединение с войском шаха Мансура Музаффари. Завтра мы должны наступать, потому что если будет упущен завтрашний день, то вероятнее всего к его концу либо за нашей спиной появится войско, идущее от Арджинского леса, либо оно успеет слиться с войском шаха Мансура Музаффара и тогда задача наша еще более усложниться. Не держите воинов в бодрствующем состоянии, дайте им поспать и отдохнуть, чтобы они были готовыми к завтрашней битве. Пусть не спит только та часть воинов, которой поручено боевое охранение. И наконец, воины должны спать таким образом, чтобы в случае ночной атаки врага они могли без промедления включиться в бой.»

Если бы было время, я бы возвел в ту ночь вокруг лагеря защитный вал-стену из «дая», чтобы защититься от возможной ночной атаки врага. (*«Дай» состоит из смеси глины, с мелкими камнями, которая высохнув становится твердой – Марсель Брион*). Для возведения вала потребовалось бы держать воинов всю ночь без сна, а утром они были бы слишком вялыми от усталости и бессоницы, чтобы хорошо сражаться. По этой причине я отказался от намерения возводить стену, вместо этого я назначил караульных и дозоры, составлявшие небольшую часть войска, чтобы быть наготове и отразить возможное нападение врага в ночное время.

Будь я на месте шаха Мансура Музаффари и Амир Тимур вторгся в мою страну, расположившись лагерем вблизи моей столицы, я бы провел той ночью жесткую и стремительную атаку на лагерь вражеского войска, самой меньшей выгодой от той атаки была бы невозможность для Амира Тимура выстроить наутро свое войско в желательном для него боевом порядке. Потому что всякая ночная вылазка, особенно если она жесткая и стремительная, расстраивает боевой порядок лагеря. Однако по двум причинам шах Мансур Музаффари не предпринял ночную атаку против меня: во-первых он не был воином, и потому не ведал, что предпринявший ночную атаку не питает сомнений в том, что он победит. Потому и организуется ночная вылазка, чтобы не дать врагу возможности выстроить наутро войско в желательном для него боевом порядке. Вторая причина, как я узнал позже, заключалась в том, что правитель Фарса ожидал прибытия той части войска, что ранее была направлена им в Арджанский лес, чтобы атаковать меня с большим числом своих воинов.

Как только я вступил в долину Патилэ и увидел вдали темную массу войска правителя Фарса, я понял, что шах Мансур Музаффари не является воином, ибо будь он воином, понимал бы, что ему не следует ввязываться в бой на такой равнинной местности с моим войском, состоящим из конников. Керманшахские племена, давшие мне сражение в ущелье Патак, намного больше разбирались в военной науке, чем правитель Фарса, потому что понимали, что на плоской равнине они не сумеют противостоять моей коннице, и потому постарались встать на моем пути именно в районе горного ущелья, и если бы они были готовы пожертвовать жизнями части из своих воинов, то сумели бы уничтожить мое войско в том ущелье.

Шах Мансур Музаффари выбрал равнину для битвы, считая ее условия невыгодными для меня. Я бы на его месте, оставив Шираз, сосредоточил бы свое войско на востоке от того города, на берегу озера Махлу. Тот район с одной стороны ограничен высокой горой, а с другой – берегом озера Махлу, вода в которой горькая и соленая. В такой местности можно хорошо преградить

путь конному войску. А я вынужден был бы проследовать в тот район, потому что не мог позволить этому человеку с таким большим войском держать под контролем страны к востоку от Шираза и постоянно угрожать мне уничтожением.

Однако шах Мансур Музаффари не являясь воином и не сумел определить, что именно той ночью ему выгодно было бы напасть на меня. Той ночью я несколько раз просыпался, выходил из шатра, обходил все участки лагеря, прислушиваясь к различным звукам, доносившимся издали. Неожиданно, я услышал трель соловья, который должно быть пел в одном из ширазских садов и в тот момент я понял, что наступила весна и вспомнил, что весна в этом городе наступает раньше, чем где-либо. В ту ночь мои передовые дозоры трижды сообщили, что видят вражеские дозоры. Ранее я давал указание, чтобы при появлении вражеских дозоров, наших воинов не будили, чтобы их будили только в случае ночной атаки врага. Между тем, вражеские дозоры отступали всякий раз заведя приближение к ним наших дозоров.

Наступил рассвет, я совершил намаз, облачился в боевые доспехи, решив, что сам непременно приму участие в предстоящем сражении, чтобы не дать части войска, стоявшему в Арджанском лесу, соединиться с войском шаха Мансура Музаффари. Облачившись в доспехи, я велел, чтобы трубили в боевые трубы, которые разбудили моих воинов, в короткое время лагерь был свернут и я подготовил свое войско к бою.

Долина Патилэ представляла собой обширную ровную местность и я, чтобы нанести поражение войску шаха Мансура Музаффари, должен был продвинуться с запада на восток. По этой причине, хотя моя кавалерия и выстроилась в боевой порядок, я тянул с началом наступления, чтобы солнце поднялось выше и не так уж слепило глаза моим воинам. О войске противника я не имел других сведений кроме той обстановки, что была перед моими глазами, однако слышал, что у правителя Фарса есть два выдающихся полководца, оба из его рода, одного звали Муътасам бен Султан Зейн-уль-Абедин, второго – Яхья Музаффари.

Мне рассказывали, что шах Мансур Музаффари побаивается их обоих, потому что знает, что они выдающиеся личности, и если до того времени он не ослепил их, то только потому, что они были его родственниками и женщины из числа их родни настояли, чтобы он отказался от такого намерения (*Пояснение – в старину людей лишали зрения с помощью тонкого, сильно нагретого стержня, проводимого по глазницам и после заживления раны глаза ослепленного внешне будто подведенные сурьмой, не имели какого-либо дефекта, казались здоровыми, однако люди оставались слепыми до конца жизни и таких называли*

«макхуль», то есть «насурьмленный», или «подведенный сурьмой», то есть человек по глазам которого провели палочкой сурьмы. Корень этого слова «кахала», что по-арабски означает «сурьма» – Переводчик).

В роду Музаффаридов было традицией, когда завоевавший трон «подводил сурьмой» (то есть ослеплял) глаза своих близких родичей, и тому были весьма редкие исключения. Бывало даже и так, что сыновья лишали зрения родного отца, поскольку престарелый отец, уступив трон сыну, мог через какое то время передумать и захотеть снова взять власть в свои руки (в династии Музаффаридов было девять правителей, их деяния были ужасными и вызывают содрогание, они правили Фарсом, Йездом и Керманом, иногда Ирак-э Аджамом. Знаменитый поэт Хафиз Ширази пережил двух правителей той династии и одной из причин того, что он, по его собственному выражению «удалился, ища уединения в развалинах», были ужасные злодеяния, творимые представителями династии Музаффаридов – Переводчик).

Еще до начала боя я догадывался, что если Муътасам бен Султан Зейн-уль-Абедин и Яхья Музаффари пустят в ход все свои способности и хорошо организуют ход битвы, то сделают они это из старха, а не вследствие добросовестного отношения к своему долгу или твердой воли. Я понимал, что человек, ожидающий, что его хотя и не совершавшего какого-либо проступка, непременно ослепят, никогда не станет от чистой души служить тому, кто намерен совершить такое злодеяние по отношению к нему.

Одним из разумных принципов управления является то, что правитель никогда не должен наказывать безвинного, а также никогда не оставлять ненаказанным виновного. Сыновей своих я учил, чтобы никогда не оставляли верную службу без должного вознаграждения, а проступок – без заслуженного наказания. Окружение правителя должно быть уверено, что не совершив греха, люди никогда не будут наказаны, и что за верную службу их неизменно ждет достойное вознаграждение.

Между тем, приближенные султана Мансура Музаффари, правителя Фарса, являясь каждое утро к нему на аудиенцию, не знали, будут ли они зреть свои шагающие стопы, или же кто-то, взяв их за руку, поведет их, ослепленных, домой. Эти люди если и служили, то делали это из страха и никто из них не был чистосердечным сторонником султана Мансура Музаффари.

Когда солнце взошло достаточно высоко и стало менее ярким, я велел начать наступление и мои конники устремились вперед. Правым флангом моего войска командовал Фаттах-бек, которого вначале звали Мир-Фаттах, из уважения ко мне он отказался от приставки «Мир», означающую «Эмир», перед своим

именем, и я нарек его Фаттах-беком. Он считался одним из лучших моих военачальников и обладал всеми теми качествами, которые я считал необходимыми для полководца, кроме единственного недостатка, заключавшегося в его пристрастии к вину, которое он тщательно скрывал, зная, что я питаю отвращение к любителям хмельного питья. Левым флангом моего войска командовал сын мой Миран-шах. *(из семи сыновей Тимурленга, носивших имена: Джахангир, Шейх Умар, Миран-Шах, Шахрух, Халил, Ибрахим, Саъад Ваккас, только один из них, а именно Шахрух наследовал царский престол, однако среди последующих правителей были также и отпрыски других сыновей Тимурленга, такие как Султан Хусейн Байкара, внук Шейха Умара и Султан Махмуд (не путать с Султаном Махмудом Газневи), внук Миран-шаха и другие – Марсель Брион).*

До того дня я не поручал Миран-шаху главенства над войском, однако вовлекал его в участие в боях, чтобы он обрел твердое сердце и отдалил от себя страх перед смертью. Перед началом битвы я сказал ему: «Ты возглавишь левое крыло моего войска, значит тебе будет противостоять правый фланг вражеского войска. Твое войско будет конным, войско же врага – пешим, между тем, поле боя достаточно ровное, поэтому твою конницу не ожидают какие-либо особые трудности. У меня нет сведений о боевых качествах вражеской пехоты, но твои конники достаточно закалены в боях, некоторые несут службу уже более пятнадцати лет. Я излагаю тебе все это, чтобы ты понял, что никаких оправданий от тебя в случае неудачи я не приму, и меня не волнует вероятность твоей гибели. Несмотря на то, что ты мой сын, твоя гибель на поле боя будет значить для меня не более, чем гибель одного из моих рядовых воинов. Давно я жду этого дня, чтобы должным образом наказать султана Мансура Музаффари, и сегодня условия предстоящей битвы благоприятствуют мне, и если в такой день мое войско постигнет неудача, такое может произойти лишь вследствие бездарности моих военачальников. Однако я уверен в выдающихся способностях моих полководцев, ибо они достаточно испытаны мною. Ты также прошел испытание на мужество и стойкость, участвуя в битвах, но сегодня тебе предстоит пройти испытание в качестве военачальника. Если столкнешься с ожесточенным сопротивлением вражеской пехоты, не пытайся пробить брешь в правом крыле неприятельского войска, вместо этого обойди его, чтобы суметь взять в кольцо правый фланг войска султана Мансура Музаффари. Точно так же должен поступить Фаттах-бек, то есть если не удастся рассеять левый фланг врага, он его обойдет кругом и вы с ним соединитесь в тылу войска султана Мансура. Я также, находясь в центре, буду стараться разбить центр войска султана Мансура, если мне это не удастся, постараюсь оттянуть на себя весь напор вражеского войска для того, чтобы ты и Фаттах-бек могли быстрее совершить обход вражеского войска. Я не верю, что военачальники султана Мансура будут биться добросовестно и самоотверженно, однако ты должен

считать, что каждый вражеский воин, стоящий на твоём пути, готов героически погибнуть за султана Мансура.»

Получив эти мои наставления, Миран-шах вскочил на коня и отправился, чтобы возглавить левый фланг моего войска и я с того момента готовился отправить письмо его матери с вестью о его гибели. Гибель моего сына в этой битве была для меня предпочтительнее поражения. Моя кавалерия, за исключением резерва, двинулась вперед, выстроившись в два ряда друг за другом и я занял место в первом ряду и как обычно назначил своего преемника, чтобы в случае моей гибели в ходе битвы, войско не оставалось без командующего.

В тот день внешне я ничем не отличался от остальных своих воинов и никто не мог выделить меня по шлему и доспехам, однако сам я по мере приближения к вражескому войску, сразу увидел султана Мансура Музаффари, расположившегося в центре войска. На голове его красовался золотой шлем, украшенный султаном, его доспехи сияли словно зеркало, позже я узнал, что они были изготовлены из золота. Его окружали всадники, облаченные в шлемы и доспехи, было видно, что это личная гвардия султана.

В тот день я потому и понесся навстречу врагу, будучи в первом ряду своего войска, что хотел скорее узреть султана Мансура Музаффари. Кроме того, если командующий будет биться в первых рядах атакующего войска, рядовые воины будут проявлять большую отвагу. Это важно, потому что воины, сражающиеся в первых рядах сталкиваются с жесточайшим сопротивлением противника и во всех боях большее число сражающихся в передовой части войска гибнет или получает ранения. По существу, сражающиеся в первом ряду войска шагают навстречу своей смерти, вероятность их гибели высока, как маловероятна возможность того, что они останутся в живых. Когда же они видят, что их командующий шагает навстречу смертельной опасности подобно каждому из них, необходимость пожертвовать свою жизнь не кажется им столь значительной, поскольку видят, что их жизни имеют ту же цену, что и жизнь Амира Тимура.

Оставалось сто зарьов до передовых линий врага, когда тот начал осыпать нас градом стрел. С началом этой стрельбы мы пустили вскачь своих лошадей, чтобы скорее сойтись вплотную с врагом, и тем самым помешать ему вести стрельбу и сократить вероятность потерь с нашей стороны. Впереди линии вражеского войска не было возведено никакой преграды или вала, могущего помешать продвижению нашей кавалерии. Султан Мансур Музаффари, будь он способным человеком, узрев нас еще накануне мог бы заставить своих воинов натянуть впереди своей пехоты цепь или хотя бы просто веревку. Отсутствие какой-либо преграды впереди пешего войска, до того имевшего достаточно

времени для ее устройства, казалось мне странным, я было вообразил, что в этом кроется какая-то уловка, с помощью которой нас хотят захватить врасплох, но по окончании битвы я понял, что никакой уловки там не было, просто султан Мансур Музаффари не будучи военным человеком, не знал, что на пути наступающей конницы врага целесообразно устраивать различные препятствия.

Я все еще не могу принять то, что военачальники правителя Фарса, не знали того вопроса, что они не могли додуматься хотя бы до того, чтобы протянуть у земли какую-нибудь цепь скорее всего, испытывая ненависть к Султану Мансуру, они не захотели действительно помогать ему. Перед нами, наступавшими на переднем крае, стояла задача сломить сопротивление вражеской пехоты и расстроить ее ряды, нарушить ее боевые порядки. Задачей второго ряда нашего войска была зачистка поля сражения, то есть уничтожение тех, кто не желал сдаться, захват в плен тех, кто был готов к этому и вывод их за пределы поля боя.

Сойдясь вплотную с противником, мы перестали быть мишенью для его стрел, однако вместо них, пехота врага пустила в ход против нас свои копья, которые нам приходилось отбивать книзу (выбивать из их рук), чтобы смешать ее ряды. Закинув за шею уздечку своего коня, я рубился, взяв саблю в правую и секиру в левую руку. Острия копий, которыми вражеские пехотинцы делали выпады в мою сторону, выглядели в моих глазах не опаснее швейной иглы в руках старой женщины.

Опытный боец сразу же после начала схватки способен, видя стиль борьбы противника, понять в самом ли деле тот силен или нет. С первых мгновений после начала сражения, я понял, что воины султана Мансура вялые и не дерутся так как я ожидал. Среди них не было воинов племен Фарса, которые ждали меня у Арджанского леса и которые могли доставить мне много неприятностей, если бы успели быстро переместиться в степь Патилэ и соединиться с остальным войском султана Мансура.

Возможно, из-за того, что военачальники султана Мансура не участвовали в сражении со всей душой, рядовые воины были такими вялыми, потому что во всякой битве, рядовой солдат как зеркало отражает суть стоящих над ним старших и полководцев, все что те думают и чувствуют неизбежно проявляется в поведении рядовых воинов. Если видите, что солдат труслив и малодушен в бою, то знайте, что это только потому что сами военачальники того войска – трусливы и малодушны.

По обе стороны от меня мои воины отчаянно рубились саблями и секирами, парируя выпады копий противника и продвигались вперед. Вдруг я почувствовал, что ход моего коня замедлился и я понял, что он ранен. Едва я

успел сбросить узду со своей шеи, как конь мой рухнул наземь. Тогда я и увидел, что брюхо животного пропорото копьем, и что оно умирает. Едва свалившийся конь коснулся земли, я спрыгнул с него, чтобы мои ноги не придавило его тушей и будучи пешим, окруженный своими конниками, я бросился на вражеских воинов.

Они были вооружены лишь копьями, тогда как орудия саблей и секирой, зажатые в обеих моих руках, я так легко переламывал те копья, словно вместо в руках противника были зажаты всего лишь тростниковые перья. Некоторые из конников, находившихся рядом со мной хотели было спешиться, чтобы уступить мне своего коня, но я крикнул, чтобы они продолжали заниматься своим делом. Один из них крикнул в ответ: «О эмир, раз уж ты не дозволяешь мне спешиться, сядь же тогда позади меня, на круп моего коня.» На это я ответил, чтобы он оставил меня в покое, ибо я хочу сражаться пешим. В тот момент я чувствовал, что обрел сверхсилу. Однако после битвы я понял, что эта сверхсила исходила не от кипения крови в моих жилах, а скорее от вида растерянных воинов противника, их неспособности умело воспользоваться имевшимися у них копьями, от того, что воины эти были явно необстрелянными и не имевшими боевого опыта. Переламывая направленные на меня копья, и продвигаясь вперед, я чувствовал, что удача покинула правителя Фарса, ибо она покидает в ходе сражения именно тех, кто не готовит себя должным образом к нему.

О, читающий мое жизнеописание, знай, что счастье в бою никогда не сопутствует бездарному воину, и если тебе говорят, что победу в битве одержал бездарный и незрелый человек, имевший под своим началом необстрелянных новобранцев, не верь такому утверждению, знай, что оно безосновательно и неразумно. Всякая победа в бою зависит от времени, проведенного в сражениях, обретенного опыта, умения проявлять прозорливость и компетентность в использовании личного состава войска, а так же подбора опытных бойцов. Удача в бою сопутствует тому, кто заранее готовит себя к ней и который вступил в сражение, опираясь на зрелых и опытных воинов и их начальников.

Я сражался с опущенным забралом шлема, поэтому вражеские воины не различали моего лица. Причиной такой предосторожности было оберечь лицо и глаза от удара вражеской стрелы, дротика или копья. С опущенным забралом я был полностью защищен и стрелы, копья и сабли врагов не могли поразить никакой части моего тела, на мне так же были надеты набедренные щитки и поножи. Если хочешь узнать каково сражаться пешему закованному в доспехи, облачись в то железное одеяние,крепи на ногах набедренные щитки и поножи, возьми в руку саблю и начни ею орудовать, даже если ты и привычный к тому человек, не пройдет и получаса с начала боя, как ты начнешь валиться с

ног от усталости. Ношение тяжелых доспехов на поле боя является делом лишь тех мужей, кто достаточно закален физически, приучили свое тело к тяжелому труду настолько, что тяжесть надетых доспехов не пригнет их к земле и многим доблестным воинам не нравится носить на себе такую тяжесть и поэтому они чаще предпочитают выходить на поле боя не надевая тяжелых доспехов, чувствуя, что это бремя свалит их с ног скорее, чем удары, нанесенные врагом. Что касается меня, я приучил свое тело к длительным физическим нагрузкам и поэтому тяжесть надетых доспехов не свалит меня с ног. Мои доспехи изготовлены в Чаче и хотя тамошние искусные мастера славятся умением изготавливать из железа легкую боевую одежду, тем не менее мои собственные доспехи представляют собой изрядную тяжесть.

Тот, кто привык всю жизнь нежиться в шелковой постели, не сможет носить железные боевые доспехи, будь они даже легкими, подобно тем, что изготовлены чачскими мастерами.

Еще раз во мне возникло ощущение, что я превосхожу всех, что жизнь и смерть многих тысяч людей, находящихся передо мной зависит от моей воли. Яростно орудуя саблей в одной руке и секирой в другой, иногда ощущая удары вражеских копий и сабель по броне, облегающей мое тело, я ощущал себя гораздо более мощным, чем Эсфандияр. Потому что Эсфандияр больше полагался на свои боевые доспехи, и потому был убит, я же в первую очередь опирался на свою собственную отвагу. Временами я запрокидывал голову к небу, чтобы видеть, как высоко поднялось солнце, чтобы определить, какая часть дня уже миновала, затем я снова продолжал свое дело. По обе стороны от меня продолжали биться мои конники и вражеские воины не могли подобраться ко мне ни справа, ни слева. Первая линия моего войска завершала выполнение возложенной на нее задачи, а вторая, как я уже упоминал, была занята зачисткой поля боя. Неожиданно один из всадников завопил: «Где эмир?.. Где эмир?»

Не отрывая своего взора от находившегося напротив врага (в противном случае рискуешь получить неожиданный удар), я закричал: «Зачем тебе понадобился эмир?» Тот всадник, узнав меня по голосу, прокричал «О, эмир, меня прислал Фаттах-бек, он шлет тебе весть о том, что обходит левый фланг врага и стремительно движется вперед, нагромождая горы вражеских трупов.» Я сказал: «Передай ему от меня, чтобы, завершив обход левого фланга войска султана Мансура, продолжал тот обходной маневр до тех пор, пока не соединится с войском моего сына, Миран-шаха, потому что мой сын мог не преуспеть в совершении такого же стремительного обхода в отношении правого фланга врага.»

Я переговаривался с гонцом по-тюркски, зная, что воины султана Музаффари не понимают этого языка, если бы, к примеру, мы говорили на фарси, они могли поняв суть разговора, передать его содержание шаху Мансуру Музаффари. Переговариваясь с гонцом по-тюркски, я продолжал орудовать обоими руками и очень редко случалось, чтобы очередной удар моей левой или правой руки не валил наземь очередного врага.

Воины султана Мансура были настолько слабы, что временами казалось, будто я борюсь с кучей малолетних детей. Пешие воины султана Мансура Музаффари старались поразить меня своими саблями и копьями, и казалось, что нет среди них начальника, более или менее искушенного в воинской науке. Ибо будь среди них таковой, он бы им показал, что нет смысла в том, чтобы стараться поразить закованного в железо врага ударами сабель или копий, в схватке с таковым разумнее применить булаву, завалить его, нанеся удар ею по голове или хребту врага. Однако в войске султана Мансура видимо не было человека, который бы когда-либо раньше сталкивался с подобным.

Одним из показателей вялости воинов и полководцев султана Мансура Музаффари и их нежелания усердно сражаться было то, что за все то время, пока я бился пешим, я не видел ни одного вражеского воина, который будучи раненным, пытался бы снова подняться на ноги и продолжать участвовать в бою. Те из воинов и полководцев, что движимы усердием, даже получив ранение стараются подняться, чтобы в меру оставшихся сил продолжать наносить урон врагу, продолжая выводить из строя его воинов. Пока я вынужден был сражаться пешим, кто-нибудь из валявшихся на поле битвы раненных мог, приподнявшись, перерезать кинжалом мои сухожилия сзади. Случись такое, я бы повалился наземь и тогда вражеским воинам легко удалось бы прикончить меня. Однако ни разу, ни один из раненных не поднял своей головы, получив удар, воины султана Мансура валились наземь, хотя и не будучи мертвыми, они лежали сохраняя неподвижность, терпеливо ожидая пока наши конники не промчатся мимо. Когда кавалерия наша проносилась мимо них, они отползали куда-нибудь к краю поля и ждали, когда окончится сражение и каким-то образом решится их судьба. Все эти признаки указывали на то, что султан Мансур Музаффари был бездарью, он недостойн иметь войско, ибо будь он достоин того, его воины не бились бы столь вяло.

Воин, кроме денежной платы должен получать также и моральный стимул, каждый воин должен ощущать на себе пристальный взгляд своего начальника. Я знаю каждого из своих старых воинов, к каждому из них я обращаюсь по имени. Думаю, что со времен сотворения мира, не было такого полководца, который бы знал и мог назвать всех своих воинов по их именам, разве что в ходе войн, когда утверждалась религия ислам, и то потому что численность

отрядов тогда не превышала семисот-восьмисот человек. Тот воин, к которому я обратился по имени понимает это как то, что я знаю его, ценю его и это стимулирует его биться в сражении с большим энтузиазмом и усердием и тем более знает, что его усердие не останется без должного вознаграждения.

Все управители городов и областей моего царства назначены из числа моих старых воинов, потому что они добросовестно бились в сражениях и я повышал их в должности, наделял их властью, тиулем (поместье, пожалованное в пожизненное пользование) и своим сыновьям наказал, чтобы после моей смерти отношение к тем воинам не менялось, что желая сохранить свою власть, они должны проявлять постоянную заботу о простых воинах и их начальниках.

В пылу схватки, я вдруг услышал знакомый голос, кричавший: «О, эмир, что ты делаешь? Зачем ты не садишься на коня?» Я узнал голос Низамуддина, своего летописца и переспросил: «О чем ты говоришь?» Низамуддин крикнул: «О, эмир, понимаешь ли ты, что делаешь и какой опасности себя подвергаешь?» Я крикнул в ответ: «Что ты предлагаешь?» он сказал: «О, эмир, я привел для тебя коня, садись же на него!» Я не отводя взгляда от идущего сражения, отступил назад, поднял забрало своего шлема и Низамуддин сказал: «О эмир, ты сегодня совершил то, чего не совершали ни Афросиаб, ни Рустам... Посмотри на себя... Ты выглядишь словно искупался в водоеме, полном крови!»

Я бросил взгляд на свои ноги, живот и грудь и увидел, что весь я покрыт кровью, свежей, которая забрызгала старую, уже спекшуюся. Летописец сказал: «Я никогда не слышал и не читал, чтобы отыскался такой храбрец, который мог бы в течении столь долгого времени в одиночку биться в тысячью врагов!» Я ответил: «Низамуддин! Не преувеличивай мою отвагу, ибо я дрался не один, мои конники постоянно следили за обстановкой вокруг меня и не позволяли врагам окружать меня. Кроме того, на мне надета броня и я неуязвим для ударов сабель, копий и стрел. Кроме того, против меня бились новички, не владеющие навыками боевого искусства и сам стиль сражения показывает их равнодушное и безразличное отношение к вероятному исходу сражения. Если бы не все это, вряд ли я бы выбрался живым из этой схватки.»

Низамуддин сказал: «О, эмир, взбирайся на лошадь, чтобы скроее увидеть одержанную тобой победу, так как я предвижу, что твоя победа близка.» Я хотел вложить свою саблю в ножны, но не сумел этого сделать, потому что лезвие было покрыто таким слоем запекшейся крови, что не входило в ножны. Я протянул клинок Низамуддину и сказал: «Подержи его.» Он спросил: «О, эмир, не желаешь ли ты, чтобы клинок помыли?» Я сказал: «Да, почистите его.» После чего, я вскочил на коня, не выпуская из рук секиры, которую я удерживал с помощью ремешка, обмотанного вокруг кисти, сказал: «Низамуддин, ты

принес мне благую весть о том, что меня вскорости ожидает победа, и за это ты должен удостоиться вознаграждения. Поскольку я знаю, что тебе нравятся черноглазые красавицы Ширази и поэтому, после нашего вступления в тот город, я дам тебе право выбрать для себя десять красивейших из них и быть их обладателем.» Низамуддин ответил: «О, эмир, мне уже немало лет, поэтому десять ширазских красавиц для меня это слишком много.» Я ответил: «Я назвал наибольшее число, ты же выбери столько, сколько тебе окажется под силу.»

В следующее мгновение примчался гонец от сына моего Миран-Шаха и передал, что сын мой со своими конниками благополучно соединился с конниками Фаттах-бека, тем самым началось взятие в кольцо всего войска султана Мансура. Взяв на себя командование после того как я вновь сел на коня, я отправил гонцов к Фаттах-беку и Миран-Шаху с несколькими указаниями. Им и военачальникам в центре я приказал захватить шаха Мансура Музаффари непременно живым и ни в коей мере не позволить ему спастись бегством.

Вместе с тем, чтобы быстрее завершить сражение, я велел намеренно устроить несколько проходов в кольцо окружения, через которые могли спастись бегством трусы и малодушные, бежавших, если их количество будет недостаточно большим, я велел не преследовать.

Вдруг я заметил группу отступающих количеством в сорок-пятьдесят человек, среди которых было несколько верховых. Я увидел, что один из них – это султан Муътасам бен Султан Зейн-уль-Абедин, командующий правым флангом войска правителя Фарса. Эта группа не представляла для нас опасности, ибо не могла впоследствии снова напасть на нас. Таким же образом бежал и командующий левым крылом, Яхья Музаффари, дрогнувший и выбравший бегство вместо гибели на поле боя. Я обрадовался ибо это соответствовало нашим интересам.

Известно, что если бегут выдающиеся командующие, ответственные за управление войском в бою, остальные воины и их начальники не будут способны к дальнейшему сопротивлению. И с того момента воины султана Мансура Музаффари начали бросать наземь свои копья и сабли и стали сдаваться.

Я взял саблю в руки и в сопровождении группы воинов и их начальников ринулся в сторону султана Мансура. Я думал, что отборная гвардия султана Мансура Музаффари окажет жестокое сопротивление, падёт до последнего человека, но не позволит пленить своего повелителя. Однако, против ожидания, гвардейцы так же не оказали какого-либо сопротивления. Наши воины и

начальники взяли их в плен и султан Мансур Музаффарид остался один со своим слугой, державшим «чатр» (т.е. зонтик) над его головой.

Весеннее солнце Фарса еще не было столь жарким, чтобы доставлять беспокойство. Видно было, что правитель Фарса был настолько изнежен телом, что не в состоянии был вынести лучей даже такого солнца. Держателем «чатра» правителя Фарса был чернокожий, и я видел, что он обладает большим мужеством и самообладанием, чем все военачальники султана Музаффарид, поскольку мог бы бросить «чатр» и бежать, однако он не сделал этого и остался на месте.

Я направил своего коня в сторону султана Мансура, отстегнул его саблю и передал одному из своих военачальников. Затем я спросил его: «Ты узнал меня?» Султан Музаффарид спросил в страхе: «Ты знаешь фарси?» Я ответил: «Да, и полагаю, что знаю его лучше тебя. Я спросил тебя, узнал ты меня или нет?» Султан Мансур ответил: «Нет, я не знаю тебя, но догадываюсь, что ты один из близких к Амиру Тимуру людей.» Я сказал: «Я – сам Амир Тимур.»

Тот человек, услышав мое имя, оглядел меня, с ног до головы забрызганного кровью, и лик его побледнел, видно было, что его обуял великий страх. Я сказал: «Пока не было необходимости, я не требовал с тебя ни табуна лошадей, ни единого харвара (т.е. мера веса в триста килограмм, вьюк одного осла) золота. Единственное, что я попросил, так это несколько бутылок с лимонным соком, чтобы излечиться от болезни, и если бы я попросил об этом мелкого торговца-разносчика, он бы исполнил мою просьбу, ибо она не была обременительной. Тогда, как ты, низкий человек, не прислал мне несколько несчастных бутылок лимонного сока, более того в своем послании ты нанес мне оскорбление, и теперь, готовь себя к тому, что ты заслужил.» Султан Мансур спросил: «О, Амир Тимур, теперь, когда ты одержал победу, как ты намерен поступить со мной?» Я ответил: «Я казню тебя и истреблю весь твой род.» Султан Мансур спросил: «А причем здесь мой род?» Я сказал: «Я не хочу, чтобы сохранился род человека, нанесшего мне оскорбление.» Султан Мансур сказал: «О, Амир Тимур, если ты сохранишь мою жизнь и не тронешь моего рода, я выдам за тебя свою дочь.» Я сказал: «Если бы мне была нужна твоя дочь, она и так была бы моей, и мне не нужно твое согласие на то. А я не такой человек, чтобы ради женщины отказываться от принятых решений. Возможно в мои юные годы женщинам и удавалось заставить меня отказываться от намеченного, но в нынешнем своем возрасте я в состоянии совладать со своими страстями, в противном случае я бы не одержал победу над тобой.»

Султан Мансур ответил: «Этого еще не произошло. Я велел градоправителю Ширази оказывать тебе сопротивление.» Я ответил: «Когда он увидит тебя

посреди моего войска в положении пленника, то поймет, что всякое сопротивление бесполезно, особенно, если он так же ненавидит тебя, как остальные твои приближенные. И потому, он будет только рад открыть ворота города и встретить меня как подобает.»

Поскольку существовала вероятность, что подоспеет войско, в свое время направленное султаном Мансуром к Арджанскому лесу, я решил вступить в Шираз в тот же день. Едва перевалило за полдень, когда битва полностью завершилась, та часть его войска, что бежала, скрылась в неизвестном направлении, другая – попала к нам в плен, вместе с ним в наши руки попали несколько сыновей Мансура Музаффары. Я велел Фаттах-беку вступить в Шираз с востока, а сыну своему Миран-Шаху велел идти на город с юга. Сам я также двинулся, чтобы вступить в город с юга, ведя с собою Мансура Музаффары. Мои военачальники знали, что в случае сопротивления все жители Ширази должны быть вырезаны.

Ко времени вечерней молитвы я подошел к Ширазу и увидел, что городские ворота закрыты, на городской стене виднелись какие-то люди. Я велел глашатаю прокричать, чтобы градоуправитель Ширази взойшел на городскую стену для разговора со мной. Глашатай прокричал, градоправитель появился на стене и я, убедившись в том, что он действительно градоправитель, сказал ему: «Султан Мансур мною разбит. Военачальники бросили его и бежали. Войско уничтожено, сам же Мансур Музаффары – мой пленник.» При этом я показал градоправителю плененного султана, тот узнал его.

Далее я добавил: «Дальнейшее сопротивление, попытка удержать город для тебя бесполезны, поскольку я знаю, что в городе нет войска, а без него тебе не выстоять. Если ты намерен биться, то без войска ты не выдержишь и двух дней. Взяв город, я казню тебя, а всех жителей вырежу. Все имущество ширазицев, вместе с их женщинами достанутся моему войску. Но если ты по доброму откроешь мне ворота, жизни, имущество и женщины жителей Ширази останутся неприкосновенными. Никто не станет посягать на вас, ибо я пришел не для того, чтобы воевать с ширазицами, разорять и разрушать их город. Я с юности любил читать стихи ширазских поэтов, сам являясь ученым, питаю уважение к ученым мужам Ширази и не желаю причинять им никакого вреда. Я привел свое войско в Фарс с единственной целью – наказать вашего правителя и одержав над ним победу, я пленил его. И если по-доброму откроешь ворота, я здесь не задержусь надолго и после того, как войско мое отдохнет, уйду из Ширази.»

Градоправитель ответил, что сейчас же откроет ворота и сам выйдет встречать меня. Моя догадка оказалась верной и градоправитель, поняв, что султан

Мансур Музаффари мой пленник и исчезла всякая надежда на его дальнейшую власть, сдался. Все городские ворота были распахнуты и градоправитель неся в руках большую книгу вместе с представителями городской знати, которые следовали за ним, вышел встречать меня и громким голосом пропел следующие стихи:

«Равоки манзар-э чашми ман ошиеннэе туст
карам намо ва фуруд о ки хона хонаи туст.»
(Мой чистый взор гостеприимно распахнут для тебя
Прояви великодушие, снизойти ибо дом этот – твой дом)

Я спросил: «Разве это не стихи Шамсуддина Хафиза.» Он ответил: «Конечно, о эмир!» и затем оглядев мои железные доспехи, спросил: «О, эмир, неужто ты ранен, ибо с ног до головы ты забрызган кровью?» Я ответил: «Это кровь поля битвы, засохшая на моих досрехах, но сам я не ранен.»

Градоправитель Ширази указывал на книгу, что держал в руках, сказал: «О, эмир, я знаю, что ты добропорядочный мусульманин, и я заклинаю тебя этим Кораном, воздержись от истребления и разорения жителей нашего города.» Я ответил: «Если бы не уважение к Корану, я бы сей миг приказал казнить тебя, ибо ты выразил сомнение в моей верности данному мной слову. Я же сказал тебе, если вы по доброму откроете ворота города, жители города будут неприкосновенны, и никто на них не посягнет. Этого моего обещания было достаточно для тебя и других, и ты должен был понимать, что человек подобный мне обещая не отказывается от обещанного.»

Градоправитель смиренно попросил прощения, и я сказал: «От моего имени, через глашатаев передай жителям, что никто из моих воинов не посягнет на них, и они даже могут держать двери своих жилищ открытыми. И если в эту, завтрашнюю и последующую ночи, пока мы находимся здесь, из ваших домов что-либо будет украдено, можете не сомневаться в том, что это дело рук местных воров, потому что я уверен в своих воинах и когда я велю не посягать на жизни, имущество и женщин того или иного города, сомневаюсь, что кто-то из них посмел поступить иначе, а если поступит так, то будет сурово наказан, а я возьму ущерб, нанесенный пострадавшим.»

После этого я сказал градоправителю: «В этом городе должна иметься большая площадь.» Он ответил: «Да, о эмир, у нас есть большая площадь.» Я сказал: «Скажи, чтобы твои глашатаи возвестили, - всем собраться на этой площади завтра утром, когда солнце поднимется на высоту копья.» Градоправитель спросил: «О, эмир, есть ли необходимость возвестить для чего объявлен сбор на той площади?» Я ответил: «Нет, я сам возведу о причине, когда все соберутся.»

Градоправитель молвил: «Слушаю и повинуюсь. Я велю глашатаям возвестить, чтобы жители наутро собрались на площади.» Затем добавил: «Дворец правителя готов к твоему приему и ты можешь отдохнуть в нем сегодняшнюю ночь.» Я ответил: «Я не стану располагаться в дворце и у меня сегодняшней ночью нет времени для отдыха.» То, что я сказал было правдой, той ночью я должен был готовить Шираз к обороне от войска, посланного в свое время к Арджанскому лесу султаном Мансуром и полностью забрать у ширазцев власть над их городом.

Я велел разоружить всех воинов градоправителя Ширази и назначил своего сына Миран-Шаха ответственным за его безопасность, а если потребуется, то и за его оборону. На посты у ворот встали мои воины, поставил я их и на городской стене, а градоправитель был уполномочен мною вершить обычные городские дела под начальством моего сына. До захода солнца сам я с отрядом Фаттах-бека вышел за пределы города, чтобы провести ту ночь в степи. Несмотря на усталость моего войска, я отрядил два разведочных дозора, ближний и дальний, чтобы вражеское войско, в случае его возвращения из Арджанского леса в Шираз, не застало меня врасплох.

Я предполагал, что после поражения, понесенного султаном Мансуром, войско, что было у Арджанского леса, вряд ли будет обладать достаточно высоким боевым духом для сражения со мной. Тем не менее, как обычно, я проявлял осторожность, я подготовился к возможному сражению. В ту ночь я не ночевал в Ширазе, чтобы не быть стесненным, иметь пространство для маневра. Если бы я ночевал в Дар-уль-Хукме (дворце правителя) Ширази, меня можно было бы взять в окружение или совершить на меня покушение. Ночуя же в своем лагере, я не боялся возможных покушений.

В ту ночь до утра не произошло каких-либо значительных событий, и я недоумевал, пытаюсь догадаться об образе мыслей командующего войском, что было у Арджанского леса, поскольку его стоянка там была бы бессмысленной, он должен был понимать, что после того, как я промчался мимо него в направлении Ширази, он не должен был далее оставаться на том месте.

Забрезжил рассвет, я поднялся как обычно, прочитал намаз. Оставив Фаттах-бека командовать лагерем и захватив с собой султана Мансура Музаффари, которого в ту ночь мы продержали под охраной в своем лагере, я отправился в город.

Большая городская площадь была полна народу, мои воины были расставлены в различных ее местах, они не пускали людей к середине площади, где за предыдущую ночь сколотили из бревен и досок высокий помост, на который

вывели султана Мансура Музаффари вместе с одиннадцатью принцами его династии, все они были закованы в цепи. Присутствовали двое палачей и прежде чем совершилась казнь султана Мансура и остальных его родичей, глашатай возвестил громким голосом всем собравшимся жителям Шираза: «О жители Шираза! Некоторое время назад Амир Тимур Гураган заболел находясь в Хорасане и лекари рекомендовали ему для излечения употреблять лимонный сок из Фарса. Амир Тимур направил дружественное послание султану Мансуру Музаффари с просьбой прислать ему немного лимонного сока. Однако, правитель Фарса направил Амиру Тимуру ответ, коорый от начала и до конца был оскорбительным по своему содержанию. Теперь я зачитаю для вас то послание правителя Фарса (глашатай зачитал то послание). Амир Тимур двинулся походом на Фарс с единственной целью – наказать этого человека и теперь вы своими глазами увидите как свершится это воздаяние.» Глашатай умолк, вознеся вопль султана Мансура: «О Амир Тимур, я совершил плохой поступок, прости же меня!» Я ответил: «Я не прощу тебя, потому что с того самого дня, когда я получил то твое послание и до вчерашнего, когда я нанес тебе поражение в бою, все это время меня лихорадило от гнева, вызванного твоими оскорблениями, все было слишком серьезно, чтобы я мог простить тебя. Многие ночи, вспоминая высказанные тобой оскорбления, я не мог уснуть, вновь и вновь повторял я клятву о том, что когда я схвачу тебя, я так истреблю твой род, чтобы никогда ни в Фарсе, ни где либо еще не правили его представители, и сегодня настал день осуществления той клятвы! Если бы я высказал в твой адрес такие оскорбления и ты бы схватил меня, ты посадил бы меня в железную клетку и под той клеткой разжег бы большой костер, чтобы сжечь меня живым или велел бы содрать с меня живого кожу или рассечь на куски. Но я не собираюсь подвергать тебя ни одной из казней подобного рода, всего лишь прикажу отсечь твою голову.» Сказав это, я подал знак палачам, чтобы те его обезглавили. Султан Мансур завопил: «О Амир Тимур, если я оскорбил тебя и тем самым заслужил смертную казнь, другие, которых ты схватил – невиновны, они не наносили тебе оскорблений, воздержись же от их казни!» Я ответил: «Когда убивают змею, то должны убивать и ее змеенышей, иначе в один прекрасный день они станут большими змеями. Я не боюсь змеиного жала, но я поклялся истребить весь твой род, чтобы не оставалось ни одного правителя из числа отпрысков твоей династии, потому что не могу допустить царствования ни одного из родичей человека, нанесшего мне оскорбление!»

После этого, палачи приступили к делу, вначале они обезглавили султана Мансура Музаффари, затем та же участь постигла и одиннадцать остальных его, уже упомянутых ранее, родичей. Я видел и слышал как народ во время казни султана Мансура и остальных, выражал свою радость и понимал, что народ, как и военачальники, питал недовольство в отношении своего бывшего правителя.

Отсеченные головы выставили на самом верху городских ворот, а тела свезли на кладбище и погребли.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

После падения Шираза

Вечером того же дня я пригласил к себе летописца Низамуддина и сказал: «Я обещал тебе, что после взятия Шираза, ты получишь десять молоденьких девушек из того города. Ты же ответил, что уже немолод и десятерых для тебя будет многовато, в таком случае скажи, скольких же ты хотел бы получить?» Низамуддин ответил: «О, эмир, одной мне было бы достаточно. Но ведь ты помиловал жителей Шираза, как же ты сумеешь подарить мне уроженку этого города?» Я ответил: «Я куплю для тебя девушку,» и велел градоправителю огласить для ширазцев, что я желаю купить молодую, красивую, черноглазую девушку-ширазку для одного из своих приближенных, и всякий, кто желает продать такую девушку, может получить две тысячи золотых динаров. Для этого те, кто желал бы продать такую молодую девушку должны привести ее в резиденцию градоначальника (Дарь-уль-Хукме). Выбор одной из них состоится в закрытом порядке и будет зависеть от вкусов человека, для которого девушка предназначена.

Утром следующего дня в Дар-уль Хукмэ собралось несколько горожан предлагавших девушек для продажи. Я сказал Низамуддину: «Ступай туда и выбери ту, что тебе нравится.» Он сходил, выбрал понравившуюся ему, затем я велел оплатить ее стоимость. После того случая, всякий раз, когда возникал повод для бесед на интимные темы, Низамуддин говорил: «О эмир, если желаешь получить от своей жизни истинное наслаждение, ты должен находиться в постели с ширазкой, потому что в мире не найдешь более ласковых прелестниц, чем они».

Тем не менее искушения, о которых говорил Низамеддин, меня не прельщали, я так и не испытал прелести от близости с ширазкой. Я твердо решил искоренить весь род Музаффаридов и не допустить, чтобы где-нибудь мог править хоть один ее представитель. Двоим из принцев-музаффаридов удалось бежать, одним из них был султан Яхья Музаффари, второй- султан Мухтасам бен Зейн-уль-Абедин. Вскоре я узнал, что султан Яхья находится в городе Кемшэ. Правителем города был один из местных военачальников, к которому я направил гонца с посланием. В своем послании я написал, что если он хочет сохранить свою голову на плечах, то должен прислать мне султана Яхья Музаффари, взамен чего получит вознаграждение.

Однажды мне передали, что пришел некий, запыленный после долгого пути человек, назвавший себя градоначальником Кемшэ эмиром Абд-уль-Баки, который просит принять его. Я приказал ввести того человека, когда он вошел, я увидел, что весь он настолько покрыт пылью, что трудно различить черты его лица. Через плечо у него был перекинут хурджин, из него он вынул

человеческую голову и положив ее предо мной, сказал: «О великий эмир! Вот голова, которую ты требовал. Выехав из Кемшэ, я загнал насмерть семь лошадей, чтобы как можно скорее доставить тебе эту голову, прежде, чем она разложиться и будет неузнаваема.»

Я пригласил градоправителя Шираза вместе с представителями местной знати и спросил у них, чья это голова. Некоторые из них сказали, что узнают голову султана Яхья Музаффари. Отпустив их, я спросил эмира Абд-уль-Баки: «Как тебе удалось убить его?» Он ответил: «О великий эмир! Получив твое письмо, я понял, что для сохранения собственной жизни у меня нет иного выбора, кроме убийства султана Яхья Музаффара. Я пригласил его на трапезу, и когда он принимал пищу сидя за дастарханом, мои люди внезапно напали на него и убили, нанеся несколько ударов саблями и кинжалами в спину и грудь. В тот же миг, не теряя времени, я отсек его голову, положил ее в этот хурджин, пустился в путь и пройдя без промедления сорок четыре фарсанга, что отделяют Кемшэ от Шираза, представил ту голову пред твои очи.»

Я спросил: «Ты убил султана Яхья Музаффари именно в тот момент, когда он сидел за суфрэ (т.е. дастарханом) и ел?» Эмир Абд-уль-Баки ответил: «Да, о великий эмир, ибо не было у меня другой возможности и, если бы мы не напали на него и не убили его именно в тот момент, мы бы не сумели справиться с ним при других обстоятельствах.» Я сказал: «Я не убиваю своих врагов, когда они сидят за моим дастарханом и едят мой хлеб.» Эмир Абд-уль-Баки ответил: «О великий эмир, неужто ты считаешь меня виновным? Меня, покорно исполнившего твое повеление и поспешившего донести тебе об этом?» Я сказал: «Нет, ты не виноват предо мною, но мне не понравилось то, как ты убил этого человека.» Затем я велел уплатить ему пять тысяч золотых динаров. Обрадованный Абд-уль-Баки уложил мешочки с золотом в свой хурджин, с натугой поднял его и хотел удалиться. Я остановил его, сказав: «Так же унеси с собой эту голову.» Правитель Кемшэ, изумленный переспросил: «О великий эмир, ты сказал, чтобы я унес эту голову?» Я ответил: «На что может быть пригодной отрезанная голова врага, чтобы я держал ее у себя?» Эмир Абд-уль-Баки уложил в хурджин так-же и голову и согнувшись от тяжести золота и отрубленной головы султана Яхья Музаффари, вышел.

После убийства султана Яхья Музаффари, я думал о султанине Муътасам бен Зейн-уль-Абедине, о том, где же он мог находиться. Мне донесли, что Яхья Музаффари пребывает в стране Шам (сегодняшняя Сирия.- Преводчик), где намерен собрать достаточно войска, с которым он мог бы выступить в Фарс, завоевать его и стать его правителем. Когда мне докладывали о местопребывании султана Муътасама бен султан Зейн -уль-Абедина, я сам находился уже не в Фарсе, а в Мавераннахре.

Я отправил послание падишаху Шама, в котором рекомендовал воздержаться от оказания какого-либо содействия султану Муътасаму бен султан Зейн-уль-Абедину, вместо этого, схватить его и отправить в Мавераннахр в сопровождении охраны. Падиших Шама прислал ответ, в котором говорилось: «Видно ты чрезмерно задрал нос от гордости, ибо если бы это было не так, то бы знал свои границы и не давал указаний падишаху, подобному мне. Султан Муътасам нашел свое прибежище у меня, и я не откажу ему в любой помощи, которую он может попросить.» Получив такой ответ, я в тот же миг вознамерился было вести войско в Шам, но еще до получения того послания, я планировал идти походом на Индию, желая своими глазами увидеть страну, где, как мне говорили, драгоценности валяются под ногами, подобно простым камням. В конце-концов султан Муътасам бен султан Зейн-уль-Абедин погиб в бою с одним из моих полководцев. Отрезав его голову, её отправили мне и, со смертью султана Муътасама династия Музаффаридов окончательно прекратила свое существование. И до сегодняшнего дня, когда я перелистываю эти страницы, она так и не возродилась вновь, ибо я уничтожил не только всех принцев-музаффаридов, но и завладел всеми их богатствами для того, чтобы в будущем никто из того семейства не сумел собрать войско и притязать на престол.

Устроив все дела в Ширазе должным образом, я постарался встретиться с учеными мужами того города и сказал, чтобы они собрались в мечети Умара бен Лайса Саффари, как я уже упоминал, он построил ту мечеть в 285 году хиджры. До беседы мои слуги угостили ученых мужей шербетом, после чего я спросил Шейха Бахауддина Ардестани, считавшегося самым выдающимся среди тамошних ученых мужей: «Во время ритуального омовения следует совершать «масх» (т.е. смачивание руками лба и ног) или же омыть ноги?» Шейх Бахауддин Ардестани ответил: «Ноги следует омыwać.» *(Пояснение-писатель излагает слова Тимурленга, переводчик же так же передает их в том виде, в каком они изложены, и то, что вы читаете, не является отображением точки зрения писателя или переводчика. Сам переводчик являясь шиитом-приверженцем двенадцати имамов, следует преписаниям шиитского учения-Переводчик).* Я спросил: «Для чего следует омыwać ноги?» Ответом было: «Потому, что так предписал Господь.» Я спросил: «Почему Господь дал такое предписание?» Шейх Бахауддин ответил: «Чтобы была соблюдена чистота.» Я спросил: «В каком из аятов Корана изложено это предписание?» Шейх Бахауддин не сумел ответить на тот вопрос.

Один из присутствовавших ученых мужей сказал: «О эмир, дозвожь мне ответить на твой вопрос.» Я сказал: «Я не тебе задал этот вопрос.» Шейх Бахауддин сказал: «Я знаю, что в аятах Корана изложены предписания, касающиеся ритуального омовения, но не помню точно в каких.» Я сказал: «Ты - ученый муж, считающийся духовным главой мусульман Шираз, как же это ты не помнишь, какие аяты содержат предписания о ритуальном

омовении? Не помнить, в каких аятах содержатся слова о ритуальном омовении для тебя, являющегося ученым мужем и духовным главой, было бы равносильно тому, что доблестный воин в день битвы, отправившись на поле сражения, забывает прихватить с собою свой меч.» Тогда я прочитал шейху Бахауддину аяты о ритуальном омовении, содержащиеся в сурах «Маъэдэ» («Трапеза» сура 5) и «Несаъ» («Жёны» сура 4) и спросил его, понимает ли он смысл тех аятов, или мне необходимо перевести их смысл для него.

Он ответил, что смысл тех аятов ему понятен. Затем я обратился к другому ученому мужу по имени Хадж Муса Чах Кутахи: «Утренний намаз, согласно веры исламской, обладает особым преимуществом. Скажи мне, на каком основании утренний намаз обладает тем особым преимуществом?» Хадж Муса Чах Кутахи ответил: «Основанием того особого преимущества считается то, что утренний намаз предваряет начало дня.» Я спросил: «Каким образом канонизировано это?» Хадж Муса Чах Кутахи не смог ответить на тот вопрос. Я спросил: «Есть среди вас тот, кто мог бы сказать, каким образом канонизировано особое преимущество (фазилат-э хасс) утреннего намаза?» Некий безбородый человек сказал: «О эмир, я могу ответить.» Я сказал ему: «Говори.»

Он сказал: «О эмир, утренний намаз потому наделен особым преимуществом, что Аллах в суре «Бани-йе Исраиль» («Сыны Израилевы» сура 17) упоминает о нем как «Коран-уль-Фаджр» (утренний Коран). Именно под таким определением «Коран-уль-Фаджр» (утренний Коран) подразумевается утренний намаз. Все исламские богословы единодушно считают, что Коран в этом аяте подразумевается как намаз, на этом основании Господь назвал намаз Кораном, чтобы довести до сознания мусульман его особое место в исламской религии, чтобы они поняли, что утренний намаз обладает тем же значением, что весь Коран в целом. Поэтому мы, мусульмане, считаем намаз основой религии, но Господь среди всех намазов назвал Кораном именно утренний намаз, назвав его «Коран-уль-Фаджр», именно поэтому, утренний намаз для нас, мусульман, обладает преимущественным значением перед всеми остальными намазами, хотя конечно, все другие намазы так же обязательны и обладают присущими им достоинствами.»

Я сказал: «Хвала тебе, о ученый муж. Встань, оставь то место где сидел, подойди и сядь рядом со мною. Ибо место мужа подобного тебе - во главе собрания, рядом со мной.» Тот человек встал, приблизился ко мне, и я усадил его рядом с собой. В тот миг я заметил, что облачен он в довольно скромную, поношенную одежду, я спросил: «Как зовут тебя?» Он ответил: «Шейх Хасан-бен-Курбат.» Я спросил: «Каковы твои средства к существованию?» Он ответил: «О эмир, я стеснен в таких средствах.» Я велел пожаловать ему тысячу золотых динаров, чтобы он впредь меньше беспокоился о средствах к существованию.

Шейх-Хасан-бен-Курбат поблагодарил меня. Затем, приблизив лицо к моему уху, сказал тихо: «О эмир, не вводи далее в смущение присутствующих здесь. Большинство из них имеют различные привилегии от веры лишь в виде одежд и внешнего облика, они не ведают ее сути, некоторые из них и вовсе не знают даже арабского языка, между тем, как священнослужитель должен знать его, чтобы понимать содержание аятов Корана.»

Я сказал: «Созывая это собрание, я не имел ввиду посрамить ученых мужей Ширази, наоборот, мне хотелось воспользоваться их знаниями и услышать от них то, чего доньше не слышал от других.»

Шейх Хасан бен Курбат тихо молвил: «О эмир, в Ширазе есть настоящие ученые, но они живут в уединении и придерживаются мистического учения, тогда как ученые мужи Ширази считают их нечестивыми, потому что те говорят в своих стихах о вине, кабаке, возлюбленной, бубне и чанге, а ученые мужи Ширази не ведают о глубинах «ирфан» (т.е., мистики, тайных знаний) и считают тех пьяницами и развратниками. Между тем, в мистическом учении понятия: вино, кабак, бубен и чанг и т. д. наделены особым смыслом, доступным только «арефам» (т.е. арефы - приверженцам мистицизма), тогда как не вступившие на путь «эрфана» » (т.е. мистицизма), не в состоянии постичь смысла тех понятий. И если ты, о эмир желаешь узнать что-то новое, чего не слышал от других, пригласи к себе приверженцев «эрфана» » (т.е. мистицизма), живущих в Ширазе и побеседуй с ними.» Я ответил: «Принимаю твой совет и обязательно воспользуюсь встречей с арефами.»

Я принял совет шейха Хасана бен Курбата и собрал в своей резиденции некоторых из арефов Ширази, ибо шейх посоветовал, что лучше будет собрать их в доме, нежели мечети. Нет необходимости в перечислении всех имен тех, кто собрался в моей резиденции, наиболее знаменитыми среди них считались: Закария Фарси, известный под псевдонимом «Вамер», Сабахуддин Сумбули, известный как «Ареф» и Шамсуддин Мухаммад Ширази, знаменитый как «Хафиз». *(Переводчик знаком с двумя легендами о встрече Тимурленга с Хафизом, согласно одной из которых, такая встреча действительно имела место, другая же это отрицает, поясняя, что ко времени взятия Тимурленгом Ширази, Хафиз уже покинул этот бренный мир. Однако, исходя из приведенного здесь автором факта о том, что сам Тимурленг упоминает имя Хафиза среди собравшихся на его меджлисе, следует, видимо, принять то, что такая встреча действительно имела место - Переводчик).*

Из участников того меджлиса я читал стихи лишь одного из присутствовавших, а именно - Шамсуддина Мухаммада Ширази, известного как Хафиз, об остальных же я не знал даже понаслышке. Шамсуддин Мухаммад Ширази, «Хафиз», к тому времени был стар, стан его был

согнутым, а глаза-потускневшими. Я тоже состарился к настоящему времени, однако сил своих еще не утратил, ибо объявил покой запретным для себя. Человек, желающий быть сильным, не должен ведать покоя, который разрушает и физическую плоть и душу. После того, как все отведали яств, я спросил Закарию Фарси, известного под псевдонимом «Вамег»: «Ты - мусульманин?» Он ответил: «Да, я мусульманин.»

Я спросил: «Поскольку ты мусульманин, в таком случае ты должен быть согласным с тем, что как принципы так и частные постановления ислама должны быть глубоко почитаемы и неизменно исполнимы, не так ли?» Закария Фарси ответил: «Да, я убежден в том, что это так.» Затем я спросил: « В таком случае, почему вы, арефы (т.е. последователи мистицизма), среди которых можно видеть и таких мусульман, как ты, считаете, что намаз, совершаемые в сторону Каабы и поклонение в сторону капища идолов - это суть одно и то же, что между тем и другим нет никакой разницы?» Закария Фарси ответил: «О эмир, не говоря о том, что Кааба вначале была местом, где поклонялись идолам, и только впоследствии превратилась в Каабу и Кыблу мусульман, мы, же, арефы, всякий раз говоря «храм идолопоклонников», имеем ввиду место, где обитает сам Бог. «Идол» в нашем понятии - это Бог, и «капище идолов» для нас означает «обитель Бога». Поскольку Бог не находится в одном определенном месте, а пребывает повсюду, то куда бы ты не обратил свое лицо, можешь считать, что твой лик обращен к Богу, и потому, всякое место может считаться обителью идолов.»

Я сказал: «Хвала тебе, о Вамег, ибо ты хорошо сказал, что Бог находится повсюду и нет у него какого-то постоянного места. Однако Бог повелел, чтобы мусульмане, совершая намаз, обращали свой лик в сторону Каабы, и согласно этого предписания запрещается молиться, обращаясь в сторону капища идолов.» Закария Фарси сказал: «О эмир, разреши мне разъяснить.» Я сказал: «Разъясняй.» Закария Фарси сказал следующее: «Если человек совершает деяния, дозволяемые и одобряемые шариатом, он не совершит ничего дурного и запретного, при условии, что при этом не пренебрегает и неукоснительно исполняет то, что является обязательным, «ваджеб» (т.е. неукоснительным предписанием). Ареф же восстает против неукоснительного предписания, требующего, чтобы намаз совершали обязательно обратившись лицом к Каабе. Совершая ежедневно пятикратный намаз обратившись лицом к Каабе, ареф помимо этого ещё и славит имя Господа, обращая свой лик к востоку и западу, северу и югу, и такое действие не противоречит исламу. О эмир, пятикратный намаз - это наименьшее из всего того, что обязательно должен совершать добропорядочный мусульманин и, если не станешь придирается, то я бы сравнил его с пищей, что необходима для грудного младенца. Грудной младенец не в состоянии усвоить какую-либо другую пищу, кроме молока. Исходя из того, должен ли ставший вполне взрослым человек продолжать довольствоваться употреблением одного лишь молока? Конечно нет. При